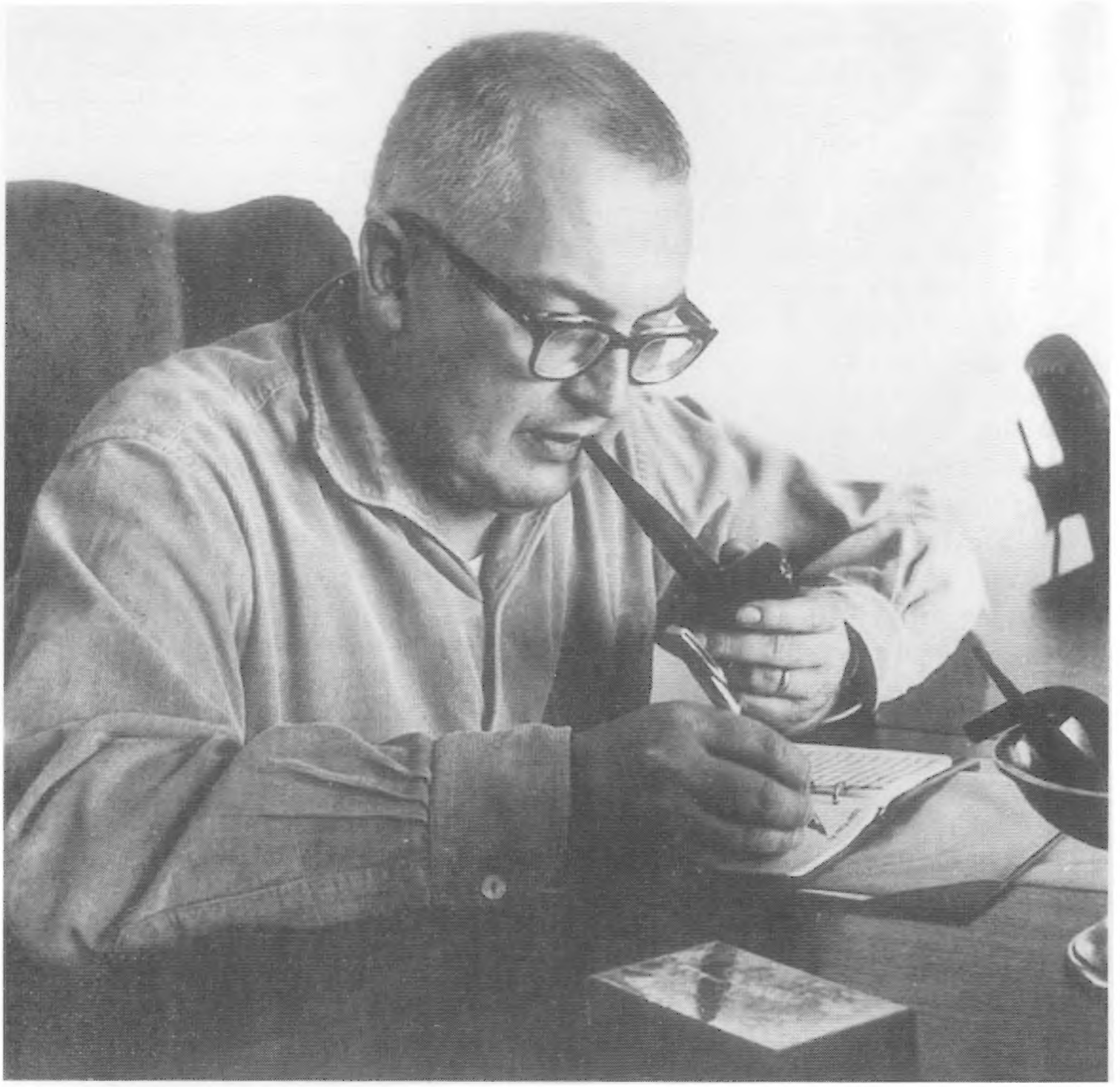
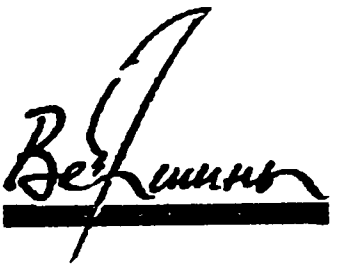
Фридрих

Дюрренматт



© Copyright by Philipp Keel, Zürich



Friedrich Dürrenmatt

GESAMMELTE WERKE

Фридрих Дюрренматт

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ В ПЯТИ ТОМАХ

4

ПЬЕСЫ И РАДИОПЬЕСЫ

Перевод с немецкого

Харьков «Фолио»
Москва АО Издательская группа «Прогресс»
1998

ББК 84.4Ш
Д97

Серия «Вершины»
основана в 1995 году

Составитель
Е. А. Кацева

Комментарии
В. Д. Седельника

Художники
М. Е. Квитка, О. Л. Квитка

Редактор
Л. Н. Павлова

В оформлении издания использованы
живопись и графика автора
© Copyright 1978 by Diogenes Verlag AG, Zürich
© Copyright 1994 by Friedrich Dürrenmatt Stiftung, Zürich

All rights reserved
Copyright © 1986 by Diogenes Verlag AG, Zürich.

Данное издание осуществлено при поддержке
фонда «PRO HELVETIA»
и центра «Echanges Culturels Est–Ouest» г. Цюрих,
а также при содействии
Посольства Швейцарии в Украине

Д $\frac{4703010100—027}{98}$ Без объявл.

© Составление, комментарии, перевод на русский язык произведений, кроме отмеченных в содержании *, АО «Издательская группа "Прогресс"», издательство «Фолио», 1998
© М. Е. Квитка, О. Л. Квитка, художественное оформление, 1998
© Издательство «Фолио», издание на русском языке, марка серии «Вершины», 1997

ISBN 966-03-0107-3 (т. 4)
ISBN 966-03-0103-0

ISBN 5-01-004569-9 (т. 4)
ISBN 5-01-004571-0

Ромул Великий

Romulus der Grosse

Действующие лица

Ромул Августул — император Западной Римской империи
Юлия — его жена
Рея — его дочь
Зенон Исаврийский — император Восточной Римской империи
Эмилиан — римский патриций
Марес — военный министр
Тулий Ротунд — министр внутренних дел
Спурий Тит Мамма — префект кавалерии
Ахилл — камердинер
Пирам — камердинер
Аполлион — антиквар
Цезарь Рупф — предприниматель
Филакс — актер
Одоакр — князь германцев
Теодорих — его племянник
Фосфорид — камергер
Сульфурид — камергер
Повар, слуги, германцы

Время действия: с утра 15 до утра 16 марта 476 года от Рождества Христова.

Место действия: вилла императора Ромула в Кампанье.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Ранним мартовским утром четыреста семьдесят шестого года префект Спурий Тит Мамма добрался, загнав коня, до летней резиденции императора в Кампанье, где его величество проживает и в зимнее время. Весь в грязи, с окровавленной повязкой на левой руке, он с трудом спешился и тут же споткнулся, спугнув при этом неисчислимое скопище раскудахтавшихся кур; никого не обнаружив, он поспешил в дом и добрался наконец до кабинета императора. Сперва ему показалось, что здесь пусто и все заброшено. Лишь несколько шатких, полуразвалившихся кресел да по стенам бюсты государственных деятелей, мыслителей и поэтов, принадлежащих истории Рима. Все они с не в меру серьезными лицами.

Спурий Тит Мамма. Эй! Эй!

Ответа нет. Наконец он заметил на заднем плане, по обе стороны двери, застывших, словно статуи, престарелых камердинеров Пирама и Ахилла, служащих у императора с незапамятных времен. Пораженный их почтенным видом, префект уставился на них и совсем оробел.

Эй!

Пирам. Потише, молодой человек!

Спурий Тит Мамма. Наконец-то! А я уж решил, что все тут повымерли. Устал я, как пес. (*Тяжело дыша, опускается в кресло.*)

Ахилл. А вы кто будете?

Спурий Тит Мамма. Спурий Тит Мамма, префект кавалерии.

Пирам. Что же вам угодно?

Спурий Тит Мамма. Я должен видеть императора.

Ахилл. Вы просили об аудиенции?

Спурий Тит Мамма. Сейчас не до формальностей. У меня срочное донесение.

Пирам. Спурий Тит Мамма, при дворе римского императора не бывает ничего срочного.

Взбешенный префект вскакивает.

Спурий Тит Мамма. Донесение из Павии. Худые вести от императорского полководца Ореста.

Камердинеры переглядываются.

Пирам. Худые вести из Павии.

Ахилл качает головой.

Ахилл. Слишком уж Павия ничтожный городок, чтобы вести оттуда могли быть по-настоящему худыми.

Спурий Тит Мамма. Великая Римская империя рушится! (*Спокойствие обоих камердинеров выводит его из равновесия.*)

Пирам. Этого не может быть.

Ахилл. Такое громадное учреждение, как Римская империя, не может рухнуть целиком.

Спурий Тит Мамма. Приближаются германцы!

Ахилл. Спурий Тит Мамма, они приближаются уже пятьсот лет.

Префект хватает Ахилла и трясет его как трухлявое дерево.

Спурий Тит Мамма. Долг патриота велит мне повидать императора. И немедленно!

Ахилл. Нам не надо патриотизма, который противоречит общепринятым нормам поведения.

Спурий Тит Мамма. О Боже! (*Растерявшись, отпускает Ахилла.*)

Пирам (*успокаивая его*). Позвольте, молодой человек, дать вам совет. Если вы меня послушаетесь, мигом добьетесь своего. Сходите к обер-гофмейстеру. У него прием через два часа. Ровно в десять. Зарегистрируйтесь как приезжий и сразу исхлопочите у министра внутренних дел разрешение сообщить двору важную новость. И в течение ближайших дней вы, вероятно, сумеете, и может быть даже лично, передать ваше сообщение императору.

Префект совсем растерялся.

Спурий Тит Мамма. К обер-гофмейстеру?..

Пирам. Справа за углом, третья дверь налево.

Спурий Тит Мамма. К министру внутренних дел?

Пирам. Седьмая дверь направо.

Спурий Тит Мамма (*все еще в растерянности*). Стало быть, в течение ближайших дней...

Ахилл. В течение ближайших недель.

Спурий Тит Мамма. Несчастный Рим! Ты погибаешь из-за двух лакеев! (*В отчаянии убегает налево.*)

Оба камердинера опять застывают, как изваяния.

Ахилл. Я принужден с прискорбием отметить, что нравы в нашу эпоху падают все сильнее.

Пирам. Кто недооценивает нас, роет могилу Риму.

В дверях между камердинерами появляется император Ромул Августул. На нем пурпурная тога, на голове золотой лавровый венок. Его величеству за пятьдесят, он спокоен, благодушен и все понимает.

Пирам и Ахилл. Salve, Цезарь!

Ромул. Salve. Сегодня что, Мартовские Иды*?

Ахилл. Так точно, государь, Мартовские Иды. (*Кланяется.*)

Ромул. Исторический день! По закону сегодня положено награждать чиновников и вообще всех государственных служащих. Пережиток давнего суеверия. Надеялись предотвратить покушение на императора. Позовите министра финансов!

Ахилл. Министр финансов сбежал, ваше величество!

Ромул. Сбежал?

Пирам. Вместе с государственной казной, государь.

Ромул. Зачем? Ведь казна пуста.

Ахилл. Надеется, что его побег прикроет полное финансовое банкротство государства.

Ромул. Он не дурак! Кто хочет избежать большого скандала, нарочно устраивает маленький. Присваиваю ему звание «Спаситель отечества». А где он теперь?

Ахилл. Нанялся в одну экспортную виноторговую фирму в Сиракузах.

Ромул. Надеюсь, такой усердный работник сумеет в частной торговле оправиться от убытков, которые принесла ему государственная служба. Возьмите! (*Снимает с головы лавровый венок, отламывает два листка и вручает обоим камердинерам.*) Возьмите по золотому лавровому листу и обменяйте их на деньги. Только верните все, что останется сверх вашего жалованья. Мне из этих денег надо еще заплатить повару, первому человеку империи.

Пирам и Ахилл. Будет сделано, ваше величество!

Ромул. Когда я садился на престол, в этом золотом венке, символизирующем императорскую власть, было тридцать

шесть листков, а сейчас только пять. (*Задумчиво разглядывает венок и снова надевает его.*) Подайте утреннюю трапезу!

Пирам. Завтрак?

Ромул. Утреннюю трапезу. У себя в доме я пока устанавливаю, что такое классическая латынь.

Пирам вносит столик, на котором приготовлен завтрак. На столе ветчина, хлеб, спаржевая настойка, чашка с молоком и яйцо в рюмке. Ахилл приносит стул.

(*Садится, разбивает яйцо.*) Август* ничего не снес?

Пирам. Ничего, сударь.

Ромул. А Тиберий?*

Пирам. Юлии ничего не кладут.

Ромул. А Флавии?

Пирам. Домициан* снес. Но ведь ваше величество не желает есть его яйца.

Ромул. Домициан был скверным императором. Пускай несется сколько угодно, я его яиц есть не стану.

Пирам. Как прикажете, государь.

Его величество доедает яйцо.

Ромул. А это чье яйцо?

Пирам. Как всегда, Марка Аврелия*.

Ромул. Вот это приличная несушка. Остальные императоры ничего не стоят. А еще кто-нибудь несется?

Пирам. Одоакр*. (*Несколько смущен.*)

Ромул. Смотри-ка!

Пирам. Два яйца.

Ромул. Здорово! А как мой полководец Орест, которому надлежит одолеть этого германца?

Пирам. Ничего.

Ромул. Ничего. Ну, я на его счет не очень и обольщался. Хорошо бы нафаршировать его каштанами и подать нынче к ужину.

Пирам. Будет исполнено, ваше величество.

Его величество ест хлеб с ветчиной.

Ромул. А о курице, носящей мое имя, ты ничего не скажешь?

Пирам. Это самое талантливое и благородное создание из всех, какие у нас есть. Высочайшее достижение римского куроводства.

Ромул. А яйца оно несет, это благородное создание?

Пирам устремляет на Ахилла умоляющий взгляд.

Ахилл. Почти, ваше величество.

Ромул. Почти? Как это понимать? Курица либо несется, либо нет.

Ахилл. Пока еще нет, государь.

Его величество решительно взмахивает рукой.

Ромул. Значит, нет! Что ж, кто ни на что не годен, годен на сковородку. И пускай заодно со мной и Орестом повар поджарит еще Каракаллу*.

Пирам. Ваше величество, Каракаллу и Филиппа Араба* вы ели позавчера со спаржей.

Ромул. Пускай тогда возьмет моего предшественника, Юлия Непота. Он тоже ни черта не стоит. А впредь я желаю, чтобы по утрам мне подавали яйца Одоакра. Мне он симпатичен. Вот у кого выдающийся талант. Раз уж германцы пришли, надо по крайней мере взять лучшее из того, что у них есть.

Слева бледный как смерть вбегает министр внутренних дел Тулий Ротунд.

Тулий Ротунд. Ваше величество!

Ромул. Что тебе, Тулий Ротунд?

Тулий Ротунд. Ужас! Катастрофа!

Ромул. Знаю, мой милый министр внутренних дел, я уже два года не плачу тебе жалованья, и вот сегодня, когда я намеревался это сделать, министр финансов удрал с государственной казной.

Тулий Ротунд. Государь, наше положение такое отчаянное, что о деньгах уже никто не думает.

Его величество пьет молоко.

Ромул. Стало быть, мне опять повезло.

Тулий Ротунд. Префект Спурий Тит Мамма проскакал два дня и две ночи, чтобы доставить вашему величеству вести из Павии.

Ромул. Два дня и две ночи? Ничего себе! За такое выдающееся спортивное достижение стоит посвятить его в рыцари.

Тулий Ротунд. Я сейчас же приведу рыцаря Спурия Тита Мамму к вашему величеству.

Ромул. А он не устал?

Тулий Ротунд. Совсем изнемог — и телом и душой.

Ромул. В таком случае, Тулий Ротунд, проводи его в самую тихую комнату, какая есть в доме. Спортсменам тоже нужен отдых.

Министр внутренних дел озадачен.

Тулий Ротунд. Ваше величество, а как же его донесение?

Ромул. То-то и оно. Самую скверную весть приятно выслушать, когда ее приносит хорошо отдохнувший, чисто вымытый и свежевыбритый человек, особенно если он хорошо поел. Пускай явится завтра.

Тулий Ротунд (*совершенно растерян*). Ваше величество, но он привез весть, которая взорвет мир.

Ромул. Мир взрывают не вести. Его взрывают события, которые мы не властны изменить, ибо, когда мы о них узнаем, они уже свершились. Вести лишь будоражат мир, вот мы и стараемся их по возможности подольше не слышать.

Тулий Ротунд смущенно кланяется и уходит налево.
Пирам подает Ромулу жаркое.

Ахилл. Антиквар Аполлион.

Слева входит антиквар Аполлион, одетый весьма элегантно по-гречески.

Аполлион (*кланяется*). Ваше величество!

Ромул. Мне пришлось дожидаться тебя три недели, антиквар Аполлион.

Аполлион. Простите, ваше величество. Я ездил на аукцион в Александрию.

Ромул. Ты предпочитаешь аукцион в Александрии банкротству Рима?

Аполлион. Дела, ваше величество, дела.

Ромул. Ну и что! А бюсты, которые ты приобрел у меня, тебе разве не по вкусу? В особенности Цицерон — ценная была вещица.

Аполлион. Это, ваше величество, особый случай. Пятьсот слепков удалось разослать по гимназиям — теперь их в германских первобытных лесах уйму понастроили.

Ромул. Господи помилуй, Аполлион, неужто же Германия цивилизуется?

Аполлион. Свет разума не остановишь! Когда германцы будут цивилизованными, они перестанут лезть на Рим.

Его величество режет жаркое.

Ромул. Если германцы придут в Италию или в Галлию, они получат культуру из наших рук, а если останутся в Германии, они создадут культуру своими силами, и это будет ужасно. Так ты возьмешь остальные бюсты или нет?

Антиквар оглядывается.

Аполлион. Надо бы мне их получше разглядеть. На бюсты спроса почти нет, в моде еще только великие боксеры да пышные гетеры. А тут у некоторых, кажется, еще и стиль какой-то сомнительный.

Ромул. Каждый бюст создан в том стиле, какого он заслуживает. Ахилл, подай Аполлиону стремянку.

Ахилл подает антиквару небольшую лесенку, грек влезает на нее и в течение последующих сцен, то стоя на лестнице, то слезая и передвигая ее дальше, разглядывает бюсты. Справа входит императрица Юлия.

Юлия. Ромул!

Ромул. Что, моя дорогая?

Юлия. Хоть бы в такую минуту ты перестал жевать!

Его величество кладет вилку и нож.

Ромул. Пожалуйста, Юлия.

Юлия. Я, Ромул, очень беспокоюсь. Обер-гофмейстер Эбиус намекнул мне, что получены ужасные вести. Я, правда, Эбиусу не слишком доверяю, он ведь германец, его настоящее имя Эби...

Ромул. Эбиус — единственный, кто свободно говорит на всех пяти международных языках — по-латыни, по-гречески, по-еврейски, по-германски и по-китайски. Впрочем, я, признаться, не вижу разницы между германским и китайским. Но, как бы то ни было, Эбиус набрался такой учености, какая римлянину и не снилась.

Юлия. Ты просто германофил, Ромул.

Ромул. Чепуха, я люблю их куда меньше, чем моих кур.

Юлия. Ромул!

Ромул. Пирам, поставь моей жене прибор и принеси первое яйцо Одоакра.

Юлия. Подумал бы о моем больном сердце.

Ромул. Вот поэтому садись и ешь.

Императрица, вздыхая, садится слева к столу.

Юлия. Ты мне скажешь наконец, что за страшная весть пришла сегодня утром?

Ромул. Понятия не имею. Гонец, который ее доставил, спит.

Юлия. Так вели же его разбудить, Ромул!

Ромул. Жена, побереги свое сердце.

Юлия. Как государыня...

Ромул. Как государь я, наверное, последний римский император и уже поэтому занимаю довольно жалкое место во всемирной истории. Так или иначе, я кончу худо. Но в одном я дорожу своей репутацией. Никто не посмеет сказать, что я хоть раз позволил себе зря разбудить человека.

Справа входит принцесса Рея.

Рея. Здравствуй, отец.

Ромул. Здравствуй, дочка.

Рея. Как ты спал?

Ромул. С тех пор как я — император, я всегда хорошо сплю.

Рея садится справа к столу.

Пирам, поставь прибор для принцессы и принеси второе яйцо Одоакра.

Рея. О Боже, Одоакр снес второе яйцо?

Ромул. Этот германец неутомим. Хочешь ветчины?

Рея. Нет.

Ромул. А холодного жаркого?

Рея. Нет.

Ромул. А рыбки?

Рея. Тоже нет.

Ромул. А спаржевой настойки? (*Хмурится.*)

Рея. Нет, отец.

Ромул. С тех пор как ты стала брать у актера Филакса уроки драматического искусства, ты совсем потеряла аппетит. Что же ты репетируешь?

Р е я. Предсмертный плач Антигоны.

Р о м у л. Брось ты эти старомодные трагические вирши! Возьмись-ка за комедию, это нам больше подходит!

Императрица возмущена.

Ю л и я. Ромул, ты же понимаешь, что девушке, у которой жених уже три года томится в германском плену, неприлично играть комедию.

Р о м у л. Успокойся, жена. Кто дышит на ладан, как мы, тот способен понять только комедию.

А х и л л. Военный министр Марес просит разрешения обратиться к вашему величеству. Неотложное дело.

Р о м у л. Не понимаю, почему военный министр вечно является именно тогда, когда я беседую о литературе. Пусть придет после трапезы.

Ю л и я. Ахилл, передай военному министру, что императорское семейство радо его видеть.

Ахилл кланяется и уходит налево. Его величество вытирает рот салфеткой.

Р о м у л. Ты, дорогая жена, опять стала не в меру воинственной.

Военный министр М а р е с входит слева, кланяется.

М а р е с. Ваше величество!

Р о м у л. До чего бледны сегодня мои приближенные! Меня уже министр внутренних дел этим поразил. Что тебе нужно, Марес?

М а р е с. Как министр, ответственный за ход войны с германцами, я вынужден просить ваше величество немедленно принять префекта кавалерии Спурия Тита Мамму.

Р о м у л. Этот рекордсмен все еще не спит?

М а р е с. Солдату не пристало спать, когда он знает, что его император в беде.

Р о м у л. Беззаветная преданность моих офицеров начинает меня обременять!

Императрица встает.

Ю л и я. Ромул!

Р о м у л. Что, Юлия?

Ю л и я. Сию же минуту прими Спурия Тита Мамму!

Пирам что-то шепчет императору.

Р о м у л. Это ни к чему. Пирам только что доложил, что Одоакр снес третье яйцо.

Ю л и я. Ромул, империя рушится, солдаты проливают кровь, а ты все время говоришь только о своих курах.

Р о м у л. После того как гуси спасли Капитолий, для этого есть все основания. Спурий Тит Мамма мне больше не нужен. Германский князь Одоакр взял Павию, это ясно, ибо курица, носящая его имя, снесла три яйца. Такие соответствия необходимы, не то в мире не было бы уже совсем никакого порядка.

Все ошеломлены.

Р е я. Отец!

Ю л и я. Это неправда!

М а р е с. К сожалению, правда, ваше величество. Павия пала. Рим потерпел самое тяжелое поражение за всю свою историю. Префект привез последние слова командующего войсками Ореста, который со всей своей армией попал к германцам в плен.

Р о м у л. Я знаю, что говорят мои полководцы перед тем, как сдаться в плен: «Покуда кровь течет в наших жилах, мы не сдадимся». Все это говорили. Военный министр, прикажи префекту кавалерии лечь наконец спать.

Марес молча кланяется и уходит налево.

Ю л и я. Ты должен что-то сделать, Ромул, ты должен немедленно что-то сделать, не то мы пропали!

Р о м у л. Сегодня после обеда я набросаю обращение к моим солдатам.

Ю л и я. Все твои солдаты до последнего перебежали к германцам.

Р о м у л. В таком случае я произведу Мареса в рейхсмаршалы.

Ю л и я. Твой Марес — набитый дурак.

Р о м у л. Это верно, но где найдешь в наше время разумного человека, который согласится быть военным министром Римской империи? Я велю опубликовать бюллетень о моем здоровье.

Ю л и я. Какой от этого прок?

Р о м у л. Дорогая, чего ты еще от меня хочешь? Достаточно того, что я управляю государством.

Аполлион, который слез с лестницы, подходит к императору и показывает ему бюст.

Аполлион. Ваше величество, за этого Овидия я даю три золотых.

Ромул. Четыре. Овидий был великий поэт.

Юлия. Ромул, кто это?

Ромул. Антиквар Аполлион из Сиракуз, я продаю ему мои бюсты.

Юлия. Кто тебе позволил разбазаривать великих поэтов, мыслителей и государственных деятелей, принадлежащих нашему славному прошлому?

Ромул. У нас распродажа уцененных товаров.

Юлия. Не забывай, что эти бюсты — единственное, что тебе оставил мой отец Валентиниан.

Ромул. Он еще и тебя мне оставил, дорогая.

Рея. Я не могу этого больше вынести! (*Встает.*)

Юлия. Рея!

Рея. Пойду учить монолог Антигоны! (*Уходит направо.*)

Юлия. Видишь, родная дочь перестала тебя понимать!

Ромул. У нее голова забита трагическими ролями.

Аполлион. Три золотых и шесть сестерциев — я, ваше величество, больше не дам.

Ромул. Возьми еще несколько бюстов, и сочтемся сразу.

Аполлион опять влезает на лестницу.
Слева вбегает министр внутренних дел.

Тулий Ротунд. Ваше величество!

Ромул. Ну, что тебе еще, Тулий Ротунд?

Тулий Ротунд. Император Восточной Римской империи Зенон Исаврийский* просит убежища.

Ромул. Зенон Исаврийский? Стало быть, он тоже не чувствует себя уверенно в своем Константинополе?

Тулий Ротунд. Никто уже себя в этом мире не чувствует уверенно.

Ромул. Где же он?

Тулий Ротунд. В прихожей.

Ромул. А его камергеры Сульфурид и Фосфорид тоже здесь?

Тулий Ротунд. Только им и удалось бежать вместе с ним.

Ромул. Если Сульфурид и Фосфорид останутся за дверью, Зенон может войти. Византийские камергеры очень уж строги. Заприте их в птичнике.

Тулий Ротунд. Слушаюсь, государь.

Слева вбегает император Зенон Исаврийский, одетый куда пышнее и элегантнее, чем его западный коллега. Пирам и Ахилл в последнюю минуту оттесняют камергеров Зенона, которые, причитая, протискиваются к двери.

Зенон. Привет тебе, благородный венценосный брат!

Ромул. Привет!

Зенон. Привет тебе, благородная венценосная сестра!

Юлия. Привет тебе, благородный венценосный брат!

Объятия. Зенон становится в позу, предписанную придворным ритуалом восточноримскому императору, просящему убежища.

Зенон. Помощи я прошу, о солнце вселенной...

Ромул. Мой дорогой Зенон, я вовсе не настаиваю, чтобы ты непременно прочел длинные стихи, которые по византийскому церемониалу следует произносить императору, когда он просит убежища.

Зенон. Я не могу обмануть доверие моих камергеров.

Ромул. А я их не впустил.

Зенон. Попросту не впустил?

Ромул. Я велел их запереть в птичнике.

Зенон. Отлично! Раз они меня не видят, я сегодня в порядке исключения не буду пользоваться положенными формулировками. Сил уже нет! С тех пор как я бежал из Константинополя, мне по три раза в день приходилось повторять две тысячи строк «Помощи я прошу» перед разными политическими деятелями. Голос сорвал.

Ромул. Садись.

Зенон. Спасибо. (*С облегчением садится к столу.*) Знаешь, Ромул, когда мои камергеры со мной, я просто тону во всех этих предписаниях и правилах. Я должен как положено двигаться, как положено говорить, как положено есть и пить. Спасенья от этого нет. Но стоит им уйти, как во мне просыпается сила моих предков-исаврийцев, просыпается испытанная, твердая как скала вера... А решетки у твоего птичника надежные?

Ромул. Можешь быть спокоен. Пирам, поставь прибор для Зенона и принеси яйцо.

Пирам. У нас осталось только яйцо Домициана.

Ромул. На этот случай оно годится.

Зенон. Мы, собственно говоря, уже семь лет находимся в состоянии войны друг с другом. Лишь германская

угроза приостановила столкновение наших армий. (*Несколько смущен.*)

Ромул. В состоянии войны? Я про это ничего не знаю.

Зенон. Но ведь я же отнял у тебя Далмацию.

Ромул. А разве она была моей?

Зенон. При последнем разделе империи она отходила к тебе.

Ромул. Между нами, императорами, говоря, я давно уже не ориентируюсь в международном положении. Что тебя заставило покинуть Константинополь?

Зенон. Моя теща Верина вступила в союз с германцами, и меня изгнали.

Ромул. Странно. Ты же был в такой дружбе с германцами...

Зенон. Ромул! (*Обижен.*)

Ромул. Насколько я в курсе сложных взаимоотношений на византийском престоле, ты сам заключил союз с германцами, чтобы сбросить с трона своего сына.

Юлия. Ромул!

Зенон. Германцы наводнили наши империи! Границ уже почти нет! Мы больше не можем идти врозь. Мелочная подозрительность, разделявшая наши империи, теперь — непозволительная роскошь. Мы должны спасать нашу культуру.

Ромул. А по-твоему, культуру можно спасти?

Юлия. Ромул!

Тем временем антиквар подходит к императору с несколькими бюстами.

Аполлион. За обоих Гракхов, Помпея, Сципиона и Катона — два золотых восемь сестерциев.

Ромул. Три золотых!

Аполлион. По рукам! Только я прихвачу еще Мария и Суллу. (*Опять лезет на лестницу.*)

Юлия. Ромул, я требую, чтобы ты немедленно выгнал этого торговца древностями.

Ромул. Мы не можем себе этого позволить, Юлия. Надо же платить за корм для кур.

Зенон. Вы меня поражаете. Мир охвачен пожаром, а вы позволяете себе острить. Гибнут тысячи людей, а вы валяете дурака. Причем тут корм для кур, когда надвигаются варвары?

Р о м у л. В конце концов, и у меня есть свои заботы.

З е н о н. По-видимому, здесь еще не до конца осознали, чем грозит миру германизм. (*Барабанит пальцами по столу.*)

Ю л и я. Я все время это говорю!

З е н о н. Успех германцев нельзя объяснять чисто материальными факторами. Надо смотреть глубже. Наши города капитулируют, наши солдаты перебегают к противнику, наши народы нам больше не верят, потому что мы сами в себе сомневаемся. Мы должны собраться с духом, Ромул. Пора нам вспомнить о былом величии, воззвать к памяти Цезаря, Августа, Траяна, Константина. Другого выхода нет. Без веры в себя и в наше международное значение мы пропали.

Р о м у л. Ну, хорошо. Давай верить.

Молчание. Все благоговейно застыли.

З е н о н. Ты веришь? (*Усомнившись.*)

Р о м у л. Неколебимо.

З е н о н. В наше великое прошлое?

Р о м у л. В наше великое прошлое.

З е н о н. В наше историческое предназначение?

Р о м у л. В наше историческое предназначение.

З е н о н. А ты, императрица Юлия?

Ю л и я. Я всегда в это верила.

Зенон успокоился.

З е н о н. Прекрасное чувство, не правда ли? Сразу повеяло чем-то положительным. Давно бы так!

Все трое сидят с благоговейным видом.

Р о м у л. Ну, а теперь?

З е н о н. Что ты хочешь этим сказать?

Р о м у л. Вот мы верим.

З е н о н. Это самое главное.

Р о м у л. Что же дальше?

З е н о н. Это неважно.

Р о м у л. Но раз у нас такие взгляды, надо что-то делать.

З е н о н. Все сделается само собой. Надо только найти какую-нибудь идею, чтоб противопоставить ее лозунгу германцев: «За свободу и крепостное право». Я предлагаю: «За Бога и рабство!»

Р о м у л. Не знаю, на нашей ли стороне Бог, сведения об этом довольно противоречивы.

З е н о н. За справедливость, против произвола!

Р о м у л. Тоже не годится. Я скорей за практичный реальный лозунг. Ну, например: «За куроводство и сельское хозяйство!»

Ю л и я. Ромул!

Слева вбегает М а р е с. Он вне себя.

М а р е с. Германцы двинулись на Рим!

Зенон и Юлия в ужасе вскакивают.

З е н о н. Когда отходит ближайший корабль на Александрию?

Р о м у л. Завтра в половине девятого. А зачем тебе туда?

З е н о н. Попрошу убежища у императора Эфиопии. Я намерен продолжать оттуда непримиримую борьбу с германизмом, хотя иногда мне кажется, что лучше попасть в руки германцев, чем в руки моих камергеров.

Императрица понемногу успокаивается.

Ю л и я. Ромул, германцы двинулись на Рим, а ты все еще завтракаешь.

Его величество торжественно поднимается.

Р о м у л. Это привилегия политиков. Марес, я произвожу тебя в рейхсмаршалы.

М а р е с. О государь, я спасу Рим. (*Падает на колени и взмахивает мечом.*)

Р о м у л. Только этого мне недоставало. (*Опять садится.*)

М а р е с. Единственная надежда на спасение — тотальная мобилизация. (*Решительно встает.*)

Р о м у л. Это что за слово?

М а р е с. Я его только что придумал. Тотальной мобилизацией называется сосредоточение всех сил народа на достижении военных целей.

Р о м у л. Мне это не нравится даже чисто стилистически.

М а р е с. Тотальная мобилизация должна охватить все области империи, которые не успел захватить враг.

З е н о н. Маршал говорит дело. Наше спасение только в тотальной мобилизации. Вот она, идея, которую мы искали: «Все за оружие!» — это каждому понятно.

Р о м у л. Война стала разбоем со времени изобретения дубинки. Если мы теперь объявим еще и тотальную мобилизацию, она превратится в безумие. Рейхсмаршал, я отдаю в твое распоряжение пятьдесят человек моей лейб-гвардии.

М а р е с. Ваше величество, у Одоакра сто тысяч вооруженных до зубов германцев.

Р о м у л. Чем талантливее полководец, тем меньше ему нужно солдат.

М а р е с. Ни один римский военачальник еще не подвергался такому унижению. (*Отдает честь и выходит налево.*)

Аполлион между тем снял и сложил все бюсты,
за исключением стоящего над дверью.

А п о л л и о н. За весь этот хлам я даю десять золотых.

Р о м у л. Мне было бы приятнее, Аполлион, если бы ты с большим уважением говорил о великом прошлом Рима.

А п о л л и о н. Слово «хлам» определяет антикварную стоимость этих вещей, а не выражает исторической оценки.

Р о м у л. Но ты мне платишь эти десять золотых тут же на месте!

А п о л л и о н. Как всегда, ваше величество. Один бюст я не беру. Вон тот — короля Ромула. (*Отсчитывает десять золотых.*)

Р о м у л. Помилуй, мой тезка как-никак основал Рим.

А п о л л и о н. Ученическая работа. Потому он весь и крошится.

Император Восточной Римской империи
теряет между тем терпение.

З е н о н. Ромул, ты меня еще не представил этому господину.

Р о м у л. Аполлион, это император Восточной Римской империи Зенон Исаврийский.

А п о л л и о н. Ваше величество! (*Холодно кланяется.*)

З е н о н. Посетите как-нибудь, любезный Аполлион, остров Патмос, он мне пока еще верен. Там у меня найдется много интересного из греческой старины.

А п о л л и о н. Это можно, ваше величество.

З е н о н. Поскольку я завтра еду в Александрию, неплохо бы получить задаточек.

Аполлион. Искренне сожалею. Царствующим особам я принципиально не даю задатка. Времена нынче бурные, политические учреждения шаткие. Покупатели теряют интерес к античности и предпочитают изделия германских ремесленников. Нынче в большом ходу примитивы. Это отвратительно, но о вкусах не спорят. Я, к сожалению, должен проститься с вашими величествами.

Ромул. Мне жаль, Аполлион, что ты угодил в самый развал моей империи.

Аполлион. Что вы, ваше величество. Как антиквар, я только развалом и живу. А за бюстами я пришлю слуг. (*Еще раз кланяется и уходит налево.*)

Зенон (*задумчиво качает головой*). Не понимаю! Знаешь, Ромул, уже много лет мне не дают кредита. Мне все больше кажется, что у нас с тобой совсем невыгодная профессия.

Слева входит Тулий Ротунд.

Тулий Ротунд. Ваше величество!

Ромул. Ну, Тулий Ротунд, наш рекордсмен наконец заснул?

Тулий Ротунд. Я не по поводу Спурия Тита Маммы, я по поводу Цезаря Руфа.

Ромул. Это еще кто?

Тулий Ротунд. Важная персона. Он обратился к вашему величеству с письмом.

Ромул. С тех пор как я стал императором, я писем не читаю. Кто же он все-таки такой?

Тулий Ротунд. Фабрикант штанов. Это германская одежда, которую надевают на ноги. У нас она тоже входит в моду.

Ромул. А он богат?

Тулий Ротунд. Невероятно!

Ромул. Наконец-то нашелся разумный человек.

Юлия. Ты его немедленно примешь, Ромул.

Зенон. Интуиция мне подсказывает, что это наш спаситель.

Ромул. Просите фабриканта штанов сюда.

Слева входит Цезарь Руф. Это могучий, толстый, роскошно одетый человек. Он подходит к Зенону, принимая его за императора, тот смущенно указывает на Ромула. В руке у Руфа широкополая дорожная шляпа, какие носили в Древнем Риме. Он сдержанно кланяется.

Цезарь Рупф. Император Ромул!

Ромул. Здравствуй. Это моя жена, императрица Юлия, а это император Восточной Римской империи Зенон Исаврийский.

Цезарь Рупф небрежно кивает.

Чего ты от меня хочешь, Цезарь Рупф?

Цезарь Рупф. Мой род, в сущности, происходит из Германии, но уже при императоре Августе мы поселились в Риме и с тех пор занимаем видное положение в текстильном деле.

Ромул. Очень рад.

Рупф отдает шляпу Зенону, который, опешив, берет ее.

Цезарь Рупф. Как фабрикант штанов, я, ваше величество, готов пойти на все!

Ромул. Само собой разумеется.

Цезарь Рупф. Я знаю, что консервативные круги Рима настроены против штанов, они же всегда против прогресса.

Ромул. Где начинаются штаны, кончается культура.

Цезарь Рупф. Как император вы, конечно, можете позволить себе подобные остроты, но как человек дела я трезво сознаю, что штанам принадлежит будущее. Современное государство, если оно ходит без штанов, обречено. Есть глубокая связь между тем, что германцы носят штаны, и тем, что они достигли таких успехов. Эта связь не видна представителям наследственной власти, никогда не вникающим в суть. Но деловому человеку она ясна. Только в штанах Рим сможет выстоять под напором германских орд.

Ромул. Был бы я таким же оптимистом, как ты, любезный Цезарь Рупф, я бы и сам влез в эту сказочную одежду.

Цезарь Рупф. Лично я поклялся, что надену штаны лишь тогда, когда последний тупица поймет, что без штанов человечеству несдобровать. Это вопрос профессиональной чести, ваше величество, я тут на попятный не пойду. Либо все надевают штаны, либо Цезарь Рупф закрывает дело.

Ромул. Что же ты хочешь мне предложить?

Цезарь Рупф. Ваше величество, вот международная фирма «Цезарь Рупф», а вот Римская империя, не так ли?

Ромул. Конечно.

Цезарь Рупф. Поговорим начистоту, без всяких сантиментов. За мной миллиарды сестерциев, а за вами — пропасть.

Ромул. Точнее не скажешь.

Цезарь Рупф. Сперва у меня была идея просто купить Римскую империю целиком.

Император не в силах сдержать радостное волнение.

Ромул. Это нам надо серьезно обсудить. Во всяком случае, посвящаю тебя в рыцари. Ахилл, подай меч!

Цезарь Рупф. Спасибо, ваше величество, я уже скупил все ордена, какие было возможно. Видите ли, здраво рассудив, я все-таки отказался от покупки. Римская империя до того развалила свое хозяйство, что восстановление его даже международной фирме обойдется слишком дорого, да и окупится ли это вообще? У нас тогда опять будет огромное государство, а кому это надо? Одно из двух: или фирма, или империя, и я скажу без обиняков — пусть лучше фирма, она дает больше прибыли. Я против покупки, император, но я не против деловых контактов.

Ромул. Каким же ты мыслишь себе контакт между моей империей и твоей фирмой?

Цезарь Рупф. Самым естественным. Как деловой человек, я стою за все естественное. Думай сообразно с естеством, не то разоришься — вот мой девиз. Для начала мы выставим германцев за дверь.

Ромул. Вот это-то и трудно.

Цезарь Рупф. Делец мирового масштаба не знает слова «трудно», если у него есть мелочь в кармане. На мой запрос Одоакр выразил готовность убраться из Италии за десять миллионов.

Ромул. Одоакр?

Цезарь Рупф. Да, германский вождь.

Ромул. Невероятно. А я думал, что его-то уж нельзя купить.

Цезарь Рупф. Всех теперь можно купить, ваше величество.

Ромул. А что ты потребуешь с меня за помощь, Цезарь Рупф?

Цезарь Рупф. Когда я уплачу эти десять миллионов и вложу в империю еще несколько миллиончиков, да так,

чтобы она совсем не потонула — здоровому государству это не положено, я попрошу, не говоря уже о том, что ношение штанов будет объявлено строго обязательным, чтобы вы отдали за меня вашу дочь Рею, ибо кому же не ясно, что лишь так можно подвести естественную базу под наши деловые контакты.

Ромул. Моя дочь помолвлена с одним разорившимся патрицием, который уже три года томится в германском плену.

Цезарь Рупф. Как видите, ваше величество, меня это не беспокоит. Вам нечего будет возразить, если я скажу, что Римская империя уцелеет, лишь породнившись с солидной фирмой, иначе вас оккупируют германцы, которые семимильными шагами с грохотом приближаются к Риму. Сегодня во второй половине дня вы мне дадите ответ. Если это будет отказ, я женюсь на дочери Одоакра. Фирма «Рупф» должна позаботиться о наследнике. Я в самом соку, но бури деловой жизни, по сравнению с которыми все ваши сражения — одна мельтешня, помешали мне обрести счастье в объятиях любимой супруги. Не так-то просто сделать выбор. С политической точки зрения разумнее было бы взять в жены германку. Но признательность к моей второй родине побуждает сделать это предложение вам. Я не могу допустить, чтобы на суде истории фирму «Рупф» заподозрили в узкопартийных интересах. (*Небрежно кланяется, выхватывает у Зенона из рук шляпу и выходит налево.*)

Оставшиеся растерянно молчат.

Юлия. Ромул, немедленно поговори с Реей.

Ромул. О чем, дорогая?

Юлия. Она сейчас же выйдет за этого Цезаря Рупфа.

Ромул. Я готов продать ему Римскую империю за пригоршню сестерциев, но не намерен торговать своей дочерью.

Юлия. Рея добровольно пожертвует собой ради империи.

Ромул. За последние столетия мы столько раз жертвовали собой для государства, что пора государству пожертвовать собой для нас.

Юлия. Ромул!

Зенон. Если твоя дочь сейчас же не выйдет замуж, мир погибнет.

Ромул. Мы погибнем. А это нечто совсем другое.

Зенон. Мы — это мир.

Ромул. Мы провинциалы, которые его даже понять не могут.

Зенон. Такому, как ты, нечего делать на троне римских императоров! (*Стукнув кулаком по столу, уходит направо.*)

Слева появляются пятеро толстопузых слуг.

Первый слуга. Мы пришли за бюстами.

Ромул. О пожалуйста, вот они, около стен.

Первый слуга. Это императоры. Не уроните. Чуть что, им сразу каюк.

Сцена заполняется слугами, которые выносят бюсты.

Юлия. Ромул! Меня называют Юлия, мать отечества, и я этим почетным титулом горжусь. И теперь я обращаюсь к тебе как мать отечества. Ты целый день сидишь за завтраком, ты интересуешься только своими курами, ты не хочешь выслушать гонца, ты отказываешься провести тотальную мобилизацию, ты не выступаешь на врага, и ты не желаешь отдать свою дочь единственному человеку, который может нас спасти. Чего же ты тогда хочешь?

Ромул. Дорогая Юлия, у меня нет желания задержать ход мировой истории.

Юлия. В таком случае мне стыдно, что я твоя жена! (*Быстро уходит.*)

Ромул. Убери прибор, Пирам. Моя утренняя трапеза окончена. (*Вытирает рот салфеткой.*)

Пирам уносит столик.

Ахилл, воды!

Ахилл приносит воду. Ромул моет руки.
Слева врывается Спурий Тит Мамма.

Спурий Тит Мамма. Ваше величество! (*Падает на колени.*)

Ромул. Ты кто такой?

Спурий Тит Мамма. Префект Спурий Тит Мамма.

Ромул. Чего тебе?

Спурий Тит Мамма. Я скакал сюда из Павии два дня и две ночи. Я загнал семь лошадей, меня трижды ранили стрелы противника, и, когда я прибыл сюда, меня к тебе

не допустили. Вот, государь, послание твоего последнего полководца Ореста, написанное перед тем, как он попал в руки врага! (*Протягивает Ромулу свиток пергамента.*)

Император по-прежнему невозмутим.

Ромул. Ты ранен, измучен. К чему это непомерное усердие, Спурий Тит Мамма?

Спурий Тит Мамма. Ради жизни Рима!

Ромул. Рим давно умер. Ты жертвуешь собой ради мертвеца, ты сражаешься за мираж, ты отдаешь жизнь разлагающемуся трупу. Иди спать, префект, в наше время твой героизм стал позой. (*Величественно поднимается и выходит в среднюю дверь на заднем плане.*)

Спурий Тит Мамма в полной растерянности, внезапно бросает послание Ореста на пол и топчет его ногами.

Спурий Тит Мамма (*кричит*). Этот император позорит Рим!

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Вторая половина рокового мартовского дня четыреста семьдесят шестого года. Парк перед загородной виллой императора. Все поросло мхом, плющом и бурьяном. Со всех сторон слышится кудахтанье и кукареканье. Время от времени, в особенности когда кто-нибудь появляется, по сцене пролетают куры. На заднем плане сильно загаженный домашней птицей фасад полуразвалившейся виллы, ступени лестницы ведут в парк. На стенах мелом написано: «Да здравствует крепостное право! Да здравствует свобода!» Зрителю кажется, что он попал на птичий двор, хотя справа на переднем плане стоит несколько садовых стульев изысканной формы, знававших лучшие времена. Порой сцену окутывает густой дым, идущий из низенькой постройки. Канцелярия, видимо, слева, под прямым углом к вилле. В целом — настроение безысходного отчаяния, дух крушения мира, après nous le déluge[1].

При открытии занавеса — на одном стуле министр внутренних дел Тулий Ротунд, на другом, в полном облачении, спит военный министр Марес, ныне, как мы знаем, рейхсмаршал. На коленях у него разложена карта Италии, а рядом, на земле, шлем и маршальский жезл. Щит прислонен к стене дома, на нем тоже намалеван лозунг германцев. Спурий Тит Мамма, все еще весь в грязи и с перевязанной рукой, едва плетется вдоль канцелярии, прислоняется к стене и бредет дальше.

Спурий Тит Мамма. Я устал, я устал, я смертельно устал.

Из дверей виллы выходит повар, на нем белый фартук и высокий колпак. Он идет направо в парк и манит кур, пряча за спиной нож. Куры отчаянно кудахчут.

Повар. Юлий Непот, Орест, Ромул, цып, цып, цып...

Слева появляется Зенон Исаврийский, останавливается, чтобы вытереть сандалии.

Зенон. Опять раздавил яйцо. Что тут кругом только куры? Сандалии у меня стали липкими и пожелтели совсем.

---

[1] После нас хоть потоп (*франц.*).

Тулий Ротунд. Куроводство — единственная страсть императора.

Слева в дом вбегает гонец.

Гонец. В Риме германцы! В Риме германцы!

Тулий Ротунд. Опять дурная весть. И так весь день.

Зенон. Все из-за этой куромании. Надеюсь, император хоть сейчас пошел в дворцовую капеллу помолиться за свой народ.

Тулий Ротунд. Император спит.

Зенон. Мы судорожно пытаемся спасти цивилизацию, а император спит... Отчего здесь так пахнет дымом?

Тулий Ротунд. Мы сжигаем архивы.

Зенон (*поражен как громом*). Вы... жжете... архивы?.. Зачем это, объясните Бога ради?

Тулий Ротунд. Ценные документы, раскрывающие тайну римских методов управления государством, ни в коем случае не должны попасть германцам в руки, а на эвакуацию у нас нет денег.

Зенон. И вы решили попросту сжечь архивы? Не скрываете даже, что начисто потеряли веру в конечную победу добра. Запад и впрямь не стоит того, чтобы ему помогать, он прогнил до мозга костей. Ни вдохновения, ни мужества!.. Ох, опять яйцо! (*Вытирает сандалии и уходит налево.*)

Спурий Тит Мамма. Сто часов глаз не смыкал. Сто часов.

Отчаянное кудахтанье. Справа появляется повар.
В каждой руке у него по курице и еще одна зажата
под мышкой, фартук обрызган кровью; он исчезает в доме.

Тошно слушать это вечное кудахтанье. Я устал, я ведь так устал. Из Павии сюда галопом, да еще потерять столько крови.

Тулий Ротунд. А вы бы сели за домом, с той стороны. Там вроде потише.

Спурий Тит Мамма. Да я туда уже ходил. Там принцесса занимается актерским мастерством, а у пруда император Восточной империи читает псалмы.

Марес. Тише. (*Снова засыпает.*)

Тулий Ротунд. Не говорите так громко, а то разбудите рейхсмаршала.

Спурий Тит Мамма. До чего же я устал. А тут еще этот дым, этот едкий вонючий дым!

Тулий Ротунд. Да вы хоть сели бы.

Спурий Тит Мамма. Если я сяду, я засну.

Тулий Ротунд. Это, по-моему, самое естественное, что при вашей усталости следует сделать.

Спурий Тит Мамма. Я не хочу спать, я хочу мстить.

Рейхсмаршал в отчаянии поднимается.

Марес. Неужели нельзя человеку спокойно поработать? Стратегия — дело интуиции. Прежде чем резать, надо, как и в хирургии, сосредоточиться. На войне самое страшное — это кутерьма в ставке. (*С досадой свертывает карту, берет шлем, подходит к дому, берет щит и останавливается.*) Кто-то намалевал на моем щите вражеский лозунг. И на стене тоже.

Тулий Ротунд. Здешняя служанка — германского происхождения.

Марес. Созовите военный трибунал!

Тулий Ротунд. На это уже действительно нет времени, рейхсмаршал!

Марес. Саботаж!

Тулий Ротунд. Не хватает людей. Надо же кому-нибудь помочь обер-гофмейстеру уложить вещи.

Марес. Вы и помогите. А что еще сейчас делать министру внутренних дел?

Тулий Ротунд. Я должен найти законные основания для перевода резиденции на Сицилию.

Марес. Вы своим пораженчеством не подорвете мой боевой дух. Стратегическое положение с каждым часом улучшается. Оно улучшается от поражения к поражению. Чем дальше германцы проникнут на полуостров, тем скорее они попадут в мешок, и тут, опираясь на Сицилию и Корсику, мы легко с ними справимся.

Спурий Тит Мамма. Вы сперва справьтесь с императором.

Марес. Мы ничем не рискуем. Флота у германцев нет. Стало быть, на островах мы неуязвимы.

Спурий Тит Мамма. Но и у нас ведь нет флота. Что же нам дадут острова? А германцы, сидя в Италии, будут неуязвимы.

Марес. А мы тогда построим флот!

Спурий Тит Мамма. Построим? Да у государства нет ни гроша.

Тулий Ротунд. У нас еще есть время об этом подумать. Основная проблема сегодня — как попасть на Сицилию.

Марес. Я прикажу привести трехмачтовое судно.

Тулий Ротунд. Трехмачтовое? Они безумно дороги, мы себе этого позволить не можем. Достаньте-ка лучше галеру.

Марес. Меня ко всему еще разжаловали в корабельные маклеры. (*Шатаясь, уходит в дом.*)

Тулий Ротунд. Вот видите, разбудили рейхсмаршала.

Спурий Тит Мамма. Я ведь так устал.

Тулий Ротунд. Единственное, на что я надеюсь, — найти на Сицилии дачу, за которую с нас не слишком дорого возьмут.

Громкое кудахтанье. Слева медленно входит тощий, бледный Эмилиан, он в лохмотьях, на голове черный капюшон.

Эмилиан (*озирается*). Это вилла императора в Кампанье?

Министр внутренних дел с удивлением глядит на странного пришельца.

Тулий Ротунд. Вы кто такой?

Эмилиан. Привидение.

Тулий Ротунд. Что вам угодно?

Эмилиан. Император — нам отец родной, не так ли?

Тулий Ротунд. Конечно, отец каждому патриоту.

Эмилиан. Я патриот. Пришел навестить отчий дом. (*Озирается.*) Грязный курятник. Загаженный дом. Канцелярия. У пруда облезлая Венера, плющ, мох. В бурьяне, куда ни ступи, яйца, несколько я уже раздавил, и где-то наверняка похрапывает император.

Тулий Ротунд. Вы лучше спрячьтесь, а то вызовут лейб-гвардию. У нее теперь учения на лугу за парком.

Эмилиан. Она дремлет на лугу за парком, убаюканная кудахтаньем кур. Не будем нарушать эту благодать.

В дверях показывается императрица.

Юлия. Эбиус! Эбиус! Кто видел обер-гофмейстера Эби?

Эмилиан. Мать отечества.

Тулий Ротунд. Он разве не пакует вещи, ваше величество?

Юлия. С утра куда-то исчез.

Тулий Ротунд. Значит, уже сбежал.

Юлия. Типично по-германски! (*Исчезает.*)

Спурий Тит Мамма. Однако бегут как раз римляне. (*На мгновение его охватывает гнев, но он тут же остывает и, чтобы не заснуть, принимается бегать взад-вперед.*)

Эмилиан (*садится в кресло рейхсмаршала*). А вы министр внутренних дел Тулий Ротунд?

Тулий Ротунд. Вы меня знаете?

Эмилиан. Мы, бывало, летом частенько вместе ужинали, Тулий Ротунд.

Тулий Ротунд. Что-то не припомню.

Эмилиан. Ничего удивительного. За это время рухнула мировая держава.

Тулий Ротунд. Скажите хотя бы, откуда вы взялись?

Эмилиан. Прямиком из жизни! И сразу попал в нелепое призрачное царство римского императора.

Спурий Тит Мамма. Я устал, я просто как собака устал.

Снова кудахтанье. Марес возвращается из дома.

Марес. Я забыл мой маршальский жезл.

Эмилиан. Прошу вас. (*Подает ему маршальский жезл, который лежал на земле.*)

Марес, шатаясь, опять входит в дом.

Тулий Ротунд. Понимаю. Вы прибыли с фронта, вы герой. Вы проливали кровь за родину. Чем я могу быть вам полезен?

Эмилиан. Вы можете что-нибудь сделать, чтобы остановить германцев?

Тулий Ротунд. Сегодня этого никто не может. Наше сопротивление рассчитано на длительный срок. Божьи мельницы не скоро мелют.

Эмилиан. Значит, вы не можете быть мне полезны.

Из дома выходят слуги с сундуками.

Носильщик. Куда нам с этими сундуками?
Тулий Ротунд. Они пойдут в Неаполь.

Слуги выносят сундуки. В течение последующих сцен они появляются еще не раз.

Мы живем в горькое время, в трагическую эпоху, и все-таки столь совершенная, высокоорганизованная система правопорядка, как Римская империя, опираясь на свои внутренние ценности, справится и не с такими кризисами. Германцев победит наша более высокая культура.

Спурий Тит Мамма. Я смертельно устал.

Эмилиан. Вам нравится Гораций? Вы владеете высоким италийским стилем?

Тулий Ротунд. Я юрист.

Эмилиан. А мне нравился Гораций. Я владел высоким италийским стилем.

Тулий Ротунд. Вы поэт?

Эмилиан. Когда-то я был представителем высшей культуры.

Тулий Ротунд. Тогда продолжайте писать, продолжайте слагать стихи, в конце концов дух одолеет плоть.

Эмилиан. Я иду из тех краев, где живодеры одолели дух.

Снова кудахтанье. Вокруг опять носятся куры. Справа из-за виллы выходят Рея и актер Филакс.

Рея.

Гляньте, граждане отчизны,
Выхожу я в путь последний,
С небес высоких
Мне светит солнце
В последний раз.

Спурий Тит Мамма. Не могу я сейчас слышать классиков. Сразу засыпаю. (*Уходит налево.*)

Филакс. Давайте дальше, принцесса, но более наполненно, драматичнее. «Что ты со мной...»

Рея.

Что ты со мной творишь, отчизна!
Зачем надо мной глумиться,
Покамест я не погибла,
Еще жива я покуда,

Так по какому закону
Меня ты обрекаешь
Не оплаканной близкими
Лечь в могилу?
И мне навек уже места
Нет у смертных и нет у мертвых.

Филакс. «Нет у смертных и нет у мертвых». Дайте надрыв, принцесса! Побольше безысходной печали! «Нет у смертных...» — еще раз!

Рея.

Нет у смертных и нет у мертвых.
Бог безмолвный Аида
Меня уводит живую
К брегам Геенны, — и не поют мне
Ныне свадебных гимнов,
Не ведут к Гименею — и все же
С Ахероном венчают меня.

Филакс. «С Ахероном венчают меня».

Рея. С Ахероном венчают меня.

Филакс. Трагичнее, принцесса! И более ритмично, прошу вас. Это должно рваться наружу как вопль. И побольше души, не то эти бессмертные стихи ни до кого не дойдут. Сразу чувствуется, что у вас нет реального представления об Ахероне, о боге смерти. Вы говорите о нем как о чем-то абстрактном. За вашими словами нет подлинного переживания. Для вас это еще литература, это не наполнилось правдой жизни. Очень, очень жаль. Вслушайтесь: «С Ахероном венчают меня».

Рея. С Ахероном венчают меня.

Эмилиан поднимается и останавливается перед декламирующей принцессой, которая застывает от удивления.

Что вам нужно?

Эмилиан. Кто ты?

Рея. У меня больше права спросить, кто ты такой?

Эмилиан. Я то, что возвращается, если идти туда, куда я ходил. Кто ты?

Рея. Я — Рея, дочь императора.

Эмилиан. Рея, дочь императора. Я тебя не узнал. Ты прекрасна, но я забыл твое лицо.

Рея. Мы были знакомы?

Эмилиан. По-моему, да.

Рея. Ты пришел из Равенны? Мы дружили в детстве?

Эмилиан. Мы дружили, когда я был человеком.

Рея. Ты не хочешь назвать свое имя?

Эмилиан. Оно вписано в мою левую руку.

Рея. Покажи эту руку!

Он протягивает ей левую руку.

Какой ужас!

Эмилиан. Убрать?

Рея. Я не могу на нее смотреть. (*Отворачивается.*)

Эмилиан. Значит, никогда не узнаешь, кто я. (*Прячет руку.*)

Рея. Дай, я погляжу. (*Протягивает правую руку.*)

Эмилиан кладет в нее свою левую.

Перстень! Перстень Эмилиана!

Эмилиан. Перстень твоего жениха.

Рея. Он умер?

Эмилиан. Сдох.

Рея. Перстень врос в мясо. (*Внимательно рассматривает руку, держа ее в своей.*)

Эмилиан Он врос в мою осквернённую плоть.

Рея. Эмилиан! Ты Эмилиан!

Эмилиан. Я им был.

Рея. Я не узнаю тебя, Эмилиан. (*Пристально в него вглядывается.*)

Эмилиан. Ты никогда меня уже не узнаешь. Я иду из германского плена, дочь императора.

Они стоят, глядя друг на друга.

Рея. Я ждала тебя три года.

Эмилиан. Три года в германском плену — это вечность, дочь императора. Человека нельзя так долго ждать.

Рея. И вот ты пришел. Пойдем со мной в дом моего отца.

Эмилиан. Германцы приближаются.

Рея. Это нам известно.

Эмилиан. Ступай и возьми нож.

Принцесса испуганно смотрит на него.

Рея. Что ты хочешь сказать, Эмилиан?

Эмилиан. Я хочу сказать, что женщина может сражаться с ножом в руках.

Рея. Нам не нужно больше сражаться. Римская армия разбита. У нас уже нет солдат.

Эмилиан. Солдаты — это люди, а люди могут сражаться. Смотри, сколько тут еще людей — женщин, рабов, стариков, калек, детей, министров. Ступай, возьми нож!

Рея. Но это бессмысленно, Эмилиан. Мы должны сдаться германцам.

Эмилиан. Три года назад я сдался германцам. И вот во что они меня превратили, дочь императора. Ступай, возьми нож.

Рея. Я три года тебя ждала. День за днем, час за часом. А теперь я тебя боюсь.

Эмилиан. «С Ахероном венчают меня». Разве не эти стихи ты читала? Они стали правдой, твои стихи. Ступай, возьми нож! Иди! Иди!

Рея бежит к дому.

Филакс. Постойте, принцесса. Занятие еще не окончено. Мы подошли к кульминации, к прекраснейшему месту классической литературы.

Рея. Не нужна мне больше литература. Я знать не желаю ни о какой поэзии. Теперь я поняла, кто такой бог смерти. (*Исчезает в доме, Филакс устремляется за ней.*)

Тулий Ротунд. Марк Юний Эмилиан возвратился из германского плена. Я потрясен!

Эмилиан. Тогда отправляйтесь на фронт и не тратьте время на потрясение.

Тулий Ротунд. Милый друг, вы, видимо, пережили много тяжелого и заслужили наше уважение. Но не следует думать, что мы здесь, в резиденции императора, ничего не пережили. Выслушивать одну горькую весть за другой и быть бессильным что-либо сделать — что может быть тяжелее для государственного деятеля?

Слева в дом вбегает гонец.

Гонец. Германцы движутся к югу по Аппиевой дороге! Германцы движутся к югу по Аппиевой дороге!

Тулий Ротунд. Вот видите, к югу. Они идут прямо на нас. Стоило заговорить о дурных вестях, как пришла еще одна.

Из дома показывается Марес.

Марес. Все галеры в разгоне.

Тулий Ротунд. Одна должна быть в неаполитанской гавани.

Марес. Она переметнулась к германцам.

Тулий Ротунд. Бога ради, рейхсмаршал, нам необходимо раздобыть корабль.

Марес. Попробую найти рыбачью лодку. (*Снова скрывается.*)

Министр внутренних дел раздосадован.

Тулий Ротунд. Все было подготовлено, чтобы заново создать империю в Сицилии. Я задумал социальные реформы, хотел ввести для портовых рабочих страхование от несчастных случаев. Но если мы не найдем корабля, я не смогу осуществить свои планы.

Спурий Тит Мамма. Опять запах гари. Опять этот въедливый запах гари.

Куры кудахчут. Слева входит Цезарь Рупф.

Цезарь Рупф. Господа, надеюсь, вы трезво отдаете себе отчет, что после падения Рима империя не будет стоить и ломаного гроша. К экономическому банкротству прибавилось военное поражение, из которого Римской империи уже не выкарабкаться.

Эмилиан. Вы кто такой?

Цезарь Рупф. Цезарь Рупф, владелец международной фирмы по производству штанов и жилеток.

Эмилиан. Что вам угодно?

Цезарь Рупф. Любому хоть сколько-нибудь сведущему государственному деятелю ясно как день, что Рим будет спасен, только если я раскошелюсь на несколько миллионов. Я требую подобающего ответа на свои весьма солидные предложения. Да или нет. Народное ликование или крушение мира. Либо я увожу домой невесту, либо империя идет ко всем чертям.

Эмилиан. Господин министр внутренних дел, что это за представление?

Тулий Ротунд. Одоакр согласился очистить Италию за десять миллионов. Этот тип — фабрикант штанов — готов их заплатить.

Эмилиан. На каких условиях?

Тулий Ротунд. Он хочет жениться на принцессе Рее.

Эмилиан. Позовите принцессу.
Тулий Ротунд. Вы полагаете...
Эмилиан. И соберите придворных.

Министр внутренних дел уходит в дом.

Господин фабрикант штанов, вы получите ответ на ваше предложение.

Справа налево, шатаясь, идет Спурий Тит Мамма.

Спурий Тит Мамма. Сто часов я не спал. Сто часов. Я устал, я падаю с ног, так я устал.

В дверях дома появляются Рея, Тулий Ротунд, Зенон, Марес и стража.

Рея. Ты звал меня, Эмилиан?
Эмилиан. Да, я тебя звал. Иди сюда.

Рея медленно подходит к Эмилиану.

Ты ждала меня три года, дочь императора.
Рея. Три года. День за днем, час за часом.
Эмилиан. Ты меня любишь?
Рея. Я люблю тебя.
Эмилиан. Всей душой?
Рея. Всей душой.
Эмилиан. Ты сделаешь все, что я скажу?
Рея. Все.
Эмилиан. И возьмешь нож?
Рея. Возьму, если хочешь.
Эмилиан. Так велика твоя любовь, дочь императора?
Рея. Моя любовь к тебе безгранична. Я не узнаю тебя, но я люблю тебя. Я боюсь тебя, но я люблю тебя.
Эмилиан. Тогда бери в мужья это роскошное шароподобное брюхо и рожай ему детей. (*Указывает на Цезаря Рупфа.*)
Зенон. Наконец-то на Западе нашелся хоть один разумный человек.
Придворные. Выходи замуж, принцесса. Выходи замуж!
Тулий Ротунд. Принеси нашей любимой родине эту жертву, девочка.

Все с надеждой глядят на Рею.

Рея. Я должна с тобой расстаться?

Эмилиан. Ты должна со мной расстаться.

Рея. Я должна полюбить другого?

Эмилиан. Ты должна полюбить того, кто спасет твою родину.

Рея. Но я люблю тебя!

Эмилиан. Вот я и жертвую тобой, чтобы Рим не погиб.

Рея. Ты хочешь меня опозорить, как опозорен сам?

Эмилиан. Мы должны подчиниться необходимости. Наш позор укрепит Италию, в нашем паденье она обретет новые силы.

Рея. Но если ты меня любишь, ты не можешь от меня этого требовать.

Эмилиан. Я могу требовать это только от тебя, потому что ты меня любишь.

Она глядит на него в ужасе.

Эмилиан. Ты сделаешь как я сказал, дочь императора. Твоя любовь безмерна.

Рея. Я сделаю, как ты сказал.

Эмилиан. Ты станешь его женой.

Рея. Я стану его женой.

Эмилиан. Подай же руку этому прочно стоящему на земле фабриканту штанов.

Рея повинуется.

Ну, Цезарь Рупф, теперь ты получил руку единственной дочери императора. На золотого тельца мы наденем свадебный венок, ведь по сравнению с тем неслыханным надругательством, которое совершается над человечеством, сводничество в наши дни просто добродетель.

Цезарь Рупф растроган.

Цезарь Рупф. Принцесса, поверьте: мои слезы чисты, как золото самой высокой пробы. Благодаря нашему союзу международная фирма штанов достигнет такого уровня, какого наша промышленность еще не видывала.

Со всех сторон валит дым.

Марес. Империя спасена!

Зенон.

Запад выстоял!
То, чем вера нас манила,
Ныне чудо совершило
И спасенье принесло.

Тулий Ротунд. Сейчас же прекратите жечь архивы!
Голос Ахилла. Император!

Дым рассеивается. В дверях дома стоит Ромул со свитой. За ним Ахилл и Пирам, который несет плоскую корзинку. Тишина.

Рея. Отец!

Эмилиан. Добро пожаловать, повелитель хорошо накрытого стола и мягкой постели! Здравствуй, Цезарь кур и гений кладки яиц! Мир тебе, кого солдаты величают Ромул Малый!

Ромул (*спокойно*). Кто ты такой?

Эмилиан. Покойник встал из гроба, мертвец явился с того света, распятый сошел с креста, на котором распинают твоих подданных.

Ромул (*пристально вглядывается*). Ты Эмилиан, жених моей дочери.

Эмилиан. Ты первый, кто узнал меня, император Ромул. Даже твоя дочь меня не узнала.

Ромул. Но ты не сомневайся в ее любви. Взор становится острым лишь к старости. Добро пожаловать, Эмилиан. (*Садится в кресло у двери.*)

Эмилиан. Я убежал из германского плена, император Ромул. Перебил слуг, которые меня стерегли, задушил собак, которые меня преследовали. Я шел сюда пешком, государь. Я измерил бесконечные просторы твоего государства, милю за милей, шаг за шагом. Я видел твою империю, властитель мира.

Ромул. С тех пор как я стал императором, я не покидаю своей загородной резиденции. Расскажи мне про мою империю, Эмилиан.

Эмилиан. Я шел мимо разоренных городов, через дымящиеся деревни, сквозь порубленные леса, по истоптанным пашням. Я видел твой народ, император Ромул, я видел изможденных детей, изнасилованных женщин, изувеченных мужчин. Я видел лес из виселиц и тучи клекочущих коршунов, закрывающих солнце, я слышал крики

раненых, стоны пленных и утробный хохот торговцев оружием.

Ромул. То, что ты говоришь, для меня не тайна, но рассказывай дальше, Эмилиан.

Эмилиан. Для тебя это не тайна, а ты кормишь своих кур?

Ромул. Император отстранился от дел.

Эмилиан. Ты знаешь, как страдает твой народ, и спокойно садишься обедать?

Ромул. Император отступился от своих подданных.

Эмилиан. Пал Рим, твоя гордая столица, враг захватил твою империю, а ты спишь!

Ромул. Император отдал свое государство врагам.

Эмилиан. А знаешь ли ты своих врагов, римский император?

Ромул. Император знает свой народ.

Эмилиан. Так узнай же своих врагов! Взгляни на мои руки, на эти изувеченные, покрытые язвами пальцы! Римский император, ты отдал свое государство извергам, которые хуже зверей. Вот я стою перед тобой среди твоих кур и твоей жалкой свиты — стою весь в грязи, истоптанный, битый плетьми, со шрамами от ярма на шее. Тебе еще нужны доказательства? Показать тебе клеймо, которым я, римлянин, отмечен на вечные времена? Так гляди же, что я тебе покажу, рискни взглянуть на то, что я тебе покажу! (*Срывает с головы капюшон, видно, что он скальпирован.*)

Рея. Эмилиан. (*Судорожно его обнимает.*)

Эмилиан. Я, римский офицер, желавший мира и веривший в разум человеческий, тайно отправился к твоим врагам, чтобы примирить Рим и Германию. А они содрали мне кожу с черепа, император всей земли.

Ромул. Император все видит, но он не дрогнет.

Эмилиан. Иди к тому, кому ты предназначена, дочь императора. Мне нет до тебя дела!

Рея медленно возвращается к Цезарю Рупфу.

Твоя дочь, римский император, стала женой фабриканта штанов, и твоя империя спасена ценой моего позора.

Император встает.

Ромул. Император не дает благословения на этот брак.

Все остолбенели.

Цезарь Рупф. Папа!

Рея. Я выйду за него замуж, отец. Ты не можешь помешать мне спасти отечество.

Ромул. Моя дочь выполнит волю императора. Император знает, что делает, когда отдает свою империю огню, когда дает упасть тому, что должно разбиться, и попирает то, что принадлежит смерти.

Рея, опустив голову, уходит в дом.

Выполняй свои обязанности, Пирам. Корми кур! Август! Тиберий! Траян! Адриан! Марк Аврелий! Одоакр! (*Бросает курам зерно и, сопровождаемый камердинерами, удаляется.*)

Все стоят неподвижно.

Тулий Ротунд. Сейчас же возобновить сожжение архивов.

Все окутывается черным дымом.

Эмилиан. Долой такого императора!

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Ночь после Мартовских Ид четыреста семьдесят шестого года... Спальня императора. Слева — окна. В глубине сцены — дверь. Справа кровать и еще одна дверь. Посредине два дивана, которые, соединяясь, образуют угол, раскрытый к публике. Между диванами небольшой низкий стол изящной формы. На переднем плане справа и слева два стенных шкафа. Полнолуние. Комната во тьме. Лишь на полу и на стенах яркими квадратами лежит лунный свет. Дверь в глубине сцены открывается. Входит Пирам с трехглавым светильником и зажигает второй такой же, стоящий у кровати. Потом он выходит на авансцену и ставит светильник на стол. Из правой двери появляется император в довольно поношенной ночной рубахе. За ним входит Ахилл.

Ромул. После хорошего ужина вдвойне приятно искупаться. Сегодня был волнующий день, а я таких не выношу. Чтобы прийти в себя, лучше всего принять ванну. Я ведь, Ахилл, не трагический герой.

Ахилл. Угодно вашему величеству накинуть императорскую тогу или прикажете подать халат?

Ромул. Давай халат. Я сегодня больше не буду управлять государством.

Ахилл. Вашему величеству еще нужно подписать обращение к римскому народу.

Ромул. Отложим до завтра.

Ахилл хочет подать ему халат.

(*Смущенно.*) Принеси парадный халат. Этот очень уж неприглядeн.

Ахилл. Парадный халат государыня уже упаковала, ваше величество. Он принадлежал ее отцу.

Ромул. Ах так? Тогда помоги мне влезть в эти лохмотья. (*Надевает халат и снимает лавровый венок.*) Я все еще в лавровом венке. Забыл снять, когда купался. Повесь его над кроватью, Пирам. (*Отдает Пираму лавровый венок, тот вешает его над кроватью.*) Сколько там еще листочков?

Пирам. Два.

Император вздыхает и подходит к окну.

Ромул. Сегодня у меня был тяжелый день. Хоть свежим воздухом подышать. Ветер подул в другую сторону, и дым унесло. После обеда началась просто пытка. Только и радости, что архивы сгорели. В кои-то веки мой министр внутренних дел отдал разумный приказ.

Пирам. Историки будут в отчаянии, государь.

Ромул. Чепуха. У них найдутся источники понадежнее наших государственных архивов. (*Садится на правый диван.*) Дай Катулла*, Пирам... или моя жена его тоже упаковала? Он ведь из библиотеки ее отца.

Пирам. Именно что упаковала, государь.

Ромул. Ну, ничего. Катулла я попробую почитать на память. Хорошие стихи где-то застревают. Налей вина, Ахилл.

Ахилл. Угодно вашему величеству фалернского или сиракузского?

Ромул. Фалернского. В такие времена надо пить самое лучшее.

Ахилл ставит на стол бокал. Пирам наливает.

Пирам. Ваше величество, это последняя бутылка фалернского семидесятого года.

Ромул. Оставь ее здесь...

Ахилл. Императрица желает поговорить с вашим величеством.

Ромул. Пускай императрица войдет. Второй светильник мне больше не нужен.

Камердинеры кланяются и уходят. Пирам уносит светильник, стоявший у кровати. Теперь освещена только авансцена. Лунный свет на заднем плане становится ярче. В глубине сцены появляется Юлия.

Юлия. Обер-гофмейстер сбежал к германцам. Я же тебя предупреждала насчет этого Эби.

Ромул. А ты хотела, чтоб германец умирал за римлян?

Молчание.

Юлия. Я пришла поговорить с тобой в последний раз.

Ромул. Ты в дорожном костюме, дорогая.

Юлия. Этой ночью я отплываю на Сицилию.

Ромул. Тебе нашли рыбачью лодку?

Ю л и я. Плот.

Р о м у л. А это не опасно?

Ю л и я. Оставаться еще опаснее.

Молчание.

Р о м у л. Ну что ж, счастливого пути.

Ю л и я. Мы, вероятно, долго теперь не увидимся.

Р о м у л. Мы уже никогда не увидимся.

Ю л и я. Я буду продолжать сопротивление. Любой ценой.

Р о м у л. Самое нелепое, что можно придумать, — это сопротивление любой ценой.

Ю л и я. Ты пораженец.

Р о м у л. Я просто считаюсь с фактами. Если мы станем защищаться, наша гибель будет еще страшнее. Может быть, это и величественно, но кому это нужно? Зачем раздувать пожар, когда все и так уже сгорело.

Молчание.

Ю л и я. Ты, стало быть, не хочешь, чтобы Рея вышла за этого Цезаря Рупфа?

Р о м у л. Нет, не хочу.

Ю л и я. И на Сицилию не хочешь ехать?

Р о м у л. Император не спасается бегством.

Ю л и я. Ты поплатишься головой.

Р о м у л. Прикажешь мне потерять голову заранее?

Молчание.

Ю л и я. Мы уже двадцать лет женаты, Ромул.

Р о м у л. Чего ради ты вспомнила этот прискорбный факт?

Ю л и я. Было время — мы любили друг друга.

Р о м у л. Ты отлично знаешь, что это вранье.

Молчание.

Ю л и я. Значит, ты на мне женился, чтобы стать императором?

Р о м у л. Ну конечно.

Ю л и я. И ты смеешь спокойно говорить мне это в лицо?

Р о м у л. Разумеется. Наш брак был ужасен, но я не давал тебе повода заблуждаться насчет того, зачем я на тебе женился. Я женился на тебе, чтобы стать императором, а ты вышла за меня, чтобы стать императрицей. Ты стала моей женой, потому что я происхожу из высшей римской

аристократии, а ты дочь императора Валентиниана от его рабыни. Я тебя узаконил, а ты меня короновала.

Молчание.

Юлия. Выходит, мы были нужны друг другу.

Ромул. Конечно.

Юлия. В таком случае твой долг — ехать со мной на Сицилию. Мы принадлежим друг другу.

Ромул. У меня нет по отношению к тебе никакого долга. Ты получила от меня все, чего хотела. Ты стала императрицей.

Юлия. Нечего меня попрекать. Мы действовали одинаково.

Ромул. Нет, не одинаково. Между нашими поступками есть существенное различие.

Юлия. Я этого не нахожу.

Ромул. Ты за меня вышла из честолюбия. Всеми твоими поступками движет честолюбие. Вот и теперь ты из честолюбия не хочешь признать, что война проиграна.

Юлия. Я уезжаю на Сицилию потому, что люблю родину.

Ромул. У тебя не может быть родины. Ты любишь абстрактную идею государства, ведь именно она дала тебе возможность, выйдя замуж, стать императрицей.

Оба опять молчат.

Юлия. Ну хорошо. Отчего не сказать правду? Отчего не поговорить друг с другом начистоту? Да, я честолюбива. Самое дорогое для меня — императорская власть. Я правнучка Юлиана, последнего великого императора. И я горжусь этим. А ты кто? Сын обнищавшего патриция. А тоже ведь честолюбив, иначе не стремился бы стать повелителем мира, а остался бы тем ничтожеством, каким был.

Ромул. Я пошел на это не из честолюбия, а по необходимости. То, что для тебя — цель, для меня — средство Я стал императором из серьезных политических соображений.

Юлия. Когда же у тебя появились серьезные политические соображения? Двадцать лет, пока ты сидел на троне, ты только ел, пил, спал, читал и разводил кур. Ты никуда не выезжал из этой виллы, никогда не бывал в столице и довел финансы империи до того, что мы вынуж-

дены жить, как поденщики. Единственное, что ты умеешь, это высмеять всякую мысль, которая тебе угрожает. Тобой руководили серьезные политические соображения? Да это наглая ложь. В мании величия Нерона или в безумии Каракаллы больше политического смысла, чем в твоем пристрастии к курам. Тобой владела только лень.

Ромул. Вот именно. Таково мое политическое кредо — ничего не делать.

Юлия. Ради этого не стоило становиться императором.

Ромул. Только это и придало моему бездействию смысл. Какой же прок от безделья частного лица?

Юлия. А император, бездельничая, подрывает основы государства.

Ромул. Как видишь.

Юлия. Что ты хочешь этим сказать?

Ромул. Ты сама поняла, в чем смысл моего безделья.

Юлия. Но как же можно сомневаться в необходимости государства?

Ромул. Я не сомневаюсь в необходимости государства вообще, я сомневаюсь лишь в необходимости нашего государства. Оно до меня уже стало великой державой, и от этого пошли массовые убийства, открытый разбой, угнетение и ограбление других народов.

Юлия. Если ты такого мнения о великой Римской империи, не понимаю, зачем ты стал императором.

Ромул. Римская империя веками держится на том, что ею правит император. Таким образом, у меня не было другой возможности ликвидировать империю, кроме как самому стать императором.

Юлия. Либо ты помешался, либо весь мир сошел с ума.

Ромул. Я уверен в последнем.

Юлия. Стало быть, ты на мне женился только для того, чтобы разрушить Римскую империю?

Ромул. Других побуждений у меня не было.

Юлия. И ты с самого начала думал только о гибели Рима?

Ромул. Ни о чем другом.

Юлия. Ты сознательно препятствовал спасению империи?

Ромул. Вполне сознательно.

Юлия. Ты разыгрывал циника и прожорливого скомороха только для того, чтобы нанести удар в спину?

Ромул. Можно и так это формулировать.

Юлия. Ты меня обманул.

Ромул. Это ты во мне обманулась. Ты полагала, что я так же одержим властью, как ты. На это ты и рассчитывала. Да только расчет твой был неверен.

Юлия. Зато ты рассчитал верно.

Ромул. Риму конец.

Юлия. Ты предал Рим.

Ромул. Нет, я осудил Рим.

Они молчат, потом императрица в отчаянии восклицает.

Юлия. Ромул!

Ромул. Отправляйся на Сицилию. Мне больше нечего тебе сказать.

Императрица медленно уходит. В глубине сцены появляется Ахилл.

Ахилл. Государь!

Ромул. У меня пустой кубок. Налей еще вина.

Ахилл наливает.

Ты дрожишь?

Ахилл. Так оно и есть, ваше величество.

Ромул. Что с тобой?

Ахилл. Ваше величество не любит, когда я говорю о военном положении.

Ромул. Я же тебе это строго-настрого запретил. Военное положение я обсуждаю только со своим парикмахером. Он единственный, кто хоть что-то в этом смыслит.

Ахилл. Но вот и Капуя пала.

Ромул. Это, однако, не повод проливать фалернское.

Ахилл. Прошу прощения. (*Кланяется.*)

Ромул. Шел бы ты спать.

Ахилл. Принцесса Рея хотела поговорить с вашим величеством.

Ромул. Пускай войдет.

Ахилл уходит. Из глубины сцены появляется Рея.

Рея. Отец!

Ромул. Войди, дитя мое. Сядь рядом со мной.

Рея садится подле него.

Что ты хотела мне сказать?

Рея. Отец, Рим в опасности.

Ромул. Странно, что нынче все хотят поговорить со мной о политике ночью. А на это есть обед.

Рея. О чем же мне говорить?

Ромул. Ну, о чем говорят с отцом ночью? О том, что у тебя на сердце.

Рея. У меня на сердце Рим.

Ромул. Стало быть, Эмилиана, которого ты так дожидалась, ты больше не любишь?

Рея. Что ты, отец!

Ромул. Но не так пылко, как раньше, не так, как прежде любила?

Рея. Я люблю его больше жизни.

Ромул. Так расскажи мне про Эмилиана. Если ты его любишь, то он тебе дороже, чем эта развалившаяся империя.

Молчание.

Рея. Отец, разреши мне выйти замуж за Цезаря Рупфа.

Ромул. Этот Рупф, доченька, и мне по душе, хотя бы потому, что у него есть деньги. Но он выдвигает совершенно неприемлемые условия.

Рея. Он спасет Рим.

Ромул. Это меня и пугает. Если фабрикант штанов рвется спасти римское государство, он, должно быть, спятил.

Рея. Но другой возможности спасти родину нет.

Ромул. Я с этим вполне согласен. Родину можно спасти только за деньги, не то она погибнет. Приходится выбирать между губительным капитализмом и капитальной гибелью. Но ты не можешь выйти замуж за этого Цезаря Рупфа, дитя мое, ты ведь любишь Эмилиана.

Молчание.

Рея. Я должна его бросить во имя спасения родины.

Ромул. Это легче сказать, чем сделать.

Рея. Отечество превыше всего.

Ромул. Ты все-таки слишком долго разучивала трагедии.

Рея. Разве мы не должны любить свою родину больше всего на свете?

Ромул. Нет, мы должны ее любить меньше, чем человека. Прежде всего родине не стоит слишком доверять. Никто не становится убийцей быстрее, чем родина.

Р е я. Отец!

Р о м у л. Что, дочка?

Р е я. Не могу же я бросить родину на произвол судьбы.

Р о м у л. Тебе нужно это сделать.

Р е я. Мне не жить без родины.

Р о м у л. А без любимого как жить? Куда возвышеннее и куда труднее хранить верность человеку, чем государству.

Р е я. Речь идет о родине, а не о государстве.

Р о м у л. Когда государство начинает убивать людей, оно всегда называет себя родиной.

Р е я. Наша беззаветная любовь к родине сделала Рим великим.

Р о м у л. Но наша любовь не сделала Рим хорошим. Своими добродетелями мы откармливали изверга. Как от вина, мы хмелели от величия нашей родины, но то, что мы любили, стало горше полыни.

Р е я. В тебе нет чувства благодарности к родине.

Р о м у л. Отнюдь! Я просто не похож на героического отца из трагедии, который желал государству приятного аппетита, когда оно пожирало его детей. Выходи-ка ты замуж за Эмилиана!

Молчание.

Р е я. Эмилиан меня отверг, отец.

Р о м у л. Если в твоей любви есть хоть капля подлинного чувства, это не может вас разлучить. Ты останешься с ним, даже если он тебя оттолкнет, ты будешь с ним, стань он даже преступником. А от родины ты можешь оторваться. Раз она стала разбойничьим вертепом и притоном палачей, отряхни ее прах со своих ног, ибо твоя любовь к ней бессильна.

Молчание. Слева в комнату через окно проникает ч е л о в е к, который тут же скрывается где-то в темной глубине сцены.

Р е я. Если я к нему вернусь, он опять меня прогонит. Он будет снова и снова меня отталкивать.

Р о м у л. А ты возвращайся к нему снова и снова.

Р е я. Он меня больше не любит. Он любит только Рим.

Р о м у л. Рим погибнет, и ничего, кроме твоей любви, у него не останется.

Р е я. Мне страшно.

Р о м у л. А ты учись побеждать страх. Это единственное искусство, которым в наше время надо владеть. Не бояться

видеть вещи, как они есть, не бояться поступать как подобает. Я всю жизнь старался этому научиться. И ты теперь тоже старайся. Иди к нему.

Рея. Хорошо, отец, я так и поступлю.

Ромул. Вот и правильно, дитя мое. Я люблю тебя такую. Ступай к Эмилиану. Давай попрощаемся. Ты меня уже не увидишь, я ведь умру.

Рея. Отец!

Ромул. Германцы меня убьют. Я на такую смерть всегда и уповал. Это моя тайна. Жертвуя собой, я жертвую Римом.

Тишина.

Рея. Отец!

Ромул. Но ты должна жить. Ступай теперь, дитя мое, ступай к Эмилиану.

Рея медленно выходит. Из глубины сцены появляется Пирам.

Пирам. Ваше величество.

Ромул. Что тебе?

Пирам. Императрица отбыла.

Ромул. Вот и хорошо.

Пирам. Не угодно ли вашему величеству лечь спать?

Ромул. Нет, мне надо еще кое с кем потолковать. Принеси-ка еще бокал.

Пирам. Слушаюсь, ваше величество. (*Приносит второй бокал.*)

Ромул. Поставь его рядом с моим. Налей вина.

Пирам наполняет бокал.

А теперь и мне налей.

Пирам (*наливает*). Вот, ваше величество, все фалернское и выпили.

Ромул. Тогда иди спать.

Пирам кланяется и уходит.

(*Ромул сидит неподвижно, пока не затихают шаги.*) Иди сюда, Эмилиан. Мы одни.

Закутанный в черный плащ Эмилиан
медленно выходит из глубины сцены.

Эмилиан. Ты знал, что я тут?

Ромул. Минуту назад ты влез ко мне в окно. Я увидел твое отражение в своем бокале. Не хочешь ли присесть?

Эмилиан. Я постою.

Ромул. Поздно ты пришел. Уже полночь.

Эмилиан. Есть дела, для которых полночь — самое подходящее время.

Ромул. Как видишь, я тебя жду. Бокалы полны отличного фалернского. Мы можем чокнуться.

Эмилиан. Быть по сему.

Ромул. Выпьем за твое возвращение.

Эмилиан. За то, что свершится этой ночью.

Ромул. Ты о чем?

Эмилиан. Выпьем за справедливость, император Ромул.

Ромул. Справедливость ужасна, Эмилиан.

Эмилиан. Она ужасна, как мои раны.

Ромул. Ну что ж, за справедливость!

Эмилиан. Мы одни. И, кроме ночи, нет свидетелей тому, что римский император и беглый пленник германцев подымают за справедливость две чаши кровавого фалернского.

Ромул встает, и они чокаются. В то же мгновение кто-то вскрикивает, и из-под дивана, на котором сидел император, показывается голова министра внутренних дел Гулия Ротунда.

Ромул. Господи, министр внутренних дел, что случилось?

Тулий Ротунд. Ваше величество наступили мне на пальцы. (*Стонет.*)

Ромул. Мне очень жаль. Но не мог же я в самом деле предполагать, что ты расположился у меня под диваном. Стоит выпить за справедливость, и министр внутренних дел тут же поднимает крик.

Тулий Ротунд. Я, ваше величество, намеревался лишь замолвить словечко за введение в Римской империи всеобщего страхования по старости. (*Смущаясь, вылезает. Он в таком же черном плаще, как Эмилиан.*)

Ромул. У тебя кровь на руке, Тулий Ротунд.

Тулий Ротунд. Я со страху руку кинжалом порезал.

Ромул. С кинжалом, мой дорогой Тулий, следует обходиться особенно осторожно. (*Идет налево.*)

Эмилиан. Ты хочешь кликнуть камердинеров, император Ромул?

Враждебный и решительный Эмилиан и улыбающийся Ромул стоят друг против друга.

Ромул. Зачем, Эмилиан? Ты ведь знаешь, что ночью они спят. Но надо же чем-то перевязать рану моему министру внутренних дел.

Идет к шкафу, находящемуся слева на авансцене, и открывает его. Внутри, сгорбившись, стоит император Зенон Исаврийский.

Ромул. Прости, повелитель Восточной Римской империи. Я не предполагал, что ты спишь у меня в шкафу.

Зенон. Ничего. При той бродячей жизни, какую я веду после бегства из Константинополя, я ко всему привык.

Ромул. Я искренно тебе сочувствую.

Зенон (*выходит из шкафа и с удивлением оглядывается по сторонам. Он тоже в черном плаще.*) О, да здесь уже кто-то есть!

Ромул. Не обращай внимания. Они попали сюда совершенно случайно. (*Берет с верхней полки шкафа платок.*) Там внутри еще кто-то.

Зенон. Мой камергер Сульфурид.

Сульфурид вылезает. Это долговязый субъект, тоже в черном плаще, он торжественно кланяется Ромулу, тот его разглядывает.

Ромул. Добрый вечер. Ты мог бы, венценосный брат, спрятать его в другом шкафу. А куда ты девал своего камергера Фосфорида?

Зенон. Он у тебя под кроватью, император Ромул.

Ромул. Нечего ему смущаться. Пускай вылезает.

Маленький Фосфорид вылезает из-под кровати. Он тоже в черном плаще.

Сульфурид. Мы пришли, ваше величество...

Фосфорид. ...чтобы прочесть вам элегию...

Сульфурид. ...которую ваше величество не имело удовольствия дослушать до конца.

Ромул. Пожалуйста. Только не этой тихой ночью. (*Садится и дает Тулию Ротунду платок.*) Перевяжи рану, министр внутренних дел. Я не люблю крови.

Правый стенной шкаф открывается как бы сам собой, и на пол с грохотом вываливается Спурий Тит Мамма.

Ах, наш рекордсмен тоже не спит?

Спурий Тит Мамма. Я устал. Я смертельно устал... (*С трудом поднимается.*)

Ромул. Ты обронил кинжал, Спурий Тит Мамма.

Спурий Тит Мамма (*растерянно поднимает кинжал и прячет его под черным плащом.*) Я не спал уже сто десять часов.

Ромул. Может быть, тут еще кто-нибудь спрятался? Выходите, пожалуйста!

Из-под левого дивана вылезает Марес,
за ним солдат, оба в черных плащах.

Марес. Прости, государь, мне хотелось поспорить с тобой о тотальной мобилизации.

Ромул. А кого это ты прихватил на дискуссию, рейхсмаршал?

Марес. Моего адъютанта.

Из-под дивана медленно вылезает повар в высоком белом колпаке и тоже в черном плаще. Император впервые явно потрясен.

Ромул. И ты, повар? С тем самым ножом, которым ты зарезал столько императоров?

Повар, опустив глаза, присоединяется к остальным,
окружающим теперь императора с трех сторон.

Вы, я вижу, все в черном. Один вылез у меня из-под кровати, другой из-под дивана, третий из шкафа. Сгорбившись в три погибели, вы просидели там полночи. Зачем?

Все молчат.

Тулий Ротунд. Мы хотим поговорить с тобой, римский император.

Ромул. Император не знал, что наш этикет требует от желающих с ним поговорить подобной акробатики. (*Встает и звонит.*) Пирам! Ахилл!

Из глубины сцены дрожа выбегают Ахилл и Пирам,
оба в халатах и ночных колпаках.

Ахилл. Государь!

Пирам. Ваше величество!

Ромул. Ахилл, императорскую тогу! Пирам, лавровый венец!

Ахилл накидывает ему на плечи императорскую тогу,
Пирам надевает лавровый венок.

Ахилл, убрать стол и вино! Настал торжественный миг.

Ахилл и Пирам уносят стол направо.

Теперь идите досыпайте.

Пирам и Ахилл кланяются и, до крайности смущенные и напуганные, уходят в центральную дверь.

Император готов вас выслушать. Что вы ему скажете?

Тулий Ротунд. Верни нам провинции.

Марес. Верни легионы.

Эмилиан. Верни империю.

Полная тишина.

Ромул. Император не обязан давать вам отчет.

Эмилиан. Ты несешь ответственность перед Римом.

Зенон. Ты ответишь перед историей.

Марес. Ты опирался на нас.

Ромул. Я не опирался на вас. Если бы вы завоевали мне мир, у вас было бы основание так говорить. Но я потерял мир, который не вы завоевали. Я кинул его сам, как фальшивую монету. Я свободен. Мне до вас нет дела. Вы только мошки, которые кружат в моем сиянии, вы только тени, которые исчезнут, когда я перестану светить.

Заговорщики отступают от него.

Лишь один из вас вправе с меня спрашивать, с ним одним я и буду говорить. Подойди, Эмилиан.

Эмилиан медленно подходит к нему справа.

Не мне говорить с тобой как с офицером, потерявшим честь. Я — человек штатский и в офицерской чести никогда не разбирался. Я говорю с тобой как с человеком, хлебнувшим горя и претерпевшим пытки. Я люблю тебя как сына, Эмилиан. Как человек, который пострадал, как тысячекратно униженная жертва власти, ты мог бы стать величайшим укором для тех, кто, как я, не хочет защищаться. Чего ты требуешь от своего императора, Эмилиан?

Эмилиан. Я требую ответа, император Ромул.

Ромул. Хорошо, я дам тебе ответ.

Эмилиан. Что ты сделал, чтобы твой народ не оказался под пятой германцев?

Ромул. Ничего.

Эмилиан. Что ты сделал, чтобы Рим не был унижен, как я был унижен?

Ромул. Ничего.

Эмилиан. Как же ты думаешь оправдаться? Ты обвиняешься в измене родине.

Ромул. Не я изменил родине. Рим сам себе изменил. Он знал правду, а предпочел силу. Он знал человечность, а предпочел тиранию. Он вдвойне унизился — перед самим собой и перед народами, которые оказались в его власти. Ты стоишь у призрачного трона, Эмилиан, у трона римских императоров, и я последний, кому он достался. Я хочу раскрыть тебе глаза, чтобы ты взглянул на этот трон, на эту гору нагроможденных черепов, на потоки крови, дымящиеся на его ступенях. Какого ты ждешь ответа с вершины гигантского здания римской истории? Глядя на твои раны, что может сказать император, восседающий над трупами своих и чужих сыновей, над гекатомбами жертв, сваленных к его ногам, павших на войнах во имя чести Рима и на аренах на потеху Риму? Рим ослабел, это старик, едва держащийся на ногах, но вина с него не снята и преступления ему не отпущены. Этой ночью пришла пора. Сбылись проклятия, которые посылали Риму его жертвы. Ненужное дерево валят. Топор ударил по стволу. Идут германцы. Мы проливали чужую кровь, теперь приходится платить собственной. Не отворачивайся, Эмилиан, не прячь глаз от того, кто обнаружил перед тобой давние грехи нашей истории, еще более страшные, чем твои раны. Речь идет о справедливости, за которую мы пили. Теперь ты мне отвечай: есть у нас право защищаться? Есть у нас право на большее, чем быть просто жертвами?

Эмилиан молчит.

Ты молчишь.

Эмилиан медленно отходит к тем,
кто с трех сторон окружил императора.

Ты снова с теми, кто, как воры, забрались ко мне этой ночью. Поговорим начистоту. Да не будет отныне меж нами и тени лжи и тени притворства. Я знаю, что вы прячете под черными плащами, я знаю, к чему потянулись теперь ваши руки. Но вы просчитались. Вы надеялись расправиться с безоружным, а я поражаю вас силой правды и пронзаю острием справедливости. Не вы на меня напали, я нападаю на вас. Я не обвиняемый, я вас обвиняю. Защищайтесь! Разве вы не знаете, перед кем стоите? Я со-

знательно погубил родину, которую вы хотите защищать. Я ломаю у вас под ногами лед, я выжигаю из земли ваши корни. Что же вы молча жметесь у стен, бледные, как зимняя луна? Вам надо выбирать — убейте меня, если уверены, что я не прав, или сдайтесь германцам, если поняли, что у нас нет больше права защищаться. Отвечайте!

Они молчат.

Отвечайте!

Эмилиан (*высоко заносит кинжал.*) Да здравствует Рим!

Выхватывая кинжалы, все медленно подходят к Ромулу. Он неподвижен и невозмутим. Кинжалы занесены над ним. В это мгновение из глубины сцены раздается оглушительный, полный ужаса крик: «Германцы!» Все в панике обращаются в бегство, кто через окна, кто через двери. Император по-прежнему неподвижен. Из глубины сцены появляются бледные от ужаса Пирам и Ахилл.

Ромул. Где же, однако, германцы?

Пирам. В Ноле, ваше величество.

Ромул. Зачем же тогда кричать? Выходит, здесь они будут только завтра. В таком случае я иду спать. (*Встает.*)

Пирам. Как вам будет угодно, ваше величество. (*Снимает с Ромула императорскую тогу, лавровый венок и халат.*)

Ромул (*намеревается лечь. Вдруг настораживается.*) Ахилл, у меня еще кто-то лежит возле кровати.

Ахилл подносит светильник.

Ахилл. Это Спурий Тит Мамма, ваше величество. Он храпит.

Ромул. Слава Богу, наконец-то рекордсмен заснул. Не будем его тревожить. (*Перешагнув через префекта, укладывается в постель.*)

Пирам гасит светильник и вместе с Ахиллом уходит в темноту.

Ромул. Пирам!

Пирам. Что, ваше величество?

Ромул. Когда германцы явятся, пусть войдут.

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Утро следующего за Мартовскими Идами дня четыреста семьдесят шестого года. Кабинет императора, как и в первом действии. Над дверью в глубине сцены одинокий бюст царя Ромула, основателя Рима. У двери, ожидая императора, стоят Ахилл и Пирам.

Ахилл. Какое прекрасное свежее утро.

Пирам. Не пойму, как в день всеобщего заката могло взойти солнце?

Ахилл. Даже на природу уже нельзя положиться.

Молчание.

Пирам. Шестьдесят лет, при одиннадцати императорах, мы служили Римской империи. Исторически необъяснимо, что еще при нашей жизни она перестанет существовать.

Ахилл. Я умываю руки. Я честно исполнял свои обязанности.

Пирам. Мы были во всех отношениях единственными устойчивыми столпами империи.

Ахилл. Когда нас не станет, по праву скажут: античности пришел конец.

Молчание.

Пирам. Подумать только, наступит время, когда будут говорить не по-латыни и не по-гречески, а на каком-то немыслимом языке, вроде германского.

Ахилл. Представить себе, что главари германцев, китайцев и зулусов, чей культурный уровень в тысячу раз ниже нашего, берут бразды мировой политики. Arma virumque cano[1]. Я всего Вергилия знаю наизусть.

---

[1] Воспеваю военные подвиги героя (Вергилий, «Энеида») (*лат.*).

Пирам. А я Гомера. Менин айиде тхеа[1].

Ахилл. Так или иначе, нас ждут ужасные времена.

Пирам. Да, мрачная эпоха средневековья. Не хочу быть пессимистом, но, по-моему, от нынешней катастрофы человечество уже никогда не оправится.

Входит Ромул в императорской тоге и лавровом венке.

Ахилл и Пирам. Salve, Цезарь.

Ромул. Salve. Я задержался. Меня утомило это непредвиденное скопление посетителей. Едва перелез через рекордсмена, который все еще храпит у моей кровати. Минувшей ночью я больше управлял государством, чем за все двадцать лет своего правления.

Ахилл. Конечно, ваше величество.

Ромул. Какая странная тишина. И так пусто кругом, словно все нас покинули.

Молчание.

Где моя дочь Рея?

Молчание.

Ахилл. Принцесса...

Пирам. И Эмилиан...

Ахилл. И императрица...

Пирам. Министр внутренних дел, рейхсмаршал, повар и все остальные...

Молчание.

Ромул. Ну?

Ахилл. Утонули при переправе на Сицилию.

Пирам. Эту весть принес один рыбак.

Ахилл. Уцелел, должно быть, только Зенон Исаврийский со своими камергерами — они отправились в Александрию с очередным рейсом.

Молчание. Император по-прежнему спокоен.

Ромул. Моя дочь Рея и мой сын Эмилиан... (*Смотрит на камердинеров.*) Я не вижу у вас на глазах слез.

Ахилл. Мы слишком стары.

---

[1] Гнев, о богиня, воспой (*греч.*).

Ромул. А я должен умереть. Меня убьют германцы. Уже сегодня. Горе меня теперь не задевает. Тот, кому скоро умирать, не оплакивает мертвых. Я никогда не был спокойнее и бодрее, чем сейчас, когда все уже позади. Подать утреннюю трапезу!

Пирам. Завтрак?

Ахилл. Но германцы, ваше величество, германцы могут каждую минуту...

Пирам. И принимая во внимание всеобщий траур в империи...

Ромул. Чепуха. Империи, которая могла бы объявить траур, больше нет, а сам я хочу умереть так, как жил.

Пирам. Как прикажете, ваше величество.

Император садится в кресло на авансцене. Пирам приносит небольшой столик, накрытый как обычно. Император задумчиво разглядывает посуду.

Ромул. Почему последнюю трапезу мне подают на этих старых жестяных тарелках и в этой треснувшей чашке?

Пирам. Парадный императорский сервиз ее величество увезла с собой. Он принадлежал ее отцу.

Ахилл. А теперь лежит на дне морском.

Ромул. Ничего. Для предсмертной трапезы эта убогая посуда, пожалуй, даже лучше. (*Разбивает яйцо.*) Август, разумеется, опять ничего не снес.

Пирам устремляет на Ахилла молящий взгляд.

Пирам. Ничего, государь.

Ромул. А Тиберий?

Пирам. Юлии ничего не кладут.

Ромул. А Флавии?

Пирам. Домициан снес. Но ведь ваше величество не желает есть его яйца.

Ромул. А это чье яйцо? (*Доедает яйцо.*)

Пирам. Как всегда. Марка Аврелия.

Ромул. А еще кто-нибудь несется?

Пирам. Одоакр. (*Несколько смущен.*)

Ромул. Смотри-ка!

Пирам. Снес три яйца, ваше величество.

Ромул. Эта курица нынче установит рекорд. (*Его величество пьет молоко.*) У вас торжественный вид. Что это сегодня с вами?

Ахилл. Вот уже двадцать лет как мы служим вашему величеству.

Пирам. И сорок лет предшественникам вашего величества.

Ахилл. Шестьдесят лет мы были готовы прозябать в нищете, дабы служить императорам.

Пирам. Любой извозчик зарабатывает больше императорского камердинера. В конце концов, это надо было сказать, ваше величество.

Ромул. Признаю. Но учтите, что извозчик получает больше самого императора.

Пирам устремляет на Ахилла молящий взгляд.

Ахилл. Фабрикант Цезарь Рупф предлагает нам места камердинеров.

Пирам. Четыре тысячи сестерциев в год и три раза в неделю свободные вечера.

Ахилл. На такой работе было бы время писать мемуары.

Ромул. Фантастические условия. Вы свободны. (*Снимает с головы лавровый венок и дает каждому по листику.*) Последние два листика моего золотого венка. И последняя финансовая операция моего правительства.

Слышны боевые возгласы.

Ромул. Что там, однако, за шум?

Ахилл. Германцы, ваше величество. Пришли германцы.

Ромул. Придется их принять.

Пирам. Быть может, ваше величество пожелает опоясаться императорским мечом?

Ромул. А разве он не заложен?

Пирам устремляет на Ахилла молящий взгляд.

Ахилл. Его не брал ни один ломбард. Меч ржавый, а драгоценные камни вы, ваше величество, давно уже выломали.

Пирам. Принести его?

Ромул. Лучше всего, дорогой Пирам, оставить императорский меч там, где он валяется.

Пирам. Вашему величеству ничего больше не нужно?

Ромул. Еще немного спаржевой настойки.

Пирам, дрожа, наливает.

Теперь можете идти. Императору вы больше не нужны. Вы были безупречными слугами.

Оба в страхе уходят. Император выпивает рюмку. Справа входит германец. Он двигается свободно и непринужденно, несколько высокомерен, и ничего варварского, кроме штанов, на нем не заметно. Он озирается по сторонам, как будто пришел в музей, временами делает заметки в записной книжке, которую достает из кожаной сумки. На нем просторная легкая куртка, широкополая дорожная шляпа — словом, ничего воинственного, кроме меча, которым он опоясан. Его сопровождает молодой человек в военной форме, однако и в нем нет ничего устрашающего. Разглядывая комнату, германец как бы случайно среди других предметов обнаруживает императора. Оба с удивлением глядят друг на друга.

Германец. Римлянин!

Ромул. Здравствуй!

Молодой германец обнажает меч.

Молодой человек. Умри, римлянин!

Германец. Убери меч, племянник!

Молодой человек. Как прикажешь, дядюшка.

Германец. Прости, римлянин.

Ромул. Отчего же, пожалуйста. Ты — настоящий германец? (*Недоверчиво на него глядит.*)

Германец. Древнейшего рода.

Ромул. Этого я уж не понимаю. Тацит пишет, что все вы варвары — великаны с дерзкими голубыми глазами и рыжими волосами, а глядя на тебя, подумаешь — переодетый византийский ботаник.

Германец. Я тоже представлял себе римлян совсем иначе. Говорили, что вы бесстрашные герои, а оказывается, ты единственный, кто не сбежал.

Ромул. У нас порой бытуют совершенно ложные представления о расах. А то, что у тебя на ногах, это и есть штаны?

Германец. Ну да.

Ромул. В самом деле странная одежда. А где же ты их застегиваешь?

Германец. Спереди.

Ромул. Очень практично. (*Пьет спаржевую настойку.*)

Германец. Что ты пьешь?

Ромул. Спаржевую настойку.

Германец. Можно попробовать?

Ромул. Сам настаивал.

Император наливает. Германец пьет, морщится.

Германец. Отвратительно. У этого напитка нет будущего. Пиво лучше. (*Садится рядом с Ромулом за стол и снимает шляпу.*) Должен тебя поздравить. У тебя в парке над прудом отличная Венера.

Ромул. А что в ней особенного?

Германец. Подлинный Пракситель.

Ромул. Вот незадача. Я-то всегда думал, что это грошовая копия, а теперь антиквар уехал.

Германец. Позволь-ка! (*Рассматривает скорлупу яйца, которое съел Ромул.*) Недурно.

Ромул. Ты куровод?

Германец. Страстный.

Ромул. Удивительно! Я ведь тоже куровод.

Германец. Ты тоже?

Ромул. Я тоже.

Германец. Наконец-то есть с кем поговорить. Это в парке твои куры?

Ромул. Мои. Отличная домашняя порода. Импортные — из Галлии.

Германец. Несутся?

Ромул. Ты сомневаешься?

Германец. Скажи честно. Судя по яйцу, неважно они несутся.

Ромул. Ладно, признаюсь, они несутся все хуже и хуже. Между нами, куроводами, говоря, это меня тревожит. В хорошей форме только одна несушка.

Германец. Серая с желтыми крапинками?

Ромул. Как ты догадался?

Германец. Это ведь я велел доставить ее в Италию. Хотелось проверить, как она себя будет чувствовать в южном климате.

Ромул. Могу тебя поздравить. Отличная порода, ничего не скажешь.

Германец. Сам вывел.

Ромул. Ты, я вижу, выдающийся куровод.

Германец. В конце концов, как правитель, я вынужден этим заниматься.

Ромул. Как правитель? А кто ты, собственно, такой?

Германец. Я Одоакр, князь германцев.

Ромул. Рад с тобой познакомиться.

Одоакр. А ты кто?

Ромул. Я — римский император.

Одоакр. Мне тоже очень приятно завести такое знакомство. Я, правда, и раньше знал, с кем говорю.

Ромул. Ты знал?

Одоакр. Прости меня за притворство. Врагам бывает неловко оставаться с глазу на глаз, и я решил, что для начала разговор о куроводстве будет уместнее, чем разговор о политике. Позволь представить моего племянника. Поклонись, племянник.

Племянник. Как прикажешь, дядюшка.

Одоакр. Оставь нас одних, племянник.

Племянник. С удовольствием, дядюшка. (*Уходит.*)

Молчание. Они глядят друг на друга.

Одоакр. Ты, значит, Ромул. Все эти годы я много о тебе думал.

Ромул. А ты, стало быть, Одоакр. Для меня ты был олицетворением врага, а, оказывается, ты такой же куровод, как и я.

Одоакр. Настала минута, которой я ждал столько лет.

Император вытирает рот салфеткой, встает.

Ромул. Как видишь, я готов.

Одоакр. К чему?

Ромул. Умереть.

Одоакр. Тебе грозит смерть?

Ромул. Всему миру известно, как германцы обходятся с пленными.

Одоакр. Ты слишком поверхностно знаешь своих врагов, император Ромул, если полагаешься на то, что о них болтает весь мир.

Ромул. А чего ты можешь хотеть, кроме моей смерти?

Одоакр. Сейчас увидишь. Племянник!

Справа входит племянник.

Племянник. Что прикажешь, дядюшка?

Одоакр. Поклонись римскому императору, племянник.

Племянник. Как прикажешь, дядюшка. (*Кланяется.*)

Одоакр. Ниже, племянник.

Племянник. С удовольствием, дядюшка.

Одоакр. Стань перед римским императором на колени!

Племянник. Как прикажешь, дядюшка. (*Преклоняет колена.*)

Ромул. Что это значит?

Одоакр. Встань, племянник.

Племянник. С удовольствием, дядюшка.

Одоакр. Выйди, племянник.

Племянник. Как прикажешь, дядюшка. (*Уходит.*)

Ромул. Ничего не понимаю.

Одоакр. Я пришел не за тем, чтобы тебя убить, римский император. Я пришел, чтобы вместе со всем моим народом вступить к тебе в подданство. (*Тоже преклоняет колена.*)

Ромул (*насмерть перепуган.*) Но это же безумие!

Одоакр. И германец может поступить разумно, римский император.

Ромул. Ты что, издеваешься?

Одоакр (*встает*). Ромул, о курах мы с тобой поговорили, отлично понимая друг друга. Неужели нельзя, понимая друг друга, поговорить о судьбах наших народов?

Ромул. Говори.

Одоакр. Можно сесть?

Ромул. Нечего спрашивать, ты победитель.

Одоакр. Ты забываешь, что я только что вступил к тебе в подданство.

Молчание.

Ромул. Садись.

Оба садятся. Ромул мрачен. Одоакр внимательно на него смотрит.

Одоакр. Ты видел моего племянника. Его зовут Теодорих*.

Ромул. Видел.

Одоакр. Очень воспитанный молодой человек. «Как прикажешь, дядюшка», «С удовольствием, дядюшка». И так с утра до вечера. Его поведение безукоризненно. Он весь народ заразил своей добропорядочностью. К девушке не прикоснется, пьет только воду, спит на голой земле. Каждый день — боевые учения. И сейчас в прихожей небось тренируется.

Ромул. Так он же герой!

Одоакр. Воплощенный идеал германца. Мечтает о мировом господстве, и весь народ вместе с ним. Потому мне и пришлось затеять этот поход. Я был один, а против меня племянник, стихотворцы и общественное мнение — пришлось уступить. Я надеялся вести войну гуманно, ведь римляне почти не оказывали сопротивления.

Но чем дальше я продвигался на юг, тем больше преступлений совершала моя армия. И не потому, что она кровожаднее других армий, а потому, что всякая война — зверство. Я был в ужасе. Хотел даже прервать поход. Собирался взять деньги у фабриканта штанов, — моих полководцев еще можно было купить, я еще мог, наверное, все сделать по-своему. Какое-то время еще мог. Но вскоре я уже ничего больше не смогу. Тогда мы окончательно станем народом героев. Спаси меня, Ромул, на тебя вся моя надежда.

Ромул. Какая надежда?

Одоакр. Остаться в живых.

Ромул. А что тебе грозит?

Одоакр. Мой племянник пока еще кроток, он еще вежлив, но в один прекрасный день он меня убьет. Знаю я эту германскую преданность.

Ромул. И поэтому ты решил вступить ко мне в подданство?

Одоакр. Всю жизнь мне хотелось увидеть подлинное человеческое величие, непохожее на дутое величие моего племянника, которого, увидишь, они еще назовут Теодорихом Великим — я этих историков знаю! Я — мужик и ненавижу войну. Я ищу человечности, которой я не мог сыскать в дремучих германских лесах. Я нашел ее в тебе, император Ромул. Твой обергофмейстер Эби тебя раскусил.

Ромул. Эби был у меня при дворе по твоему заданию?

Одоакр. Он был моим шпионом. Но он доносил о хорошем, о настоящем, о справедливом человеке, о тебе, Ромул.

Ромул. Он доносил тебе о дураке. Всю жизнь я отдал на то, чтобы приблизить день, когда Римская империя рухнет. Я считал себя вправе судить Рим, раз я сам готов был умереть. Я требовал от моей страны неслыханных жертв, поскольку я жертвовал собой. Я спокойно смотрел, как льется кровь моего народа, который я обезоружил, — ведь я решил пролить свою собственную кровь. И вот я должен жить. Моя жертва не будет принята. Мне суждено быть тем, единственным, кто уцелеет. Мало того. Перед твоим приходом мне сообщили, что моя дочь, которую я люблю, погибла вместе с женихом. Погибла моя жена и весь мой двор. Я принял эту весть с легкостью — ведь я думал, что сам умру, а теперь эта весть беспощадно меня

разит, безжалостно меня опровергает Все, что я сделал, стало бессмыслицей. Убей меня, Одоакр.

Молчание.

Одоакр. Ты это говоришь от горя. Преодолей свою боль и прими меня в подданство.

Ромул. Ты боишься. Победи свой страх и убей меня.

Молчание.

Одоакр. Ты думал о своем народе. Ромул, подумай теперь о своих врагах. Если ты не примешь меня в подданство, если мы с тобой не будем действовать сообща, мир достанется моему племяннику. Тогда возникнет новый Рим — Германская империя, столь же бренная, как и Римская, и столь же кровавая. Если это случится, дело всей твоей жизни — гибель Рима — и впрямь станет бессмыслицей. Ты не вправе растоптать собственное величие, Ромул, ты — единственный человек, который умеет править этим миром. Будь милостив, прими меня в подданство, стань нашим императором, защити нас от кровавого величия Теодориха.

Молчание

Ромул. Я больше не могу, германец. Даже если бы и хотел. Ты выбил у меня из рук оправдание моих поступков.

Одоакр. Это твое последнее слово?

Ромул (*преклоняет колена.*) Убей меня! На коленях тебя молю!

Одоакр. Я не могу тебя заставить помогать нам. Дело плохо. Но я не в силах тебя убить. Я ведь люблю тебя.

Ромул. Если ты не хочешь меня убить, я найду выход Единственный человек, еще жаждущий моей крови, спит у меня под кроватью. Пойду разбужу его. (*Встает.*)

Одоакр (*тоже поднимается.*) Это не выход, Ромул. Ты просто отчаялся. Твоя смерть тоже бессмыслица — в ней был бы смысл, если бы мир был таким, каким ты его себе представлял. А мир не таков. Твой враг тоже человек, и так же, как ты, он хочет быть справедливым. Надо покориться судьбе. Ничего другого не придумаешь.

Молчание.

Ромул. Присядем-ка опять.

Одоакр. Что нам еще делать?

Ромул. А как ты поступишь со мной?
Одоакр. Переведу тебя на пенсию.
Ромул. На пенсию?
Одоакр. Другого выхода нет.

Молчание.

Ромул. Выход на пенсию, пожалуй, самое страшное, что может со мной случиться.

Одоакр. Не забудь, что и меня ждет нечто ужасное. Тебе придется провозгласить меня королем Италии. Это будет началом моего конца, если я сразу же не приму меры. Итак, хочу я или нет, придется начать мое царствование с убийства. (*Обнажает меч и устремляется направо.*)

Ромул. Что ты собираешься делать?

Одоакр. Убить племянника. Я покуда еще сильнее, чем он.

Ромул. Теперь ты отчаялся, Одоакр. Если ты убьешь своего племянника, на его место придут тысячи новых Теодорихов. Твой народ мыслит не так, как ты. Ему нужен культ героев. Не в твоей власти это изменить.

Молчание.

Одоакр. Сядем-ка опять.

Садятся.

Ромул. Мой дорогой Одоакр, я хотел играть роль судьбы, а ты хотел избежать своей судьбы. Но обоим нам судьба быть политиками, потерпевшими крах. Мы надеялись освободиться от мира, ты от Германской империи, я от Римской, а теперь придется приводить в порядок их развалины. Нельзя их оставлять без присмотра. Я осудил Рим — меня пугало его прошлое; ты осудил Германию — тебя пугало ее будущее. Мы были во власти призраков, ведь мы не распоряжаемся ни тем, что было, ни тем, что будет. У нас есть власть лишь над настоящим, но мы о нем не думали и потерпели крах. Теперь придется, сидя на пенсии, заново пережить свою жизнь, оплакивая дочь, которую любил, сына, жену и всех несчастных, которые у меня на совести.

Одоакр. А мне придется управлять государством.

Ромул. Жизнь внесла поправки в наши планы.

Одоакр. И весьма горькие.

Ромул. Стерпим и это. Попробуй за те немногие годы, которые тебе предстоит править миром, внести разум в безумие. Подари германцам и римлянам мир. Принимайся же за дело, князь германцев. Правь теперь ты! Пройдет несколько лет, о которых всемирная история и не вспомнит, — не героические это будут годы, но их причислят к счастливейшим годам нашей беспокойной земли.

Одоакр. И тут мне придется умереть.

Ромул. Утешься. Меня твой племянник тоже убьет. Он не простит, что ему пришлось стоять передо мной на коленях.

Одоакр. Начнем же выполнять наш невеселый долг.

Ромул. Ладно, не будем мешкать. Сыграем еще раз комедию напоследок. Будем вести себя, словно расчеты наши оправдались, словно дух взял верх над человеческой плотью.

Одоакр. Племянник!

Справа входит племянник.

Племянник. Что прикажешь, дядюшка?

Одоакр. Позови моих полководцев, племянник.

Племянник. Как прикажешь, дядюшка. (*Уходит направо.*)

В медленном марше сцену заполняют грязные и усталые германцы. На них одноцветные холщовые одежды и простые шлемы. Одоакр встает.

Одоакр. Германцы! Овеянные пылью, утомленные долгими походами, опаленные солнцем, вы завершили свой поход. Вы стоите перед римским императором. Воздайте ему честь.

Германцы приветствуют Ромула.

Германцы! Вы глумились над ним, вы пели о нем похабные песни на проселочных дорогах и ночью у лагерного костра. Но я узнал, как человечен этот человек. Никогда я не видел никого более великого, и никогда вы не увидите более великого среди моих преемников. Теперь твое слово, римский император.

Ромул. Император объявляет империю распущенной. Взгляните еще раз на этот цветастый шар, на эту мечту о великой империи, которая парит над нами, гонимая легким дуновением моих губ; взгляните на эти просторы,

которые тянутся вдоль моря, где танцуют дельфины, на богатые провинции, где земля золотится от пшеницы, на кишащие людьми города, где бурлит жизнь, на солнце, которое согревало людей, а достигнув зенита, сжигало все кругом, — и вот этот шар в руках императора обращается в ничто.

Благоговейное молчание. Германцы с удивлением глядят на императора.

Ромул (*встает.*) Я провозглашаю вождя германцев Одоакра королем Италии.

Германцы. Да здравствует король Италии!

Одоакр. Я, со своей стороны, предоставляю римскому императору виллу Лукулла в Кампанье. Сверх того, ему определяется пенсия в шесть тысяч золотых в год.

Ромул. Нищая жизнь римского императора позади. Вот тебе лавровый венок и императорская тога. Императорский меч ты найдешь среди садовой утвари, а сенат — в римских катакомбах. Достаньте мне теперь со стены бюст моего тезки, царя Ромула, основателя Рима.

Один из германцев подает ему бюст.

Большое спасибо. (*Берет бюст под мышку.*) Я покидаю тебя, князь германцев. Теперь я пенсионер.

Германцы. Да здравствует Ромул Великий!

Из глубины сцены выбегает Спурий Тит Мамма с обнаженным мечом.

Спурий Тит Мамма. Сюда его, императора! Я его убью!

Король Италии с достоинством идет ему навстречу.

Одоакр. Опусти меч, префект. Императора больше нет.

Спурий Тит Мамма. А империя?

Одоакр. Распущена.

Спурий Тит Мамма. Значит, последний императорский офицер проспал гибель империи! (*Потрясенный, опускается в императорское кресло.*)

Ромул. На этом, милостивые государи, Римская империя прекратила свое существование.

Опустив голову, император с бюстом под мышкой медленно уходит. Германцы благоговейно замирают.

ПРИМЕЧАНИЯ АВТОРА

Эта комедия трудна тем, что кажется легкой. Ревностному поклоннику немецкой литературы с ней нечего делать. Ведь стиль для него — то, что звучит торжественно. В Ромуле он увидит только страсть к остротам и поместит пьесу где-то между Тео Лингеном* и Шоу. Такая участь не будет, однако, для Ромула столь уж неподходящей. Двадцать лет он разыгрывает шута, и людям, его окружавшим, не приходило в голову, что и в его шутовстве была своя система. Об этом стоит поразмыслить. Моих героев прежде всего нужно показывать с внешней стороны. Это следует иметь в виду актерам и режиссерам. Практически говоря, как надлежит изображать Эмилиана? Он целые дни, может быть, недели шел окольными путями мимо разоренных городов, наконец добрался до императорского особняка, который хорошо знал, и вдруг спрашивает: «Это вилла императора в Кампанье?» Если в этой фразе не послышится скептическое удивление при виде упадка и превращения в курятник виллы, которая все-таки является императорской резиденцией, то этот вопрос прозвучит риторически, так же как и тогда, когда, робея и подчиняясь ее очарованию, он спрашивает возлюбленную: «Кто ты?» Он действительно ее уже не узнает, он действительно ее забыл, он лишь подозревает, что когда-то знал, когда-то любил эту женщину. Эмилиан — противоположность Ромулу. Его судьбу надлежит судить по-человечески, как бы глазами императора, который за поруганной офицерской честью увидел «тысячекратно униженную жертву власти». Ромул принимает Эмилиана всерьез, как несчастного человека, который был в плену, подвергался пыткам. Единственное, с чем он не согласен, — это с требованием: «Ступай, возьми нож!», с пренебрежением к любимой ради того,

чтобы жила империя. Человечность должна быть найдена актерами в каждом моем образе, иначе их нельзя сыграть. Это относится ко всем моим пьесам, однако самая большая трудность встает перед исполнителем роли Ромула: он не должен слишком быстро завоевывать симпатии публики. Это легко сказать, но, вероятно, почти невозможно выполнить, и все же этим следует руководствоваться. Сущность императора должна раскрыться только в третьем акте. Фраза префекта в первом акте: «Этот император позорит Рим!» — и фраза Эмилиана во втором: «Долой такого императора!» должны прозвучать убедительно. Если в третьем акте Ромул судит мир, то в четвертом мир судит Ромула. Взгляните же, что за человека я изобразил: остроумного, вольного в поведении, гуманного, но в конечном счете человека, который действует с предельной твердостью и беспощадно требует того же от других, то есть опасного субъекта, который наперед обрекает себя на смерть; это и страшно в императоре-куроводе, в судье мира, рядящемся шутом, трагедия которого заключена в комедии его конца, в переходе на пенсию, и у которого все же — только тем он и велик — хватает благоразумия и мудрости примириться с судьбой.

Брак господина Миссисипи

Die Eche des Herrn Missisippi

Действующие лица

Анастасия
Флорестан Миссисипи
Фредерик Рене Сен-Клод
Граф Бодо фон Юбелоэ-Цабернзе
Министр Диего
Служанка
Три священника
Трое в плащах, каждый из них
держит правую руку в кармане
Два санитара
Профессор Юберхубер
Врачи-психиатры

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Пока публика заполняет зал, звучит заключительный хор Девятой симфонии Бетховена.

Поднимается занавес, открывая комнату, позднебуржуазная пышность и великолепие которой почти не поддаются описанию. Но поскольку действие будет происходить в ней, и только в ней, более того, поскольку нет смысла скрывать, что последующие события и представляют историю этой комнаты, рискнем ее описать. Помещение отличается вопиющей безвкусицей. На заднем плане два окна, из которых открывается странный вид; справа ветви яблони, за ними какой-то северный город с готическим собором, слева кипарис, руины античного храма, морской залив, гавань. Между окнами, не возвышаясь над ними, стоят напольные часы, тоже в готическом стиле. Над ними портрет розовощекого, пышущего здоровьем сахарного фабриканта. А теперь перейдем к правой стене. Там две двери. Та, что в глубине, ведет через веранду в другое помещение; на нее можно не обращать внимания, она понадобится мне только в пятом акте; та, что на переднем плане справа, ведет в вестибюль, который находится за углом слева. Не станем ломать себе голову по поводу архитектуры здания, предположим, что это причудливо перестроенный патрицианский дом. Между дверями справа небольшой буфет, на этот раз, скажем, в стиле Людовика Пятнадцатого. На нем богиня любви. Само собой, гипсовая. В левой стене только одна дверь. Она открывается между двумя зеркалами в стиле fin-de-siècle[1] и ведет в будуар, а из будуара — в спальню; в эти помещения позволено входить многим персонажам, но не нам. На переднем плане слева висит в воздухе рама еще одного зеркала, в стиле Людовика Шестнадцатого, разумеется, без стекла; те, кто в него смотрят, видят зрительный зал. На переднем плане справа могла бы висеть маленькая, овальная, пустая картина. В центре круглый кофейный столик в стиле бидермейер, по бокам два кресла в стиле Людовика Четырнадцатого. Этот столик можно считать главным действующим лицом пьесы, вокруг него разворачивается игра и строится вся инсценировка. Наверняка где-нибудь можно разместить немного ампира, например поставить слева маленький диван, а за ним — ширму. От русской мебели, если это не противоречит политической ситуации, можно отказаться. На столике японская ваза с красными розами, во втором акте их можно заменить на белые, в третьем — на желтые. В остальных актах предлагаю оставить вазу без цветов.

---

[1] Конец века (*франц.*).

Далее, кофейный прибор на две персоны. Вы угадали, мейсенский фарфор. У столика — Сен-Клод, которого мы, не входя в подробности этой личности, представляем себе мощным, массивным человеком с почти квадратной фигурой; в данный момент он во фраке, который ему явно не идет. Красные чулки. Лакированные башмаки. Звонит маленький серебряный колокольчик. Справа входят трое в плащах, по виду напоминающие добродушных пивоваров, на рукавах красная повязка, правая рука в кармане.

Первый из трех вошедших. Руки за голову.

Сен-Клод повинуется.

Второй. Встань между окон.

Сен-Клод повинуется.

Третий. Повернись лицом к напольным часам.

Сен-Клод повинуется.

Выстрел.

Первый. Легкая смерть. Легче не бывает.

Сен-Клод продолжает стоять. Трое в плащах — правая рука снова в кармане — выходят в дверь справа. Сен-Клод поворачивается к публике и произносит, изображая то директора захудалого театра, то Мефистофеля, следующий монолог.

Сен-Клод. Дамы и господа, как вы, должно быть, изволили заметить, меня только что расстреляли, а незадолго до этого кончилась бессмертная Девятая. Пуля, я думаю, вошла в мое тело где-то между лопаток — сказать точнее я при всем желании не могу (*он ощупывает рукой спину*), — прошила внутренности, поразила сердце и вышла, мне кажется, вот здесь из груди, пробила фрак, погнула орден «Pour le mérite»[1], что сопряжено с неприятностями, поскольку и фрак, и орден не мои, после чего повредила напольные часы; так примерно я себе это представляю. Мое нынешнее состояние не лишено приятности. Если не считать вполне понятного изрядного удивления, что после всего, что случилось, я все еще перед вами, чувствую я себя преотлично. Особенно это касается моей печени, которая вдруг перестала меня беспокоить. Она была поражена коварной болезнью, которую я, до того как умереть, трусливо пытался скрыть, руководствуясь исключительно принципами морали, но которой, должен

[1] «За заслуги» (*франц.*).

теперь признаться, я обязан значительной частью своего излишне радикального миросозерцания. Моя смерть, которую вы только что видели, эта весьма тривиальная, но, к великому сожалению, — до чего странные выражения приходится теперь употреблять (*он качает головой*) — эта, стало быть, к великому сожалению, не такая уж необычная смерть случится, как легко догадаться, только в самом конце пьесы, ибо если уж появились типы с повязками на рукавах, то все кончается, игра уже проиграна. Но по соображениям, которые я назвал бы терапевтическими, мы показали мое убийство в самом начале — и сразу предвосхитили одну из самых жутких сцен. Кроме того, — об этом тоже нельзя не сказать — к моменту моей мучительной смерти здесь будут валяться и другие трупы — обстоятельство, которое сейчас могло бы вас смутить, но в котором нет ничего необычного, если иметь в виду, что в этой комедии речь, между прочим, идет о браке моего друга Миссисипи. Между прочим, потому что тут затрагиваются отнюдь не безоблачные судьбы трех мужчин (*три патетических поясных портрета, изображающих слева направо Сен-Клода, Юбелоэ и Миссисипи, двое крайних в черной рамке опускаются сверху и остаются висеть в глубине сцены*), которые по разным причинам вбили себе в голову ни больше ни меньше как отчасти изменить, отчасти спасти мир, но которым, надо сказать, ужасно не повезло — на их пути встретилась женщина (*сверху опускается портрет Анастасии, тоже в черной рамке, и повисает между Юбелоэ и Миссисипи*), которую нельзя было ни изменить, ни спасти, так как она больше всего на свете любила удовольствия — во всяком случае, отметим задним числом, очень даже привлекательная жизненная позиция, — так что и эту комедию с полным на то правом можно было бы назвать «Любовь графа Бодо фон Юбелоэ-Цабернзе», или «Приключения господина Сен-Клода», или коротко и ясно: «Госпожа Анастасия и ее любовники». (*Произнося эти слова, он указывает на соответствующий портрет.*) Правда, в результате осложнений все в конце концов рушится, да и вообще сюжет развивается самым решительным образом, что само по себе прискорбно, но тут уж — из любви к истине — ничего изменить нельзя, тем более теперь, когда известен финал. (*Портреты снова исчезают.*) И если вы видите, как один из немногих

оставшихся в живых бредет, пошатываясь, мимо обоих окон — вот, пожалуйста (*за окнами нетвердой походкой проходит граф Юбелоэ с синим флагом в руках*), размахивая благочестивым флагом и торопясь вслед за смешной процессией Армии Спасения, то вы должны нас простить, такого просто быть не могло, так как мы находимся на втором этаже дома, об этом вы можете судить хотя бы по тому, что видите со своих мест верхушки деревьев, речь идет о кипарисе и яблоне. Но давайте все же начнем нашу историю. Мы могли бы, к примеру, начать с того, как я в Румынии затеваю ту самую революцию, которая привела к свержению царя Михаила, или как граф Юбелоэ в Тампанге, убогом захолустье в глубине Борнео, в пьяном виде пытается вырезать слепую кишку пьяному малайцу. (*Сверху опускаются две картины, изображающие эти события.*) Но останемся здесь, в этом знакомом нам помещении. Вернемся назад (*картины опять поднимаются вверх*), нам это сделать нетрудно, так как мы остаемся на этом же месте — хотя не совсем ясно, где, собственно, находится этот дом — сперва автор выбрал юг, отсюда кипарис, храм и море, затем север — отсюда яблоня и собор, — стало быть, давайте вернемся назад, в то время, когда до печального события, свидетелем которого вы были в самом начале, оставалось еще пять лет, назад в сорок седьмой или сорок восьмой год, на пять лет в прошлое, считая от настоящего момента, если такое вообще возможно. Итак, стоит месяц май, окна слегка приоткрыты (*окна немного приоткрываются*), на столике красная роза, над напольными часами висит портрет первого мужчины, которому выпало счастье жениться на Анастасии, портрет сахарного фабриканта, его звали Франсуа. Служанка вводит моего старого друга Миссисипи (*служанка и Миссисипи входят через правую дверь*), он, как всегда, корректен, на нем, как всегда, черный сюртук, он подает миловидной служанке трость, пальто и цилиндр, а я в это время — к сожалению, в прежней жизни мне часто приходилось лазить в окно — удаляюсь испытанным путем — путем, может быть, для покойников и не совсем привычным, но откуда мне, только что умершему, без всякой подсказки знать их способы превращения в ничто... Короче, пока я отправляюсь в то место (*недоверчиво смотрит куда-то в глубь земли*), о котором я не имею ни малейшего представ-

ления (*вылезает в левое окно*), пять лет тому назад господин Миссисипи принимает здесь важное решение.

Сен-Клод исчезает.

Служанка. Мадам сейчас придет.

Служанка выходит направо. Миссисипи рассматривает портрет сахарного фабриканта. Слева входит Анастасия. Миссисипи вежливо кланяется

Анастасия. Что вам угодно?

Миссисипи. Меня зовут Миссисипи. Флорестан Миссисипи.

Анастасия. Вы мне написали, что должны поговорить со мной по срочному делу.

Миссисипи. Да, по срочному. К сожалению, из-за своей занятости я смог прийти только после обеда.

Анастасия. Вы были другом моего мужа?

Она бросает короткий взгляд на портрет в глубине сцены. Миссисипи делает то же самое.

Миссисипи. Его внезапная смерть — большой удар для меня. (*Кланяется.*)

Анастасия (*слегка смущаясь*). Он умер от паралича сердца.

Миссисипи (*снова кланяется*). Примите мои глубокие соболезнования.

Анастасия. Можно пригласить вас на чашку кофе?

Миссисипи. Вы очень добры.

Они садятся за столик. Анастасия слева, Миссисипи справа. Анастасия наливает. Сцену за кофейным столиком необходимо инсценировать очень точно, воссоздавая все движения действующих лиц: так, они одновременно подносят чашки ко рту, одновременно помешивают кофе ложечкой и т.д.

Анастасия. В своем письме вы настоятельно просили меня выслушать вас. Ради моего покойного супруга. (*Она бросает взгляд на портрет.*) В противном случае я бы не приняла вас всего через несколько дней после смерти Франсуа. Надеюсь, вы меня понимаете.

Миссисипи. Еще как понимаю. Я тоже воздаю должное покойникам. (*Бросает взгляд на портрет.*) Не будь мое дело столь срочным, я бы не осмелился обременить вас своим визитом, тем более что и я скорблю об утрате.

Несколько дней назад скончалась моя молодая супруга (*после короткой паузы, со значением*). Ее звали Мадлен.

Он испытующе смотрит на Анастасию,
которая чуть заметно вздрагивает.

Анастасия. Мне очень жаль.

Миссисипи. У нашей семьи тот же домашний врач, что и у вашей, — старый доктор Бонзельс. Он-то и сообщил мне печальную весть о смерти вашего супруга. У моей супруги доктор Бонзельс установил ту же причину смерти — паралич сердца.

Он снова пристально смотрит на Анастасию,
она опять вздрагивает.

Анастасия. Я тоже прошу вас принять мои сердечные соболезнования.

Миссисипи. Чтобы понять суть моего дела, нужно с самого начала объяснить вам, уважаемая госпожа, кто я такой. Я прокурор.

Анастасия в паническом страхе роняет на пол чашку.

Анастасия. Простите мне мою неловкость.

Миссисипи (*кланяется*). О, пожалуйста. Я привык к тому, что повсюду внушаю страх и трепет.

Анастасия звонит в маленький серебряный колокольчик.
Справа появляется служанка, вытирает пролитый кофе,
подает Анастасии новый прибор и выходит.

Анастасия. Вы не положили себе сахару. Прошу вас, угощайтесь.

Миссисипи. Благодарю вас.

Анастасия (*улыбаясь*). Что привело вас ко мне, господин прокурор?

Миссисипи. Причина моего визита — ваш супруг.

Анастасия. Франсуа не вернул вам долг?

Миссисипи. Речь не о денежном долге. Мы с вами совершенно незнакомы, сударыня, и я искренне сожалею, что вынужден говорить о вашем супруге неприятные вещи, но он вас обманывал.

Анастасия вздрагивает, возникает мучительная пауза.

Анастасия (*холодно*). Кто вам это сказал?

Миссисипи (*спокойно*). Моя неподкупная наблюдательность. Я наделен даром обнаруживать зло, где бы оно ни таилось, и невообразимо страдаю от этого дара.

Анастасия. Не пойму, как вы решились выдвинуть столь нелепейшее обвинение сразу после смерти моего супруга, и к тому же в комнате, где еще витает его дух. Ваше обвинение чудовищно.

Миссисипи. Еще чудовищнее факт, что ваш супруг мог злоупотреблять доверием такой женщины, как вы. Неужели вы не догадываетесь, что я пришел к вам не просто так, а только потому, что нас связывают роковые обстоятельства? Прошу вас проявить твердость духа и спокойно выслушать меня. Взаимная пытка столь ужасна, что мы должны быть предельно внимательны друг к другу.

Анастасия (*после короткой паузы, деловым тоном*). Простите мне мое вполне понятное волнение. Внезапная смерть Франсуа истощила мои силы. Еще чашечку?

Миссисипи. С удовольствием. Моя профессия требует железных нервов.

Она наливает.

Анастасия. Позвольте, я положу вам сахару?

Миссисипи. Благодарю вас. Сахар успокаивает. К сожалению, я могу уделить нашей беседе не больше получаса. Сегодня мне еще предстоит добиться смертного приговора в суде присяжных. Нынешние присяжные туповаты. (*Он пьет кофе.*) Вы все еще сомневаетесь, что ваш муж был вам неверен?

Анастасия. Клянусь, он невиновен.

Миссисипи (*после краткой паузы*). Ладно. Вы настаиваете на его невиновности. А если я назову имя женщины, с которой ваш супруг вас обманывал?

Анастасия (*вскакивает*). Кто эта женщина?

Миссисипи (*помолчав*). Ее имя я уже называл: Мадлен.

Анастасия (*в ужасе, так как ей вдруг все стало ясно*). Ваша жена?

Миссисипи. Моя супруга.

Анастасия (*испуганно*). Но она же мертва?

Миссисипи (*подчеркнуто спокойно*). Разумеется. Она скончалась от паралича сердца. (*С достоинством.*) Нас с вами, сударыня, обманывали ваш покойный супруг и моя покойная супруга.

Анастасия. Это ужасно!

Миссисипи. В супружеской жизни немало ужасного (*Он вытирает платком пот со лба.*) Можно попросить вас еще чашечку кофе?

Анастасия (*подавленно*). Простите. Я совсем растерялась. (*Наливает.*)

Миссисипи (*с облегчением*). Итак, первый этап нашего мучительного пути можно считать пройденным! Вы сознались, что знали о неверности вашего супруга. Тем самым мы добились очень многого. Вы давно получили доказательства?

Анастасия (*глухо*). Несколько недель назад. Когда я нашла подписанное Мадлен письмо, полное страстных любовных излияний, это открытие поразило меня, как удар судьбы. Я никогда не пойму поступка своего мужа.

Миссисипи. Вы не знали моей жены. Это была чрезвычайно милая женщина, молодая, редкой красоты, из неимущих слоев. Ее неверность ввергла меня в пучину ада. Я тоже нашел письмо, на котором беспечно был проставлен рабочий адрес вашего супруга. Их любовь пылала уже так сильно, что они забыли об элементарной осторожности.

Анастасия. После смерти мужа я хотела забыть о его неверности, хотела, чтобы Франсуа остался в моей памяти таким, каким он когда-то страстно любил меня, того Франсуа я никогда не перестану любить. Извините, но поначалу я избегала ответов на ваши вопросы именно по этой причине. Вы заставили меня снова думать о том, что произошло.

Миссисипи. Как супруг женщины, с которой ваш муж вас обманывал, я, к сожалению, не мог этого избежать.

Анастасия. Я вас понимаю. Мужчинам нужна полная ясность. (*Она встает.*) Благодарю вас, господин прокурор, за то, что вы и меня, слабую женщину, наделили этой ясностью. Теперь я все знаю о Франсуа, это ужасно — знать все. (*Обессиленно.*) А сейчас вы должны меня извинить, я очень устала. Ваша супруга и мой муж мертвы. Мы уже не можем потребовать у них отчета. Не можем умолять их о любви. Теперь они потеряны для нас навсегда.

Миссисипи тоже встает.

Миссисипи (*серьезно*). В этот торжественный момент, когда нас коснулись первые лучи истины, я, как

прокурор с двадцатипятилетним стажем, просто обязан призвать вас рассказать наконец друг другу всю правду, какой бы страшной она ни была.

Он смотрит на нее с такой решимостью, что они оба снова садятся на свои места.

Анастасия. Я вас не понимаю.

Миссисипи. Это касается смерти вашего мужа.

Анастасия. Я действительно не понимаю, чего вы хотите.

Миссисипи. То, что в самом начале моего визита вы совершенно немотивированно назвали причину смерти вашего супруга, ваш панический страх, когда я назвал свою должность, — все это сказало мне многое.

Анастасия. Прошу вас выражаться яснее.

Миссисипи. Если пожелаете, я могу говорить абсолютно ясно. Я сомневаюсь в причине смерти вашего мужа.

Анастасия (*быстро*). Многие люди умирают в возрасте пятидесяти лет от паралича сердца.

Миссисипи. Уже его портрет говорит о том, что такой пышущий здоровьем мужчина не может умереть от паралича сердца. Кроме того, люди, которыми я интересуюсь, никогда не умирают от паралича сердца.

Анастасия. Что вы хотите этим сказать?

Миссисипи. Вы действительно не хотите избавить меня от необходимости бросить вам в лицо обвинение, что вы отравили своего мужа?

Анастасия (*растерянно глядя на него*). Вы так думаете?

Миссисипи (*недвусмысленно*). Думаю.

Анастасия (*все еще как громом пораженная*). Нет, нет!

Она бледна как смерть. Миссисипи обессиленно берет из японской вазы розу и нюхает ее.

Миссисипи. Возьмите себя в руки. Должны же вы испытывать какое-то облегчение от того, что вас настигло правосудие.

Анастасия (*с неожиданной яростью*). Нет!

Миссисипи снова ставит розу в вазу. Анастасия с чувством оскорбленного достоинства встает со своего места. Миссисипи делает то же самое.

Врач, доктор Бонзельс, установил, что смерть моего мужа однозначно наступила от паралича сердца. Я позволю себе

предположить, что с медицинским заключением должен считаться даже прокурор.

Миссисипи. Мы принадлежим к тому слою общества, сударыня, в котором научный диагноз в сомнительных случаях всегда сводится к параличу сердца.

Анастасия. Поскольку я сказала вам все относительно неожиданной для всех нас смерти своего супруга, прошу вас удалиться.

Миссисипи (*с озабоченным видом*). В этом крайне неприятном случае я буду вынужден продолжить нашу беседу в другом месте и в других обстоятельствах.

Анастасия. Я не могу помешать вам выполнить ваш так называемый долг.

Миссисипи. Можете, если без предубеждений обдумаете свое нынешнее положение. У вас есть редкая возможность поговорить с прокурором в своем собственном доме. Или вы хотите сделать это в зале суда, в присутствии возмущенной публики? Надеюсь, что нет. Мне совершенно непонятно, почему вы столь упорно не желаете видеть абсолютно гуманный смысл моего предложения. Признаться в убийстве значительно легче за чашкой кофе, чем перед судом присяжных.

Они снова садятся.

Анастасия (*тихо*). Я к вашим услугам.

Миссисипи (*с облегчением*). Вот так-то лучше.

Анастасия. Но никакая сила не заставит меня признаться в преступлении, которое вы мне приписываете. Похоже, вас ввело в заблуждение ужасное недоразумение.

Миссисипи. Заблуждаются только обвиняемые, прокурор не заблуждается никогда.

Анастасия. Я буду бороться изо всех сил, чтобы доказать свою невиновность.

Миссисипи. Молитесь Богу, сударыня, чтобы он избавил вас от этой борьбы. Бороться со мной — чистое безумие, но люди тем не менее снова и снова пытаются это делать. Сопротивляются минуты, часы, дни, а потом признают себя виновными. Я поседел, наблюдая за своими жертвами. Неужели и вам хочется извиваться у моих ног, словно червь какой-нибудь? Поймите же, что я опираюсь на нравственные устои мира. У того, кто мне сопротивляется, нет никаких шансов. Признаваться нелегко, но носить в себе вину невообразимо трудно.

Анастасия. Кто вы, собственно, такой — моралист или палач?

Миссисипи. Моя внушающая страх профессия заставляет меня быть тем и другим.

Анастасия. Вы не можете ни с того ни с сего выдвигать против меня нелепейшие обвинения.

Миссисипи. В таком случае мне, к сожалению, придется назвать имя графа Бодо фон Юбелоэ-Цабернзе.

Анастасия страшно пугается, потом берет себя в руки.

Анастасия (*медленно*). Мне это имя неизвестно.

Миссисипи. Вы и граф Юбелоэ провели молодые годы в Лозанне, где ваш отец был учителем в женском пансионе, а граф воспитывался в родовом замке. Вы расстались и несколько лет назад снова встретились в этом городе. Вы в качестве супруги вашего теперь уже покойного мужа, он в качестве главного врача и основателя благотворительной больницы Святого Георга.

Анастасия (*медленно*). Теперь я вижусь с ним крайне редко.

Миссисипи. Шестнадцатого вы попросили у него два кусочка белого ядовитого вещества, совершенно неотличимого от сахара, он рассказал вам о нем в связи с постановкой «Гёца фон Берлихингена», когда вы заговорили о смерти Вайслингена*, вы оба — любители искусства и были в театре вместе.

Анастасия (*упрямо*). Он не давал мне яда.

Миссисипи. Бодо фон Юбелоэ-Цабернзе во всем признался.

Анастасия (*резко*). Неправда!

Миссисипи. Когда я пригрозил ему отобрать диплом врача, он — вероятно, чтобы избежать тюремного заключения, — в страшной спешке покинул наш город и подался в тропики.

Анастасия (*вскакивает*). Бодо уехал?

Миссисипи. Граф бежал.

Анастасия снова опускается в кресло.
Миссисипи вытирает пот со лба.

Анастасия (*после долгой паузы, глухо*). Зачем вы пригрозили ему таким ужасным наказанием! Благотворительная больница Святого Георга — дело всей его жизни.

Миссисипи. Я действовал в соответствии с законами, которые распространяются на врачей. (*Помолчав.*) Согласно его показанию, сделанному в состоянии глубочайшего отчаяния, вы якобы сказали ему, что хотите этим ядом умертвить пса, что, разумеется, ни в коем случае не оправдывает выдачу яда.

Анастасия (*быстро*). Я должна была умертвить нашу собаку. Она тяжело заболела.

Миссисипи (*вежливо*). А теперь позвольте мне чуть-чуть вмешаться в ваши домашние дела.

Он встает, кланяется и звонит в маленький серебряный колокольчик Анастасии. Справа входит служанка.

Миссисипи. Как вас зовут?

Служанка. Лукреция.

Миссисипи. У вашей госпожи есть собака, Лукреция?

Служанка. Она околела.

Миссисипи. Когда?

Служанка. Месяц тому назад.

Миссисипи. Можете снова заняться своими делами, Лукреция.

Служанка удаляется. Миссисипи встает.

Прошел месяц, как вы потеряли свою собаку, а пять дней назад взяли яд у друга юности графа Юбелоэ-Цабернзе. Два кусочка быстродействующего яда в форме сахара. В тот же день умер ваш супруг. Долго ли мы будем еще ломать эту комедию, сударыня, унизительную как для вас, так и для меня? Вы заставляете меня прибегать к средствам, которыми прокурор пользуется крайне неохотно. Мне даже пришлось выяснить кое-что у вашей служанки.

Анастасия тоже встает со своего места. В пылу борьбы персонажи могут устроить небольшой танец вокруг кофейного столика.

Анастасия (*тихо*). Я не убивала своего мужа.

Миссисипи. Стало быть, вас не убеждает здравая логика?

Анастасия. Я невиновна.

Миссисипи. Никакая логика в мире не заставит вас признаться в убийстве?

Анастасия. Я не убивала своего мужа.

Миссисипи (*медленно*). Значит, неописуемое отчаяние Мадлен, когда она предположила, что смерть ее лю-

бовника была актом мести его оскорбленной супруги, было самообманом?

Анастасия (*с горящими глазами*). Ваша жена была в отчаянии?

Миссисипи. Мысль, что вы могли убить своего мужа, доводила Мадлен до безумия.

Анастасия (*с едва скрываемым триумфом*). Она страдала перед смертью?

Миссисипи. Ужасно.

Анастасия (*ликующе*). Я добилась того, чего хотела! Отчаянием она тысячекратно оплатила мне каждую секунду своих наслаждений! Я убила обоих! Он погиб от моей руки, а она рассталась с жизнью из-за него! Они сдохли, как две собаки, околели, как скоты!

Миссисипи снова садится, то же делает Анастасия.

Миссисипи. Вы, следовательно, отравили своего мужа, сударыня.

Анастасия. Да, я его отравила. Мы любили друг друга, он меня обманул, и я его убила.

Миссисипи. Утром шестнадцатого мая вы пошли к Бодо фон Юбелоэ-Цабернзе, ваш старый знакомый и друг вашего мужа дал вам яд, полагая, что вы хотите умертвить собаку, а вы положили яд за завтраком своему мужу вместо сахара.

Анастасия. Он взял кусочек и умер.

Миссисипи. И вы все это сделали?

Анастасия (*до жути величаво*). Да, сделала.

Миссисипи. И не раскаиваетесь в своем ужасном поступке?

Анастасия. Я готова повторить его.

Миссисипи (*белый как мел*). Я заглянул в бездну страсти.

Анастасия (*равнодушно*). Можете меня увести.

Миссисипи (*медленно, с торжественным видом встает*). Я пришел не для того, чтобы вас арестовать. Я пришел просить вас стать моей женой.

Анастасия (*встает, пошатываясь*). Вы хотите?..

Миссисипи (*деловым тоном*). Я прошу вашей руки.

Анастасия. Моей руки?

Миссисипи. Я человек состоятельный, моя должность хорошо оплачивается, я очень религиозен, помимо основной профессии, занимаюсь коллекционированием

старинных гравюр, большей частью идиллических ландшафтов, которые, как мне кажется, лучше всего отражают первоначальное неиспорченное состояние природы; меня ожидает достаточно высокая для нашего сословия пенсия.

Анастасия (*сильно побледнев*). Это чудовищно!

Миссисипи (*снова кланяясь*). Чудовищна человеческая жизнь, сударыня.

Он садится. Анастасия, словно загипнотизированная, садится тоже.

Могу я попросить еще чашечку кофе? (*Смотрит на часы.*) У меня осталось еще двенадцать минут.

Анастасия (*механически наливает ему кофе*). Я при всем желании не могу понять ваше поведение. Сначала вы вынуждаете меня сознаться в преступлении, которое любого мужчину повергло бы в неописуемый ужас перед коварством женской натуры, а потом хладнокровно просите меня стать вашей женой.

Миссисипи (*кладет себе в чашку сахар, спокойно*). Выслушайте мое ужасное признание: я отравил свою жену тем же похожим на сахар ядом, что и вы своего супруга.

Анастасия (*после долгой паузы, в ужасе*). Вы тоже?

Миссисипи (*твердо*). Я тоже.

Анастасия как громом поражена, Миссисипи помешивает ложечкой кофе.

Конфисковав у графа Юбелоэ остатки яда — речь шла еще о двух кусочках, — я отправился домой и за обедом положил один кусочек Мадлен в черный кофе. Через полчаса она тихо отошла в мир иной.

Он допивает кофе и ставит чашку на стол.

(*Глухо.*) Эти полчаса были самыми ужасными в моей жизни.

Анастасия (*потрясена*). Так вот, значит, что нас связывает.

Миссисипи (*устало*). Мы оба сознались в своих преступлениях.

Анастасия. Вы убили, и я убила. Мы оба — убийцы.

Миссисипи (*твердо*). Нет, сударыня. Я не убийца. Между вашим и моим преступлением огромная разница. То, что вы сделали, повинуясь чудовищному побуждению, я совершил из соображений нравственного порядка. Вы своего мужа убили, я свою жену казнил.

Анастасия (*в смертельном испуге*). Казнили?

Миссисипи (*гордо*) Казнил.

Анастасия. Даже не знаю, как понимать ваши ужасные слова.

Миссисипи. Буквально. Я отравил свою жену, потому что своей супружеской неверностью она заслужила смерть.

Анастасия. Ни в каком законе не написано, что супружеская неверность наказывается смертью.

Миссисипи. В законе Моисея.

Анастасия. Это было несколько тысячелетий назад.

Миссисипи. Поэтому я решил во что бы то ни стало ввести его снова.

Анастасия. Вы сумасшедший.

Миссисипи. Я всего лишь высоконравственный человек, сударыня. Наши законы за эти тысячелетия пришли в никудышное состояние. Они похожи на изъятые из обращения бумажные деньги, которые, следуя доброму обычаю, еще имеют хождение в обществе, поклоняющемся только наслаждению, давшем простор грабежу, ведущем меновую торговлю женщинами и нефтью. Только неисправимые идеалисты верят, что чек, которым расплачивается правосудие, имеет платежное покрытие. Наш гражданский кодекс, в сравнении с законом Ветхого Завета, который устанавливал смертную казнь для обоих виновных в нарушении супружеской верности, — чистая насмешка. Поэтому я был просто обязан лишить свою жену жизни. Надо было повернуть назад ход мировой истории, которая лишилась закона и обрела свободу, не знающую, что такое нравственная ответственность.

Анастасия. В таком случае мне совершенно непонятно, почему вы просите моей руки.

Миссисипи. Вы красивы И в то же время виновны. Вы трогаете меня до глубины души.

Анастасия (*неуверенно*). Вы меня любите?

Миссисипи. Вы убийца, сударыня, а я прокурор. Но лучше самому быть виновным, чем наблюдать, как ведут себя виновные. Виноватый может раскаяться, тот, кто наблюдает за преступниками, подвергается смертельной опасности. Двадцать пять лет я смотрел в лицо преступлению, его вид сокрушил меня. Ночи напролет я молил Бога дать мне силы любить хотя бы одного человека. Все было напрасно. Я больше не могу любить, эту способность я

утратил, я могу только убивать. Я стал хищным животным, вцепившимся человечеству в глотку.

Анастасия (*содрогаясь от ужаса*). И тем не менее вы выразили желание жениться на мне.

Миссисипи. Сделать этот шаг меня вынуждает стремление к абсолютной справедливости. Я осудил Мадлен в частном порядке, не от имени государства. Сделав это, я пошел на сознательное преступление против современных законов. За этот проступок меня следует наказать, несмотря на то что мотивы моих действий ясны как день. Но в это недостойное время я вынужден сам стать своим судьей. Я вынес приговор. Я приговорил себя к женитьбе на вас.

Анастасия (*встает*). Господин прокурор.

Миссисипи (*тоже встает*). Сударыня.

Анастасия. Я терпеливо выслушивала ваши чудовищные речи. Но то, что вы сказали сейчас, переходит всякие границы. Заключая брак со мной, вы хотите наказать себя за убийство своей жены.

Миссисипи. Я хочу, чтоб и вы рассматривали брак со мной как наказание за убийство своего мужа.

Анастасия (*холодно*). Вы, стало быть, считаете меня рядовой преступницей?

Миссисипи. Вы убили своего мужа не во имя справедливости, а потому что любили его.

Анастасия. Любую другую женщину, убившую, подобно мне, своего мужа из любви к нему, вы бы отдали под суд?

Миссисипи. Я употребил бы на это все свое честолюбие. Только в очень немногих случаях мне не удалось добиться для обвиняемых смертной казни, и каждый раз я заболевал и оказывался на грани смерти.

Анастасия (*после долгой паузы, решительно*). Вызывайте полицию!

Миссисипи. Это невозможно. Мы неразрывно связаны нашими преступлениями.

Анастасия. Я не хочу облегчать себе наказание.

Миссисипи. Об этом не может быть и речи. Предлагая вам вступить со мной в брак, я стремлюсь не к облегчению вашего наказания, а к его безмерному отягощению.

Анастасия (*близка к обмороку*). Вы предлагаете мне брак, чтобы иметь возможность бесконечно мучить меня!

Миссисипи. Чтобы иметь возможность бесконечно мучить нас. Наш брак будет адом для обеих сторон!

Анастасия. Но в этом же нет смысла!

Миссисипи. Мы должны применять радикальные средства, сударыня, если хотим возвыситься нравственно. Сейчас вы убийца, благодаря нашему браку я превращу вас в ангела. Во имя совершенной нравственности я требую, чтобы вы стали моей женой!

Анастасия (*пошатываясь, уходит за ширму*). Вызовите полицию!

Миссисипи. За двадцать пять лет работы в качестве прокурора мне удалось добиться более двухсот смертных приговоров — к такой цифре в западном мире никто еще не приближался даже отдаленно. Так позволю ли я слабой женщине уничтожить этот сверхчеловеческий труд? Мы оба принадлежим к высшим кругам современного общества, сударыня, я прокурор, а ваш муж был владельцем сахарного завода, давайте же покажем пример высшей ответственности. Выходите за меня! Примем на себя мученичество этого брака!

Анастасия (*кричит в крайнем отчаянии*). Вызовите полицию!

Миссисипи (*с ледяным спокойствием*). Наш брак будет триумфом справедливости в эпоху, когда убийство, супружеская неверность, грабеж, разврат, ложь, поджог, эксплуатация и богохульство отнюдь не обязательно наказываются смертью!

Анастасия (*смертельно побледнев*). О Господи!

Миссисипи (*требовательно*). Выходите за меня!

Анастасия (*в отчаянии смотрит на портрет в глубине сцены*). Франсуа!

Миссисипи. Итак, вы согласны стать моей женой?

Анастасия. Я согласна стать вашей женой.

Миссисипи (*снимает с пальца обручальное кольцо*). В таком случае передайте мне кольцо вашего покойного супруга.

Анастасия снимает с руки обручальное кольцо и надевает на палец Миссисипи.

А теперь возьмите кольцо Мадлен.

Он надевает на ее палец кольцо и кланяется.

Отныне вы моя жена.

Анастасия (*глухо*). Я ваша жена.

Миссисипи. Прежде чем мы оформим брак по закону, вам надо полгода отдохнуть в Швейцарии. В Гриндельвальде, Венгене или, может быть, в Адельбодене. У вас расшатаны нервы. Горный воздух пойдет им на пользу. Проспекты названных курортов вам пришлют из туристического бюро.

Он звонит в серебряный колокольчик.
Справа появляется служанка.

Цилиндр, трость и пальто!

Служанка уходит.

Мы обвенчаемся в кальвинистской церкви. Гражданские формальности уладит министр юстиции, церковные — земельный епископ Енсен. Это мои друзья, в молодые годы мы вместе учились в Оксфорде. Жить мы будем здесь, отсюда на десять минут ближе до суда присяжных. Если для моей коллекции старинных гравюр окажется мало места, мы сделаем пристройку. Как верная супруга вы будете делить радости и горести моей профессии. Мы будем вместе присутствовать на казнях, которых я добьюсь в суде. Они бывают только по пятницам. Кроме того, я хотел бы, чтобы вы взяли на себя заботу о душах приговоренных к смерти, особенно тех из них, которые принадлежат к беднейшим слоям населения. Вы будете приносить им цветы, шоколад и сигареты — тем, кто курит. Чтобы разобраться в моих старинных гравюрах, вам будет достаточно посетить несколько лекций в университете. (*Он кланяется, затем неожиданно кричит.*) А сегодня я все-таки добьюсь смертного приговора!

Он стоит неподвижно. Тишина.

Анастасия (*хватается руками за голову и в отчаянии кричит*). Бодо! Бодо!

Выбегает в левую дверь.

Миссисипи. Согласимся, дамы и господа, таким было драматическое начало брака, который хотя и стал для нас адом, да еще каким адом, но в то же время — и это самое главное — решительно облагородил нас. Я поспешил в суд присяжных, Анастасия словно окаменела, я ликовал, как же, справедливость восторжествовала, а моя жена смертельно побледнела. К сожалению, ее отчаянный крик «Бодо, Бодо», который она издала, схватившись руками за

голову, — вы только что были свидетелями этого — я не мог услышать. В тот момент я был уже на лестнице или даже на улице: обстоятельство, о котором я сожалею, не потому, что не доверяю своей супруге, я и сейчас считаю ее невиновной и неспособной на ужасный грех супружеской измены, неспособной согрешить даже в мыслях, но я бы тогда придал больше значения факту, что она была связана чисто дружескими чувствами с таким экзальтированным и несдержанным в проявлении своих фантазий человеком, как этот граф. (*Видно, как за окном нетвердой походкой проходит граф Юбелоэ.*) Воспоминания детства, которым она хранит верность. Многого тогда можно было бы избежать. Многого, только не краха моих поистине титанических усилий по коренной переделке мира на основании закона Моисея. Но горестного финала нашей совместной жизни избежать удалось бы. И все же полные душевных мук годы моего второго брака были для меня самыми счастливыми, в том числе и в профессиональном отношении: как известно, мне удалось поднять число смертных приговоров с двухсот до трехсот пятидесяти, из которых только одиннадцать не были приведены в исполнение — этому помешали подписанные премьер-министром при скандальных обстоятельствах акты помилования. Наша супружеская жизнь шла вполне размеренным ходом по намеченному пути. Характер моей жены, как и предполагалось, заметно улучшился, она стала с большим пониманием воспринимать религиозные чувства, стоя рядом со мной, сдержанно и спокойно наблюдала за казнями, не утратив из-за рутинности процедуры сочувствия к несчастным. (*Спереди над сценой опускается картина, изображающая Анастасию и Миссисипи, присутствующих на казни.*) Каждодневное посещение тюрьмы, вскоре ставшее для нее внутренней потребностью, всякий раз возбуждало в ней готовность помочь, и ее стали называть «тюремным ангелом», короче, это было плодотворное время, блестяще подтвердившее мой тезис, что только скрупулезное следование закону, коренящемуся в метафизике, способно сделать человека лучшим, возвышенным существом. (*Картина снова поднимается вверх.*) Так прошло несколько лет. Мы показали начало нашего супружества, давайте же покажем и его конец. Комната почти не изменилась. Сейчас служанка повесит две гравюры — Рембрандта и

Зегерса (*справа входит служанка и вешает гравюры*), этого достаточно, чтобы создать у вас впечатление о нашей обстановке; остальные гравюры находятся частью в кабинете, дверь в глубине справа, если смотреть из зрительного зала, частью в будуаре Анастасии и в ее спальне, дверь слева, частью в передней, ближняя дверь справа. Рядом с портретом сахарного фабриканта, ушедшего из жизни при столь печальных обстоятельствах, все еще висит портрет моей первой жены Мадлен, умершей той же смертью, что и фабрикант, как видите, это была белокурая, немного сентиментальная молодая женщина (*рядом с портретом сахарного фабриканта, не убиравшимся еще с первого акта, появляется портрет Мадлен*), оба портрета в траурной рамке. (*Тем временем служанка выходит в правую дверь.*) Кроме того, в комнате находится мой друг Диего, он входит в комнату не из напольных часов, во что было бы просто невозможно поверить, нет, я провел его через правую дверь. (*Диего появляется из напольных часов и перед зеркалом, сквозь которое виден зрительный зал, поправляет галстук.*) Диего, судя по знакам отличия, — министр юстиции страны, в которой находится комната; что это за страна, точно определить невозможно. Диего — об этом тоже надо сказать — всей душой сочувствует филантропической деятельности моей жены и активно в ней участвует. Он — почетный член Совета, пекущегося о заключенных, этот Совет возглавляет моя супруга. Уважаемые дамы и господа, теперь вы в курсе дела, мы можем начинать. Министр закуривает сигару — это значит, он хочет со мной поговорить.

Министр. Так, значит...

Миссисипи. Минуточку (*он тоже закуривает сигару*).

Министр. Так, значит, твой брак...

Миссисипи (*снова обращается к зрителям*). Не забудем и о том, что сейчас ночь, темная ноябрьская ночь. Мы уже поменяли освещение, с потолка свисает горящая люстра, окутывая все коричневатым золотистым облаком.

Министр. Так, значит, твой брак с «тюремным ангелом» длится уже пять лет.

Миссисипи. То, что жена оказывает мне такую большую моральную поддержку, доставляет мне огромное удовлетворение.

Министр. Такое и впрямь нечасто встретишь, чтобы жена утешала тех, кого ее супруг отправляет на виселицу.

Твое трудовое рвение поражает. Ты только что настоял на трехсот пятидесятом смертном приговоре.

Миссисипи. Еще один триумф моей карьеры. Хотя отправить на виселицу убийцу своей тети и не составляло большого труда, но никогда еще мой успех не вселял в меня столько уверенности. Ты пришел поздравить меня.

Министр. Хотя я и восхищаюсь тобой как юрист, но как министр юстиции должен от тебя отмежеваться.

Миссисипи. Это мне внове.

Министр. В конце концов, международное положение слегка изменилось. Я политик. Я не могу себе позволить стать таким же непопулярным, как ты.

Миссисипи. А я не позволю, чтобы общественное мнение сбило меня с пути.

Министр. Ты гений, судьи не в силах с тобой тягаться. Правительство опять порекомендовало тебе быть милосерднее.

Миссисипи. Я нужен правительству.

Министр. Был нужен. В том-то и вся разница. Курс на ужесточение выносимых приговоров был крайне необходим. Надо было строго наказывать за политические убийства, восстановить порядок. Но теперь лучше подложить свинью оппозиции и вернуться к более умеренному правосудию. Надо то обезглавливать именем Всевышнего, то миловать во имя дьявола, этого не удается избежать ни одному государству. Твой подход к делу однажды спас нас, но сейчас он таит для нас угрозу. Он выставил нас в глазах всего западного мира в безнадежно смешном свете и без нужды восстановил против нас левых экстремистов. Мы обязаны предпринять необходимые шаги. Генеральный прокурор, добившийся трехсот пятидесяти смертных приговоров и осмеливающийся публично заявлять, что необходимо снова ввести закон Моисея, больше неприемлем. Не спорю, если внимательно присмотреться, мы все сегодня немножко реакционеры, но нельзя же в самом деле действовать так радикально, как ты.

Миссисипи. Что решило правительство?

Министр. Премьер-министр требует твоей отставки.

Миссисипи. Он поручил тебе сообщить мне об этом?

Министр. Я потому и пришел сюда.

Миссисипи. По закону о государственной службе чиновники могут быть уволены только в том случае, если

они уличены в преступлении, в мошенничестве, в связях с другими странами или с партией, замыслившей переворот.

Министр. Ты отказываешься уйти в отставку?

Миссисипи. Отказываюсь.

Министр. Совет министров тебя заставит.

Миссисипи. Правительство должно отдавать себе отчет в том, что оно выступает против Первого юриста мира.

Министр. Твоя борьба безнадежна. Ты самый ненавистный человек в мире.

Миссисипи. Ваша борьба тоже безнадежна. Благодаря мне вы самое ненавистное правительство в мире.

Министр (*после паузы*). Но мы же вместе учились в Оксфорде.

Миссисипи. Верно.

Министр. Не могу понять, как человек твоей культуры и твоего отнюдь не низкого происхождения получает такое большое удовольствие от смертной казни. Мы ведь принадлежим к лучшим семьям страны, и уже одно это должно бы требовать от нас известной сдержанности.

Миссисипи. Вот именно.

Министр. Что ты хочешь этим сказать?

Миссисипи. Моя мать была итальянской принцессой, а мой отец — американским пушечным королем, не так ли? Твой дедушка — знаменитый генерал, проигравший множество сражений, а твой отец — губернатор колоний, усмиритель многих негритянских бунтов. Наши семьи приказывали рубить головы направо и налево, я же требую смерти виновных. Их называли героями, меня называют палачом. Если мои профессиональные успехи компрометируют лучшие семьи страны, то я тем самым лишь показываю их в правильном свете.

Министр. Ты наносишь нам удар в спину.

Миссисипи. Ты наносишь удар в спину прежде всего справедливости.

Министр. Как министр юстиции я должен оценивать справедливость по тому, приемлема она политически или нет!

Миссисипи. Справедливость должна оставаться неизменной!

Министр. Все в мире меняется, мой дорогой Флорестан, не меняется только человек. Это надо осознать, чтобы править страной. Править — значит управлять, а не казнить. Идеалы — это прекрасно, но я стараюсь придержи-

ваться возможного и обходиться без них. Публичные выступления не в счет. Мир плох, но не безнадежен, безнадежным он становится только тогда, когда к нему подходят с абсолютными мерками. Справедливость не топор палача, а договор.

Миссисипи. Для тебя она прежде всего доход.

Министр. Я был свидетелем на твоем бракосочетании. Но завтра на Совете министров я буду вынужден голосовать против тебя. (*Кладет сигару на пепельницу.*)

Миссисипи. Мне больше нечего сообщить правительству.

Министр. Я выполнил поручение премьер-министра и поговорил с тобой. Пожалуйста, проводи меня отсюда.

Они удаляются через дверь справа. В комнате никого нет. Слева входит Сен-Клод. Раньше он был гладко выбрит, теперь у него темно-коричневая козлиная бородка. Одет он просто, на нем коричневая кожаная куртка. Публике может показаться, что Сен-Клод только что вышел от Анастасии и что именно ее руку он поцеловал, появляясь на сцене. Но женщина в белой ночной сорочке, мелькнувшая в двери, могла быть и кем-то другим. Оставим пока этот вопрос открытым. Сен-Клод идет к столу, берет сигару министра, нюхает ее и затягивается. Затем подходит к заднему окну справа и открывает его. Восхищенно осматривает богиню любви. Потом присаживается слева к кофейному столику.

Сен-Клод (*не поднимая головы*). Добрый вечер, Поль.

Миссисипи (*с трудом преодолевая волнение*). Ты?

Сен-Клод. Да, я. Ты своего добился, Поль. Стал Генеральным прокурором, известен под именем Флорестан Миссисипи, газеты полны сообщений о твоих деяниях, у тебя квартира, обставленная старинной мебелью разных эпох, и, надо думать, красивая жена. (*Он пускает кольцо дыма.*)

Миссисипи. А тебя как теперь зовут?

Сен-Клод. Еще красивее, чем тебя: Фредерик Рене Сен-Клод.

Миссисипи. Похоже, и ты неплохо устроился.

Сен-Клод. Я тоже многого достиг: стал гражданином Советского Союза, полковником Красной Армии, почетным гражданином Румынии, депутатом польского парламента и членом политбюро Коминформа.

Миссисипи. Как ты попал сюда?

Сен-Клод. Через окно.

Миссисипи. Тогда я его закрою. (*Подходит к заднему окну справа и закрывает его.*) Что тебе надо от меня?

Сен-Клод. Когда так долго живешь за границей, то, возвратясь, навещаешь первым делом старых знакомых.

Миссисипи. Через границу ты, разумеется, перешел нелегально.

Сен-Клод. Само собой. В конце концов, мне поручено возродить здесь коммунистическую партию.

Миссисипи. Под каким названием?

Сен-Клод. Партия народа, веры и родины.

Миссисипи. И какое это имеет отношение ко мне?

Сен-Клод. Тебе ведь пора постепенно подыскивать себе новое место, дорогой Поль.

Миссисипи (*медленно подходя к столу*). Что ты хочешь этим сказать?

Сен-Клод. Я полагаю, тебе не остается ничего другого, как согласиться с требованием премьер-министра.

Миссисипи (*медленно присаживается к столику напротив Сен-Клода*).Ты подслушал мой разговор с министром юстиции?

Сен-Клод (*удивленно*). С чего ты взял? Я просто подкупил министра внутренней безопасности.

Миссисипи. Меня пугает интерес к моей личности, проявляемый гражданином Советского Союза.

Сен-Клод. Во всем мире о тебе идет такая дурная слава, что даже мы тобой заинтересовались. Я пришел сделать тебе предложение.

Миссисипи. Не пойму, что между нами может быть общего.

Сен-Клод. Коммунистическая партия этой страны нуждается в настоящем руководителе.

Миссисипи. Очень странное предложение.

Сен-Клод. Триста пятьдесят смертных приговоров — может ли быть лучшая рекомендация для такого поста?

Миссисипи встает, подходит к окну справа и стоит спиной к публике.

Миссисипи. А если я откажусь?

Сен-Клод. Тогда мы возьмемся за твои слабые места.

Миссисипи. У меня нет слабых мест. В моральной чистоте моих намерений не сомневается ни один человек.

Сен-Клод. Чепуха. У каждого человека есть своя смертельная слабость. Твоя слабость не в атаках на общество, она в тебе самом. Ты подходишь к миру с меркой

абсолютной нравственности, а это возможно только потому, что мир видит в тебе нравственного человека. Твое влияние сразу рухнет, если удастся развеять ореол вокруг твоих добродетелей.

Миссисипи. Такое невозможно.

Сен-Клод. Ты в этом уверен?

Миссисипи. Я шел дорогой справедливости.

Сен-Клод встает.

Сен-Клод (*спокойно*). Ты забыл, что я вернулся.

Миссисипи оборачивается. Молчание.

Миссисипи (*смертельно побледнев*). Ты прав. Я не ожидал еще раз увидеть тебя в этой жизни.

Сен-Клод. К сожалению, наша встреча была неизбежной. Ты ведь занял столь видное место в обществе не только благодаря своим смертным приговорам. Ты носишь имя Флорестана Миссисипи, ведешь свое происхождение от итальянской принцессы, учился в Оксфорде. Ты, как солнце, вспыхнул в этом мире, и мир, ослепленный твоим огнем, не поинтересовался твоим происхождением.

Миссисипи (*задыхаясь*). Луи!

Сен-Клод. Вот так-то, Поль! Спроси у мрака, из которого ты вынырнул!

Миссисипи. Я знать о нем больше не хочу!

Сен-Клод. Тем больше ему хочется узнать о тебе.

Миссисипи. Гиена!

Сен-Клод. Вот ты и заговорил нашим прежним языком. Это радует. Не будем забывать о нашем благородном происхождении. Наше зачатие стоило не больше пяти лир, а когда мы появились на свет, водосточный желоб окрасился кровью. Мокрые от сточных вод крысы учили нас жизни, о необратимом движении времени нам напоминали паразиты, ползавшие по нашим телам.

Миссисипи. Замолчи!

Сен-Клод. Пожалуйста. Давай снова присядем на эти стулья в стиле Людовика Четырнадцатого.

Он садится. Миссисипи подходит к столу.

Миссисипи. Расставаясь тридцать лет назад, мы пообещали друг другу никогда больше не встречаться.

Сен-Клод (*затягиваясь сигарой*). Верно.

Миссисипи. В таком случае уходи.

Сен-Клод. Я остаюсь.

Миссисипи. Хочешь нарушить свое слово?

Сен-Клод. Само собой. Держать данное слово — это роскошь, непозволительная для людей нашего происхождения. Кто мы такие, Поль? Сперва мы воровали всякое тряпье, чтобы прикрыть свое тело, потом грязные медные монеты, чтобы набить брюхо заплесневелым хлебом, затем мы были вынуждены продавать самих себя, несчастные жертвы жирных бюргеров, завывавших над нами от похоти, словно коты в марте, наконец с оскверненными задницами, но с гордостью молодых предпринимателей на заработанные с таким трудом деньги мы открыли бордель: я был хозяином, ты — швейцаром.

Долгая пауза. Миссисипи садится.

Миссисипи (*тяжело дыша*). Надо же было как-то жить!

Сен-Клод. А зачем? Если бы мы тогда приковали себя к ближайшему фонарю, никто бы не протестовал.

Миссисипи. Я для того и терпел эту чудовищную нужду, чтобы однажды в углу мокрого подвала в руки мне попала полуистлевшая Библия, по которой я учился читать ночи напролет, коченея под светом газового фонаря. Разве остался бы я в живых еще хоть один день, если бы меня не затопило видение закона, хлынувшее в наш мрак, словно огненное море? Что бы я ни делал с этой минуты, какие бы глубокие унижения ни переживал, какие бы мерзкие преступления ни совершал, все было посвящено одной цели — учиться в Оксфорде и, став прокурором, восстановить закон Моисея, руководствуясь мыслью, что человечеству, чтобы двинуться вперед, надо вернуться на три тысячи лет назад.

Сен-Клод (*в ярости*). А у меня разве не было видения, как сделать лучше этот провонявший голодом, сивухой и злодеяниями мир, этот ад, звенящий песнями богачей и воплями обездоленных? Разве не нашел я в кармане убитого сутенера «Капитал» Маркса и не жил этой ужасной, навязанной мне жизнью только ради того, чтобы когда-нибудь провозгласить мировую революцию? Мы с тобой — два последних великих моралиста нашей эпохи. Мы оба ушли в подполье. Ты скрываешься под личиной палача, я — под личиной советского шпиона.

Миссисипи. Убери руку с моего плеча.

Сен-Клод. Извини.

Миссисипи. Ты пришел меня шантажировать?

Сен-Клод. Если ты не возьмешься за ум.

Миссисипи. Десять лет я выполнял в твоем борделе презренную работу, и за это ты дал мне возможность учиться. Мы больше ничего не должны друг другу.

Сен-Клод. Есть вещи, за которые нельзя расплатиться. Это жизнь. Ты выбрал жизнь, я дал ее тебе. Я указал тебе страшный окольный путь, ведущий от животного к человеку, и ты вступил на него. Теперь моя очередь предъявлять требования. Я не случайно вытащил тебя из сточной канавы. Речь идет о жизни или смерти коммунистической идеи. Ты слишком многообещающий гений, чтобы не попытаться извлечь из тебя капитал.

Миссисипи. Я с одинаковым усердием боролся и против Запада, и против Востока.

Сен-Клод. Я не имею ничего против, когда сначала убивают одного, а затем другого. Только бы не нападать на двух сразу, иначе все окажется чудовищной глупостью. Речь идет не о наших симпатиях, а о действительности. Наша всемирно-историческая незадача в том, что за строительство коммунизма взялись именно русские, которые для этого совершенно не годятся, и эту катастрофу нам надо предотвратить.

Миссисипи. Ты, конечно же, не осмеливаешься выступать с этой теорией публично!

Сен-Клод. В конце концов, я вхож в дом Молотова. Я не собираюсь кончать жизнь самоубийством, я хочу совершить мировую революцию. Коммунизм — это учение о том, как господствовать над миром, не прибегая к угнетению человека человеком. Так я понимал это учение в светлые дни своей юности. Но я не могу воплотить это учение в жизнь без насилия. Поэтому мы должны считаться с мировыми державами. Они — шахматные фигуры, ими мы будем делать наши ходы. Мы должны знать, каково положение вещей, мы должны знать, чего хотим, и мы должны знать, что делать. Вот три трудные вещи. Мир в целом стал безнравственным. Одни боятся за свой бизнес, другие — за свою власть. Революция должна выступить против тех и других. Запад утратил свободу, а Восток — справедливость. На Западе фарсом стало христианство, на

Востоке — коммунизм; то и другое учение предало само себя; в мире сложилась ситуация, идеальная для настоящего революционера. Однако разумный расчет вынуждает нас делать ставку на Восток. Россия должна победить, Запад рухнет, и в момент русского триумфа надо во имя коммунизма поднять восстание всех против Советского Союза.

Миссисипи. Ты бредишь.

Сен-Клод. Я вычисляю.

Миссисипи. Только закон способен изменить мир.

Сен-Клод. Вот видишь, мы опять вернулись в дни нашей юности, под сырые своды подвала. Закон! Когда речь заходила о законе, мы целыми ночами до крови колошматили друг друга и, смертельно устав, до рассвета осыпали один другого мусором. Мы оба жаждали справедливости. Но ты хотел справедливости небесной, а я земной! Ты хотел спасти воображаемую душу, а я — реальное тело!

Миссисипи. Нет справедливости без Бога!

Сен-Клод. Есть только справедливость без Бога. Помочь человеку может только человек. Но ты поставил на другую карту: на Бога; и поэтому ты отрекаешься от земли, ибо для того, кто верит в Бога, человек всегда плох, ведь добро отдано только Богу. Почему же ты все еще колеблешься? Закон Бога человек не может выполнить, ему надо создавать себе собственный закон. Мы оба проливали кровь, ты казнил триста пятьдесят преступников, я не считал свои жертвы. То, чем мы с тобой занимаемся, называется убийством, и заниматься этим надо осмысленно. Ты действовал от имени Господа Бога, я — от имени коммунизма. Мое дело достойнее твоего, ибо я тружусь во имя будущего, ты же — во имя вечности. Мир нуждается не в избавлении от грехов, его нужно избавить от голода и угнетения, не на небеса он должен надеяться, а только на землю. Коммунизм — это современная форма Закона. Ты все еще приносишь в жертву людей, а я уже действую; там, где ты еще теолог, я уже ученый! Брось в огонь своего Бога, и ты обретешь человечность, обретешь упоительную мечту нашей юности.

Миссисипи. Не пускай мне дым в лицо.

Сен-Клод. Отличная сигара! (*Гасит ее в пепельнице.*) Так ты не присоединяешься к нам?

Миссисипи. Нет.

Сен-Клод. Я уже сказал тебе: нам нужна твоя голова.

Миссисипи. Звучит двусмысленно.

Сен-Клод. Теперь уже вполне однозначно. Мне нужна была твоя голова в качестве инструмента, теперь я возьму ее в качестве добычи. Документы, согласно которым ты являешься отпрыском итальянской королевской династии, подделаны мной. Деньги на учебу ты получал из дома терпимости.

Миссисипи. Что ты собираешься делать?

Сен-Клод. Поскольку я могу заполучить тебя только в том качестве, в каком ты мог бы нам пригодиться, я беру тебя таким, каков ты есть, — нашим палачом. Есть только одна борьба, способная привлечь массы, — борьба против того, кто вынес триста пятьдесят смертных приговоров, в том числе и двадцати одному коммунисту.

Миссисипи. Это были подлые убийцы!

Сен-Клод. Профсоюзы требуют от правительства твоего решительного осуждения; если правительство откажется, они объявят всеобщую забастовку.

Миссисипи (*тихо*). Я не могу тебе помешать.

Сен-Клод. Ты не можешь мне помешать, а я не могу тебя переделать! (*Открывает окно.*) Прощай, я снова исчезаю. Мы были братьями, которые искали друг друга в ночи, оказавшейся слишком темной. Мы кричали, звали, но так и не нашли один другого! Шанс был исключительный, да время оказалось неподходящим. Все у нас было — у тебя ум, у меня сила, ты внушал ужас, я пользовался популярностью, мы оба имели идеальную родословную. Мы могли бы стать парой всемирно-исторического значения! (*Встает на подоконник.*)

За окном слышится пение «Интернационала».

Миссисипи. Луи!

Сен-Клод. Ты слышишь их пение, их восторженный рев, слышишь ли ты эту песню, друг моей юности, дрожащий шакал, с которым я в детстве бегал по коридорам подвала, отчаянно страдая от людского равнодушия, сжигаемый жаждой братства? Только здесь еще с воодушевлением поют эти строфы, только здесь еще верят в них, только здесь мы могли бы еще построить подлинн коммунизм, а не его уродливую фикцию, только здесь, и

нигде больше. И что же встало на нашем пути? Бог, которого ты вытащил с какой-то свалки. Ну и комедия! Твое место в сумасшедшем доме, Поль.

Сен-Клод исчезает. Тишина. Слева появляется Анастасия в белой ночной сорочке.

Анастасия. Вы еще не спите?

Миссисипи. Уже полночь. Вам давно пора спать, мадам. Не забывайте, что завтра вам предстоит посещение женской тюрьмы в Санкт-Иогансене.

Анастасия (*неуверенно*). Здесь кто-то был?

Миссисипи. Я был один.

Анастасия. Я слышала разговор.

Миссисипи подходит к окну справа и закрывает его. Затем возвращается на прежнее место.

Миссисипи. Я говорил со своей памятью.

В окно слева влетает камень. Снаружи слышны выкрики: «Убийца! Преступник!»

Анастасия. Булыжник!

Миссисипи. Возьмите себя в руки. Скоро нам предстоят еще большие разрушения.

Анастасия. Флорестан!

Миссисипи. У меня остались только вы, мадам, тюремный ангел, которым я прикрываюсь от всего человечества.

Занавес опускается. В зрительном зале зажигается свет. Перед занавесом появляется Юбелоэ.

Юбелоэ. Хотя уже зажглись люстры, я прошу вас, дамы и господа, не подниматься со своих мест, а побыть немного со мной, и делаю это только потому, что в этой запутанной истории играю немаловажную роль. Как Сен-Клод обнажил перед вами предшествующую жизнь Генерального прокурора, так и я хочу пролить свет на прежнюю жизнь Анастасии. Вы меня знаете, вы уже дважды видели, как я парил по воздуху, между кипарисом и яблоней. Я граф Бодо фон Юбелоэ-Цаберизе. Разумеется, я спустился сверху. Как видите, не совсем трезвый. Я мешаю ходу спектакля, тут тоже мне нечего возразить. И все же без меня нельзя обойтись, мое выступление нельзя смягчить. Оно смешно, более чем смешно, оно пришлось не

ко времени, как и я сам, как и моя гротескная жизнь. Прямо-таки мучительно видеть, как появляюсь вдобавок ко всему еще и я. Помощи от меня, разумеется, больше ждать не приходится. Вы сами это увидите. Однако сейчас, в этой критической точке сценического действия, к которой вас, дамы и господа, коварный автор ловко подвел в качестве зрителей, а нас, актеров, заманил на сцену, возникает вопрос, какова роль во всем этом автора, несет ли его безо всякой цели от одного эпизода к другому, или же он руководствуется каким-то тайным замыслом. О, я верю, что он создал меня не просто так, не под впечатлением случайного любовного приключения, а потому, что ему надо было выяснить, что происходит, когда с определенными идеями сталкиваются люди, которые принимают эти идеи всерьез и со смелой энергией, с безумным неистовством и неутолимой жаждой совершенства пытаются воплотить их в жизнь. Верю, что так оно и есть. Как и в то, что любознательного автора волновал вопрос: в состоянии ли дух в какой бы то ни было форме изменить мир, который просто существует, не задумываясь над тем, что реальность — как форма материи — не поддается улучшению? Я верю, что автору в бессонную ночь вполне могло прийти в голову такое подозрение и он решил разобраться в этом. Однако же, дамы и господа, заслуживает большого сожаления то, что автор, однажды создав нас, в дальнейшем не проявил участия к нашей судьбе. Точно так же он создал и меня, графа Бодо фон Юбелоэ-Цабернзе, единственного, кого он полюбил со всей страстью, ибо я один в этой пьесе взял на себя похождения любви, это благородное приключение, которое составляет высшее достоинство человека независимо от того, вышел ты из него победителем или проигравшим. Но, вероятно, именно поэтому он наградил меня проклятием поистине смешной жизни и дал мне в жены не Беатриче, не Проэцу или иную даму, какой католик обычно старается почтить своих бравых героев, а Анастасию, созданную не по образу неба или ада, а исключительно по образу этого мира. И вот этот любитель жутких историй и никчемных комедий, этот сотворивший меня писака-протестант и законченный фантазер разбивает меня на части, чтобы добраться — вот уж любопытство так любопытство! — до самого ядра моего существа, он унизил меня, чтобы сделать меня похожим

не на святого — до святых ему нет дела! — а на себя самого, чтобы швырнуть меня в плавильную печь своей комедии не как победителя, а как побежденного, полагая, что это единственная ситуация, которая поджидает каждого человека. И все это только ради того, чтобы увидеть, в самом ли деле милость Божия бесконечна в этом конечном мире, на что мы никогда не теряем надежды. Но давайте попросим снова поднять занавес. (*Занавес поднимается. Посреди сцены — большой щит, покрытый цветными рисунками. Внизу видны ноги Анастасии и министра, похоже, министр и супруга господина Миссисипи обнимаются. Юбелоэ продолжает тоном базарного зазывалы.*) На этом щите, опущенном сверху и занявшем всю середину сцены, мы видим, что́ произошло на следующий день и следующую ночь, то есть за время, которое мы пропустили. Как и ожидалось, положение Генерального прокурора стало серьезным: слева вверху, если смотреть из зрительного зала, торговец вразнос продает специальный выпуск газеты с кричащим заголовком: «Генеральный прокурор — швейцар в публичном доме». Справа вверху изображен премьер-министр, у него бледный вид. В центре Сен-Клод произносит речь перед членами профсоюза. Слева внизу разъяренная толпа, люди несут плакаты, на которых написано: «Смерть преступнику — убийце трехсот пятидесяти человек!» Справа вы видите полицейских, которые охраняют ночью дом Генерального прокурора, в воздухе летят камни, их бросают из толпы в сторону виллы; упав на красный ковер, они напоминают распустившиеся цветы. Теперь вы в курсе дела. Когда щит поднимется, вы обнаружите уже знакомую вам комнату в соответствующем состоянии. Зеркала в стиле fin-de-siècle разбиты. Богиня любви осталась без головы. Кое-где видна голая кирпичная стена. Повсюду осколки оконных стекол. Ставни закрыты, сквозь щели проникают косые лучи ноябрьского солнца. Десять часов утра. Я иду направо, в прихожую, где потребую от служанки пропустить меня к Генеральному прокурору. На этот случай у меня припасены очки с синими стеклами. (*Юбелоэ хочет надеть их и роняет; нагнувшись, чтобы поднять очки с пола, он замечает ноги Анастасии и министра. Смертельно побледнев, он поднимается.*) Анастасию вы обнаружите в ситуации, которая мучительна для меня и неожиданна для вас: женщина,

которую я люблю, в объятиях человека, которого ей ни за что не следовало бы любить; она стоит на том же месте, где мы оставили ее тридцать три часа тому назад.

Юбелоэ уходит в дверь справа, щит поднимается, открывая Анастасию и целующего ее министра, не видны только их головы. Слева входит Миссисипи и снова опускает щит.

Миссисипи. Прежде чем этот грязный щит окончательно поднимется вверх, чтобы показать вам лживую сцену — весь этот эпизод от начала до конца преувеличен до непристойности, будь это правда, я, как человек проницательный, давно бы все установил, — так вот, прежде чем все это произойдет, я хочу описать вам следующую сцену. (*Министр за щитом отступает назад и удаляется через правую дверь, видны только его ноги; только после этого щит поднимается. Анастасия неподвижно стоит у стола, держа в руках газету.*) Это случилось сегодня утром. Я работал всю ночь, на этот раз надо было обосновать смертный приговор одному сутенеру, дело оказалось довольно запутанное. За окном бушует толпа, в комнате рядом дрожит от страха моя супруга. Я вхожу в комнату и вижу своего тюремного ангела, она держит в руках экстренный выпуск газеты. Я говорю жене, что газета пишет правду. Они видели во мне законного сына американского пушечного короля и итальянской принцессы. Мадам, выкиньте это из головы, я всего лишь сын уличной проститутки, имя которой мне неизвестно, так же как и имя моего отца.

Анастасия. Я на мгновение задумалась, затем подошла к Миссисипи и торжественно опустилась перед ним на колени.

Она опускается на колени.

Миссисипи. Я расстроганно спросил: мадам, вы меня не презираете?

Анастасия. В ответ я поцеловала ему руку.

Она целует его руку.

Миссисипи. Я тихо сказал: мадам, цель нашего брака достигнута, мы покаялись. Быть может, уже нынешним вечером с треском провалится моя попытка восстановить закон Моисея. Вы слышали, какое столпотворение

было этой ночью. Презренные камни в этой комнате, разбитые зеркала, обезображенная богиня любви говорят о многом. Они говорят горькую правду об утраченной иллюзии. Что мешает нам открыто признаться в отравлениях, которые мы совершили — вы из любви, я из соображений морали, — и умереть вместе мученической смертью? Я готов, мадам!

Анастасия. Я торжественно поднялась и поцеловала его в лоб.

Она поднимается с колен и целует Миссисипи. Щит снова опускается. Опять появляются ноги министра, который входит в правую дверь и направляется к Анастасии.

Миссисипи. Такая вот сцена. Она потрясла меня и не может не потрясти вас. Я рассказываю вам о ней, хотя именно в этот момент меня осадила в суде присяжных беснующаяся толпа, и, когда эти люди вскоре начнут гонять меня по всему зданию, вверх по лестницам, по галерее, вниз по лестницам, а затем в фойе, под статуей богини правосудия, жестоко изобьют и оставят лежать истекающего кровью — все это произойдет через несколько часов, — я не буду чувствовать ничего, кроме прикосновения губ этой необыкновенной женщины: неувядаемый лавровый венок, расцветший на моем опозоренном челе.

Миссисипи выходит в дверь слева. Видны Анастасия и министр, они, как мы уже знаем, крепко держат друг друга в объятиях. Комната соответствует описанию Юбелоэ. За окном слышится пение «Интернационала».

Анастасия. Всю ночь они забрасывали дом камнями и пели свои песни.

Министр. Звонить мне было безрассудством.

Анастасия. От ужаса я совсем потеряла голову.

Министр. Как хорошо целовать тебя, когда мир трещит по всем швам.

Анастасия. Ты избавишь меня от этого человека. Я хочу целовать только тебя.

Министр. Ты будешь целовать меня всегда. Швейцару в публичном доме не помогают.

Анастасия. Всеобщая забастовка коснется и тебя.

Министр — он в цилиндре и плаще — начинает раздеваться. Цилиндр он нахлобучивает на голову богини любви, плащ бросает на спинку стула и т.д.

Министр. Моя власть вне опасности. Она основана не на страстях людей, а на их усталости. Тоска по переменам велика, но тоска по порядку всегда сильнее. Она-то и приведет меня к власти. Механизм тут простой. Премьер-министр должен уйти, министр иностранных дел прибывает из Вашингтона только через час. Он опоздает. Мне нужно использовать несколько минут, когда я буду единственным представителем правительства, и парламент провозгласит меня новым премьер-министром.

Анастасия. Ты отдашь моего мужа на растерзание толпе?

Министр. Хочешь его смерти?

Анастасия. Пусть он умрет.

Министр. Ты животное, но я люблю животных. У тебя нет никакого плана, ты живешь мгновением; ты предашь меня так же, как предала своего мужа, а вслед за мной и других. Настоящее для тебя всегда будет сильнее прошлого, а будущее — сильнее настоящего. Никому не дано постичь тебя; кто рассчитывает на тебя, тот погибнет, и только тот, кто любит тебя так, как я, будет обладать тобой всегда. Нет, детка, я не стану выдавать твоего мужа разъяренной толпе. Я накажу его сильнее, чем требует твоя ненависть, я отправлю его туда, куда отправляют безумцев.

Анастасия (*она не добилась, чего хотела*). Прошу тебя, уходи. Тебе пора в парламент.

Министр. Просто невыносимо встречаться с тобой только в тюрьмах, где за нами отовсюду наблюдают узники и надсмотрщики. Здесь мы по крайней мере одни.

Слева вбегает Юбелоэ.

Юбелоэ (*громовым голосом*). Сударыня, позвольте мне увидеть свою возлюбленную!

Анастасия как громом поражена, в глубине появляется растерянная служанка.

Министр (*испуганно выпускает из своих объятий Анастасию*). Меня здесь не должны видеть ни при каких обстоятельствах!

Он выбегает в комнату слева.

Юбелоэ (*подходит к Анастасии и целует ей руку*). Прошу простить меня за отчаянное и неуместное вторже-

ние в ваши апартаменты и за мой потрепанный костюм, но речь идет о последней надежде некогда благородного, а ныне совершенно сломленного человека, о последней милости, которую вы можете оказать несчастной душе. Меня зовут...

Анастасия (*кричит*). Бодо!

Юбелоэ (*стоит сначала неподвижно, затем и он вскрикивает душераздирающим голосом*). Анастасия! (*Он шатается и, смертельно побледнев, падает на стул, стоящий справа.*) Немного черного кофе, пожалуйста.

Анастасия (*служанке*). Приготовь быстрее кофе.

Служанка (*выходя в правую дверь*). Боже мой, господин граф!

Юбелоэ (*бледен как смерть*). Прости, Анастасия, что я не сразу узнал тебя, но в тропиках я стал очень близорук.

Анастасия. Мне очень жаль.

Юбелоэ. Пустяки. (*Встает.*) Ты на свободе?

Анастасия. Я свободна.

Юбелоэ. Помиловали?

Анастасия. Я не была в тюрьме.

Юбелоэ. Пять лет назад я дал тебе яд в виде кусочка сахара для вашей китайской собачки, которая так любила сладости, а ты отравила им своего мужа.

Анастасия. Меня не арестовали.

Юбелоэ (*растерянно глядя ей в лицо*). Из-за тебя я покинул континент и в диких джунглях Борнео основал тропический госпиталь!

Анастасия. Твое бегство не имело смысла.

Юбелоэ. Разве меня не лишили диплома врача?

Анастасия. Против тебя не принималось никаких мер.

Юбелоэ (*глухо*). Если сейчас не принесут кофе, я сойду с ума.

Анастасия (*недоверчиво*). Ты хотел попасть к Генеральному прокурору?

Юбелоэ. Я прибыл в этот город на стареньком пароходе из жарких тропиков. Я полагал, что тебя приговорили к пожизненному заключению. Я хотел сдаться с условием: еще хоть раз в жизни увидеть тебя. Я пришел сюда, чтобы получить разрешение посетить тебя в тюрьме.

Он пристально всматривается в Анастасию,
которая при ближайшем рассмотрении начинает
походить на обезображенную богиню любви.
К счастью, Анастасия чуть раньше сняла
с нее цилиндр министра.

Анастасия (*испуганно*). Бодо!

Юбелоэ. Уже адрес Миссисипи, сад, дом, входная дверь, картина Пикассо в прихожей показались мне ужасно знакомыми, но моя далеко зашедшая близорукость, галлюцинации, которыми я страдаю после перенесенной в Батавии желтой лихорадки, заставляли меня думать, что я ошибаюсь. Я ведь знаю, что не могу до конца доверять своим чувствам. Я переболел всеми тропическими болезнями. Холера ослабила мою память, а из-за малярии я стал хуже ориентироваться в пространстве. Потом вышла служанка. Это была Лукреция. У меня почти не осталось сомнений, но ведь за пять лет многое могло измениться. Она могла найти себе новое место. Но и Лукреция меня не узнала, вероятно, виной тому синие очки, которые я ношу после того, как на Южном Борнео перенес глазную инфекцию. Меня дважды не пустили в дом. Тогда я решил действовать. Я вошел в эту комнату, поздоровался, поклонился, подошел ближе, поцеловал даме руку — и оказался перед тобой.

Анастасия. Да, оказался передо мной.

Она беспомощно смотрит на него.

Юбелоэ. Анастасия, тропики здорово меня измотали. Здоровье мое подорвано. Я знаю, что могу ошибиться, страшно ошибиться. Поэтому скажи мне честно и открыто, не жалея меня: все это ужасная ошибка моего больного ума? Или же ты жена Генерального прокурора Флорестана Миссисипи?

Анастасия (*спокойно*). Да, я его жена.

Юбелоэ (*кричит*). Значит, все-таки жена! (*Он пошатнулся.*)

Анастасия (*испуганно*). Бодо!

Она подхватывает его, он без чувств сползает рядом с ней на пол. Анастасия отчаянно звонит в маленький серебряный колокольчик. Справа вбегает служанка.

Анастасия. Принеси же наконец кофе, мой гость опять потерял сознание!

Служанка. О Господи!

Она выбегает из комнаты. Слева входит министр.

Министр. Мне нельзя терять ни минуты. Я во что бы то ни стало должен быть в здании правительства!

Анастасия. Мой гость в любой момент может прийти в себя!

Министр. Катастрофа, я знаю, будет катастрофа! Если министр иностранных дел выступит раньше меня, он станет премьер-министром.

Юбелоэ (*медленно открывает глаза*). Прости, Анастасия, я просто физически не могу больше выносить все эти треволнения.

Министр снова выскакивает в левую дверь, Анастасия бросает ему вслед плащ и шарф.

Юбелоэ. Пойми я хоть часть из того, что здесь происходит, мне бы сразу стало лучше. Я просто не понимаю, почему ты вышла за Миссисипи.

Он медленно поднимается с пола, садится на стул и вытирает пот с лица. Справа входит служанка.

Служанка. Кофе!

Она ставит кофе на стол и выходит. Юбелоэ с трудом встает со стула. Слева министр просовывает в дверь голову, но, увидев Юбелоэ, снова прячется. Анастасия наливает кофе.

Юбелоэ (*берет чашку, помешивает кофе, остается на ногах*). Государственный прокурор просто не может жениться на женщине, зная, что она отравила своего мужа.

Анастасия. Он женился на мне, потому что и он отравил свою жену.

Юбелоэ (*застыл, держа в руке чашку*). Он тоже?

Анастасия. Он тоже. Ядом, который он конфисковал у тебя.

Юбелоэ. Как и ты, подмешав его в черный кофе?

Анастасия. Как и я, подмешав его в кофе. Чтобы восстановить закон Моисея.

Юбелоэ. Чтобы восстановить закон Моисея.

Анастасия. Наш брак должен был стать искуплением наших преступлений.

Юбелоэ. Искуплением ваших преступлений.

Он снова пошатнулся.

Анастасия (*резко*). Только, ради Бога, не падай снова в обморок.

Юбелоэ. Нет, в обморок я больше не упаду. Истина одним махом превратила меня в камень.

Он неторопливо ставит чашку на стол.

Анастасия (*испуганно*). Бодо, тебе нехорошо?

Юбелоэ. Дай мне немного коньяку.

Анастасия. Кофе тебе поможет скорее.

Юбелоэ. Не можешь же ты от меня требовать, чтобы я в этом доме пил кофе.

Он снова садится на стул. Анастасия молча идет к буфету и возвращается с бутылкой коньяка и стаканом. Наливает и присаживается к столу слева.

Юбелоэ. Я дал тебе яд, твердо веря, что ты собираешься отравить им свою собаку. Отчаявшись до предела, я бежал в тропики, чтобы жизнью среди охотников за скальпами и малайцев, деятельной любовью к людям искупить твою вину, я отказался от той, которую люблю с детских лет, чтобы этой жертвой заново освятить наши отношения, а ты тем временем выходишь замуж за человека, преступление которого во много раз тяжелее моего, и живешь с ним в отличных условиях, недосягаемая для закона!

Слева выбегает министр, пересекает сцену и скрывается за дверью справа.

Министр. Мне надо в парламент, иначе не быть мне премьер-министром!

Юбелоэ (*удивленно*). Кто это был?

Анастасия. Всего лишь министр юстиции.

Юбелоэ (*в отчаянии*). Что ищет у тебя министр юстиции?

Анастасия. Моя жизнь тоже превратилась в ад.

Юбелоэ. Разве дело всей твоей жизни уничтожено женщиной? Разве это ты безрассудно отказалась от высокого положения в обществе и бежала в глубь убогого острова Борнео и разве ты столь же безрассудно вернулась сюда? Ты перенесла холеру, солнечный удар, малярию, сыпной тиф, дизентерию, желтую лихорадку, сонную болезнь и хроническое расстройство печени?

Анастасия. А тебя заставляли каждую пятницу присутствовать при казни? В твои обязанности входило каждый день навещать в тюрьме людей, которым вынес приговор твой собственный супруг и которые осыпают тебя страшными проклятиями? Тебе приходилось день за днем жить с нелюбимым мужем, который приговорил тебя к смерти, но оставил в живых? Ты должен был придержи-

ваться сложнейших предписаний и абсурднейших правил только потому, что они записаны в законе Моисея? Неужели ты не видишь, что мы оба прошли через страшные испытания, ты — физические, я — душевные? Ты имел возможность бежать, я же была вынуждена терпеть здесь нравственные муки.

Справа появляются три священнослужителя в праздничном облачении — протестант, католик и иудей. Они кланяются. Анастасия с достоинством встает. Глубоко удивленный Юбелоэ делает то же самое.

Первый священнослужитель. Как представители Синодального совета...

Второй. ...епархии...

Третий. ...и религиозной общины нашего города...

Первый. ...мы пришли, уважаемая...

Второй. ...дорогая...

Третий. ...милостивая...

Первый. ...госпожа, поблагодарить вас в этот трудный час.

Второй и третий. Поблагодарить вас!

Первый. Поблагодарить за...

Все трое. ...необыкновенную...

Первый. ...помощь, которую вы, уважаемая...

Второй. ...дорогая...

Третий. ...милостивая...

Первый. ...госпожа, все время оказывали заключенным. Вы раз за разом совершали этот сестринский подвиг милосердия. Так пусть же в этот критический момент будет для вас...

Второй и третий. ...утешением...

Первый. ...поддержкой и даже...

Все трое. ...отрадой...

Первый. ...то, что мы не только благодарим, но и надеемся.

Второй и третий. Надеемся!

Первый. Надеемся, что вы, уважаемая...

Второй. ...дорогая...

Третий. ...милостивая...

Первый. ...госпожа, будете и впредь печься о заключенных нашего города. Благодарить вас, надеяться на вас и верить вам...

Второй и третий. ...верить вам...

Первый. ...наша задача на вечные времена.

Они кланяются. Анастасия слегка наклоняет голову. Юбелоэ неловко и смущенно кланяется.

Все трое.

Отвергаем мы с порога
Мужа вашего дела.
Не избегнет казни строгой
Сотворивший столько зла.

Той же, что, как ангел нежный,
Свет несла во мрак тюрьмы,
Благодарны мы безбрежно,
Вечно благодарны мы.

Священнослужители выходят в дверь справа. Анастасия садится.

Юбелоэ (*хватается за голову*). Это же был епископ Енсен!

Анастасия. Меня называют тюремным ангелом.

Юбелоэ (*в отчаянии опускаясь на стул*). А меня они выбросили из общинного церковного совета!

Анастасия (*страстно*). Неужели же ты не понимаешь, что только ты один можешь меня спасти?

Юбелоэ (*удивленно*). Разве тебе угрожает опасность?

Анастасия. Мой муж, когда его лишат должности Генерального прокурора, хочет вместе со мной пойти в полицию и заявить, что мы отравители.

Юбелоэ (*пораженный*). Анастасия!

Анастасия. Этой же ночью.

Юбелоэ (*побледнев*). Что ты собираешься делать?

Анастасия (*твердо*). Я не хочу, чтобы меня бросили в этот мрачный мир подземелий, не хочу! Есть лишь один путь спасти нашу любовь, Бодо. Бежать вместе в Чили! Это единственная страна, которая не выдаст убийцу. Твои миллионы будут как раз кстати! Мы полетим самолетом. Он отправляется сегодня, в десять вечера, я узнавала. Пять лет я ждала тебя, и вот ты здесь. В Чили мы будем счастливы.

Юбелоэ (*медленно поднимается со стула*). Мы не можем бежать, Анастасия. Я потерял все свое состояние.

Анастасия (*смертельно побледнев, тоже поднимается*). Бодо!

Юбелоэ. Тропики совершенно разорили меня и в финансовом отношении.

Анастасия (*содрогаясь от ужаса*). Замок Юбелоэ-Цабернзе?

Юбелоэ. Перешел в собственность фармацевтических фабрик.

Анастасия. Мариенцорн в Бунцендорфе?

Юбелоэ. Пошел с молотка.

Анастасия. Замок Мон-Парнас на Женевском озере?

Юбелоэ. Конфискован.

Анастасия. А твой тропический госпиталь на Борнео?

Юбелоэ. Сгнил. Местная медицина оказалась сильнее. Я хотел помочь людям, хотел облегчить им жизнь и в результате стал нищим. Рваная одежда, которую ты видишь на мне, эта вопиющая к небу куртка, этот свитер, который мне связала в Батавии одна миссионерка, эти обтрепанные брюки и стоптанные башмаки — вот и все, что у меня осталось.

Анастасия. Но тебе ведь принадлежит еще клиника Святого Георга для бедных. Нам много не нужно, Бодо. Ты врач, я буду давать уроки игры на фортепьяно.

Юбелоэ. Перед отъездом я подарил клинику Союзу помощи алкоголикам.

Анастасия (*бессильно опускается на стул*). А мой муж заставил меня все мое состояние завещать Союзу падших девушек.

Юбелоэ (*в ужасе*). Мы оба вконец разорены.

Он тоже опускается на стул.

Анастасия. Мы пропали.

Юбелоэ (*робко*). Мы не пропали, Анастасия. Теперь нам осталось только сказать правду.

Анастасия (*настороженно*). Что ты хочешь сказать?

Юбелоэ. Ты призналась своему мужу?

Анастасия (*недоверчиво*). В чем?

Юбелоэ. В том, что ты моя возлюбленная.

Анастасия (*тихо*). Ты хочешь сказать ему об этом?

Юбелоэ (*твердо*). Я должен. К правдивости я всегда относился особенно серьезно.

Анастасия (*решительно*). Это невозможно.

Юбелоэ (*неумолимо*). В ту ночь, когда умер Франсуа, ты стала моей.

Анастасия. И вот теперь, пять лет спустя, ты, как глубоко порядочный человек, хочешь предстать перед моим мужем и объяснить ему, что я тебя соблазнила?

Юбелоэ. Другого пути нет.

Анастасия. Но это же смешно.

Юбелоэ. Смешно все, что я ни делаю. В молодости я читал книги о великих христианских святых. Я хотел стать похожим на них. Я боролся с бедностью, я шел к язычникам, я стал в десять раз больнее, чем святые, но, что бы я ни делал, с какими бы ужасами ни сталкивался, все каждый раз оборачивалось своей смешной стороной. Смешной стала даже моя любовь к тебе, единственное, что у меня еще осталось. Но это наша любовь. Мы должны терпеть ее смехотворность.

Анастасия. Из-за твоей порядочности на нас всякий раз обрушивались чудовищные несчастья. Вспомни Лозанну. Ты не женился на мне, потому что хотел сперва сдать экзамены, в результате меня втянул в свою шайку один дивизионный офицер. Я соблазнила тебя, но и тогда ты не хотел ничего делать. Чтобы стать наконец твоей женой, я убила Франсуа, а ты бежал в Тампан. И вот теперь ты хочешь признаться в нашей любви не кому-нибудь, а моему мужу, который в наказание за измену отравил свою первую жену. Пять лет я притворялась, понимая, что он убьет меня, если узнает правду. Я стала тюремным ангелом. Стала женщиной, о которой с уважением отзываются священнослужители. И вот появляешься ты и хочешь открыть глаза моему мужу, да еще в довольно критический момент. Это же безумие — сказать ему правду.

Юбелоэ. Правда всегда безумна. Ее надо выкрикивать, Анастасия. Я выкрикну ее в этой комнате, прямо в лицо этому гибнущему миру наших прегрешений. Разве ты хочешь лгать, лгать без конца? Нашу любовь может спасти только чудо. Мы должны сказать правду, если хотим верить в это чудо.

Анастасия (*удивленно*). Ты веришь в чудо?

Юбелоэ. Наша любовь неотделима от чуда.

Анастасия. Но это же чушь!

Юбелоэ. Это единственная разумная вещь, которая нам еще осталась. (*Он закуривает сигарету.*) Я скажу

твоему мужу правду. В ней дотла сгорит наша подлость, и наша любовь возродится из пепла. (*Он раздавливает сигарету.*) Когда вернется твой муж?

Анастасия. Не знаю.

Юбелоэ. Я подожду. Посижу среди этой мебели и картин, подожду его прихода.

Анастасия молчит.

Юбелоэ (*побледнев*). Анастасия!

Анастасия. Чего тебе?

Юбелоэ. Ты меня любишь?

Анастасия. Я люблю тебя.

Юбелоэ. Тогда подойди и поцелуй меня.

Анастасия медленно подходит и целует его.

Теперь я знаю, что ты будешь любить меня всегда. Я верю в нашу любовь, как верю в чудо, которое нас спасет.

Анастасия (*пылко*). Давай убежим! Без оглядки! Ни о чем не думая! И никогда не вернемся сюда!

Юбелоэ. Нет. Я подожду. Подожду чуда.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Та же комната. У кофейного столика, уставленного бутылками из-под коньяка, стоит Юбелоэ. В глубине, у окна слева, Анастасия.

Анастасия. Опять надвигается туман.

Юбелоэ. И толпа.

Анастасия. В этом году в ноябре над рекой каждый вечер поднимался туман.

Юбелоэ. Стол в стиле бидермейер, два стула в стиле Людовика Четырнадцатого, буфет в стиле Людовика Пятнадцатого. Комод в стиле Людовика Шестнадцатого, софа в стиле ампир. Ненавижу эту мебель. Уже в Лозанне я ее ненавидел. Я вообще ненавижу мебель.

Анастасия (*хотя не слышно никаких звуков*). На кафедральном соборе пробило восемь.

Юбелоэ. Десять часов. Я жду уже десять часов.

Анастасия. Стрельба. Все время стреляют.

Юбелоэ. И все время слышно пение. Такие песни поют, когда гибнет мир.

Анастасия. Сейчас в Чили разгар лета, а ночью на небе виден Южный Крест.

Юбелоэ. Правда — вот наш крест. Я скажу твоему мужу правду. Я крикну ему правду в лицо.

Анастасия. Швейцару в публичном доме.

Юбелоэ. Самый порядочный человек в Тампане тоже был швейцаром в публичном доме. Он всегда жертвовал что-нибудь для моего тропического госпиталя, всегда. (*Юбелоэ садится за столик.*) Стол в стиле бидермейер. Два стула в стиле Людовика Четырнадцатого, буфет в стиле Людовика Пятнадцатого. Комод в стиле Людовика Шестнадцатого. Софа в стиле ампир. Ненавижу эту мебель. Уже в Лозанне я ее ненавидел. Я вообще ненавижу мебель.

Анастасия. Как ты думаешь, самолет в такой туман полетит?

Юбелоэ. Теперь они летают в любую погоду. Даже если летят к черту. Правду. Я скажу ему правду.

Анастасия. Ты выпил больше пяти бутылок коньяку.

Юбелоэ (*неожиданно взрывается*). Нельзя же выносить этот ад одиннадцать часов подряд! Рембрандт Харменс ван Рейн, жил с тысяча шестьсот шестого по тысяча шестьсот шестьдесят девятый, пейзаж с башней, гравюра.

Оба сидят неподвижно. В окне слева появляется министр.

Министр. Пока эти двое, мужчина и женщина, ждут в своей комнате, я тем временем стал премьер-министром. Положение кажется катастрофическим, весь мир затаил дыхание, акции стремительно падают, распространяются невероятные слухи, но на самом деле сложилась идеальная ситуация для захвата власти.

Слышны аплодисменты невидимой толпы.

Лежа на диване в своем новом кабинете — прежний премьер-министр уже лежит в санатории, — я рву на части фотографию нелегально пробравшегося к нам агента и бросаю клочки в огонь. (*Рвет фотографию и бросает клочки в огонь.*) Он глуп, только и всего. Как будто можно бояться революции против отдельного человека. Человеком жертвуют, а сброд, называемый обществом, остается. Давно доказано, что каналий нельзя уничтожить, так сделаем на них ставку и всегда будем в выигрыше. (*Аплодисменты.*) Чернь любит кровожадность вначале, безмерные надежды, бездумный авантюризм, но в определенный момент бунта благосклонность толпы поворачивается в другую сторону. Сперва ее горячит желание поживиться чем-нибудь, потом остужает страх потерять все. В этот точно рассчитанный момент и надо выступить в роли спасителя порядка. Вот где кроется шанс. (*Аплодисменты.*) Воспользуемся им. Армия готова. Хорошо. Полиция оснащена дубинками. Еще лучше. Клянусь всеми святыми... Иоганн, виски! (*Слуга приносит стакан виски.*) Я еще остаюсь в тени. Еще позволяю одному дураку травить другого, а толпе с поднятыми вверх кулаками — гнаться за нашим несчастным Генеральным прокурором, который в этот самый момент, грязный и истекающий кровью, перелезает через забор своего сада, чтобы там упасть под деревом,

кажется, это яблоня. Неудачное место, если тебя найдут. Беги, кролик, беги. Вот он поднимается и, хромая, тащится к террасе.

Министр выпивает виски, бросает стакан через плечо и исчезает. Совсем близко раздается выстрел.

Юбелоэ. Геркулес Зегерс, жил с тысяча пятьсот восемьдесят девятого по тысяча шестьсот сорок пятый, старая мельница, гравюра. (*Пошатнувшись.*) Я скажу ему правду... Ты меня любишь?.. Чудо произойдет. Я скажу ему правду, и мы будем свободны.

Дверь справа открывается.

Анастасия (*спокойно*). Мой муж.

В дверях появляется растрепанный, окровавленный Миссисипи.

Миссисипи. Добро пожаловать на родину, господин граф.

Анастасия. Флорестан!

Она хочет броситься к нему, Миссисипи жестом велит ей успокоиться.

Миссисипи. Не будем забывать о нашем госте, дорогая Анастасия. Несокрушимая выдержка — вот единственное, что мы еще можем позволить себе в этом постоянно меняющемся мире. (*Он кланяется.*) Граф Юбелоэ, вы пришли, чтобы явиться с повинной? Поскольку моя жена и я решили сделать то же самое, нам уже ничего не помешает.

Юбелоэ собирается с мыслями.

Юбелоэ. Господин Генеральный прокурор! Вы женились на женщине, которой я дал яд, что тут говорить, это удар для меня, страшный удар, но вы хотите восстановить закон Моисея. Я склоняю голову перед такой титанической жаждой справедливости. Это возвышенная идея. Почтительно склоняю голову. Насколько я могу судить — не без содрогания — по ужасному виду вашей одежды и по вашему разбитому, исцарапанному лицу, вы, господин Генеральный прокурор, тоже потерпели крах. На нашу с вами долю, господин Миссисипи, выпало потерпеть крах в этом столетии. Полный крах. Мы уже ничего не решаем, история нас отринула, вас, благодаря неустанному труду и железной энергии выкарабкавшегося из хлябей большого

города, и меня, графа, потомка древнего патрицианского рода, чьи предки принимали участие в крестовых походах. По песням на улице можно догадаться о постигшей вас участи, мою участь толпа тоже решит с язвительным смехом. В этом гибнущем мире — а в том, что он гибнет, никто уже не сомневается — нам осталось только одно: решительно и фанатично, с безумной смелостью говорить правду. (*Он все еще пошатывается.*) Мы должны, господин Генеральный прокурор, со всем мужеством, не жалея сил встать на сторону правды, ужасной, может быть, даже смешной, но — правды. (*Он падает на стул слева и хватается за голову.*)

Миссисипи спокойно подходит к столу и звонит в колокольчик. Справа входит служанка.

Миссисипи. Принесите таз с холодной водой, Лукреция.

Служанка выходит.

Анастасия (*холодно*). Он пьян.

Миссисипи. Сейчас он протрезвится и закончит свою речь.

Анастасия. Пять бутылок коньяка за день.

Служанка приносит таз.

Миссисипи. Подайте таз графу, Лукреция.
Служанка. Господин граф, вот таз.
Миссисипи. Окуните лицо в воду, граф Юбелоэ.

Юбелоэ повинуется.

Миссисипи (*служанке*). Можете идти, Лукреция.

Служанка выходит в дверь справа.

Юбелоэ (*тихо*). Простите, но чересчур долгое ожидание меня вконец обессилило.

Миссисипи. Вы что-то хотели мне сказать? Продолжайте.

Юбелоэ (*встает*). Господин Генеральный прокурор! Я должен сказать вам правду. От своего имени и от имени вашей жены. Правда в том, что ваша жена и я... что мы... что я люблю вашу жену.

Страшной силы залп сотрясает комнату.
Пулеметная очередь насквозь прошивает ставни.

Миссисипи. Прижмитесь к стене!
Юбелоэ. Коммунисты!

Еще один залп. Все трое прижимаются к стенам.
Миссисипи справа, Анастасия и Юбелоэ слева.
Новый залп. В окне слева появляется Сен-Клод.

Министр (*в окне справа*). И вот они уже жмутся к стенам, липнут к своим пошлым обоям.

Сен-Клод (*в окне слева*). Я разнесу вдребезги эту мебель в стиле Людовика Шестнадцатого, Пятнадцатого и Четырнадцатого, эти люстры в стиле ампир.

Министр. Зеркало в стиле рококо.

Сен-Клод. Гравюры.

Министр. Вазы.

Сен-Клод. Лепные потолки.

Министр. Остатки гипсовой Венеры.

Сен-Клод. Вместе с буфетом, на котором она стоит. Я уничтожу весь этот хлам, я превращу весь этот смехотворный мир в пепел. (*Исчезает.*)

Министр. Чтобы согреть мое будущее правление.

Он исчезает. Новый залп.

Миссисипи (*пронзительно*). Мадам, идите в свою комнату. Там вы будете в безопасности.

Анастасия выбегает в дверь налево.

Миссисипи (*стараясь перекричать пулеметный огонь*). Встретимся в центре комнаты. К сожалению, я должен просить вас, граф, из-за огня пробираться туда ползком.

Юбелоэ. Уже ползу, господин Генеральный прокурор.

Они ползут к центру комнаты. Очередь. Они прижимаются к полу.
Миссисипи под столом судорожно цепляется за Юбелоэ.

Миссисипи. Мы лежим, граф, прижавшись к полу, засыпанные гипсом, оба в крови. Что же вы ищете здесь, господин граф, наконец-то протрезвевший в моих руках призрак давно прошедших веков? Почему же покинули свой кров, прохладу отцовских покоев, почему не хотите сидеть вечером под луной в Цабернзе, окруженные паутиной, под выцветшим флагом на башне замка, со своими миллионами? Почему вас потянуло в неведомый мир, к неведомым приключениям?

Юбелоэ. Мне было очень жаль людей.

Очередь.

Миссисипи. Вы любили их всех?

Юбелоэ. Всех.

Миссисипи. Вместе с их грязью, с их жадностью?

Юбелоэ. Со всеми их пороками.

Миссисипи. Зачем вы притворяетесь, ваше графское высочество?

Юбелоэ. Вы меня раскусили?

Миссисипи. Я тебя раскусил.

Очередь.

На, прими поцелуй Иуды! Я, судья этого мира, отрекся от тебя, любящего мир. Христианство мертво, две каменные скрижали, которые Бог выломал на горе Синай, рухнут и погребут тебя под собой. Прокляни тот час, в который ангел, спускаясь с небес, покалечил тебя, в который дух, как стрела молнии, поразил тебя, превратил тебя в ничтожество, которое едва держится на ногах, в жалкого филантропа, плавающего в море абсента и дешевого шнапса. Все, что вы делали, господин граф, было впустую, вы промотали все, что имели, в зеленых джунглях утонули, заросли лианами ваши тропические госпитали. Что же осталось?

Юбелоэ. Ничего, кроме моей любви.

Очередь.

Миссисипи. Вы любите Анастасию?

Юбелоэ. Только ее, всегда только ее.

Миссисипи. Тогда вы больше не любите человечество?

Юбелоэ. Человечество, о котором я мечтал, сидя в родовом замке, под штандартами моих предков, которое я любил, обливаясь горючими слезами, рассыпалось в ничто, осталась только Анастасия. Только благодаря ей я снова полюбил человечество.

Миссисипи. И что же вы имеете от этой любви к женщине, которая вам не принадлежит?

Юбелоэ. Ничего, кроме надежды, что душа моей возлюбленной не погибнет, пока я ее люблю, ничего, кроме этой веры.

Миссисипи. Слаба же ваша любовь, господин граф! Что бы стало с Анастасией, если бы у нее была только ваша

любовь? Она превратилась бы в создание мрака, жаждущее все новых и новых жертв, в сгусток плоти, алчущий объятий, с незаживающей раной мужеубийцы в боку!

Юбелоэ. А чем стала Анастасия благодаря закону Моисея, который вы ей предложили?

Миссисипи. Тюремным ангелом, которого любили даже те, кого я приговорил к смерти.

Юбелоэ (*сжимает Миссисипи руками*). Ваш брак не внушает вам никаких сомнений?

Миссисипи. Это образцовейший брак двадцатого столетия.

Очередь. Они пригибаются.

Юбелоэ. Вы верите своей жене?

Миссисипи. Несокрушимо.

Юбелоэ. И в то, что она стала лучше?

Миссисипи. Она стала лучше.

Юбелоэ. В то, что вас связывает правда, а не страх, безотчетный страх?

Миссисипи. Я верю в нее так же, как верю в закон.

Юбелоэ. Ты глупец, чей хребет я сейчас перешибу, колосс на глиняных ногах, которому я сейчас брошу правду в лицо. Как можно любить женщину за ее дела? Разве тебе неведомо, что дела человеческие обманчивы? Любовь твоя малодушна, а закон твой слеп. Я же люблю эту женщину не за ее праведные поступки, а за то, что она несчастна. Не как обретенную, а как утраченную любовь.

Миссисипи (*озадаченно*). Что вы хотите этим сказать?

Юбелоэ. Господин Генеральный...

Миссисипи. Граф Юбелоэ-Цабернзе, я прошу вас объясниться!

Юбелоэ. Господин Генеральный прокурор, я должен сообщить вам, что Анастасия была моей возлюбленной еще в то время, когда она была замужем за Франсуа.

Мертвая тишина. Затем за окном слышатся команды. Стук копыт. Пронзительные свистки. Толпа откатывается.

Миссисипи. Бунт подавлен. Правительство победило. Вставайте, господин граф.

Юбелоэ. Встаю.

Миссисипи, а за ним и Юбелоэ поднимаются с пола.

Миссисипи (*спокойно*). Вы хотите сказать, моя жена отравила сахарного фабриканта из любви к вам?

Юбелоэ. В этом причина его смерти.

Миссисипи. Откройте дверь в спальню моей жены, граф Юбелоэ-Цабернзе!

Юбелоэ открывает дверь слева.

Юбелоэ (*неуверенно*). Вы хотите спросить Анастасию?

Миссисипи. Я просто обязан это сделать. Вы обвинили мою жену в нарушении супружеской верности. Я без всякого снисхождения проверю ваше обвинение. Но мы с вами должны понимать: ответ моей жены уничтожит одного из нас. Или я предстану перед вами как последний глупец, или же вы передо мной — как окончательно свихнувшийся алкоголик, который свои бредовые желания выдает за действительность.

Юбелоэ. Я восхищаюсь вашим трезвым подходом к делу, сударь.

Миссисипи. Анастасия!

Слева появляется Анастасия, медленно идет на середину комнаты и останавливается у кофейного столика.

Анастасия. Зачем я понадобилась?

Миссисипи. Мадам, граф Юбелоэ хочет задать вам один вопрос. Поклянитесь, что будете говорить только правду.

Анастасия. Клянусь.

Миссисипи. Клянетесь Богом?

Анастасия. Клянусь Богом.

Миссисипи. В таком случае спрашивайте, граф Бодо фон Юбелоэ-Цабернзе.

Юбелоэ. Анастасия, я хочу задать только один вопрос.

Анастасия. Спрашивай!

Юбелоэ. Ты любишь меня?

Анастасия. Нет!

Юбелоэ цепенеет.

Юбелоэ (*после долгого молчания, нетвердо держась на ногах*). Как ты можешь так говорить, Анастасия!

Анастасия. Я тебя не люблю.

Юбелоэ. Это неправда.

Анастасия. Я поклялась говорить правду.

Юбелоэ. Но ты же была моей возлюбленной!

Анастасия. Я никогда не была твоей возлюбленной.

Юбелоэ. Ты отдалась мне в ночь накануне смерти Франсуа!

Анастасия. Ты никогда не прикасался ко мне!

Юбелоэ (*кричит, словно взывая о помощи*). Но ты же только потому убила Франсуа, что хотела выйти за меня замуж!

Анастасия. Я убила, потому что любила его.

Юбелоэ (*опускается на колени перед столиком, у которого стоит Анастасия*). Сжалься надо мной! Скажи правду! Сжалься же надо мной! (*Держится руками за столик.*)

Анастасия. Я сказала правду.

Юбелоэ окончательно сломлен.

Юбелоэ (*посрамленный*). Скоты! Вы скоты!

Снаружи раздается сирена машины «скорой помощи».

Миссисипи (*резко*). Вы услышали правду. Анастасия вас не любит.

Юбелоэ. Скоты! Скоты!

Громкий стук в дверь справа.

Миссисипи (*с достоинством*). Граф Бодо фон Юбелоэ-Цабернзе, сумасбродные утверждения, почерпнутые в недрах тропических лесов и, к сожалению, усугубленные вашим пристрастием к алкоголю, оказались несостоятельными. Анастасия никогда не была вашей возлюбленной! Таким образом вы, к несчастью, увеличили число своих правонарушений, к противозаконной выдаче опасного яда добавилась грубая клевета, обстоятельство, вне всяких сомнений, подтверждающее, что вы безудержно деградируете не только в физическом, но и в моральном отношении.

Внезапно открывается дверь справа, входит врач с двумя санитарами. Все в белых халатах.

Врач. Я профессор Юберхубер из городской психиатрической больницы.

Миссисипи (*не обращая на них внимания*). Признайтесь, что вы солгали.

Юбелоэ. Вы скоты!

Изо всех дверей справа и слева, из окон, в которых появлялись и исчезали Сен-Клод и министр, а также из напольных часов вылезают врачи в белых халатах и очках в массивной роговой оправе.

Профессор Юберхубер. Департамент здравоохранения уполномочил меня доставить вас в клинику. По личному распоряжению нового премьер-министра. Прежний уже находится под нашей опекой. Ваш случай настолько интересен, господин Генеральный прокурор, что я без промедления пригласил сюда весь конгресс врачей-психиатров.

Врачи негромко аплодируют.

Миссисипи. Господин граф, вы только что торжественно провозгласили, что правду нужно говорить в лицо — фанатично, безоговорочно, с безумной смелостью. Вы не сдержали слово, я глубоко разочарован. Теперь моя очередь возвестить правду, господин профессор...

Профессор Юберхубер. Мой дорогой Генеральный прокурор?

Миссисипи. Я хочу сделать признание.

Профессор Юберхубер. Ну что ж, давайте, дорогой Генеральный прокурор.

Миссисипи. Вы должны отвести меня не в сумасшедший дом, а в тюрьму.

Профессор Юберхубер. Само собой разумеется.

Врачи. Типичный случай шизофрении.

Миссисипи. Я отравил свою первую жену.

Профессор Юберхубер. Разумеется.

Врачи. Навязчивая идея.

Миссисипи. А моя вторая жена отравила своего первого мужа.

Профессор Юберхубер. Ну конечно же.

Врачи. Типичная галлюцинация.

Миссисипи. Я сказал правду, только правду, ничего, кроме правды.

Профессор Юберхубер. Несомненно.

Врачи. Сейчас наступит кризис.

Миссисипи. Отведите мою жену и меня в тюрьму.

Профессор Юберхубер. Само собой.

Врачи. Кризис наступил.

Миссисипи. Я сказал правду, всю правду, ничего, кроме правды.

Профессор Юберхубер. Доставьте его в сумасшедший дом.

Миссисипи уводят.

Миссисипи. Я клянусь.

Профессор Юберхубер (*с поклоном*). Не огорчайтесь по поводу его слов, сударыня. Такого рода больные охотно выдают себя за убийц, а лиц, которых они любят, — за уголовников. Нам это известно. Он скоро поправится. Чем опаснее болезнь, тем больше триумф медицины.

Врачи приглушенно аплодируют. Профессор Юберхубер еще раз кланяется Анастасии и выходит в дверь справа. Врачи тоже выходят в двери, вылезают через окна и через напольные часы. Анастасия и Юбелоэ остаются одни. Юбелоэ медленно поднимается.

Анастасия. Ты сказал правду, а я предала тебя.

Юбелоэ. Страх оказался сильнее твоей любви.

Анастасия. Страх всегда сильнее.

Юбелоэ. Чудо свершилось.

Анастасия. Мы свободны.

Юбелоэ. Но разлучены.

Анастасия. Навечно.

Юбелоэ. Вера утрачена.

Анастасия. Ушла, как капля воды в песок.

Юбелоэ. Надежда исчезла.

Анастасия. Растаяла, как облачко.

Юбелоэ. Осталась только моя любовь.

Анастасия. Любовь смешного человека.

Юбелоэ медленно выходит в дверь справа. Анастасия стоит неподвижно. Слышен гул самолета.

Анастасия. Взлетел самолет на Чили.

Всю сцену закрывает щит, на котором нарисован летящий в облаках самолет. Выходит Сен-Клод. Как и в первой части, он во фраке, на шее полотенце для бритья.

Сен-Клод. Пусть себе самолет летит в республику Чили. Отпустим с миром и графа, хватит ему мешать нам. В суголоке большого города он погибнет, быть может, от ножа в пьяном угаре, а если повезет, то и в больнице для бедных, которую он же и основал. Оставим его в покое и обратимся к другому утру. Декорации довольно грустные. Вы в этом убедитесь, когда взлетевший самолет окончательно растворится вдали: комната в ужасном состоянии, она в полном запустении, мебель не поддается никакому описанию, все усеяно гипсом и битой штукатуркой. Сами увидите. Только посреди сцены стоит, производя нереальное впечатление, совершенно целый кофейный столик, все еще в стиле

бидермейер, накрытый, как и вначале, на две персоны, правда, на этот раз не для Анастасии и господина Миссисипи, а для Анастасии и меня, не станем умалчивать и об этом. То, что в этом месте я снимаю с себя бороду, говорит о многом. (*Он снимает бороду.*) Вы уже догадались, что я снова разорился и был вынужден начать все сначала. Конец мятежа был ужасным, триумф нового премьер-министра — абсолютным, последствия для моей карьеры — тяжелыми, Красная Армия меня разжаловала, польский парламент лишил мандата, короче, моя реабилитация снова отменяется. Я снова попросту ошибся. Может быть, уважаемые дамы и господа, для вас такой поворот дела и лучше. А мне не остается ничего другого, как рассказать, каким образом трем человекам был поставлен мат в одной партии.

Щит с самолетом поднимается.

А сейчас вы слышите первые залпы салюта со стороны античного храма. Город готовится отпраздновать свадьбу нового премьер-министра. (*За окнами проходят Диего и его невеста, двое детей несут шлейф ее платья.*) Вы видите, как высокопоставленная пара идет мимо окон к собору, видите его, которого мы уже хорошо знаем, и ее, новую первую леди, издательницу очень популярной у здешних читателей «Evening post», раскрасневшуюся, в платье от Диора. Похоже, власть укрепилась, порядок восстановлен, прежняя роскошь и великолепие снова утверждаются в своих правах. На фоне этого торжественного события, на фоне несмолкающих приветственных возгласов ликующего народа, на фоне вдохновенного выступления сводного хора женских училищ, городской филармонии и мужского певческого союза, исполняющего Девятую симфонию Бетховена, наконец, на фоне величественно-гулкого звона соборных колоколов прискорбным образом выделяется следующая сцена.

Звучат начальные такты Девятой симфонии. Все время, пока идет последняя сцена, Девятая симфония воспринимается не как приглушенная звуковая кулиса; отдельные мотивы выделяются и подчеркиваются. Через окно справа в комнату влезает Миссисипи. На нем смирительная рубашка с чересчур длинными рукавами. Он исчезает в своей комнате справа.

Это был Генеральный прокурор. Ему удалось убежать из сумасшедшего дома. Когда он лез в окно, меня, к несчастью, еще не было в комнате, иначе бы мой друг Поль

увидел, как я бреюсь перед последним осколком этого зеркала, и ему наконец все бы стало ясно. А так он понятия не имел о моем присутствии здесь, а я, в свою очередь, не знал о его присутствии, и если бы я позже смог открыть ему глаза, это уже не имело бы смысла: так стремительно расправилась с ним судьба, которую он сам себе уготовил. Анастасия — еще одна смехотворная причина моей смерти, не будь ее, я уже давно был бы в безопасности — пришла немного позже. Она была в городе, якобы в женской тюрьме Святого Иоанна, на самом же деле она безуспешно пыталась поговорить с новым премьер-министром. Он как сквозь землю провалился, мы знаем причину: «Evening post». Ей не оставалось ничего другого, как отказаться от своей затеи. Она сходила в банк и теперь возвращается в свою квартиру в одежде дамы-благотворительницы, в своем плаще и с сумочкой из крокодиловой кожи.

Справа входит, запыхавшись, Анастасия.

Анастасия. Миссисипи сбежал!

Звучит скерцо Девятой симфонии.

Сен-Клод (*равнодушно*). Что ты говоришь.

Анастасия. Санитары и полицейские окружили его в городском парке.

Сен-Клод. Охота на зайца. (*Оборачивается.*) Где ты была?

Анастасия. В женской тюрьме Святого Иоанна.

Сен-Клод. Вздор. В банке. (*Он берет у нее из рук сумочку, открывает, вынимает конверт и засовывает себе в карман.*) Сколько?

Анастасия. Пятьсот.

Сен-Клод. Хорошо.

Анастасия. Ты побрился.

Сен-Клод. Я изменился?

Анастасия. Да.

Сен-Клод. Тогда надевай свое вечернее платье. Американский посланник устраивает прием на своей загородной вилле.

Анастасия. Какое тебе дело до американского посольства?

Сен-Клод. Это шанс незаметно выскользнуть из города. Никто и не подумает, что я отправлюсь этой дорогой.

А иначе зачем бы мне надевать фрак твоего мужа? (*Он берет ее за руку и окидывает испытующим взглядом.*) Накануне мне пришла в голову блестящая идея. Мы бежим вместе.

Анастасия (*испуганно*). Меня разыскивает полиция?

Сен-Клод. Нет. Меня разыскивает партия. Она исключила меня из своих рядов.

Анастасия. Чем это тебе грозит?

Сен-Клод. Теперь она сделает все, чтобы ликвидировать меня. Партия точно знает, что бояться ей следует только тех, кто всерьез относится к идеалам, которые она якобы представляет. Мы отправимся в Португалию.

Анастасия. И что мы будем там делать?

Сен-Клод. До сих пор мировая революция повсюду сходила на нет. Я хочу снова провозгласить ее оттуда, из другого уголка планеты. Это потребует значительного напряжения сил. Мы начнем в канализационных проходах, поднимемся в ночлежки, оттуда перейдем в притоны, и наконец я построю для тебя вполне приличный бордель.

Он берет маленький серебряный колокольчик и звонит. Справа входит служанка, она все такая же, хотя и немного не в себе.

Сен-Клод. Кофе!

Служанка выходит. Начинается анданте Девятой симфонии. Анастасия подходит к Сен-Клоду и внимательно всматривается в него.

Анастасия. Ты прибился ко мне с пустыми руками. Ты был одинок, без друзей, тебя ненавидели даже твои товарищи. Ты явился ко мне, преследуемый тайными агентами, и я укрыла тебя. Ты был болен, и я ухаживала за тобой. Ты изголодался, и я спала с тобой. Лежа в моей кровати с балдахином, ты сумел реорганизовать свою знаменитую партию. Ты даже собирал в моей комнате своих товарищей, этих бродяг в непромокаемых плащах, топтавших своими грязными башмаками мои персидские ковры. У меня ты планировал свою революцию, а теперь, когда дело в очередной раз провалилось, ты любезно предлагаешь мне в качестве благодарности место проститутки в борделе.

Сен-Клод. Я предлагаю тебе только то, что соответствует твоему призванию. Ты стала моей любовницей, чтобы обезопасить себя и с нашей стороны, и я сделал тебя своей любовницей, чтобы убедиться в твоих способностях. Для той роли, которую я тебе предлагаю, ты подходишь как нельзя лучше.

Анастасия. Ты воображаешь, что я паду так низко?

Сен-Клод. Для жены Генерального прокурора это будет не падением, а подъемом. Кто ты такая? Женщина, использовавшая в своих целях множество мужчин. В своей новой роли ты будешь самым естественным средством выкачивания из господствующих классов денег, которые пойдут на финансирование уничтожения этих классов. Это единственный шанс использовать тебя не для эксплуатации, а на благо человечества.

Анастасия. Сутенер!

Сен-Клод. Шлюха!

Служанка. Кофе.

Сен-Клод подходит к левому окну, повернувшись к публике спиной.

Сен-Клод (*не оборачиваясь*). Налей в чашки.

Служанка повинуется, затем выходит в дверь справа.

Анастасия (*смертельно побледнев, хватается за медальон, который висит у нее на шее*). А если я не пойду с тобой?

Сен-Клод. Куда же ты денешься?

Анастасия. Премьер-министр мой друг.

Сен-Клод. В его положении связь с отравительницей вряд ли будет кстати.

Анастасия. Он ничего не знает.

Сен-Клод. Я его просветил.

Анастасия. Очень мило с твоей стороны.

Анастасия открывает медальон и вынимает из него нечто, напоминающее кусочек сахара.

Сен-Клод. Если ты не убежишь со мной, к тебе наведается полиция.

Анастасия. Резонно.

Спокойным, элегантным движением Анастасия кладет нечто, напоминающее кусочек сахара, в чашку справа.

Сен-Клод. Единственный политик, который может позволить себе роскошь выносить тебя, — это я.

Анастасия. Посмотрим.

Сен-Клод. Кофе готов?

Анастасия. Готов.

Сен-Клод (*подходит к столику*). Сахар положили?

Анастасия. Нет.

Сен-Клод берет из сахарницы кусочек сахара, кладет в чашку, стоящую справа, помешивает ложечкой. Он подносит чашку ко рту, не пьет, отводит руку с чашкой в сторону, внимательно смотрит на Анастасию, ставит чашку на стол.

Анастасия (*неуверенно*). Ты не пьешь?

Сен-Клод. Там уже был сахар. (*Он вытирает пот со лба.*) Лучше я выпью кофе в городе, милочка. Тебе повезло. Пользы от этого тебе не было бы никакой, потому что банковского служащего, с которым ты собиралась бежать, сегодня вечером арестуют. К сожалению, с ним будет значительная сумма денег, которые ему не принадлежат. Видишь, я тоже предпринял кое-какие меры предосторожности. Иди надевай вечернее платье, нам пора ехать. По крайней мере ты не зря уложила вещи в чемодан.

Анастасия. Я согласна. Мы едем в Португалию. (*Выходит в дверь слева.*)

Сен-Клод. Итак, она пошла в свою комнату. Я посмотрел ей вслед, засмеялся, со страхом взглянул на свою чашку, перегнувшись через столик, взял ее чашку и выпил кофе. (*Он проделывает все это.*) О, я знал ее, отравленный кофе остался нетронутым, и если бы я, в безмерной надежде все-таки совершить где-нибудь революцию, не счел, что меня не узнали, когда я в пустом гараже крал только что украденную, заново покрашенную автомашину — персонал гаража убежал смотреть на публичную свадебную церемонию, — если бы я, возвращаясь через сад, обратил внимание на трех человек, неумело прятавшихся кто за яблоней, кто за кипарисом, — с этим столь полезным созданием, с этой вавилонской блудницей я бы покорил весь мир!

Он удаляется через окно справа. Комната на мгновение остается пустой. Начинается четвертая часть Девятой симфонии. В правую заднюю дверь входит Миссисипи. На нем черная мантия Генерального прокурора. Он подходит к столику, видит пустую чашку Анастасии, наливает в нее кофе. Затем вынимает из-под мантии маленькую золотую шкатулку, открывает ее. Что за этим последовало, догадаться нетрудно: он вынимает нечто, похожее на кусочек сахара, и кладет в чашку Анастасии. Проделывает все просто, не без элегантности.

Слева входит Анастасия в ярко-красном вечернем платье, с дорожным чемоданом в руке. Увидев Миссисипи, она застывает

Миссисипи (*кланяясь*). Сударыня!

Анастасия (*после паузы*). Флорестан!

Миссисипи. Можете спокойно называть меня Поль. Весь мир знает мое имя.

Анастасия. Это же безумие — прийти сюда.

Миссисипи. Нет ничего безумного в том, сударыня, чтобы навестить свою жену, перед тем как навсегда исчезнуть. Второй раз из сумасшедшего дома не убежишь.

Анастасия. Я очень рада, Поль, что вместе с вами могу отправиться в тюрьму, чтобы сознаться в наших преступлениях.

Миссисипи. Оставьте эту мечту, сударыня, она была слишком прекрасна. Я засыпал письмами канцелярию своего преемника. Он мне не верит. Он считает, что я сумасшедший.

Анастасия. Я тоже писала вашему преемнику. Он и мне не верит. Он считает меня «тюремным ангелом».

Миссисипи. Не хотите сесть?

Анастасия. Разумеется! (*Указывает на кресло.*) Прошу вас.

Миссисипи. Мы пили кофе, когда познакомились с вами пять лет тому назад, давайте же сделаем то же самое сейчас, перед тем как расстаться. Место то же самое, но, к большому сожалению, оно сильно изменилось: обои содраны, богиню любви почти не узнать, мебель в стиле Людовиков Четырнадцатого, Пятнадцатого и Шестнадцатого поломана, и только кофейный столик в стиле бидермейер, к счастью, остался цел.

Анастасия садится за столик слева, Миссисипи справа.

Можно попросить вас передать мне сахар? (*Она передает ему сахарницу.*) Благодарю вас. Мне срочно надо подкрепиться. Бегство далось мне с большим трудом. Я вижу, столик накрыт на две персоны, мадам. Вы кого-то ждали к завтраку?

Анастасия. Я ждала вас.

Миссисипи. Вы знали, что я приду?

Анастасия. Я догадывалась.

Миссисипи. А этот чемодан? Вы куда-то уезжаете?

Анастасия. Здоровье мое подорвано. Мне надо снова отдохнуть в Адельбодене.

Звучит мотив анданте из четвертой части Девятой симфонии.

Миссисипи. В этом вызывающе шикарном платье?

Анастасия. Я надела его ради вас.

Миссисипи. Я никогда не видел его на вас.

Анастасия. Я надевала его в тот день, когда умер Франсуа. (*Она смотрит на портрет.*)

Миссисипи. Видите, для нашего расставания я тоже выбрал достойное одеяние. (*Нетерпеливо.*) Не хотите выпить кофе, сударыня?

Анастасия. Хочу. Он меня подкрепит. (*Пьет.*)

Миссисипи (*облегченно вздохнув*). Мы пять лет прожили в браке, сударыня, в счастливом браке. (*Пьет.*) Черт побери, в нем слишком много сахара.

Анастасия. Пять лет. Я делала все, что вы от меня требовали. Шла к узниками, утешала их и смотрела, как они умирают. Я никогда не забывала, зачем я это делаю. Помня данное вам обещание, я каждый день думала о Франсуа. (*Смотрит на портрет.*)

Миссисипи. А я о Мадлен.

Он тоже смотрит на портрет. Она внимательно смотрит, как он пьет кофе.

Вы остались верны мне.

Анастасия. Я осталась вам верна, так же как я сохранила верность Франсуа. (*Она с облегчением допивает свой кофе.*) Налить вам еще чашку?

Миссисипи. Да, спасибо.

Анастасия хочет налить кофе.

А вы не совершили клятвопреступление, сударыня?

Анастасия отставляет кофейник в сторону.

Звучат слова из Девятой симфонии: «Друзья, оставим этот тон, давайте говорить более приятным и радостным языком».

Анастасия. Как, вы пришли, чтобы задать мне этот вопрос? Так вот почему вы вернулись, вот почему сидите здесь в этой ужасной мантии!

Миссисипи. Забудьте о том, что я ваш муж, забудьте о часах, которые вы провели со мной, забудьте о ваших задушевных беседах с заключенными. Пусть я предстану перед вами в этот момент только как Генеральный прокурор, который обязан следовать своему страшному долгу даже по отношению к любимому человеку. О! (*Он стонет, хватается за правый бок и опускается на стул.*)

Анастасия (*внимательно наблюдая за ним*). Вы больны?

Миссисипи. Вдруг сильно закололо в боку, вероятно, приступ ревматизма. Должно быть, я простудился, лежа вчера под яблоней. (*Он встает.*) Но мне уже лучше. Продолжим допрос, сударыня.

Анастасия. Я не понимаю вашего поведения, сударь.

Миссисипи. Вы вынуждаете меня предпринять шаги, которые я однажды уже предпринимал.

Он звонит в серебряный колокольчик, справа входит служанка.

Звучат слова из Девятой симфонии: «Ты сближаешь
без усилья всех разрозненных враждой».

Служанка. Милостивый государь?

Миссисипи. Вы помните графа Бодо Юбелоэ-Цабернзе, Лукреция?

Служанка. Граф часто бывал у вас, когда еще был жив старый господин.

Миссисипи. Целовались ли госпожа и граф в отсутствие сахарного фабриканта?

Служанка. Еще как.

Миссисипи. Принимала ли госпожа графа в своей спальне?

Служанка. А как же.

Миссисипи. Когда это было, Лукреция?

Служанка. В ночь перед смертью старого господина.

Миссисипи. Почему фабриканта не было дома, Лукреция?

Служанка. Он заночевал в другом месте.

Миссисипи. Благодарю вас, Лукреция, можете возвращаться к своей работе.

Служанка выходит в дверь справа.

Сударыня, в ту самую ночь, когда вы принимали в своей спальне графа Юбелоэ-Цабернзе, ваш супруг Франсуа нарушал супружескую верность с моей женой Мадлен в моей собственной спальне. Я припоминаю, что тоже не был дома: мне пришлось председательствовать на международном конгрессе прокуроров. Сударыня, вы отдаете себе отчет в том, что мне, как вашему мужу, почти невозможно поверить в вашу невиновность?

Анастасия. Если вы мне не верите, я не могу вам помочь.

Миссисипи. Человек не может знать другого человека до такой степени, чтобы обходиться без веры, но мне этого мало: я должен быть уверен, что вы не совершили клятвопреступления. Речь идет о смысле самого закона. От его имени мы заключили наш брак. Брак бессмысленный, если мне не удалось изменить вас, одного-единственного человека, если все эти пять лет вы только притворялись, если ваш грех больше того, что мне известно, если ничто не затронуло вас до глубины души. Я должен знать, кто вы такая! Ангел или дьявол!

Анастасия (*встает*). Этого нельзя знать, в это можно только верить.

Миссисипи (*тоже встает*). Фраза, которая в ваших устах, сударыня, может звучать и свято, и кощунственно.

Анастасия. Еще раз клянусь Богом: я сказала правду.

Миссисипи (*после долгой паузы*). Вы поклянетесь в этом и тогда, когда я поставлю вас перед последним испытанием?

Анастасия (*недоверчиво*). Что вы имеете в виду?

Миссисипи. Перед смертью.

Молчание.

Анастасия (*выжидательно смотрит на Миссисипи*). Вы хотите меня убить?

Внезапно она прижимает руку к правому боку и медленно опускается на стул. Звучат слова «Малой твари сладострастье, херувиму Божий лик...» из Девятой симфонии.

Миссисипи. Разве вы не узнаете типичный симптом? Обычно он сразу исчезает, и через некоторое время наступает безболезненная смерть.

Анастасия (*вскакивает*). Вы меня отравили?

Миссисипи. В кофе, который вы выпили, был тот самый яд, которым вы отравили своего мужа Франсуа, а я свою жену Мадлен.

Слышны звуки быстрой инструментальной музыки между хоровыми партиями последней части Девятой симфонии.

Анастасия. В кофе?

Миссисипи. В кофе. Возьмите себя в руки, сударыня! Мы подошли к ужасному мгновению нашего брака. Вы стоите перед лицом смерти.

Анастасия хочет выбежать из комнаты.

Анастасия. Я хочу к доктору Бонзельсу!

Миссисипи (*задерживает ее*). Вы же знаете, что вам не в состоянии помочь ни один врач в мире.

Анастасия. Я хочу жить! Я хочу жить!

Миссисипи (*силой удерживая ее*). Вы должны умереть!

Анастасия (*жалобно*). Зачем ты это сделал?

Миссисипи. Чтобы узнать правду!

Анастасия. Я сказала правду!

Миссисипи, схватив Анастасию за плечи, подталкивает ее по сцене справа налево. Слышны слова из Девятой симфонии: «Обнимитесь, миллионы! Слейтесь в радости одной!»

Миссисипи. Ты любила только Франсуа?

Анастасия. Только его.

Миссисипи. Ты никогда не принадлежала другому человеку, никогда не нарушала супружеской верности?

Анастасия. Никогда!

Миссисипи. А платье, которое сейчас на тебе? Ради кого ты так оделась, кого ждала?

Анастасия. Тебя, только тебя.

Миссисипи. Ты спускалась в темницы к заключенным, ты видела, как они кладут свои головы под нож гильотины. Не клянись больше Богом, поклянись этими мертвецами, к которым теперь принадлежишь и ты.

Анастасия. Клянусь!

Издали доносятся слова заключительного хора Девятой симфонии: «Радость, пламя неземное...»

Миссисипи. Тогда поклянись и законом, ради которого я убивал тридцать лет подряд.

Анастасия (*тяжело дыша*). Клянусь законом.

Миссисипи. Я чувствую, как из твоего тела уходит жизнь, как оно все тяжелее обвисает в моих руках. Как ты холодна в моих объятиях. Есть ли смысл лгать и сейчас, перед лицом Бога?

Анастасия. Я сказала правду.

Она опускается на пол, Миссисипи склоняется над ней.

Миссисипи. Тогда есть ли смысл в законе? Разве не лишено смысла то, что я убивал? Разве не бессмысленны все эти войны, эти революции, следующие одна за другой, слившиеся в один-единственный чудовищный трубный

голос смерти? Разве меняется человек, когда его наказывают? И есть ли смысл в Судном дне?

Анастасия. Я клянусь, я клянусь.

Она умирает. Звучат слова из Девятой симфонии:
«Выше огненных созвездий, братья, есть блаженный мир».

В окно влезает Сен-Клод.

Сен-Клод. Ты здесь, Поль?

Миссисипи (*тихо*). Луи!

Сен-Клод. Ты разве не в сумасшедшем доме?

Миссисипи (*тихо*). Я еще раз вернулся сюда.

Сен-Клод подходит к столику и разглядывает пустые чашки Миссисипи и Анастасии.

Сен-Клод. Это твоя жена?

Миссисипи. Я ее убил.

Миссисипи поднимается.

Сен-Клод. Зачем?

Миссисипи. Чтобы узнать правду.

Сен-Клод. И ты ее узнал?

Миссисипи (*медленно подходит к столику, снова прижимая руку к правому боку*). Моя жена не лгала. Она не нарушала супружеской верности.

Он медленно опускается на стул слева.
Сен-Клод разглядывает Анастасию.

Сен-Клод. Разве надо было убивать женщину, чтобы узнать это?

Миссисипи. Она была для меня целым миром. Мой брак был ужасным экспериментом. Я боролся за этот мир и победил. Ни один человек не может лгать, умирая так, как умерла она.

Сен-Клод. Перед ней надо бы снять шляпу, раз она смогла это сделать. Да она просто святая.

Миссисипи. Она была единственным человеком, который меня поддерживал, и теперь я знаю, Луи, что любил ее.

Сен-Клод. Это не пустяк.

Миссисипи. Но я устал. Меня знобит. Я снова чувствую холод нашей юности, когда под газовым фонарем я читал Библию, а ты — «Капитал».

Сен-Клод. Хорошие были времена, Поль!

Миссисипи. Лучшие в нашей жизни, Луи! Мы были полны страстного ожидания и необузданных желаний, полны трепетной надежды на лучшую жизнь. (*Он встает.*) Мне плохо. Отведи меня в мою комнату.

Сен-Клод поддерживает его.

Миссисипи (*с внезапной подозрительностью*). Почему ты сюда пришел?

Сен-Клод. Проститься с тобой.

Миссисипи. Ты знал, что я здесь?

Сен-Клод. В сумасшедшем доме тебя не оказалось.

Миссисипи (*смеется*). Ты собираешься уехать?

Сен-Клод. В Португалию. Хочу снова начать все сначала.

Миссисипи. Мы должны каждый раз начинать все сначала. Мы истинные революционеры. Я еду с тобой, брат.

Сен-Клод. Мы должны быть вместе.

Миссисипи. Мы с тобой создадим бордель. Я буду швейцаром, ты — распорядителем. И когда мир полетит в тартарары, мы водрузим над поколебленным мирозданием красное знамя справедливости.

Внезапно он оседает, и Сен-Клод помогает ему сесть на стул справа.

Миссисипи. У меня кружится голова от усталости. Вместо тебя я вижу только тень, которая становится все темнее и темнее. (*Падает грудью на столик.*) Я не сдамся. Никогда. Во что бы то ни стало я восстановлю закон Моисея.

Тишина. Звучат, затихая, последние аккорды Девятой симфонии.

Сен-Клод трясет Миссисипи за плечи, берет со стола чашки и одну за другой бросает на пол. Звонок. Справа входят трое в непромокаемых плащах, каждый из них держит правую руку в кармане.

Первый. Ты приговорен к смерти, Сен-Клод. Руки за голову!

Сен-Клод повинуется.

Второй. Встань между окнами.

Сен-Клод повинуется.

Третий. Повернись к напольным часам.

Сен-Клод повинуется.

Выстрел.

Первый. Легкая смерть. Легче не бывает.

Сен-Клод продолжает стоять. Трое в плащах выходят в дверь справа.

Сен-Клод оборачивается.

Сен-Клод. Они вогнали пули в мое тело, эту историю вы уже знаете.

Он садится к кофейному столику справа.

Миссисипи (*выпрямляясь за столом*). Вот так мы и погибли, палачи и жертвы, в одно и то же время, погибли по своей собственной вине.

Министр (*появляется в окне справа*). Тогда как я, жаждущий одной только власти, держу в объятиях мир...

Анастасия поднимается и подходит к министру, который ее обнимает.

Анастасия. Блудница, не изменившаяся и после смерти.

Сен-Клод. И все же, лежим ли здесь, в этих развалинах...

Миссисипи. Умираем ли у побеленной известью стены...

Сен-Клод. Мы возвращаемся, как возвращались всегда.

Миссисипи. Каждый раз в новом обличье, тоскуя по все более далеким райским кущам...

Сен-Клод. Снова и снова выталкиваемые из вашей среды...

Миссисипи. Переполненные вашим равнодушием...

Сен-Клод. Тоскующие по вашему братству...

Миссисипи. Вихрем несемся мы над вашими городами...

Сен-Клод. Пыхтя, вертим могучие лопасти...

Миссисипи. Приводя в движение мельницу, которая сотрет вас в порошок.

В окне слева появляется Юбелоэ, он один, на голове у него вдавленный жестяной шлем, в правой руке погнутое копье, которым он тычет в мелькающие тени ветряной мельницы.

Юбелоэ.

Зачем, великан, ты встаешь из тумана,
Что опустился с утра над равниной Монтьеля,
И машешь руками и подставляешь хвастливо
Голову солнцу, что мрака ночного избегнув,
Летит мне навстречу над глыбами гор каталонских?

Взгляни на меня, о ветряк, чавкающий гигант,
Набивающий брюхо народами, коих
Крылья твои на куски кровавые рубят.

Узри Дон Кихота Ламанчского. Некий трактирщик
Спьяну возвел его в рыцарский ранг, и отныне
Любит он грязную девку, что обитает в Тобосе.
Часто его колошматили, часто смеялись над ним,
А он все воюет с тобой.

Смелей же вперед!

Когда ты нас, коня и человека,
Взметаешь ввысь стремительной рукой
И в небеса безжалостно швыряешь,
В стеклянный свод, что блещет серебром,
Я на своей убогой, тощей кляче
Взлетаю над могуществом твоим
И низвергаюсь в огненную вечность.

Комедия без края и конца.

Чтоб воссиять величию Его,
Взрашенному беспомощностью нашей.

Ангел спускается в Вавилон

Ein Enmgel kommt nach Babylon

Действующие лица

Ангел
Девушка Курруби
Акки
Навуходоносор — царь Вавилона
Нимрод — бывший царь Вавилона
Наследный принц — сын обоих
Архиминистр
Утнапиштим — верховный богослов
Протогенерал
Первый солдат
Второй солдат
Третий солдат
Полицейский
Банкир Энггиби
Виноторговец Али
Табтум — гетера
Первый рабочий
Второй рабочий — сознательный
Жена первого рабочего
Жена второго рабочего
Палач
Гиммил — торговец ослиным молоком
Много поэтов, народ и т.д.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Начнем сразу же с самого важного, что, правда, служит не местом действия, а всего лишь фоном этой комедии, — с необозримо громадного неба, что висит надо всем; в центре его — туманность Андромеды, примерно такая же, какой ее можно увидеть в телескопы Вильсона или Паломара, — угрожающе близкая, заполняющая почти половину задника сцены. И вот с этого неба как-то, всего один-единственный раз, спустился ангел с длинной рыжей бородой, переодетый нищим, в рванье; с ним была закутанная в покрывало девушка. Путники только что подошли к городу Вавилону и оказались на набережной Евфрата. Посреди маленькой площади горит древневавилонский газовый фонарь; разумеется, свет его кажется тусклым на фоне неба. Сзади, на стенах домов и на афишных столбах, видны плакаты, некоторые разорваны. На них можно прочитать: «Попрошайки наносят вред родине», «Нищенство асоциально», «Нищие! Поступайте на государственную службу». В глубине смутно виднеются похожие на ущелья улицы огромного города, лабиринт дворцов, высотных домов и хижин; величественный и в то же время грязный город, обиталище миллионов людей, теряется в желтых песках пустыни.

Ангел. Дитя мое, всего несколько мгновений назад ты удивительнейшим образом была создана моим повелителем, Господом Богом, поэтому выслушай мои слова. Я, переодетый нищим и шагающий рядом с тобой, — ангел, жесткая и твердая материя, по которой мы двигаемся, — Земля, если только я не слишком отклонился от траектории полета, а эти белые блоки — дома города Вавилона.

Девушка. Да, мой ангел.

Ангел (*достает и изучает географическую карту*). Широкий поток, что течет мимо нас, — Евфрат. (*Он спускается с набережной, окунает палец в воду и подносит его к губам.*) Похоже, он состоит из неисчислимого множества росинок.

Девушка. Да, мой ангел.

Ангел. Изогнутый светлый предмет над нами — пожалуйста, подними немного голову — луна, а необъятное облако над головой, молочно-белое и величественное, — туманность Андромеды, ты ее знаешь, ведь мы оттуда

спустились. (*Похлопывает рукой по карте.*) На карте все указано.

Девушка. Да, мой ангел.

Ангел. Тебя, идущую рядом со мной, зовут Курруби, ты, как я уже сказал, всего несколько минут назад была создана Господом. Он — теперь об этом можно сказать — протянул правую руку в пустоту, слегка потер средний палец о большой, и тут же на его ладони возникла, пританцовывая, ты.

Девушка. Припоминаю, мой ангел.

Ангел. Отлично, помни об этом всегда, ибо отныне ты разлучена с тем, кто создал тебя из ничего и на чьей ладони ты танцевала.

Девушка. И куда мне теперь идти?

Ангел. К людям.

Девушка. А что это такое — люди?

Ангел (*смущенно*). Дорогая Курруби, должен признаться, что я не очень разбираюсь в этой области мироздания. Лишь однажды, много тысяч лет назад, я прослушал доклад на эту тему. Судя по всему, люди — существа такие же, как мы с тобой сейчас, что я считаю крайне непрактичным, так как они наделены многими органами, назначение которых мне непонятно. Я рад, что скоро снова смогу превратиться в ангела.

Девушка. Значит, теперь я человек?

Ангел. Ты существо в облике человека. (*Откашливается.*) Согласно докладу, который я прослушал, люди размножаются с помощью друг друга, ты же создана Господом из ничего. Я бы назвал тебя так — Человеконичто. Ты вечна, как Ничто, и бренна, как человек.

Девушка. И что же я должна принести людям?

Ангел. Дорогая Курруби, я прощаю тебе твои многочисленные вопросы, потому что тебе нет еще и четверти часа от роду. Но ты должна знать: благовоспитанная девушка ни о чем не спрашивает. Тебе ничего не надо нести людям, это тебя принесли им.

Курруби (*после небольшого раздумья*). Я этого не понимаю.

Ангел. Дитя мое, нам не дано понять того, что исходит от Господа.

Курруби. Прости.

Ангел. Мне поручили передать тебя в руки ничтожнейшему из людей.

Курруби. Я обязана тебе подчиниться.

Ангел (*снова склонившись над картой*). Самые ничтожные из людей — нищие. Поэтому ты будешь принадлежать некоему Акки, единственному, если карта не обманывает, нищему, оставшемуся на Земле. Должно быть, это живой памятник тому, что ушло навсегда. (*Гордо.*) Что за превосходная карта! На ней обозначено все.

Курруби. Если нищий Акки — ничтожнейший из людей, он, видимо, несчастный человек.

Ангел. По молодости лет ты ничего в этом не понимаешь. Что сотворено, то прекрасно, а что прекрасно, то счастливо. В своих долгих странствиях по Вселенной я не встречал ни крупицы несчастья.

Курруби. Да, мой ангел.

Они идут направо, ангел наклоняется над оркестровой ямой.

Ангел. В этом месте Евфрат делает дугу. Здесь мы должны ждать нищего Акки. Давай присядем и поспим. Путешествие утомило меня, кроме того, когда мы огибали Юпитер, один из его спутников врезался мне между ног.

Они садятся справа, у самой рампы.

Ангел. Подойди поближе. Обними меня. Мы прикроемся этой замечательной географической картой. Среди своих солнц я привык к другим температурам. Меня знобит, хотя, судя по карте, здесь одно из самых теплых мест на Земле. Кажется, мы залетели на холодную планету.

Они укрываются картой и засыпают, прижавшись друг к другу. Справа входит Навуходоносор*, молодой еще человек, довольно симпатичный и немного наивный, в сопровождении свиты. В свите архиминистр, протогенерал, верховный богослов Утнапиштим и закутанный в красное покрывало палач.

Навуходоносор. Мои войска на севере достигли Ливана, на юге — моря, на западе — пустыни, а на востоке — таких высоких гор, что конца им не видно. Теперь весь мир принадлежит мне.

Архиминистр. От имени кабинета министров...

Утнапиштим....церкви...

Протогенерал....армии...

Палач....правосудия...

Все четверо....поздравляем ваше величество короля Навуходоносора с установлением нового миропорядка.

Кланяются.

Навуходоносор. Девятьсот лет я провел в качестве подставки для ног царя Нимрода*, в весьма неудобном, скрюченном положении.

Архиминистр (*кланяясь*). Ваше величество, Нимрод арестован.

Протогенерал. Армия взбунтовалась, когда он пошел на Ламаш.

Утнапиштим. Теперь все повернулось по-другому.

Архиминистр. На следующие девятьсот лет.

Кланяются.

Навуходоносор. Мне надо торопиться, чтобы все привести в порядок. Жизнь коротка. Я должен воплотить в жизнь идеи, которые приходили мне в голову, когда я был подставкой для ног Нимрода.

Архиминистр. Ваше величество намерены построить воистину социальное государство.

Навуходоносор. Просто поразительно, архиминистр, как ты угадываешь мои мысли.

Архиминистр. Ваше величество, цари всегда мыслят социально, когда они унижены.

Навуходоносор. Когда правил Нимрод, частное хозяйство всякий раз процветало, а государство влачило жалкое существование

Архиминистр. Число банкиров и нищих выросло до угрожающих размеров.

Навуходоносор. Сейчас я не имею возможности выступить против банкиров. Вы не забыли о состоянии наших финансов? Но нищенство я все же запретил. Выполнен ли мой приказ?

Архиминистр. Нищие перешли на государственную службу. Теперь они собирают налоги, ваше величество. Только нищий по имени Акки изо всех сил держится за свой жалкий промысел.

Навуходоносор. Его наказали?

Архиминистр. Не помогло.

Навуходоносор. Выпороли?

Протогенерал. Немилосердно.

Навуходоносор. Подвергли пытке?

Палач. На его теле не осталось места, которое бы не рвали раскаленными щипцами, не осталось кости, которой не раздавили бы страшным грузом.

Навуходоносор. И он все еще отказывается?

Архиминистр. Его ничем не проймешь.

Навуходоносор. Именно из-за этого Акки я и пришел на ночь глядя к берегу Евфрата. Проще всего было бы приказать, чтобы его повесили. Но великому властителю не мешает все же попробовать гуманный подход. Поэтому я решил один час своей жизни посвятить ничтожнейшему из моих подданных. Накиньте на меня нищенский плащ, который я приказал достать из гардероба придворного театра.

Архиминистр. Повинуемся, ваше величество.

Навуходоносор. Приклейте мне рыжую бороду — она подойдет к этому рванью.

Навуходоносора переодевают нищим.

Навуходоносор. Смотрите же, что я сделаю, чтобы создать образцовое царство с ясными целями, в нем найдется место всем, все найдут себе самое приятное занятие. Мы стремимся не к могуществу, мы стремимся к совершенству. В совершенстве не должно быть ничего излишнего, нищий же — нечто ненужное. Я хочу уговорить этого Акки поступить на государственную службу; чтобы продемонстрировать ему его собственное ничтожество, я предстану перед ним в облике нищего. Если же несчастный будет настаивать на своем, он будет повешен на этом фонаре.

Палач кланяется.

Архиминистр. Мы восхищены мудростью вашего величества.

Навуходоносор. Не восхищайтесь тем, чего не понимаете.

Архиминистр. Разумеется, о царь.

Навуходоносор. Удалитесь. Но так, чтобы быть у меня под рукой, если я позову. А до тех пор не показывайтесь на глаза.

Все кланяются и прячутся в глубине сцены.
Навуходоносор присаживается справа на берегу Евфрата.
В это время ангел и Курруби просыпаются.

Ангел (*радостно*). Смотри, а вот и человек.

Курруби. Он одет так же, как ты, и у него такая же рыжая борода.

Ангел. Дитя мое, мы встретили того, кого ищем. (*Навуходоносору.*) Рад познакомиться с нищим Акки из Вавилона.

Навуходоносор (*сбитый с толку при виде переодетого ангела*). Я не нищий Акки. Я нищий из Ниневии. (*Строго.*) Я полагал, что, кроме меня и Акки, других нищих нет.

Ангел (*обращаясь к Курруби*). Не знаю, что и думать, дорогая Курруби. Моя карта врет: оказывается, в Ниневии тоже есть нищий. Двое нищих живут на Земле.

Навуходоносор (*в сторону*). Я велю повесить министра информации: в моем царстве живут двое нищих. (*Ангелу.*) Откуда ты пришел?

Ангел (*смущенно*). Из земли за Ливаном.

Навуходоносор. Великий царь Навуходоносор установил, что за Ливаном земля кончается. Этого же мнения придерживаются все географы и астрономы.

Ангел (*смотрит на свою карту*). За Ливаном есть еще несколько деревень: Афины, Спарта, Карфаген, Москва, Пекин. Вот взгляни! (*Показывает царю точки на карте.*)

Навуходоносор (*в сторону*). Велю повесить придворного географа. (*Ангелу.*) Великий царь Навуходоносор завоюет и эти деревни.

Ангел (*обращаясь к Курруби, тихо*). То обстоятельство, что мы встретили второго нищего, меняет положение. Теперь я должен выяснить, кто из них беднее, нищий Акки или этот нищий из Ниневии. И сделать это следует мягко, тактично.

Слева входит оборванный человек с всклокоченной рыжей бородой; на сцене оказываются трое рыжебородых нищих.

Ангел. А вот и еще один человек.

Курруби. Он тоже одет, как ты, мой ангел, и у него такая же рыжая борода.

Ангел. Если и этот не нищий Акки, то я попал впросак.

Навуходоносор (*в сторону*). Если и этот не нищий Акки, то придется повесить и министра внутренних дел.

Третий нищий садится посреди сцены на берегу Евфрата, прислонясь спиной к фонарю.

Навуходоносор (*откашливается*). Если не ошибаюсь, ты нищий Акки из Вавилона?

Ангел. Знаменитый нищий Акки, слава о котором распространилась по всей земле?

Акки (*достает бутылку со шнапсом и пьет*). Мне дела нет до моего имени.

Навуходоносор. У каждого человека есть имя.

Акки. Кто ты?

Навуходоносор. Тоже нищий.

Акки. В таком случае ты никудышный нищий, ибо с точки зрения нищенства твои принципы никуда не годятся. У нищего нет ничего, ни денег, ни имени, он зовет себя то так, то этак, он берет себе имя, как берут кусок хлеба. Скитаясь по миру с сумой, я каждое столетие выпрашиваю себе новое имя.

Навуходоносор (*с достоинством*). Человечество крайне заинтересовано в том, чтобы каждый сохранял свое имя, чтобы каждый оставался тем, кто он есть.

Акки. Я таков, каким мне нравится быть. Кем только я не был в своей жизни, а теперь вот стал нищим Акки. Но если хочешь, я могу стать и царем Навуходоносором.

Навуходоносор (*возмущенно вскакивает*). Это невозможно.

Акки. Нет ничего проще. Этот элементарный прием обычно усваивают в самом начале карьеры нищего. В своей жизни я был царем семь раз.

Навуходоносор (*взяв себя в руки*). Нет царя могущественнее Навуходоносора!

В глубине сцены появляется свита, кланяется и снова исчезает.

Акки. Ты имеешь в виду малыша Нави?

Навуходоносор. Нави?

Акки. Так я зову своего друга, вавилонского царя Навуходоносора.

Навуходоносор (*помолчав, с достоинством*). Не могу поверить, что ты знаком с великим царем царей.

Акки. Великим? Да он же недоросль — телом и духом.

Навуходоносор. На барельефах его изображают исполненным достоинства, высокого роста.

Акки. Так то на барельефах. Кто их делает? Наши же вавилонские скульпторы. У них все цари похожи один на другого. Я хорошо знаю Нави, тут меня не проведешь. К сожалению, он не слушает моих советов.

Навуходоносор (*удивленно*). Твоих советов?

Акки. Он приглашает меня во дворец, когда попадает в затруднительное положение.

Навуходоносор (*озадаченно*). Во дворец?

Акки. Это самый глупый царь из всех, какие мне встречались. Царствование дается ему с трудом.

Навуходоносор. Править миром — возвышенная и трудная задача.

Акки. Нави повторяет это все время. Это же говорили все цари, которых я знал. Отговорка, не более того. Каждому, кто не стал нищим, нужна отговорка, почему он им не стал. Предстоят плохие времена. (*Пьет. Обращаясь к ангелу.*) А ты кто?

Ангел. Тоже нищий.

Акки. Имя?

Ангел. Я пришел из деревни, в которой еще не дают имен.

Акки. Где находится эта симпатичная деревня?

Ангел. По ту сторону Ливана.

Акки. Умные там живут люди. Чего же ты хочешь от меня?

Ангел. В наших краях нищенство совсем захирело. Я едва могу прокормить себя, а мне ведь надо еще содержать дочурку, видишь, она прикорнула у меня под боком.

Акки. Нищий, который терпит лишения, — дилетант.

Ангел. Наш общинный совет, оплатив путевые расходы, направил меня к могущественному и достославному нищему Акки, чтобы я научился у него искусству попрошайничества. Пожалуйста, сделай из меня порядочного и солидного нищего.

Акки. Ваш общинный совет поступил мудро. Есть же еще дельные советы на земле.

Курруби (*в замешательстве, ангелу*). Ты лжешь, мой ангел.

Ангел. Небеса не врут никогда, дитя мое. Но им порой трудно объясняться с людьми.

Акки (*Навуходоносору*). А ты зачем ко мне пришел?

Навуходоносор. Я знаменитый и великий Анашамаштаклаку, затмивший всех первый нищий Ниневии.

Акки (*недоверчиво*). Ты первый нищий Ниневии?

Навуходоносор. Анашамаштаклаку, первый нищий Ниневии.

Акки. Что же тебе надо?

Навуходоносор. Нечто прямо противоположное тому, чего хочет этот нищий из деревни по ту сторону Ливана. Я пришел уговорить тебя, чтобы ты перестал быть нищим. И я тоже. Мы, правда, привлекаем иностранных

туристов, но сколько ни цени романтику Древнего Востока, а времена все же изменились. Нам следует подчиниться запрету, который великий Навуходоносор наложил на наше сословие.

Акки. Вот как!

Навуходоносор. В социально организованном мире не должно быть нищих. Для него оскорбительно и дальше мириться с бедностью, которую несет с собой нищенство.

Акки. Гм!

Навуходоносор. Все другие нищие в Ниневии и Вавилоне, Уре и Уруке, даже в Алеппо и Сузе выбросили свои сумы и посохи, ибо царь царей Навуходоносор всем дает работу и хлеб. Ныне они живут относительно лучше, чем раньше.

Акки. Ну и ну!

Навуходоносор. Благодаря нашему выдающемуся искусству нищенства мы не знали такой нужды, как наши собратья по ремеслу, хотя и наши беды воистину велики, судя по тому, как мы одеты. Но и со всем нашим искусством мы не добьемся в нынешнюю эпоху экономического процветания большего, чем, к примеру, наши самые низкооплачиваемые работники — поэты.

Акки. Черт побери!

Навуходоносор. По этой причине, почтеннейший, я решил отказаться от своего ремесла и поступить на службу к его величеству царю Навуходоносору. Прошу тебя сделать то же самое и в восемь часов явиться в министерство финансов. Это твой последний шанс подчиниться указу. Навуходоносор выполняет свои обещания, в противном случае он может повесить тебя на фонаре, к которому ты прислонился.

Палач в глубине кланяется.

Акки. Ты нищий Анашамаштаклаку из Ниневии?

Навуходоносор. Первый нищий Ниневии, пользующийся наилучшей репутацией.

Акки. И зарабатываешь не больше поэта?

Навуходоносор. Не больше.

Акки. Все дело в твоем неумении попрошайничать. Я один содержу пятьдесят вавилонских поэтов.

Навуходоносор (*осторожно*). Должно быть, это связано с тем, что поэт в Ниневии зарабатывает чуть больше, чем в Вавилоне.

Акки. Ты первый нищий Ниневии, я первый нищий Вавилона. Я давно мечтаю помериться силами с лучшим нищим из другого города. Посмотрим, чье искусство выше. Если побеждаешь ты, то мы поступаем на государственную службу, сегодня в восемь утра, а если я, то ты возвращаешься в Ниневию и продолжаешь нищенствовать, как я здесь, в Вавилоне, несмотря на все опасности, которые сопряжены с отправлением нашей высокой миссии. Светает, люди только-только просыпаются. Не самое благоприятное время для нищего, но тем выше должна быть наша сноровка.

Ангел. Моя дорогая Курруби, наступает исторический момент: сейчас ты познакомишься со своим мужем, беднейшим, ничтожнейшим нищим.

Курруби. Как я могу это сделать, мой ангел?

Ангел. Очень просто, дитя мое: кто проиграет это состязание, тот и есть ничтожнейший из людей. (*Он гордо постукивает пальцем себе по лбу.*)

Акки. Вон бредут по Вавилону — из одной части города в другую — двое рабочих, голодные, им понадобится три часа, чтобы успеть к утренней смене на кирпичный завод в Машераше. Начинай, нищий из Ниневии.

Слева приближаются двое рабочих.

Навуходоносор (*жалобно*). Почтенные рабочие, подайте милостыню вашему товарищу, потерявшему здоровье на шахтах Нево.

Первый рабочий. Почтенные рабочие! Не болтай чепухи.

Второй рабочий. У Нево они получают на десять медных монет в неделю больше. Пусть сами заботятся о своих инвалидах.

Первый рабочий. Особенно теперь, когда на строительство правительственных зданий идет гранит, а не кирпич.

Второй рабочий. Гранит, видите ли, больше подходит для вечности.

Акки. Гоните-ка каждый по медяку, мошенники. Набиваете брюхо на сребреник в неделю, я же берегу честь трудового народа, не позволяю себя эксплуатировать, нищенствую и голодаю! Гоните в три шеи владельцев кирпичного завода или же каждый гоните по медяку.

Второй рабочий. Как я могу совершить революцию в одиночку?

Первый рабочий. А у меня семья!

Акки. А у меня разве нет? Мои семьи бегают в каждом переулке. Гоните монету, иначе погибнете от рабства, как от всемирного потопа. Куда это годится — позволить умереть с голоду главному труженику Вавилона!

Рабочие смущенно дают Акки по медяку и уходят направо.

Акки (*подбрасывает вверх монеты*). Первую схватку выиграл я!

Навуходоносор. Странно. Рабочие в Ниневии реагируют на все иначе.

Акки. Вон слева ковыляет Гиммил и ставит у дверей бутылки с молоком.

Навуходоносор. Гони десять медяков, грязный торговец ослиным молоком, до смерти замучивший своих молочниц, не то я натравлю на тебя налогового инспектора Мардука.

Гиммил. Инспектора Мардука? Того, что получает взятки от городского молочного магазина? Натравишь на меня? Именно сейчас, когда в моде коровье молоко и я разоряюсь? Не дам ни гроша, вшивая тварь!

Акки (*бросает ему под ноги два выпрошенных у рабочих медяка*). Вот, Гиммил, отдаю все свое состояние за бутылку лучшего ослиного молока. Я нищий, а ты торговец ослиным молоком, мы оба занимаемся частным бизнесом. Да здравствует ослиное молоко, да здравствует частный бизнес. Вавилон вскормлен ослиным молоком, вавилонские патриоты пьют ослиное молоко!

Гиммил (*в восторге*). Вот тебе две бутылки и сребреник. С таким вавилонянином я готов схватиться со всей государственной торговлей коровьим молоком. Вавилонские патриоты пьют ослиное молоко! Великолепно! Этот лозунг куда лучше, чем: «С коровьим молоком — по пути прогресса!» (*Уходит налево.*)

Навуходоносор. Странно. Я не в лучшей форме.

Акки. А теперь простейший случай, наглядный пример попрошайничества. Гетера Табтум идет со служанкой на базар за свежими овощами. Задачу можно решить легко и элегантно.

Из глубины появляется гетера Табтум со служанкой, несущей на голове корзину.

Навуходоносор (*жалобно*). Подайте милостыню, благородная госпожа, царица добродетели. Подайте бедному, порядочному нищему, у которого три дня во рту маковой росинки не было.

Табтум. Вот тебе сребреник. Помолись перед храмом великой Астарты, чтобы мне везло в любви. (*Дает Навуходоносору сребреник.*)

Акки. Ха!

Табтум. Почему ты смеешься, негодяй?

Акки. Я смеюсь, прелестная молодая госпожа, оттого, что этому бедолаге из Ниневии ты дала всего один сребреник. Он неопытный нищий, красавица, и, чтобы его молитва имела хоть какую-то силу, ему надо дать два сребреника.

Табтум. Еще один сребреник?

Акки. Еще один.

Гетера подает Навуходоносору еще один сребреник.

Табтум (*обращаясь к Акки*). Кто же ты?

Акки. Я настоящий нищий, профессионально подготовленный, с высшим образованием.

Табтум. Ты тоже помолишься за меня богине любви?

Акки. Вообще-то я молюсь редко, но для тебя, прекраснейшая, сделаю исключение.

Табтум. И твои молитвы помогают?

Акки. Еще как помогают, госпожа. Когда я возношу молитвы Астарте, от моих псалмов дрожит ложе с балдахином, на котором возлежит богиня. У тебя будет больше богатых мужчин, чем их наберется в Вавилоне и Ниневии вместе взятых.

Табтум. Тебе я тоже дам два сребреника.

Акки. Я буду счастлив, если ты одаришь меня улыбкой твоих прекрасных уст. Этого будет довольно.

Табтум (*удивленно*). Ты не возьмешь моих денег?

Акки. Не сердись на меня, обольстительная. Я благородный нищий, прошу подаяния только у царей, министров финансов и великосветских дам и беру не менее золотого. Улыбка на твоих устах, прекраснейшая из прекрасных, одна только улыбка — и я счастлив.

Табтум (*заинтригованно*). И сколько же дают тебе великосветские дамы?

Акки. Два золотых.

Табтум. Я дам тебе три золотых.

Акки. Тогда ты, прекрасная госпожа, самая что ни на есть великосветская дама.

Она дает ему три золотых.

Акки. Даже госпожа Хамурапи, супруга архиминистра, не дает больше.

В глубине сцены появляется архиминистр,
он заинтересованно слушает.

Табтум. Хамурапи? Эта содержанка из пятого квартала? В следующий раз ты получишь четыре золотых.

Она выходит вместе со служанкой направо.
Взбешенный архиминистр исчезает.

Акки. Ну и как?

Навуходоносор (*почесывает в затылке*). Должен признать, пока победа на твоей стороне.

Ангел (*обращаясь к Курруби*). Этот Акки талантливый нищий. Похоже, Земля — интереснейшая звезда. По крайней мере для меня, побывавшего на множестве планет.

Навуходоносор. Чувствую, на меня находит вдохновение.

Акки. Тем лучше, нищий Анашамаштаклаку. Вон собирается в дорогу Энггиби, генеральный директор банка «Энггиби и сын». Он в десять раз богаче царя Навуходоносора.

Навуходоносор (*вздыхая*). Бывают же такие бессовестные капиталисты.

Справа два раба вносят в паланкине Энггиби.
Следом вперевалку топает толстый евнух.

Навуходоносор. Тридцать золотых, великий банкир, тридцать золотых.

Энггиби. Откуда ты, нищий?

Навуходоносор. Из Ниневии. Моя клиентура только из высшего общества. Я еще ни разу не получал меньше тридцати золотых.

Энггиби. Купцы из Ниневии не умеют считать деньги. В мелочах они расточительны, зато скаредны в больших сделках. Так и быть, дам тебе золотой, потому что ты чужеземец.

Он кивает головой евнуху, тот дает Навуходоносору золотой.

Энггиби (*к Акки*). Ты тоже из Ниневии?

Акки. Я прирожденный вавилонский нищий.

Энггиби. Как местный житель, ты получишь сребреник.

Акки. Я никогда не беру больше медяка. Я потому и стал нищим, что презираю деньги.

Энггиби. Ты презираешь деньги, нищий?

Акки. Нет ничего презреннее этого подлого металла.

Энггиби. Я дам тебе золотой, как и нищему из Ниневии.

Акки. Только медяк, банкир.

Энггиби. Десять золотых.

Акки. Нет.

Энггиби. Двадцать золотых.

Акки. Проваливай, денежный мешок.

Энггиби. Тридцать золотых.

Акки сплевывает.

Энггиби. Ты отказываешься принять тридцать золотых от генерального директора крупнейшего вавилонского банка?

Акки. Величайший нищий Вавилона просит у банка «Энггиби и сын» только медяк.

Энггиби. Как тебя зовут?

Акки. Акки.

Энггиби. Такой характер нельзя оставить без награды. Евнух, дай ему триста золотых.

Евнух дает Акки мешок с золотом. Процессия выходит налево.

Акки. Ну как?

Навуходоносор. Не знаю. Сегодня мне не везет. (*Про себя.*) Этого молодца я еще сделаю своим министром финансов.

Ангел. Я отдам тебя этому нищему из Ниневии, милая Курруби.

Курруби. Я так рада. Я люблю его. Он такой беспомощный.

Слева входит длинноволосый, весь обросший бородой юноша, протягивает Акки глиняную табличку, получает золотой и выходит налево.

Навуходоносор (*удивленно*). Кто это был?

Акки. Вавилонский поэт. Он получил гонорар.

Акки бросает табличку в оркестровую яму.

Справа три солдата волокут пойманного Нимрода. Он в таком же царском облачении, как и Навуходоносор в начале действия.

Навуходоносор (*с облегчением*). Видимо, я разучился примитивному попрошайничеству. В Ниневии я занимаюсь художественным нищенством. Вон солдаты тащат государственного преступника, злодеяния которого, по единодушному мнению историков, привели мир на край бездны. Кто выпросит его у солдат, тот и выиграет состязание.

Акки (*потирает руки*). Согласен. Маленький, но в художественном отношении вполне чистый эксперимент.

Первый солдат. Мы тащим Нимрода, бывшего вавилонского царя, которого мы поймали и связали.

Нимрод. Взгляните, нищие, как скрутили меня мои же солдаты, как под их ударами течет кровь по моей спине! Я оставил столицу, чтобы подавить мятеж герцога Ламашского, и кто же занял мой трон? Тот, кто был подставкой для ног!

Навуходоносор. Он оказался находчивее.

Нимрод. Теперь я внизу, но я снова вознесусь наверх, теперь Навуходоносор наверху, но он снова рухнет вниз.

Навуходоносор. Этого никогда не случится.

Нимрод. Это повторяется много тысяч лет. Я хочу пить.

Курруби черпает ладонями воду из Евфрата и подносит к его губам.

Нимрод. Грязная вода Евфрата в твоих ладонях вкуснее вина вавилонских царей.

Курруби (*робко*). Хочешь еще попить?

Нимрод. Я увлажнил губы, этого достаточно. А в благодарность запомни, дитя мое: если солдаты захотят овладеть тобой, врежь им промеж ног.

Курруби (*испуганно*). Зачем ты это говоришь?

Нимрод. Ни один царь не даст тебе лучшего совета, девушка. Главное, что ты должна уметь в этом мире, — это обходиться с собаками.

Первый солдат. Заткните глотку бывшему царю.

Курруби (*со слезами, ангелу*). Ты слышал, что он сказал, мой ангел?

Ангел. Не пугайся его слов, дитя мое. Увидев, как первые лучи неизвестного светила касаются вод Евфрата, ты поймешь, что мир прекрасен.

На мгновение солнце пробивает медленно сгущающийся утренний туман.

Первый солдат. Тащите бывшего царя дальше.

Навуходоносор. Эй!

Первый солдат. Чего хочет этот бродяга?

Навуходоносор. Подойдите поближе.

Солдаты. Ну?

Навуходоносор. Наклонитесь, мне надо вам что-то сказать.

Солдаты (*наклоняются к нему*). Ну?

Навуходоносор (*тихо*). Вы знаете, кто я?

Солдаты. Не-а.

Навуходоносор (*тихо*). Я верховный главнокомандующий Навуходоносор.

Солдаты. Хе-хе.

Навуходоносор. Повинуйтесь, и вы станете лейтенантами.

Первый солдат (*коварно*). Что ваша милость прикажет?

Навуходоносор. Отдайте мне бывшего царя.

Первый солдат. Как ваше величество прикажет.

Рукоятками мечей они сбивают Навуходоносора с ног. В глубине вскакивает с обнаженным мечом протогенерал, но архиминистр тащит его в укрытие.

Первый солдат. Придурок какой-то.

Курруби. О!

Ангел. Успокойся, дитя мое. Просто несчастный случай, он не нарушит гармонии мира.

Акки. Зачем вы поколотили этого славного нищего из Ниневии, солдаты?

Первый солдат. Негодяй утверждал, что он царь Навуходоносор.

Акки. Твоя мать еще жива?

Первый солдат (*удивленно*). Да. Она живет в Уруке.

Акки. А отец?

Первый солдат. Умер.

Акки. Ты женат?

Первый солдат. Не-а.

Акки. Есть невеста?

Первый солдат. Сбежала.

Акки. В таком случае тебя оплачет только твоя мать.

Первый солдат (*не понимая*). Что?

Акки. Как тебя зовут?

Первый солдат. Мумабиту, солдат армии царя Навуходоносора.

Акки. Очень скоро отрубят тебе голову, Мумабиту, очень скоро, солдаты царя, вашу плоть сожрут коршуны, а кости обгложут собаки.

Солдаты. Это почему?

Акки. Наклоните-ка ваши головы ко мне, скоро их не будет у вас на плечах.

Солдаты (*наклоняются к Акки*). Ну?

Акки. Вы знаете, кого сбили с ног?

Первый солдат. Нищего, который заливал нам, что он царь Навуходоносор.

Акки. Он сказал правду. Вы побили царя Навуходоносора.

Первый солдат. И ты хочешь, чтобы мы поверили?

Акки. Вы, верно, никогда не слышали про привычку царей переодеваться нищими, садиться на берег Евфрата и изучать жизнь народа?

Солдаты. Никогда.

Акки. Об этом знает весь Вавилон.

Первый солдат. Я родом из Урука.

Второй. Я из Ура.

Третий. А я из Ламаша.

Акки. Родились там, а умрете в Вавилоне.

Первый солдат (*испуганно косится на Навуходоносора*). Вот беда.

Второй солдат. Хуже не придумаешь.

Третий. Он хрипит.

Акки. Нави известен изощренными, жуткими казнями. Лугальцагизи, наместника Аккад, он велел живьем бросить громадным священным змеям.

Первый солдат. Нави?

Акки. Навуходоносор мой лучший друг. Я архиминистр Хамурапи, переодетый нищим. Тоже изучаю жизнь народа.

На сей раз из глубины пытается броситься вперед архиминистр, но его удерживает протогенерал.

Солдаты (*вытягиваются по стойке смирно*). Ваше превосходительство!

Акки (*важно*). Что еще?

Первый солдат (*в ужасе*). Он вздыхает!

Второй. Он стонет!

Третий. Он шевелится!

Акки. Его величество приходят в себя.

Солдаты (*в отчаянии падают на колени*). Помогите нам, ваше превосходительство, помогите!

Акки. Что их светлость хотели от вас?

Первый солдат. Он повелел отдать бывшего царя.

Акки. Тогда отдайте его. Я постараюсь, чтобы вам отрезали только уши.

Солдаты (*в ужасе*). Уши!

Акки. В конце концов, вы избили его величество.

Первый солдат (*покорно*). Возьмите бывшего царя, ваше первосходительство, вот он. Мы связали его и заткнули ему глотку, чтобы он не досаждал вам своей болтовней. (*Швыряет Нимрода на землю рядом с Акки.*)

Акки. Тогда спасайте свою жизнь. Его величество поднимаются!

Солдаты убегают, Навуходоносор с трудом поднимается на ноги.

Акки (*хвастливо*). Взгляни-ка на этого храброго низвергнутого царька! Я выпросил его у солдат.

Ангел (*радостно*). Ты выиграл поединок нищих, Акки из Вавилона.

Курруби. Земля прекрасна, мой ангел. Я могу принадлежать тому, кого люблю.

Навуходоносор (*глухо*). Солдаты были грубияны. Как ты это сделал?

Акки. Очень просто. Я выдал тебя за вавилонского царя.

Навуходоносор. Но ведь я же сделал то же самое.

Акки. В этом, видишь ли, и заключается твоя ошибка. Никогда не утверждай, что ты царь, все равно никто не поверит. Лучше пусть об этом скажет кто-нибудь другой.

Навуходоносор (*мрачно*). Ты победил.

Акки. Никудышный ты нищий, ниневиец. Стараешься, а все без толку.

Навуходоносор (*устало*). Стараться, мучиться — в этом смысл нашего жалкого ремесла.

Акки. Как плохо ты разбираешься в нищих. Мы тайные учителя, воспитатели народа. Мы ходим в лохмотьях из любви к нищете человеческой, мы прославляем свободу, не подчиняясь никакому закону. Мы жрем, как волки, и пьем без меры, обнаруживая свойственный нищете ужасный голод и неутолимую жажду, под мостами, где мы спим, полно вещей минувших эпох, мы собираем их, чтобы было видно: когда меняются времена, все стекается к нищим. Возвращайся в свою Ниневию и нищенствуй лучше, чем доселе. А ты, нищий из дальних краев, действуй так, как мы тебе показали, и деревня по ту сторону Ливана будет твоей.

Справа входит, возвращаясь с рынка, гетера со служанкой.

Табтум (*к Акки*). Вот тебе четыре золотых. (*Подает Акки четыре золотые монеты.*)

Акки. Ты щедрее всех, госпожа. Я расскажу об этом мадам Хамурапи.

Табтум (*ревниво*). Ты идешь к Хамурапи?

Акки. Приглашен к завтраку.

В глубине появляется разъяренный архиминистр.

Табтум. А что там подают?

Акки. Как всегда у архиминистров. Соленую рыбу из Красного моря, эдамский сыр и лук.

Табтум. А у меня будет щука из Тигра.

Акки (*вскакивает*). Щука из Тигра?

Табтум. В масле, со свежей редиской.

Акки. В масле!

Табтум. Цыплята по-шумерски.

Акки. Цыплята!

Табтум. А к ним рис и ливанское вино.

Акки. Нищенский завтрак!

Табтум. Приглашаю тебя.

Акки. Принимаю приглашение. Твою руку, красавица. Хамурапи с ее мещанским завтраком подождет.

С Табтум и служанкой он уходит налево, таща за собой Нимрода. Архиминистр в ярости сжимает кулаки и исчезает.

Ангел (*встает*). Раз этот удивительный человек ушел, пришла пора раскрыть себя.

Он сбрасывает нищенское одеяние, срывает бороду и предстает дивным ангелом ослепительной красоты. Навуходоносор падает на колени и закрывает лицо руками.

Навуходоносор. Твой лик ослепляет меня, огонь твоего облачения опаляет меня, мощь твоих крыл повергает меня наземь.

Ангел. Я ангел Божий.

Навуходоносор. Чего ты хочешь, величественный?

Ангел. Я сошел к тебе с небес.

Навуходоносор. Зачем ты сошел ко мне, ангел? Что ты хочешь от нищего из Ниневии? Ступай, посланец Божий, к царю Навуходоносору. Он один достоин принять тебя.

Ангел. Цари, о нищий Анашамаштаклаку, небеса не интересуют. Напротив, чем беднее человек, тем благосклоннее к нему небеса.

Навуходоносор (*удивленно*). Почему?

Ангел (*задумывается*). Представления не имею. (*Задумывается снова.*) Вообще-то это странно. (*Извиняющимся тоном.*) Я не антрополог. Я физик. Моя специальность солнца. По преимуществу красные великаны. Мне поручили разыскать самого ничтожного из людей, но не наделили способностью понять замысел небес. (*С облегчением.*) Вероятно, это оттого, что чем человек беднее, тем ярче проявляется в нем совершенство, разлитое в природе.

В глубине возникает Утнапиштим с поднятой рукой — как школьник, желающий что-то сказать.

Навуходоносор. Ты полагаешь, что я ничтожнейший из людей?

Ангел. Уверен в этом.

Навуходоносор. Беднейший?

Ангел. Беднейший из бедных.

Навуходоносор. И что ты должен мне передать?

Ангел. Нечто неслыханное, неповторимое: милость Божию.

Навуходоносор. Покажи мне эту милость.

Ангел. Курруби!

Курруби. Да, мой ангел?

Ангел. Подойди сюда, Курруби! Подойди, сотворенная рукой Господа! Предстань перед ничтожнейшим из людей, нищим Анашамаштаклаку из Ниневии.

Она предстает перед Навуходоносором, ангел снимает с нее покрывало. Навуходоносор, вскрикнув, закрывает лицо руками. Утнапиштим в ужасе прячется.

Ангел (*радостно*). Ну? Замечательная милость небес, великолепная милость, не правда ли, нищий из Ниневии?

Навуходоносор. Ее красота, посланец Божий, превосходит твое величие. Ты лишь тень в сравнении с ее красотой, я лишь ночь в сравнении с этим сиянием.

Ангел. Красивая девушка! Славная девушка! Только этой ночью сотворена из ничего.

Навуходоносор (*в отчаянии*). Она не для меня, не для бедного нищего из Ниневии! Не для этого недостойного тела. Уходи, ангел, она не для меня, иди к царю Навуходоносору!

Ангел. Исключено.

Навуходоносор (*умоляюще*). Царь один достоин принять это чистое, возвышенное создание. Он оденет ее в шелка, он раскинет у ее ног драгоценные ковры и увенчает ее голову золотой короной!

Ангел. Он ее не получит.

Навуходоносор (*горько*). Значит, ты хочешь отдать эту святую последнему нищему?

Ангел. Небеса знают, что делают. Бери ее. Добрая девушка, благочестивая девушка.

Навуходоносор (*в отчаянии*). И что же делать с ней нищему?

Ангел. Разве я человек, чтобы знать ваши обычаи? (*Задумывается.*) Курруби!

Курруби. Да, мой ангел!

Ангел. Ты видела, что сделал удивительный нищий Акки?

Курруби. Все видела, мой ангел.

Ангел. Поступай как он. Ты принадлежишь этому нищему из Ниневии и должна помочь ему стать таким же умелым нищим, как Акки. (*Навуходоносору.*) Она поможет тебе нищенствовать, Анашамаштаклаку.

Навуходоносор (*испуганно*). Это сокровище должно просить милостыню?

Ангел. Сомневаюсь, чтобы у небес был иной замысел, раз уж они дарят ее нищему.

Навуходоносор. С Навуходоносором она бы правила миром, со мной будет просить милостыню!

Ангел. Тебе не мешает наконец усвоить, что править миром пристало небесам, человеку же пристало просить милостыню. А потому продолжайте собирать подаяние. Но

не переусердствуйте. Не берите ни слишком много, ни слишком мало. Будет достаточно, если вы, нищенствуя, сколотите приличное состояние средних размеров. Прощайте.

Курруби (*испуганно*). Ты покидаешь меня, мой ангел?

Ангел. Я ухожу, дитя мое. Я доставил тебя к людям и теперь улетаю.

Курруби. Я их еще не знаю.

Ангел. А я разве знаю, дитя мое? Мне должно покинуть их, тебе же — остаться с ними. Нам надо быть послушными. Прощай же, дитя мое Курруби, прощай.

Курруби. Останься, мой ангел.

Ангел (*расправляет крылья*). Не могу. В конце концов, у меня есть профессия. Мне надо исследовать землю. Я тороплюсь измерять, вести разведочные работы, собирать материал, открывать новые чудеса непостижимой Вселенной, ибо до сих пор, дитя мое, я знал материю только в газообразном состоянии.

Курруби (*в отчаянии*). Останься, мой ангел, останься.

Ангел. Я улетаю! Растворяюсь в серебристой утренней дымке. Мягко поднявшись вверх и сделав несколько широких кругов над Вавилоном, я исчезну, превращусь в белое облачко, которое растает в сиянии небес.

Ангел улетает, аккуратно взяв на руку плащ
и рыжую бороду нищего.

Курруби. Останься, мой ангел.

Ангел (*издали*). Прощай, Курруби, дитя мое, прощай! (*Исчезая.*) Прощай.

Курруби (*тихо*). Останься! Останься!

Навуходоносор и Курруби стоят друг против друга
в серебристой дымке утра.

Курруби (*тихо*). Он улетел.

Навуходоносор. Исчез в просторах мироздания.

Курруби. А я осталась с тобой.

Навуходоносор. А ты осталась со мной.

Курруби. Я зябну в утреннем тумане.

Навуходоносор. Вытри слезы.

Курруби. А люди разве не плачут, когда их покидает небесный ангел?

Навуходоносор. Конечно, плачут.

Курруби (*внимательно смотрит ему в лицо*). Я не вижу слез в твоих глазах.

Навуходоносор. Мы разучились плакать, зато научились проклинать.

Курруби отшатывается.

Навуходоносор. Ты боишься меня?

Курруби. Дрожу всем телом.

Навуходоносор. Не бойся людей, бойся Бога: он создал нас по своему образу и подобию. Все вокруг создано им.

Курруби. Все созданное им прекрасно. Мне было хорошо в его руке, я близко видела его лик.

Навуходоносор. А он взял и бросил свою игрушку мне, самому ничтожному и жалкому созданию, какое только можно было отыскать во Вселенной, — нищему Анашамаштаклаку из Ниневии. И вот ты стоишь передо мной, сошедшая со звезды. Твои глаза, твое лицо и твое тело исполнены небесной красоты, но какая польза от твоего небесного совершенства самому бедному человеку на этой несовершенной земле? Когда небеса научатся давать каждому то, в чем он нуждается? Нищие и бессильные жмутся друг к другу, как овцы, и голодают, могущественный сыт, но одинок. Нищий жаждет хлеба, так пусть небеса и пошлют ему хлеба. Навуходоносор изголодался по человеку, значит, небеса должны послать ему тебя. Почему небеса ничего не знают об одиночестве Навуходоносора? Почему, посылая тебя на землю, они насмехаются и надо мной, нищим, и над царем Навуходоносором?

Курруби (*задумчиво*). Я получила трудное задание.

Навуходоносор. В чем оно?

Курруби. Заботиться о тебе, просить для тебя милостыню.

Навуходоносор. Ты любишь меня?

Курруби. Ты рожден женщиной, чтобы любить меня вечно, я создана из ничего, чтобы любить тебя вечно.

Навуходоносор. Мое тело под этим плащом изъедено проказой.

Курруби. Я все равно люблю тебя.

Навуходоносор. Из-за любви к тебе люди будут набрасываться на тебя, как голодные волки.

Курруби. Но я люблю тебя.

Навуходоносор. Тебя прогонят в пустыню. Ты околеешь в красных песках под палящим солнцем.

Курруби. Но я люблю тебя.

Навуходоносор. Тогда поцелуй меня, если любишь.

Курруби. Я поцелую тебя.

Навуходоносор (*когда Курруби поцеловала его, сбивает ее с ног и начинает пинать*). Вот так я поверг на землю ту, что люблю больше всего на свете, вот так пинаю ногами тебя, милость Божию, от которой зависит мое блаженство. Получай! Получай! Это мои поцелуи тебе, мой ответ на твою любовь. Пусть небеса видят, как обошелся нищий с их даром, как ничтожнейший из людей воспринял то, что царь Навуходоносор одарил бы своей любовью и осыпал бы золотом Вавилона!

Слева входит Акки, таща за собой пленного Нимрода.

Акки (*удивленно*). За что ты пинаешь эту девушку, нищий из Ниневии?

Навуходоносор (*злорадно*). Расплачиваюсь пинками за этот дар небес. Свеженький дар, сотворенный только прошлой ночью, можешь сам убедиться. Предназначен для ничтожнейшего из людей и передан лично мне ангелом. Хочешь, я отдам ее тебе?

Акки. Сотворена только прошедшей ночью?

Навуходоносор. Из ничего.

Акки. В таком случае это не очень полезный дар.

Навуходоносор. Зато дешевый. Я уступаю ее тебе в обмен на пленного.

Акки. Но он все-таки бывший царь.

Навуходоносор. В придачу получишь золотой, который я выпросил.

Акки. А за его историческую роль?

Навуходоносор. Два сребреника.

Акки. Никудышная сделка.

Навуходоносор. Ну как, согласен на обмен?

Акки. Только потому, что ты совершенно беспомощный нищий. На, бери! (*Бросает к его ногам Нимрода.*) А ты, девушка, теперь принадлежишь мне. Поднимайся.

Курруби, опустив голову, медленно поднимается.

Акки. Так, значит, тебя принес сюда ангел. Я люблю всякие небылицы. Что ж, поверю в невероятное и стану

повсюду рассказывать об этом, лучшей пропаганды для моей профессии и не придумаешь. Дай я обопрусь на тебя, сотворенная из ничего. Ливанское вино немного ударило мне в голову, я чуть-чуть пошатываюсь. Ты никогда не узнаешь землю, но не расстраивайся, я ее знаю. Тебя сбили с ног только однажды, меня сбивали тысячи раз. Пошли. Сходим на рыночную площадь. Время благоприятное, сегодня базарный день, чувствую, нас ждет хороший улов. Посмотрим, много ли нам подадут, тебе с твоей красотой и мне с моей рыжей бородой, тебе, избитой нищим, и мне, гонимому царем.

Курруби (*тихо*). И все же я люблю тебя, нищий из Ниневии.

Опираясь на Курруби, Акки выходит направо. Навуходоносор остается один, у его ног лежит связанный, с кляпом во рту Нимрод. Навуходоносор срывает с себя лохмотья и рыжую бороду, топчет их ногами, затем стоит неподвижно, погруженный в свои мысли, мрачный. Из глубины сцены приближается, трепеща от страха, свита.

Архиминистр (*ошеломленный*). Ваше величество...

Навуходоносор. Даю нищему Акки срок в десять дней. Если он согласится стать чиновником, то может занять любую высшую государственную должность, если нет, отдайте его моему палачу. А ты, генерал, веди войска в земли за Ливаном. Завоюй все эти дурацкие селения — Спартен, Москин, Карфагау и Паку или как они там называются. Мы же с пленным Нимродом, усталые и печальные, оскорбленные небесами, возвращаемся в наш дворец, чтобы и дальше воспитывать человечество.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Второе действие происходит под одним из мостов через Евфрат, в самом сердце Вавилона. В невидимое небо вздымаются многоэтажные дома и дворцы. Оркестровая яма и в этом акте изображает Евфрат, свод моста перекинут через сцену из глубины, он виден в разрезе и снизу. Сверху доносится шум уличного движения огромного города. Грохочут древневавилонские трамваи, мелодично покрикивают носильщики паланкинов. Слева и справа к берегу Евфрата ведет узкая лестница. Жилище Акки представляет собой хаотичное нагромождение самых разных предметов всех эпох. Саркофаги, негритянские идолы, царские троны, вавилонские велосипеды, автомобильные покрышки и т. п., все валяется в немыслимой грязи, сгнило, покрыто толстым слоем пыли. Над этой неразберихой в самом центре свода возвышается барельеф с головой Гильгамеша*. Рядом разорванные плакаты с призывами подать милостыню, на них наклеены белые полосы бумаги с надписью: «Сегодня последний срок». Справа, в стороне от свода, — очаг с котелком. Пол посыпан красным песком, усеян консервными банками, рукописями поэтов. Повсюду висят исписанные стихами пергаменты и глиняные таблички, короче говоря, создается впечатление, что действующие лица передвигаются на огромной мусорной свалке. Впереди справа в Евфрате купаются, кряхтя, какие-то закутанные в полотно фигуры, слева на саркофаге спят два грязных вавилонских уголовника — карманник Омар и взломщик Юсуф. Слева входят Акки и Курруби, оба в лохмотьях. У Акки за спиной мешок.

Акки. Убирайтесь отсюда, ворье, нечего дрыхнуть на моем саркофаге.

Омар и Юсуф мгновенно исчезают.

Акки. А вы, вороны в белых хламидах, окунайте свои телеса в грязные воды ниже по течению. Нечего тут кряхтеть.

Закутанные в белое полотно фигуры исчезают.

Курруби. Кто эти люди?

Акки. Прокаженные. Надеются исцелиться в Евфрате.

Курруби. Земля не такая, как думает ангел. На каждом шагу я встречаю несправедливость, болезни, отчаяние. Люди несчастны.

Акки. Главное, они хорошо подают. Вот смотри. Мы снова насобирали кучу всякой всячины. Сделаем перерыв на обед, а потом снова примемся за дело в висячих садах. (*Он ставит мешок на землю.*)

Курруби. Да, мой Акки.

Акки. Ты делаешь успехи. Я доволен. Лишь за одно хочу тебя пожурить: ты улыбаешься, когда тебе подают монетку. Не делай этого. Тут больше к месту печальный взгляд, он впечатляет.

Курруби. Я постараюсь.

Акки. Потренируйся, а завтра проверим. Лучше всего окупается отчаяние. (*Вынимает из кармана добытое.*) Жемчуг, самоцветы, золотые монеты, сребреники, медяки — в Евфрат все это! (*Бросает все в оркестровую яму.*) Вот единственное упражнение, которое помогает нищему всегда быть в форме. Все дело в расточительстве. Я собираю миллионы — и миллионы выбрасываю в реку. Только так можно избавить мир от богатства. (*Он продолжает шарить в карманах.*) Оливы. Это полезная вещь. Бананы, банка сардин, шнапс и шумерская богиня любви, из слоновой кости. (*Разглядывает ее.*) Но тебе нельзя на нее смотреть, она создана не для таких юных девушек, как ты. (*Бросает богиню в свое жилище под мостом.*)

Курруби. Да, милый Акки.

Акки. «Да, мой Акки, да, милый Акки», — и так весь день. Тебя что-то печалит.

Курруби. Я люблю нищего из Ниневии.

Акки. Имя которого ты забыла.

Курруби. Его так трудно выговорить. Но я не перестану искать своего нищего. Я найду его, когда-нибудь, где-нибудь. Днем, на площадях Вавилона и на ступеньках дворцов, я думаю о нем, а ночью, когда далекие звезды освещают каменные улицы, я ищу его образ в море их света. Тогда он вблизи, тогда он со мной. Он где-то лежит на земле, мой возлюбленный, в дальней стороне и видит мое лицо, большое и белое, в звездном облаке, откуда я прилетела вместе с ангелом.

Акки. Твоя любовь так же безнадежна, как и весь Вавилон. Отсюда делаем вывод: раз в этом городе жить нельзя, будем жить за его счет. Так я решил стать нищим. Тебя мне тоже подали, как милостыню, хотя и несколько странным образом. Ты принадлежишь мне,

дитя мое, выкинь из головы своего нищего из Ниневии. Мы находимся под самым лучшим вавилонским мостом, какой только я смог отыскать. Нельзя осквернять мои апартаменты мыслями о человеке, способном за час выпросить всего один золотой и два сребреника. (*Удивленно.*) Что это тут развешено? Конечно же, поэмы. Здесь были поэты.

Курруби (*радостно*). Можно мне почитать их стихи?

Акки. Вавилонское поэтическое искусство сейчас в таком глубоком кризисе, что читать стихи не рекомендуется. (*Берет один листок и, бегло осмотрев его, бросает в Евфрат.*) Любовные стихи. С тех пор как я обменял тебя на бывшего царя, они не пишут ничего другого. Свари-ка лучше суп. Вот тебе кусок говядины, только что выпросил.

Курруби. Да, мой Акки.

Акки. Я же пока удалюсь в свой любимый саркофаг.

Он открывает саркофаг, стоящий посреди сцены, но отшатывается: из саркофага вылезает поэт.

Акки (*строго*). Что ты делаешь в этом саркофаге?

Поэт. Сочиняю стихи.

Акки. Здесь не место сочинять стихи. Это саркофаг моей дорогой Лилит, когда-то она была моей возлюбленной. Кроме того, в нем я пережил всемирный потоп. Легко, словно птица, носился я в нем по бурному морю.

Поэт. Простите, но я сейчас работаю над нашим национальным эпосом о Гильгамеше. Я забрался в этот саркофаг, потому что в нем особенно хорошо думается. Только что я приступил к сцене, в которой появляется могучий небесный бык Хумбаба.

Акки (*строго*). И что происходит с этим быком?

Поэт. Его уничтожают.

Акки. Я уверен, что этот эпос о Гильгамеше никогда не дойдет до потомства. Уничтожить быка. Полезную рабочую силу! Приручи его наш национальный герой, и никому не пришлось бы работать, со всем справлялся бы мускулистый небесный бык. Марш отсюда! Сочиняй где-нибудь в другом месте! Вот еще несколько луковиц.

Он бросает луковицы Курруби и ложится в саркофаг. Поэт удаляется. Курруби варит суп. Слева по лестнице спускается полицейский Нево, он вытирает пот.

Полицейский. Жаркий денек, Акки, тяжелый денек.

Акки. Здравствуй, полицейский Нево. Я бы с удовольствием встал, чтобы поприветствовать тебя, так как отношусь к полиции с особым почтением, но мне надо беречь спину. Когда я последний раз побывал в полицейском участке, ты рвал мое тело раскаленными щипцами и подвешивал к ногам изрядный груз.

Полицейский. Я действовал строго по предписанию, которое требует перевоспитывать строптивых нищих в примерных государственных чиновников. Я хотел тебе добра.

Акки. Очень мило с твоей стороны. Могу предложить тебе саркофаг одного чрезмерно усердного полицейского.

Полицейский. Я лучше присяду на этот камень. (*Садится.*) Саркофаги наводят меня на грустные мысли.

Акки. Это трон последнего вождя жителей пещер. Мне он достался от его вдовы. Выпей глоток красного халдейского.

Он достает из плаща бутылку и передает полицейскому. Тот пьет.

Полицейский. Спасибо. Я устал. Нагрузки в нашей работе возрастают с каждым днем. Мне только что пришлось конфисковать учебники и арестовать географов и астрономов.

Акки. В чем же их вина?

Полицейский. Земля оказалась обширнее, чем они считали. По ту сторону Ливана есть еще несколько селений. В нашем государстве наука тоже должна быть совершенной.

Акки. Это начало конца.

Полицейский. Войско выступило, чтобы покорить эти селения.

Акки. Всю ночь оно с грохотом шло по Гильгамешскому мосту на север. Чувствую, нас ждет полный разгром.

Полицейский. Я чиновник, мое дело повиноваться, а не рассуждать.

Акки. Чем совершеннее государство, тем глупее у него чиновники.

Полицейский. Это ты сейчас так говоришь. А когда сам станешь чиновником, то научишься восхищаться нашим государством. У тебя откроются глаза на его совершенство.

Акки. Вот как. Потому ты и явился сюда. Все еще надеешься воспитать из меня чиновника.

Полицейский. Я умею добиваться своего.

Акки. Это я заметил в полицейском участке.

Полицейский. Я здесь по делам службы.

Акки. Мне тоже так кажется.

Полицейский (*вынимает записную книжку*). Сегодня последний срок.

Акки. В самом деле?

Полицейский. Ты побирался на рыночной площади.

Акки. По ошибке.

Полицейский. У меня для тебя новость.

Акки. Еще одни раскаленные щипцы?

Полицейский. Новый указ. В знак признания твоих способностей тебя назначают начальником управления по взысканиям и банкротствам, министерство финансов тоже интересуется тобой, среди чиновников ходят слухи, что тебя ждет прекрасная карьера.

Акки. Карьера, полицейский Нево, меня не интересует.

Полицейский. Ты отказываешься занять высокий пост?

Акки. Я хочу остаться свободным художником.

Полицейский. Будешь по-прежнему просить милостыню?

Акки. Это моя профессия.

Полицейский (*засовывает записную книжку в карман*). Плохи твои дела, нищий.

Акки (*хочет подняться*). Пожалуйста, полицейский Нево, можешь опять отвести меня в участок.

Полицейский. Незачем. Палач сам придет сюда.

Молчание. Акки непроизвольно хватается за шею. Затем начинает расспрашивать полицейского.

Акки. Маленький толстяк?

Полицейский. Да нет. У нас этим занимается высокий и тощий. Мастер своего дела. Истинное удовольствие наблюдать за ним. Высочайшая техника!

Акки. Ты имеешь в виду знаменитого вегетарианца?

Полицейский (*качает головой*). Не обижайся на меня, но в палаческом деле ты не разбираешься. Ты путаешь с нашим палача из Ниневии, наш любит хорошие книги.

Акки (*с облегчением*). Тогда все в порядке.

Полицейский. Он уже идет к тебе.

Акки. Буду рад с ним познакомиться.

Полицейский. Дело серьезное, нищий Акки, предупреждаю тебя! Он повесит тебя, если к его приходу ты не поступишь на государственную службу.

Акки. Я к его услугам.

Курруби (*испуганно*). Они хотят тебя убить?

Акки. Не волнуйся, девочка моя. Мне так часто грозили смертью в моей бурной жизни, что я к этому уже привык.

Саркофаги открываются, из них торопливо выбираются поэты, вылезают из всевозможных укрытий.

Первый поэт. Новая тема!

Второй. Замечательная тема!

Третий. Какой материал!

Четвертый. Какие возможности!

Все вместе. Рассказывай, нищий, рассказывай!

Акки. Ладно, слушайте макаму моей жизни. Жил я когда-то, не зная печали, да эти деньки давно миновали. Рос в семье отца — богатого купца. В доме ковер на ковре, ели на серебре, золота не считали, но трудные дни настали. Жадный Энггиби пришел в Вавилон, и все исчезло, как сон. Сожгли на костре отца и мать, некого было спасать.

Поэты. Некого было спасать.

Акки. Из горной страны Элам пророк спустился к нам, меня, сироту, подобрал и добрым отцом мне стал. Одетый в рванье и хлам, богам воскурял фимиам, молился у алтаря, да, видно, все было зря. Быстро летят года, и снова приходит беда. Сменился жреческий трон, и все исчезло, как сон. Сожгли на костре и богов, и пророка, никто не избегнул рока.

Поэты. Никто не избегнул рока.

Акки. Меня подобрал боевой генерал, закованный в латы. Был он верным солдатом царю и за это, как верный вассал, богатство и почести получал. Он взял меня в свой дворец и был мне как родной отец. Но быстро летят года, и снова приходит беда. Сменился царский трон, и все исчезло, как сон, — почести, должность, дворец, пришел генералу конец. Сгорел и он, как пророк, всему приходит срок.

Поэты. Всему приходит срок.

Акки. Все погибают в свой срок, будь то купец, иль пророк, или большой генерал. Тогда я себе сказал: слушай и помни, сынок, будь как этот песок, ничем никогда не владей — и тебя не растопчет злодей и, на расправу скор,

палач не бросит в костер. Пусть быстро летят года, пусть снова пришла беда. Сменилась в городе власть, царь куролесит всласть. Остался на весь Вавилон единственный нищий, но он умом изрядно остер и не взойдет на костер. Пусть в пламени сгинут плащ и борода, он сам не сгорит никогда.

Первый поэт. А теперь макаму про ночь любви, которую ты провел с принцессой Фетис.

Второй. О том, как ты выпросил царские сокровища.

Третий. О великанах Гоге и Магоге.

Акки. Хватит с вас. У меня гости. Курруби, не забывай про суп.

Полицейский (*удивлен количеством поэтов*). Ну и ну, твое жилище прямо-таки кишит поэтами.

Акки. Действительно. Я тоже поражен. Видно, придется снова наводить порядок под сводами моста.

Полицейский встает, голос его звучит торжественно.

Полицейский. О, воспетый множеством поэтов! Ты окончательно решил отдаться в руки палача?

Акки. Окончательно и бесповоротно.

Полицейский. Горькое решение, но оно достойно уважения.

Акки (*удивленно*). Что это с тобой, полицейский Нево? Ты такой торжественный и кланяешься не переставая.

Полицейский. Тебя, почтеннейший, должен волновать и печалить вопрос, что будет с Курруби, когда тебя не станет. Меня это тоже волнует. Вавилонцы завидуют тебе. Они возмущены, что Курруби живет в нищете. Они пытаются отнять у тебя девушку. Тех пятерых, что напали на тебя, ты поколотил.

Акки. Шестерых. Ты забыл генерала, которого я сбросил с Инштарского моста. Он, как комета, мелькнул и скрылся в темных глубинах.

Полицейский (*снова кланяется*). Девушке нужен покровитель, почтеннейший. Я в жизни не встречал девушки красивее. Во всей Вавилонии только и говорят, что о ней, отовсюду, из Ура, Урука, Халдеи и Уца, стекаются люди, чтобы воздать должное ее красоте. Весь город в любовной лихорадке. Все думают о Курруби, все мечтают о ней, все влюблены в нее. Три брата знатного рода утопились из-за нее. Дома, улицы, площади, висячие сады,

гондолы на Евфрате полны вздохов, полны песен, банкиры начали сочинять стихи, чиновники — писать музыку.

На лестнице справа появляется банкир Энггиби с древневавилонской гитарой в руках.

Энггиби.

Спустилась ночью дева
С небес, что дня ясней,
Сошла на нашу землю,
И Божий ангел с ней.

Полицейский. Вот видишь!

Энггиби.

Сотворена Всевышним
Она не для царя,
Богатый и вельможный
О ней мечтает зря.

Акки (*удивленно*). Банкир!

Сверху на лестнице появляется Али, тоже с гитарой в руках.

Али.

Купец ее бы сделал
Сокровищем своим,
Но необъятно небо
И Бог неумолим.

Полицейский. Еще один.

Акки. Виноторговец Али!

Энггиби. Я удивлен, виноторговец Али. Ты позаимствовал мой стихотворный размер.

Али (*с достоинством*). Это мой размер, банкир Энггиби, прошу меня извинить, мой.

Появляются поэты.

Поэты. Мой размер! Мой размер!

Они снова исчезают.

Акки. Всегда одно и то же. Как только кто-то начинает писать стихи, его тут же обвиняют в плагиате.

Полицейский решительно достает из кармана мундира листок со стихами.

Полицейский.

Рыжебородый нищий
Смутил ее покой,
Она с ним рядом тает,
Как белый снег весной.

Акки. Полицейский Нево! Что это взбрело тебе в голову! Ты должен искоренять стихотворцев, а не умножать их число.

Полицейский смущенно свертывает листок. Банкир и виноторговец продолжают играть на гитарах, это мешает ему говорить.

Полицейский. Прости. Внезапный порыв. Вообще-то я чужд поэзии, но когда вчера ночью над Евфратом встала большая желтая луна и я задумался о Курруби — мне вдруг захотелось посвятить ей стихотворение, раз уж все вокруг было полно поэзии.

Слева входят двое рабочих.

Первый рабочий. Это нищий Акки, он утверждает, что выторговал девушку, которую принес на землю ангел.

Второй рабочий. Чепуха все это. Ангелов выдумали священники.

Али. Ты встречал девушку красивее? Откуда же ей взяться, как не с неба?

Второй рабочий. Пусть это выясняет полиция.

Полицейский. У полиции нет оснований сомневаться в существовании ангелов. Напротив, именно к атеистам она с давних пор относится с подозрением.

Второй рабочий. Кто подаст этому нищему еще хотя бы медяк, тот капиталист. Он эксплуатирует девушку!

Первый рабочий. Каждый вечер он пригоршнями выбрасывает свои богатства в Евфрат. Золото и серебро!

Второй рабочий. И при этом содержит одних только поэтов. Как будто мы тоже не умеем сочинять стихов.

Акки (*в ужасе выскакивает из саркофага*). Прошу вас, не надо!

По лестнице спускается гетера Табтум.

Табтум. Скандал! Позор!

Акки. Приветствую тебя, юная госпожа.

Гетера ощупывает Курруби, словно та лошадь.

Табтум. Вот, значит, эта красотка. Разве у нее зубы лучше, чем у других? Бедра эластичнее? Фигура красивее? Таких девочек пруд пруди. И почти задаром.

Курруби. Не смей трогать меня. Я тебе ничего не сделала.

Табтум. Ничего не сделала? Послушайте только эту невинную овечку! И прикасаться не смей к этому ягненку! Уж я трону тебя, можешь не сомневаться. Отвадила от меня весь Вавилон и еще прикидывается недотрогой!

Курруби. Я никого от тебя не отваживала. Я люблю нищего из Ниневии, только его одного.

Табтум. Любишь нищего из Ниневии? Вавилонские банкиры тебе нужны — и никто больше! (*Она хочет вцепиться Курруби в волосы, Курруби ищет защиты у Акки.*)

Первый рабочий. Отцепись от девчонки, шлюха!

Али. И это должен слушать ребенок!

Энггиби. Эта девушка из другого круга.

Табтум. Из другого круга? Ишь какая! Мой круг всегда был хорош для банкиров и виноторговцев.

Акки. Чем ты недовольна, прекраснейшая?

Табтум. Разве есть во всем Вавилоне дом скромнее, чем мой? И грудь красивее моей?

Акки. Что-то я не пойму, какое отношение твоя грудь имеет к Курруби.

Табтум. Я стараюсь быть красивой и юной, сижу на диете, принимаю ванны, делаю массаж, и что же получается? Стоило появиться этой особе, как вся моя клиентура принялась сочинять стихи.

Энггиби (*стоя на лестнице справа*). Курруби нас возвышает!

Али (*стоя на лестнице слева*). Курруби нас вдохновляет.

Первый рабочий. Теперь мы знаем, ради чего вкалываем.

Второй рабочий. Ради сребреника в неделю.

Полицейский. Мы стали духовно богаче.

Али, Энггиби, рабочие, полицейский (*вместе, торжественно*).

Мы огнем любви пылаем,
С ней мы справиться не в силах.

Акки. Я не потерплю у себя в доме никаких стихов. Хватит!

Остальные (*к ним присоединяются откуда-то вынырнувшие поэты*).

Человек неуправляем,
Если кровь играет в жилах.
Он открыт добру и благу,
Красоте дает присягу!

Табтум. Значит, вы стали духовно богаче? Могу себе представить. С этим у малышки ничего не выйдет. В нашей профессии честно отрабатывают свое.

Справа входят жены обоих рабочих.
Поэты испуганно исчезают.

Жена первого рабочего. Мой старик бродит под Гильгамешским мостом? В этом злачном месте?

Первый рабочий. Но послушай, мать. Я совершенно случайно проходил мимо.

Жена второго рабочего. И мой тоже здесь!

Второй рабочий. А тебе какое дело? Может, напомнить, чем ты занимаешься с нашим подрядчиком?

Жена первого рабочего. У моего работяги пятеро детей, а он тут рискует жизнью. Всем известно, что мужчина умирает, переспав с этой чертовкой. Это научно доказал профессор из Содома.

Табтум. Вот уж действительно она чертово отродье.

Жена второго рабочего. Она произошла от привидения Лабарту, чудовища с лицом льва. Девушка, в которую влюбляются все подряд, выросла там, где привидение сбросило в печную трубу перо со своих крыльев.

Второй рабочий. Привидение Лабарту, черти, небеса — все это поповские выдумки!

По лестнице спускается продавец ослиного молока Гиммил.

Гиммил. Небеса наказали Вавилон, это же ясно, а милость оказали нищему. Почему? Потому что нищий пьет ослиное молоко, а вы — коровье. Да здравствует нищий Акки! Да здравствует девушка!

Табтум. Разве я не покупала у тебя ослиное молоко, чтобы купаться в нем? А теперь ты заступаешься за эту девицу!

Второй рабочий. Ослиное молоко? Пьет этот нищий? Да от него за версту несет шнапсом и вином.

Первый рабочий. Если вороны и коршуны отведают его мясца, они спьяну рухнут на землю.

Али. Он опустошил мой винный погреб!

Энггиби. А у меня хитростью выманил триста золотых.

Табтум. Я дала ему аж семь монет!

Обе жены рабочих. Он опустошает весь город.

Первый рабочий. Паразит!

Второй рабочий. Асоциальный элемент!

Полицейский (*кланяется*). Целиком и полностью...

Энггиби. А как он обходится с девушкой?

Али. Заставляет ее готовить!

Первый рабочий. Ему и его поэтам!

Али. А в чем она ходит!

Второй рабочий. Босиком!

Энггиби. В рванье!

Первый и второй рабочий. Он учит ее просить милостыню, учит просить милостыню!

Энггиби. Самое время вздернуть его на виселицу.

Первый рабочий. Подождем царского палача.

Все вместе. Подождем палача!

Полицейский решительно поворачивается к Курруби, которая жмется к саркофагу, где сидит Акки.

Полицейский. Девочка моя. Меня зовут Нево. У меня есть домик на Ливанской улице. К новому году меня произведут в вахмистры. Род Нево всегда славился хорошими мужьями. В наших кругах об этом все знают. Ты будешь счастлива. Я мечтаю только о том, чтобы ты целиком и полностью...

Первый рабочий (*выбегает вперед*). Девушка. Меня зовут Хасан. Я мечтаю только о том, чтобы ты целиком и полностью была счастлива. Я живу почти что за городом, у меня есть маленький садик. Моя старуха приготовит тебе славную комнатку. Ты будешь жить простой, здоровой жизнью, ты останешься довольна.

Жена первого рабочего. Он с ума сошел!

Второй рабочий (*протискивается вперед*). Девушка. Мое имя Синдбад. Твое место в здоровой пролетарской среде. Моя старуха тоже приготовит тебе славную комнатенку. Я займусь твоим просвещением. Я открою тебе глаза на происки капиталистов. День и ночь я буду готовить тебя к священной борьбе за дело рабочего класса!

Жена второго рабочего. Кажется, мой тоже свихнулся на своей классовой борьбе!

Гиммил (*падает перед Курруби на колени*). Дитя мое. Я Гиммил. У меня есть доходный дом вблизи Евфрата. Я живу на седьмом этаже, к твоим услугам лифт и вид на висячие сады. Ты будешь дышать воздухом бюргерского уюта и узнаешь, что такое счастье!

Женщины. Гоните ее из города, гоните ее из города!

К ним приближаются Али и Энггиби.

Али. Дитя мое. Я Али, владелец виноторговой фирмы, дома в городе и виллы на берегу Тигра. Тебе нужна скала, дитя мое, на которую ты могла бы опереться. Я и есть эта скала. На меня можно опереться. Я уверен...

Поэты (*выныривая из укрытий*). Курруби наша, Курруби наша.

Энггиби. Я Энггиби, генеральный директор всемирно известного банковского дома «Энггиби и сын», но дело не в этом. Мои дворцы, акции и поместья не вечны, как и все на свете. Важнее то, что тебе нужно живое, доброе человеческое сердце; такое сердце бьется в моей груди!

Женщины. Гоните ее из города! Гоните ее из города!

Поэты (*хором*). Курруби наша! Курруби наша!

Поднимается страшный гвалт. Вдруг все замечают сидящего на голове Гильгамеша ангела. Волосы его украшены словыми шишками и маками, в руках он держит подсолнухи, словые ветки и т. п.

Ангел. Курруби, дитя мое Курруби!

Все (*в страшном ужасе*). Ангел!

Все, кроме Курруби, падают на землю и пытаются спрятаться.

Курруби. Ангел, мой ангел!

Ангел. Пролетая мимо, я совершенно случайно заметил тебя в этой веселой неразберихе.

Курруби. Помоги мне, мой ангел!

Ангел. Дитя мое, какое это замечательное открытие — земля! Я восхищен, я счастлив. Меня бьет дрожь от восторга, обилие чудес переполняет меня воодушевлением, промысел Божий внушает мне трепет. Я не устаю изучать, исследовать. В волнении летаю я над землей, пою хвалу ее

красе, постигаю новое, делаю заметки. Днем и ночью беспрерывно, без устали занимаюсь я своими исследованиями. И при этом я еще ни разу не окунался в море, в эти воды вокруг. Я изучил только средние широты и Северный полюс. Смотри, что я там нашел — застывшую росу. (*Показывает сосульку.*) Я исследовал много солнц, но нигде не встречал ничего похожего.

Курруби. Нищий из Ниневии меня бросил, мой ангел. Я люблю его, а он меня бросил.

Ангел. Недоразумение, дитя мое, простое недоразумение. Он вернется, только не теряй терпения. Земля так невообразимо прекрасна, что человек легко теряет голову. Это естественно. Нельзя без волнения взирать на эту синеву небес, на красноватый песок и серебристый блеск ручья. Как тут не воздеть молитвенно руки, как не содрогнуться от восторга! А растения! А звери! Белизна лилии, желтый окрас льва, коричневый — газели. Даже у людей разный цвет кожи. Взгляни-ка на это чудо. (*Показывает на подсолнух.*) Разве найдешь такое на Альдебаране, на Канопусе, на Альтаире?

Курруби. Люди преследуют меня, мой ангел. Несчастье принесла я в город Вавилон. Слезы несет в море Евфрат. Любовь ли, ненависть ли — все меня убивает.

Ангел. Все уладится, дитя мое, все уладится самым лучшим, самым чудесным образом. (*Он расправляет крылья.*)

Курруби. Не покидай меня, мой ангел! Останься со мной! Защити меня своей божественной силой. Отнеси меня к моему возлюбленному!

Ангел. Мне нельзя терять времени. Я не позволяю себе ничего лишнего. Ведь очень скоро мне возвращаться в туманность Андромеды и ползать по красным исполинам. Я должен исследовать, дитя мое, должен исследовать. Все новые и новые тайны открываются передо мной.

Над морями и лесами,
Над холмами без усилья
Я парю под облаками,
Широко раскинув крылья.
Яркий свет слепит мне взоры.
Хороши земли просторы!

Акки (*устало*). Ну вот, он тоже начал сочинять стихи.

Ангел.

Я на них взираю жадно,
Все разумно тут и ладно,
Все не так, как в высях звездных,
Необъятных и холодных.

Курруби. Останься, мой ангел, останься!

Ангел. Прощай, Курруби, прощай, дитя мое. (*Улетая.*) Прощай.

Курруби опустилась на колени и закрыла лицо руками. Все остальные начинают медленно подниматься, бледные, нетвердо стоящие на ногах.

Поэты (*осторожно высовывая головы из саркофагов*). Значит, это все-таки был ангел.

Гиммил (*запинаясь*). Прилетел средь бела дня.

Полицейский (*вытирая пот со лба*). И сел на голову нашего национального героя.

Первый рабочий (*все еще будто во сне*). Замечательный вестник Божий.

Жена первого рабочего (*тоже мечтательно*). Из себя такой высокий, в крыльях разноцветные перышки.

Второй рабочий. Он пролетел надо мной, как огромная летучая мышь.

Энггиби. Я жертвую на колокол. Колокол Энггиби.

Али. А я учреждаю столовую Али — бесплатный стол для богословов.

Женщины. Мы идем исповедоваться.

Оба рабочих и Гиммил. Мы немедленно вступаем в церковную общину!

Полицейский. К счастью, я всегда ходил в церковь!

Энггиби. Вавилоняне! К нам спустился ангел. Настал час прозрения. Как банкир и человек холодного ума я говорю: грядут смутные времена.

Первый рабочий. Заработки стали хуже!

Гиммил. Всем подавай коровье молоко!

Али. Потребление вина падает.

Энггиби. А тут еще неурожай.

Жена первого рабочего. Землетрясение!

Жена второго рабочего. Нашествие саранчи.

Энггиби. Неустойчивая валюта, в прошлом году эпидемия кори, а в позапрошлом — чумы. А все почему? Потому что мы не верили в Бога. Все мы в большей или

меньшей степени были атеистами. Теперь все зависит от того, как мы обойдемся с девушкой, которую ангел принес на землю, спустившись из туманности Андромеды.

Гиммил. Она не должна просить подаяние.

Первый рабочий. Ей надо уйти от Акки.

Второй рабочий. От этих поэтов.

Жена первого рабочего. От этих чернильных душ.

Табтум. Погрязших в паутине и пожелтевших пергаментах.

Энггиби. Окажем девушке наивысшую честь, какую мы способны оказать, и небеса будут к нам благосклонны.

Али. Провозгласим ее нашей царицей.

Энггиби. Иначе нас ждет беда. Нельзя враждовать с небесами. Со всемирным потопом мы кое-как справились, но экономический кризис — это еще большая катастрофа.

Жена первого рабочего. Отведем девушку к царю!

Поэты. Останься с нами, Курруби, останься с нами.

Курруби. Я хочу остаться с тобой, нищий Акки, под этим мостом, рядом с Евфратом, вблизи твоего сердца.

Толпа принимает угрожающий вид.

Голоса. В Евфрат нищего!

Они хотят наброситься на Акки, но полицейский энергичным жестом удерживает их.

Полицейский. Ты знаешь о моем чувстве, нищий. Ты знаешь, что у меня есть свой домик на Ливанской улице и что я, Нево, в состоянии сделать Курруби счастливой. В скромных рамках, естественно. Но теперь мой долг отвести девушку к царю, а твой — отпустить ее. (*Вытирает пот со лба.*)

Толпа. Да здравствует полиция!

Курруби. Помоги мне, Акки.

Акки. Не могу, дитя мое. Нам нужно расстаться. Десять дней бродили мы по улочкам Вавилона, по его площадям, в лохмотьях, а по ночам ты спала, тихо дыша, в самом теплом из моих саркофагов, под негромкий скулеж моих поэтов. Никогда я не просил милостыню так гениально. Но теперь мы должны расстаться. Я не имею на тебя никаких прав. Я случайно выменял тебя, частичка небес прилепилась ко мне, клочок божественной милости, невесомый и светлый, но порыв ветра уносит его от меня.

Курруби. Я обязана слушаться тебя, мой Акки. Ты взял меня к себе. Ты кормил меня, когда я хотела есть, поил, когда меня мучила жажда. Когда меня одолевал страх, ты пел мне свои чудные песни, когда я зябла, ты укрывал меня своим плащом, когда я уставала, ты нес меня на своих сильных руках.

Она роняет голову на грудь.

Акки. Иди к царю Навуходоносору, дитя мое.

Первый поэт. Останься с нами, Курруби, останься со своими поэтами!

Толпа. К Навуходоносору! К Навуходоносору!

Курруби уводят направо.

Поэты.

Ах, небесного подарка
Враз лишились мы, бедняги,
И остались нам под аркой
Только эти саркофаги.

Курруби. Прощай, мой Акки, прощайте, мои поэты.

Поэты.

Ах, как страстно тосковали
Мы по милости безмерной.
Вместо пищи, дети скверны,
Мы отбросы поедали.
Только мудрый вестник неба
Нам Курруби не оставил,
Он ее монарху сплавил.

Толпа (*издали*). Курруби! Наша царица Курруби!

Акки с мрачным видом садится к очагу и помешивает суп.

Акки. Ничего не имею против ваших жалобных стонов, поэты, но вы преувеличиваете. Говорите, что поедаете отбросы, а сами с аппетитом лопаете мой суп. Я сомневаюсь в искренности вашего отчаяния. Высокое кулинарное искусство — это единственная способность человека, о которой нельзя сказать ничего дурного. Не злоупотребляйте ею, поэты.

Слева спускается по лестнице тощий, высокого роста пожилой человек в парадном черном костюме и с чемоданчиком в руке.

Человек в парадном костюме. Приветствую тебя, нищий Акки, приветствую тебя.

Акки. Чего тебе надо?

Человек в парадном костюме. Просто дух захватывает, до чего хороша девушка. Голова кругом идет. Я видел с моста, как ее уводили.

Акки (*сердито*). Я бы воспитал из этого ребенка лучшую нищенку в мире, а теперь она станет просто царицей.

Человек в парадном костюме. Недобрый будет брак, дикий.

Акки (*в ярости*). Царь на руках ее будет носить!

Человек в парадном костюме. Не будет между ними мира. Не хотел бы я видеть это. Как подумаешь о том, что царь пинал девушку ногами, так в дрожь бросает при мысли о ее будущем.

Акки. Пинал ногами?

Человек в парадном костюме. На берегу Евфрата.

Акки. На берегу Евфрата?

Человек в парадном костюме. В то утро.

Акки (*вскакивает*). Значит, нищий из Ниневии — царь?

Человек в парадном костюме. Я был там и все видел. Его величество переоделись нищим.

Акки. Зачем?

Человек в парадном костюме. Чтобы уговорить тебя поступить на государственную службу. А потом ангел передал ему девушку. Возвышенный миг, торжественный миг!

Акки (*в страхе вытирает пот со лба*). Миг, который мог бы плохо для меня кончиться. Мне опять повезло. (*Подозрительно.*) А ты кто?

Человек в парадном костюме. Палач.

Поэты исчезают.

Акки. Привет. (*Пожимает ему руку.*)

Палач. Здравствуй.

Акки. Ты в гражданской одежде.

Палач. Вешать нищих в мундире я не имею права. У меня четкие предписания.

Акки. Хочешь супчику с говядиной?

Палач. Это что — ловушка? Меня в нее не заманишь.

Акки (*с невинным видом*). Какая ловушка?

Палач. Ты ушел от ламашского палача, так же как от палачей из Аккада и Киша*.

Акки. Это были палачи на службе у герцогов, а не у царя. Меня повесит только царский палач. Тогда у меня будет чем гордиться, я предпочитаю все лучшее. Чтобы почтить тебя, приглашаю на суп с говядиной.

Палач. Тронут, тронут. Оклад у меня такой, что не очень-то разгуляешься. О супе с говядиной знаю только понаслышке.

Акки. Садись на этот трон давно истлевшего властителя мира.

Палач (*осторожно усаживаясь*). Ты в самом деле не заманиваешь меня в ловушку?

Акки. Да нет же.

Палач. Я неподкупен. Что бы мне ни предлагали, золото или плотские утехи, все отскакивает от меня как от стенки горох. Когда совсем недавно я должен был повесить целое племя в Мизии, мне предложили множество ослов и овец. Но тщетно. Мизийцы тысячами висели под вечерним солнцем, ряд за рядом.

Акки. Я тебе верю.

Палач. Пожалуйста, испытай меня.

Акки. А какой в этом смысл?

Палач. Ну пожалуйста, прошу тебя. Ничего я так не люблю, как испытывать себя на стойкость.

Акки. Ладно. Будь у меня для тебя невеста, юная, с упругими бедрами...

Палач (*гордо*). Исключено.

Акки. Мальчик с розовой кожей, гибкий...

Палач (*сияя*). Не соблазнишь, не соблазнишь.

Акки. А если я шепну тебе на ухо, в каком месте Евфрата лежат мои сокровища?

Палач. Ничего не выйдет. Будешь повешен. (*Ликующе.*) Ты видишь? Меня зовут Зиди Неподкупный.

Акки. За это ты получишь самый лучший кусок мяса. Обед!

Он стучит половником по котлу. Раздается громкий звон. Отовсюду выныривают поэты.

Поэты. Звон! Чудесный звон!

Каждый подходит к котлу с миской в руках.

Акки. Это поэты, почтеннейший.

Палач. Очень рад, искренне, от всей души рад!

Поэты и палач кланяются. Справа робко приближаются Омар и Юсуф, тоже с мисками в руках.

Акки. Омар, карманник, и Юсуф, взломщик. Мои соседи, они живут вон под тем мостом.

Палач. Знаю, знаю. Я должен повесить их на следующей неделе.

Справа появляются темные фигуры.

Фигуры (*кряхтя*). Есть! Мы хотим есть!

Акки. Вот ваша доля, воронье племя!

Он бросает им большой кусок мяса, они исчезают. Суп разлит по мискам, все начинают есть. Палач расстелил на коленях красный носовой платок.

Палач. До чего вкусный суп. Ну прямо праздник для моих костей.

Акки. Я вижу, ты доволен.

Палач. Доволен, доволен. Превосходная говядина. Не обед, а пиршество, Но ты все равно будешь повешен.

Акки (*подливает палачу в миску*). Вот тебе еще.

Палач. Не суп, а объедение.

Акки. Хочешь бутылочку лучшего египетского вина? (*Наливает всем вина.*)

Палач. Я жажду, жажду всей душой. Это же вакханалия, настоящая вакханалия. Мы отмечаем юбилей. В сотый раз запрещают твою профессию, в десятый раз тебя собираются повесить. Я подсчитал. Я пунктуален, когда дело касается нашей отечественной истории. Веду дневник. Возникают империи, исчезают империи — я все записываю. А люди? Они меняются вместе со временем. Меняют профессии, моды, религию, сословия, обычаи. Без дневника легко попасть впросак. Ты один не меняешься. Что бы ни случилось, кто бы тебя ни преследовал, ты остаешься нищим. Твое здоровье. (*Все пьют.*) Ты настойчив, как настойчив наш архиминистр со своими бесчисленными царскими канцеляриями. Выпьем и за его здоровье. (*Все пьют.*) Он, как и ты, непотопляем. Управляет царями, тайно правит миром с помощью своих чиновников. А третий — это я. Так выпьем, наконец, и за мое здоровье. (*Все пьют.*) Я тоже не меняюсь, во все времена

остаюсь палачом. Могу с гордостью возвестить об этом небесам. Бюрократы, нищие и палачи! Вот тайный остов мира, остающийся неизменным.

Все чокаются.

Акки. Выпьем то, что осталось.

Палач. Выпьем. Остатки сладки. Жаль, что я пришел сюда по долгу службы. Мир станет беднее, когда я расправлюсь с тобой. Но пора браться за свое мрачное ремесло. Суп мы съели, мясо тоже, бутылка пуста. Хочешь висеть вон на том фонаре или предпочитаешь городской парк?

Акки. Я бы предпочел фонарь перед царским дворцом.

Палач. Прекрасная идея, но ее трудно осуществить. Фонари перед дворцом зарезервированы для членов правительства. Проще всего повесить тебя на перилах моста. Мой подручный уже наверху. Эй, Халеф!

Голос сверху. Да, мастер. Одну минутку.

Сверху спускается веревка. Поэты вскрикивают и исчезают, с ними Омар и Юсуф.

Палач. Покорнейше прошу.

Акки влезает на царский трон посреди сцены.

Палач. Хочешь сделать какое-нибудь распоряжение?

Намылив петлю, он набрасывает ее Акки на голову.

Акки. Все, что у меня есть, я завещаю поэтам. Не знаю только, что делать с антикварной лавкой в переулке Всемирного потопа.

Палач. У тебя есть антикварная лавка?

Снова выныривают поэты.

Поэты. Антикварная лавка?

Акки. Выпросил на прошлой неделе. В тот день на меня нашло вдохновение, я был в великолепной форме.

Палач. Антикварная лавка — это предел моих желаний.

Акки. Я не знал, что ты интересуешься такими вещами.

Палач. Сидеть в окружении скульптур и читать классиков — что может быть лучше?

Акки (*качая головой*). Странно. Палачи из Ламаша, Киша и Аккада тоже тянулись к образованию.

Палач. Горько признаваться, но у меня однообразная, безрадостная жизнь. Знай себе вешай, а впереди никакого просвета. Разве что какой-нибудь министр изредка бросит подачку. Вот у тебя совсем другое дело. Ежедневное общение с поэтами, шумные празднества, суп с говядиной.

Акки. Больших палачей откармливают как на убой, а маленьких держат на голодном пайке. Я готов пойти тебе навстречу. Меняю свою антикварную лавку на твое ремесло.

Палач (*нерешительно*). Ты хочешь стать палачом?

Акки. Это единственная профессия, которую мне еще не удавалось выпросить.

Палач (*падает на царский трон*). Боже мой!

Акки (*обеспокоенно*). Что с тобой, Зиди Неподкупный, опора тайного остова мироздания?

Палач. Воды! Скорее! Не то у меня будет сердечный приступ.

Акки. Выпей шнапсу. Тебе станет лучше. (*Он осторожно, все еще с петлей на шее, слезает с царского трона и подает палачу бутылку.*)

Палач. Голова закружилась. Где же наша честь, наша вавилонская гордость?

Акки (*удивленно*). А что им делать здесь, под сводами Гильгамешского моста?

Палач. Я имею право уступить свою должность каждому, кого казню. Это записано в договоре, который я подписал еще самонадеянным юношей, когда мечтал изучать искусство. Думал заработать денег. Но ни один даже самый жалкий рабочий, ни один паршивенький министр, ни один вшивый бродяга не соглашался стать палачом и сохранить себе жизнь. Даже в самые глухие тысячелетия. Вошедшая в пословицу вавилонская гордость оказывалась сильнее жажды жизни.

Акки. Вот видишь, я всегда считал, что гордыня погубит Вавилон.

Палач. Я потрясен твоим предложением избавить меня от этой мучительной жизни. Ты в самом деле хочешь обменять свою антикварную лавку на мою презреннейшую, убогую профессию?

Акки. Ты видишь свою работу в ложном свете, палач. Профессии, особенно низменные, надо возвышать, придавать им новый смысл, иначе они обречены. Вот я, к примеру, был однажды миллиардером.

Палач (*удивленно*). Миллиардером?

Поэты. Расскажи, нищий, расскажи!

Акки. Ну что ж, послушайте макаму о профессиях, которые я выпросил. (*Он вынимает голову из петли и держится за веревку рукой.*) В чудесную ночь, майскую ночь я обольстил миллиардерову дочь и таким вот манером сам стал миллиардером. Человек упорный, стойкий и непокорный, чтоб остаться самим собой, объявил я богатству бой. Послушай же до конца исповедь мудреца. С утра до ночи я кутил что есть мочи, в долги залезал и все пропивал, леса и замки дарил куртизанкам, спускал без стыда целые стада, проиграл в одиночку золота бочку, табун коней и пару тысяч свиней, дорогие предметы, зеркала и самоцветы — все до последнего сундука пошло с молотка, не прошел и год, а я уже банкрот, в кармане ни гроша, зато нараспашку душа, и под этот шумок еще с пяток особ торгового звания лишились своего состояния; страна разорилась, власть переменилась. Вот так, мой гонитель, поступает мыслитель, спасая от зла престиж ремесла.

Один из поэтов. А дочь миллиардера?

Акки. Вышла замуж за судебного исполнителя. (*Он отбрасывает петлю. Веревка скользит вверх и исчезает.*) Лежа на бумаге в своем саркофаге, думал я день и ночь, как бы людям помочь, старался понять, отчего опять люди добрые кое-как прозябают, а подлые победу справляют, и, накопивши сил, я про себя решил обдуманно, а не сдуру пуститься в новую авантюру. Где шармом, а где нахрапом, то лестью, то тихой сапой, прищелкивая каблуками, расшаркиваясь сапогами, поддакивая аристократам, патриотам и бюрократам, везде лебезил без меры и втерся-таки в доверие к одному генералу, которому жить оставалось мало. Умирая, сей господин мне завещал титул и чин, и, значит, выпало мне войну объявить войне и гром побед заглушить, ради этого стоило жить, видно, при всем при том, не зря я вилял хвостом, я придумал, верьте не верьте, как войну избавить от смерти; когда я войско вел на Аккад, каждый из трехсот тысяч солдат умереть был рад, но я проиграл сражение века, не потеряв ни одного человека. Все живыми вернулись домой, ни один не пал как герой. Вот, палач, мудреца завет: лучше кровопролитных побед бескровное поражение.

Палач. Вот это достижение! Как тебе удалось? Ведь поражения влекут за собой большие потери.

Акки. Я не отдал приказ о наступлении.

Палач. Удивительно! Достойно восхищения!

Акки. Видишь, как можно воспользоваться самой жалкой профессией. Любое дело способно приносить добро.

Палач (*осторожно*). И ты считаешь, что в антикварной лавке я заработаю на суп с говядиной? Хоть бы раз в месяц попировать от души.

Акки. Суп с говядиной у тебя будет трижды в неделю, а по воскресеньям гусь.

Палач. Вот это да! Какой поворот событий!

Акки. Давай свой мундир, палач.

Палач. В этом чемоданчике. После тебя я должен был повесить географов и астрономов.

Акки. Повесить — значит отпустить.

Палач. Тебе будет недоставать поэтов. Сожалею.

Акки. Напротив. Я заранее радуюсь тишине царских палат. (*Он надевает плащ палача.*)

Первый поэт. Не надевай эту одежду.

Второй поэт. Не лишай себя чести.

Третий поэт. Не становись палачом.

Четвертый поэт. Как теперь мы будем воспевать тебя?

Акки. Ваша вечная беда в том, вавилонские поэты, что вы не чувствуете приближения опасности. Разве вы не видите, что надвигается большая беда? Курруби ищет своего нищего, а находит царя. Днем и ночью идут аресты, армия уже на марше, государство непогрешимо: за каждым из нас найдется какой-нибудь грешок. Хотите, расскажу вам свою последнюю, самую горькую макаму? Макаму об оружии слабых?

Первый поэт. Расскажи нам последнюю, самую горькую макаму!

Поэты. Пока ты не ушел, пока не исчез!

Второй поэт. Пока нас не погнали на государственную службу.

Акки. Хочешь выжить в этом мире — запомни, как дважды два четыре: ты мир сперва познай и вслепую не шагай по неведомой дороге, чтоб не протянуть ноги. От того, кто у власти, всякие напасти, не будь смешон и не лезь на рожон с голыми руками или держа в них только

камень, все равно не одолеть слабому сильного, только смех это вызовет у тех, кто жестоки и сильны и до зубов вооружены; подвиг слабого нелеп, беспомощен и слеп. А теперь послушайте нищего, которого преследовали, пытали и не раз на смерть обрекали. Власть имущие зверствуют все пуще, на твой дом и подругу норовят наложить руку, коли положат на них глаз, но то, что презирают, без внимания оставляют. Это умному наука, тут, видишь ли, вот какая штука: кто к чему-нибудь стремится, может жизнью расплатиться, шансы выжить у того, кто не имеет ничего. А теперь, приятель мой, послушай вывод мудрости земной: ходи по миру гол и бос — доживешь до седых волос. И запомни наперед: хитрость города берет. Бродягой по свету шляйся, пьянствуй и унижайся, прикинься поэтом или рабом — и тебя впустят в каждый дом. Сноси позор и обиду и не подавай виду, что умеешь любить, надеяться и грустить, не руби правду-матку сплеча, лучшие чувства спрячь под одеждой палача. (*Надевает на лицо маску и стоит в красном палаческом облачении.*)

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Говоря о тронном зале, в котором происходит третье действие, можно как о чем-то само собой разумеющемся сказать не только о роскоши, изысканности и отгороженности от остального мира, но и его дикой жестокости. Рядом с предметами высочайшей культуры можно увидеть весьма жуткие вещи, например измазанные кровью боевые штандарты царского войска. Огромная решетка разделяет сцену на две части — переднюю и заднюю; задняя часть теряется вдали, в глубине угадываются гигантские каменные статуи. К трону, стоящему слева у решетки, ведут ступени. На троне сидит Навуходоносор, поставив ноги на плечи Нимрода и зажав его голову между ног. Слева в решетке дверь, ведущая в заднюю часть сцены. В стенах слева и справа тоже есть двери. Справа вдоль оркестровой ямы стоят две табуретки.

Нимрод. Ну, царь Навуходоносор, что это с тобой? Почему ты уже несколько дней и ночей не спишь, сидя в своем дворце, почему топаешь ногами по моим плечам?

Навуходоносор. Я люблю Курруби.

Нимрод. Выходит, ты любишь девушку, которую обменял на подставку для ног.

Навуходоносор. Я велю тебя высечь.

Нимрод. Валяй! Все равно не сможешь терзать меня так, как я тебя терзаю.

Навуходоносор. Молчи, башка, застрявшая у меня между ног.

Нимрод. Молчу.

Пауза.

Навуходоносор. Говори! Говори!

Нимрод. Вот видишь, ты не выносишь даже моего молчания.

Навуходоносор. Расскажи о Курруби. Ты ее видел. Она дала тебе попить грязной воды из Евфрата.

Нимрод. Ты завидуешь мне?

Навуходоносор. Я завидую тебе.

Нимрод. Она была закрыта покрывалом. Но и под ним я увидел ее красоту, прежде чем ты узнал ее.

Навуходоносор. Ее красота озаряет Вавилон божественным светом, и даже в мой дворец долетают песни влюбленных.

Слышно, как снаружи громко читают стихи.

Паж.

Сотворена Всевышним
Она не для царя...

Нимрод. Слышишь? Даже паж сочиняет стихи.

Паж.

Кто нищеты не знает,
О ней мечтает зря.

Навуходоносор (*тихо*). Палач.

Слева выходит Акки в одеянии палача.

Акки. Ваше величество?

Навуходоносор. Казни пажа, сочиняющего стихи.

Паж.

Рыжебородый нищий
Смутил ее покой...

Акки. Разумно, ваше величество. Энергичные решения всегда к месту. (*Выходит направо.*)

Паж.

Она с ним рядом тает,
Как белый снег вес...

(Голос внезапно обрывается.)

Навуходоносор (*тихо*). Пусть умрут все, кто любит Курруби.

Нимрод. Тогда тебе придется истребить все человечество.

Навуходоносор. Я велю выжечь тебе глаза.

Нимрод. Выжги мои глаза, залей уши свинцом, заткни мне рот! Мои воспоминания тебе не вырвать из моего тела.

Навуходоносор. Архиминистр!

Архиминистр. Ваше величество?

Навуходоносор. Брось бывшего царя в самое глубокое из моих подземелий.

Архиминистр. Я законодатель. В законе написано, что ноги царя должны покоиться на плечах его предшественника. Падет закон, падет и царь.

Навуходоносор. Тогда измени закон.

Архиминистр. Невозможно. Иначе рухнут пятьсот тысяч параграфов вавилонского законодательства, логически вытекающих из закона о власти царя, и в стране воцарится хаос. (*Он удаляется.*)

Нимрод (*со смехом*). Мне он тоже всегда говорил об этом.

Навуходоносор. Но количество параграфов каждый раз вырастало. До бесконечности.

Нимрод. Как и количество канцелярий.

Навуходоносор. Мне остается только подставка для ног.

Нимрод. И твой сын, наследный принц.

Слева появляется щеголевато одетый идиот; ухмыляясь и прыгая через скакалку, он исчезает в глубине сцены справа. Навуходоносор закрывает лицо руками.

Навуходоносор. Твой сын.

Нимрод. Наш сын, наследник нашего могущества. Никому не известно, кто произвел его на свет. Мы оба пьяные пробирались тайком к его матери.

Навуходоносор. Мы связаны одной цепью, я и ты.

Нимрод. Навсегда, навсегда.

Навуходоносор. Вот уже многие тысячи лет.

Вместе. Сверху я, снизу ты, снизу я, сверху ты, и так без конца.

Пауза.

Навуходоносор. Палач!

Акки (*входит слева*). Ваше величество?

Навуходоносор. Подойди ближе.

Акки. Пожалуйста, ваше величество.

Навуходоносор. Ближе ко мне. Можешь снять свою маску.

Акки. Лучше не надо.

Навуходоносор. Я чувствую себя не в своей тарелке, если тебя нет рядом.

Акки. Не забывайте о том, что нас разделяет, ваше величество.

Навуходоносор. Ты самый низкооплачиваемый чиновник моего двора, а выполняешь самую трудную работу. Вот тебе чек на тысячу золотых.

Он вынимает чековую книжку. Акки протягивает ему карандаш, Навуходоносор подписывает чек.

Акки. Лишь бы он попал в хорошие руки.

Навуходоносор. Ты единственный в моем царстве, кто не притворяется, не выдает себя за другого.

Акки. Вы немного преувеличиваете, ваше величество.

Навуходоносор. Географы и астрономы уже наказаны?

Акки. Подземелья очищены от них.

Навуходоносор. С нищенством покончено?

Акки. Полностью.

Навуходоносор. А с Акки?

Акки. Даже вы не узнали бы его, окажись он перед вами.

Навуходоносор. Повешен?

Акки. Взлетел наверх.

Навуходоносор. Болтается туда-сюда под вечерним ветром?

Акки. Вращается в высоких кругах.

Навуходоносор. Впервые после Всемирного потопа чувствуется прогресс. Человечество принимает более четкие формы, движется навстречу гуманности. В социальной сфере мы навели порядок, теперь надо разобраться с интеллектуалами и выступить либо против поэтов, либо против богословов.

Акки (*вздрагивает*). Только не поэты. У нас всегда была такая тишина в подземельях, а теперь даже паж сочиняет стихи.

Навуходоносор. Ты его еще не казнил?

Акки. Согласно дворцовому церемониалу, казнь пажей производится в ночные часы. Давайте, ваше величество, примем меры против богословов. Они не так шумливы.

Навуходоносор. Мы решим этот вопрос после беседы с верховным теологом. Выполняй свой долг, готовь государственную виселицу.

Акки выходит.

Навуходоносор. **Утнапиштим!**

Справа входит верховный теолог Утнапиштим, почтенный старец.

Утнапиштим. Что ты хочешь от меня, царь Навуходоносор?

Навуходоносор. Плюнь в лицо голове, что зажата у меня между ног.

Утнапиштим. По закону, который ты сам же и утвердил, я освобожден от этой церемонии.

Навуходоносор. Тогда предай подставку под моими ногами вечному проклятию.

Утнапиштим. Мой долг — молиться во благо человечества.

Нимрод смеется. Навуходоносор берет себя в руки.

Навуходоносор. Можешь сесть.

Утнапиштим. Благодарствую.

Навуходоносор. Мне нужен совет.

Утнапиштим. Я слушаю.

Навуходоносор (*немного поколебавшись*). Ты был с нами в то злосчастное утро, когда на берегу Евфрата появился ангел.

Утнапиштим. Событие, способное сбить богослова с толку. Я отказывался верить в ангелов и написал несколько трактатов против этой веры; пришлось даже сжечь на костре двух профессоров теологии, разделявших эту веру. Мне казалось, Богу не нужны помощники. Он всемогущ. И вот меня почти что вынудили пересмотреть мои устоявшиеся взгляды на ангелов, а это не так просто, как кажется людям непосвященным, ибо на всемогущество Господа нельзя поднимать руку.

Навуходоносор. Я тебя не понимаю.

Утнапиштим. Не беспокойтесь, ваше величество. Мы, теологи, тоже почти никогда не понимаем друг друга.

Навуходоносор (*смущаясь*). Ты видел, как я пинал девушку ногами.

Утнапиштим. Это потрясло меня.

Навуходоносор (*с болью*). Я люблю эту девушку, Утнапиштим.

Утнапиштим. Мы все любим это дитя.

Навуходоносор. Весь город слагает о ней стихи.

Утнапиштим. Знаю, я тоже пытался воспеть ее в стихах.

Навуходоносор. И ты тоже? Самый старый из людей.

Пауза.

Я оскорблен небесами.

Утнапиштим. Ты ревнуешь только к самому себе, царь Навуходоносор.

Сзади, прыгая через скакалку, справа налево пересекает сцену идиот. Утнапиштим кланяется.

Навуходоносор (*смущенно*). Продолжай.

Утнапиштим. Если мы, о царь, хотим разобраться в тайнах мироздания, которые, не скрою, существуют, мы должны исходить из предположения, что небеса всегда правы.

Навуходоносор (*мрачно*). В моем конфликте с небесами ты встал на сторону небес. Очень жаль, но мне придется тебя казнить. Палач!

Слева входит Акки.

Акки (*радостно*). Значит, все-таки богословы, ваше величество. Прошу вас.

Утнапиштим (*с достоинством встает со своего места*). Как тебе будет угодно.

Навуходоносор (*испуганно*). Садись, дорогой Утнапиштим. Я не тороплюсь. Палач немного подождет. Продолжай.

Акки. Только не давайте себя разжалобить, ваше величество. С богословами надо быть построже. (*Выходит.*)

Утнапиштим (*холодно*). Ты, кажется, склонен думать, что обманул небеса, выдав себя в ту ночь за нищего. Это смешно. Ангела ты ввел в заблуждение, но пославшие его небеса точно знали, кому он передавал девушку. Тебе, царь Навуходоносор. По-другому и быть не могло, ибо Господь не только всемогущ, но и всеведущ, как я доказал.

Навуходоносор (*мрачно*). Девушка предназначена небесами ничтожнейшему из людей.

Утнапиштим. Никогда не следует воспринимать слова небес буквально, их надо понимать в самом общем смысле. Если смотреть с того громадного расстояния, с какого небеса взирают на нас, то все люди покажутся почти одинаково ничтожными. Бог хотел одарить тебя своей милостью, а ты по собственной глупости отверг его дар.

Навуходоносор (*немного помолчав, дружелюбно*). То, что я сказал о твоей казни, конечно, чепуха.

Утнапиштим. Благодарю тебя.

Навуходоносор. И вообще в моем царстве надо способствовать развитию богословия. Все остальные науки я велю запретить.

Утнапиштим. Как ни похвально твое усердие, но злоупотреблять им не следует.

Навуходоносор. В таком случае повесим только поэтов.

Утнапиштим. Мне очень жаль.

Навуходоносор. В совершенном государстве недопустимо распространять вымыслы. В своих стихах поэты рассказывают о несуществующих чувствах, публикуют вымышленные истории и фразы, лишенные смысла. Я думаю, богословие должно быть заинтересовано, чтобы истребить все это.

Утнапиштим. Совсем не обязательно.

Навуходоносор. Палач!

Акки (*входит слева*). Иду, тороплюсь. Государственная виселица для верховного теолога приготовлена.

Навуходоносор. Я повелеваю арестовать поэтов.

Акки (*испуганно*). Поэтов?

Навуходоносор. Их нужно истребить.

Акки. Тогда уж только эпиков. Они спокойнее других.

Навуходоносор. Лириков и драматургов тоже.

Расстроенный Акки выходит.

Навуходоносор. Тем самым конфликт между государством и церковью улажен.

Утнапиштим. Уже в который раз.

Навуходоносор. И ты полагаешь, мне следует жениться на девушке?

Утнапиштим. Удивляюсь, что ты до сих пор этого не сделал.

Архиминистр (*входя справа*). Ваше величество! Ангел на глазах у всех спустился с неба в городской парк, он ловит колибри и собирает кокосовые орехи, перепархивая с пальмы на пальму.

Входит, тоже справа, секретарь верховного богослова и что-то шепчет Утнапиштиму на ухо.

Утнапиштим (*радостно*). Мой секретарь сообщает, что число вступивших в лоно государственной веры превзошло наши самые смелые ожидания.

Секретарь разворачивает огромный свиток с подписями новообращенных.

Архиминистр. В политическом смысле явление внеземного создания оказывает не такое уж положительное влияние. Народ в восторге. Толпа прорвалась во двор резиденции и требует, чтобы ваше величество женились на Курруби. Девушку, увенчанную цветами, в паланкине банкира Энггиби несут сюда.

Утнапиштим. Мятеж?

Архиминистр. Стихийное восстание. Оно, правда, отличается консервативно-вавилонским характером, но все же вызывает некоторые опасения.

Навуходоносор и Нимрод (*одновременно*). Подавить!

Архиминистр. Нужно не подавлять восстание, а направить его к нужной нам цели.

Навуходоносор и Нимрод принимают позу мыслителей.

Навуходоносор и Нимрод (*одновременно*). Наш трон в опасности. Мы слушаем тебя, архиминистр.

Архиминистр. Ваши величества! Вавилонский трон, это возвышенное сооружение, берущее начало в седой древности, основанное нашим национальным героем Гильгамешем, это подлинное средоточие земли, к которому тянутся все народы...

Навуходоносор и Нимрод (*вместе*). Какая точная, какая остроумная формулировка!

Архиминистр....в ходе тысячелетий стало вызывать такое недоверие, что его повсюду рассматривают как позорное правление всех времен.

Навуходоносор и Нимрод (*вместе*). Как ты осмеливаешься говорить такое. Палач!

Слева входит Акки, но архиминистр движением руки отсылает его обратно.

Архиминистр. Ваши величества, вам незачем беспокоить палача. Речь идет не о моем личном мнении, а о констатации политического характера.

Навуходоносор и Нимрод (*вместе*). Продолжай.

Архиминистр. У вавилонян считается хорошим тоном придерживаться республиканских взглядов. Сборище возбужденного народа во дворе резиденции — только симптом. Надо действовать решительно, не то исчезнет царство.

Навуходоносор и Нимрод (*вместе*). Как исчезает с приходом весны снег в северных районах.

Утнапиштим. Что же делать, архиминистр?

Архиминистр. Надо немедленно сделать царицей девушку Курруби, красота которой покоряет даже меня, старика.

Утнапиштим. Постулаты религии и государственные интересы смыкаются самым тесным образом.

Архиминистр. Никогда еще заведомо гиблое дело не разрешалось столь удачно. Как политик, я восхищен. У нас появилась возможность метафизически закрепить то, что в политическом отношении было крайне неустойчивым. В Курруби, в небеса верят сегодня все. Если мы сделаем девушку нашей царицей, идея республиканизма исчезнет на несколько тысячелетий. Надо только подчиниться массам, и все будет в полном порядке. Можно надеяться, что вскоре у нас появится новый наследник престола. Хотя благодаря превосходной работе моих канцелярий даже не очень способный правитель вряд ли сможет принести много вреда, но с политической точки зрения это, разумеется, нежелательно.

Навуходоносор и Нимрод (*вместе*). Введите девушку.

Архиминистр и верховный богослов подают знак.
Протогенерал вводит через решетчатую дверь Курруби;
одежда на ней изорвана, она босиком. Слева входит Акки.

Архиминистр (*восторженно*). Вот она!

Навуходоносор и Нимрод закрывают лица золотыми масками.

Утнапиштим. Входи, дочь моя.

Архиминистр. Входи, дитя мое.

Утнапиштим и архиминистр выходят направо.

Навуходоносор и Нимрод (*вместе*). Добро пожаловать к нам.

Курруби (*останавливается в испуге*). Двойное существо.

Навуходоносор и Нимрод (*вместе*). Ты стоишь перед царем Вавилона.

Курруби (*видит переодетого палачом Акки*). Кто этот человек в красном?

Навуходоносор и Нимрод (*вместе*). Палач.

Слева на сцену выскакивает, пританцовывая, идиот.

Курруби (*испуганно*). Кто это?

Навуходоносор и Нимрод (*вместе*). Безобидное существо, иногда оно тут гуляет.

Курруби (*боязливо подходит ближе*). Ты самый могущественный из людей?

Навуходоносор и Нимрод (*вместе*). Самый могущественный.

Курруби. Чего ты от меня хочешь?

Навуходоносор и Нимрод (*вместе*). Вавилоняне желают, чтобы ты стала моей женой.

Курруби. Я не могу стать твоей женой.

Навуходоносор. Ты любишь?

Курруби. Я люблю.

Навуходоносор. Поэта?

Курруби. Поэтов я люблю за то, что они поэты.

Навуходоносор. Тебя видели со старым мошенником и сочинителем на улицах, а ночью под мостами.

Акки в ярости топает ногой.

Курруби. Нищего Акки я люблю, как любят отца.

Навуходоносор (*с облегчением*). А кого ты любишь любовью девушки?

Курруби. Нищего из Ниневии с труднопроизносимым именем, великий царь.

Навуходоносор делает знак, Акки исчезает.

Навуходоносор. Нищего из Ниневии?

Курруби (*обрадованно*). Ты его знаешь?

Навуходоносор. Забудь о нем. Он был печален, расстроен и одинок.

Курруби. Я не могу забыть его.

Навуходоносор. Он пропал. Его имени нет в списках моих канцелярий.

Курруби. Я ищу его.

Навуходоносор. Это был призрак, возникший в тумане над Евфратом.

Курруби. Я его видела.

Навуходоносор. Он мог тебе присниться.

Курруби. Я его поцеловала.

Навуходоносор. Ты любишь того, кого нет на свете.

Курруби. Он есть, потому что я его люблю.

Навуходоносор. Тогда уходи.

Курруби (*кланяясь*). Благодарю тебя, великий царь.

Навуходоносор и Нимрод снимают маски.

Курруби (*узнает сначала Нимрода*). Пленный, которому я дала напиться.

Нимрод. Да, это я.

Наконец она узнает Навуходоносора и вскрикивает.

Курруби. Нищий из Ниневии, которого я люблю.

Она смотрит на него, растерянная, бледная.
Навуходоносор спускается с трона и подходит к ней.

Навуходоносор. Нищего, которого ты ищешь, не существует. Это был ночной призрак, он растворился, превратился в ничто. Ты любила нищего, теперь же тебя любит царь. За пинки, полученные от меня, я дам тебе всю землю. Знатные люди империи будут склоняться перед тобой, я принесу небесам неисчислимые жертвы. (*Хочет подвести ее к трону.*)

Курруби (*словно пробудившись*). Ты не царь. Ангел отдал меня тебе, потому что ты нищий.

Навуходоносор. Я никогда не был нищим, я всегда был царем. В тот раз я только переоделся нищим.

Курруби. Это сейчас ты переоделся царем. На берегу Евфрата ты был человеком, которого я любила, а теперь ты призрак, которого я боюсь. Давай убежим!

Навуходоносор. Дорогая Курруби, мне надо править миром.

Нимрод (*злорадно*). Я буду им править!

Он пытается взобраться на трон, к нему
подскакивает Навуходоносор.

Навуходоносор. Прочь отсюда!

Навуходоносор снова заставляет Нимрода принять положение подставки для ног. Курруби приближается к дерущимся царям и обнимает Навуходоносора.

Курруби. Забудь об этом страшном сне. Ты не царь. Стань снова нищим, каким ты был всегда. Уйдем из этого каменного дома, из этого каменного города. Я буду просить для тебя милостыню, заботиться о тебе. Мы будем спать на земле, прижавшись друг к другу, под звездным небом.

Навуходоносор. Верховный богослов!

Из дверей справа появляется Утнапиштим.

Утнапиштим. Чего ты хочешь от меня?

Навуходоносор. Бывшему царю едва не удалось снова сесть на трон, а девушка требует, чтобы я стал нищим. Она не понимает, что я никогда не был нищим. В человеческих делах она неопытна. Общение с ангелами и особенно с поэтами вскружило ей голову. Поговори ты с ней.

Он с недовольным видом садится на трон. Верховный богослов отводит девушку в сторону, они садятся.

Утнапиштим (*сердечно*). Я вавилонский богослов, дитя мое.

Курруби (*радостно*). О, значит, ты думаешь о Боге?

Утнапиштим (*улыбаясь*). Я все время думаю о Боге.

Курруби. Ты хорошо его знаешь?

Утнапиштим (*с легкой скорбью*). Увы, не так хорошо, как ты, дитя мое, ты вблизи видела его лицо. Я всего лишь человек, а от людей Бог скрыт. Нам не дано видеть его, нам дано только искать его. Ты любишь царя, дитя мое?

Курруби. Я люблю нищего, которому отдал меня ангел.

Утнапиштим. Царь и этот нищий — одно и то же лицо. Следовательно, ты любишь царя.

Курруби (*опускает голову*). Я могу любить только нищего.

Утнапиштим (*улыбаясь*). Значит, ты хочешь, чтобы царь стал нищим?

Курруби. Я не хочу ослушаться ангела.

Утнапиштим. Который отдал тебя нищему, а нищий оказался царем. Ты в замешательстве, я понимаю. Не знаешь, стать ли тебе царицей или царю стать нищим. Разве не так, дочь моя?

Курруби. Так, ваше преподобие.

Утнапиштим. В дни моей молодости, когда начался Всемирный потоп, я был убежден, что небеса, выражаясь нашим странным языком богословия, предъявляют нам, людям, абсолютные требования, но чем старше я становлюсь, тем яснее понимаю, что это не совсем верная точка зрения. Небеса требуют от нас прежде всего возможного. Они знают, что нас нельзя одним махом сделать совершенными существами, так нас можно только погубить. Поэтому небеса любят нас при всем нашем несовершенстве. Они терпеливы с нами и удовлетворяются тем, что снова и снова наставляют нас на путь истинный, как отец наставляет маленького сына, чтобы таким образом воспитать нас в течение тысячелетий.

Курруби. Да, ваше преподобие.

Утнапиштим. Поэтому мы совершаем ошибку, когда видим в небесах слишком строгую инстанцию, которая предъявляет нам чрезмерные требования; такие требования вносят в наши души смятение и оборачиваются бедами. Ты понимаешь меня, дитя мое?

Курруби. Ты добр ко мне, преподобный отец.

В решетчатых дверях появляется архиминистр.

Архиминистр. Можно поздравить?

Навуходоносор. Мы как раз уговариваем ее.

Архиминистр исчезает. Утнапиштим подает Навуходоносору знак,тот встает с трона и подходит к богослову и Курруби, которые встают.

Утнапиштим. Точно так же обстоит дело с тобой и царем. Понимая волю небес слишком буквально и требуя, чтобы царь стал нищим, потому что ангел отдал тебя нищему, ты нарушаешь человеческие порядки. Людям хочется, чтобы небеса одаривали своей милостью их царей, а не их нищих, им хочется видеть тебя царицей, а не жалкой нищенкой в лохмотьях. Только будучи царицей, ты сможешь помогать людям, дитя мое, а они нуждаются в твоей помощи. Ты будешь наставлять царя на истинный путь, благо-

даря тебе он будет творить добрые дела. Выходи за него, и молитвы о мире и справедливости будут услышаны.

Он хочет соединить их руки, но в этот момент врывается архиминистр.

Архиминистр. Пора действовать! В колоссальную статую его величества со сменяемой головой толпа швыряет камни!

Утнапиштим. А как моя статуя?

Архиминистр. Украшена розами и невредима.

Утнапиштим. Слава Богу, они все еще в лоне нашей церкви.

Тем временем трон занимает Нимрод.

Нимрод. Должна немедленно выступить армия.

Архиминистр. Но как? Она отправилась в поход на селения по ту сторону Ливана. Осталось только пятьдесят солдат дворцовой стражи.

Утнапиштим. Вавилон погибнет от бесконечных завоевательных походов!

Навуходоносор занимает место Нимрода.

Навуходоносор (*жалобно*). Не успел стать царем, как снова превратился в подставку для ног. Так быстро ситуация еще никогда не менялась. Мы все катимся в пропасть.

Архиминистр. Вы слегка преувеличиваете, ваше величество. Люди вроде нас всегда найдут способ оказаться наверху.

Нимрод и Навуходоносор (*вместе*). Что же делать, архиминистр?

Архиминистр. Ваши величества, прежде всего нужно выяснить причину бунта.

Нимрод и Навуходоносор (*вместе*). Выясни, архиминистр.

Архиминистр. Разве только желание видеть Курруби царицей приводит вавилонян в бешенство? Крики толпы вроде бы подтверждают это, но у опытного политика иной взгляд на вещи. Причина мятежа в другом: авторитет государства разрушает явление ангела.

Утнапиштим. Я протестую. Вклад в богословие высказываний ангела, которые я собрал, может быть вы-

яснен только после тщательного анализа, но с точки зрения государства они безвредны, в них нет ничего крамольного.

Архиминистр. Его высокопреосвященство не так меня понял. Моя критика направлена не против ангела, а против его появления. Это же просто яд. Сейчас, к примеру, он парит над висячими садами и окунает голову в море. Я спрашиваю: разве можно так себя вести? Государство, здоровый авторитет возможны только тогда, когда земля остается землей, а небеса небесами. Земля — это реальность, которую создают политики, а небеса — высокая теория богословов, она касается только их, и никого другого. Если же небеса становятся реальностью, как случилось с появлением ангела, порядок на земле рушится, ибо перед лицом воочию представших небес государство поневоле превращается в фарс, и вот перед нами результат этой космической неразберихи: восставший против нас народ. А почему? Только потому, что откладывается женитьба. Стоило ангелу немного полетать над нами — и уважение к нам исчезло.

Нимрод и Навуходоносор (*вместе*). Нам это понятно.

Архиминистр. Поэтому лучше всего объявить, что никакого ангела нет.

Всеобщее замешательство.

Утнапиштим. Это невозможно. Его все видели.

Архиминистр. Мы объявим, что это был придворный артист Уршанаби.

Навуходоносор. Ты противоречишь сам себе. Еще недавно ты приветствовал появление ангела.

Нимрод. Ты хотел укрепить метафизические основы нашей власти и искоренить республиканские идеи.

Архиминистр (*кланяясь*). Чем чаще политик противоречит самому себе, тем он значительнее.

Утнапиштим. Мне, как богослову, ангел тоже совсем некстати, но его появлению церковь обязана своим обновлением.

Архиминистр. За разрыв с церковью надо наказывать смертной казнью.

Утнапиштим. Я не прочь пожертвовать частью атеистов, но взамен хочу половину государственных доходов.

Архиминистр. Невозможно, ваше высокопреосвященство.

Утнапиштим. Тогда я отказываюсь объявлять, что ангела будто бы не было.

Архиминистр. Мятеж грозит нам всем.

Утнапиштим. Но не мне, архиминистр. Народ выступает против монархии, а не против церкви. В настоящее время я самый популярный политик в Вавилоне. Половину доходов — или я создаю государство, в котором власть будет принадлежать церкви.

Архиминистр. Треть.

Утнапиштим. Половину.

Архиминистр. Но тогда я требую, чтобы вы энергично опровергли появление ангела, ваше высокопреосвященство.

Утнапиштим. Об этом будет возвещено со всех амвонов.

Навуходоносор (*все еще колеблясь*). Но я же хотел примириться с небесами.

Утнапиштим. Примиритесь, ваше величество. Это можно сделать и в частном порядке. Нужно жениться. На небесах ценят счастливые семьи.

Архиминистр. Я и теперь не имею ничего против примирения, если оно произойдет в частном порядке, но в будущем явление ангелов следует готовить тщательнее.

Нимрод и Навуходоносор (*вместе*). Нам надо еще прийти к единому мнению относительно происхождения Курруби.

Архиминистр. Мы объявим ее внебрачной дочерью герцога Ламашского.

Нимрод и Навуходоносор (*вместе*). Немедленно приготовь соответствующие документы.

Архиминистр (*достает пергамент*). Документы уже составлены в моих канцеляриях.

Нимрод и Навуходоносор (*вместе*). Немедленно совершить официальный акт.

В решетчатых дверях появляется протогенерал, мундир на нем изодран в клочья.

Протогенерал. Мы разбиты. Стража перешла на сторону народа. Ворота разбивают тараном.

Слышны удары тарана.

Нимрод. Мы пропали.

Он в панике покидает трон, но архиминистр и верховный богослов задерживают его.

Архиминистр и Утнапиштим (*вместе*). Успокойтесь, ваше величество, возьмите себя в руки. Пока мы еще в состоянии вершить государственные дела, не все пропало.

Они подводят Нимрода, как ребенка, к трону, но на троне уже сидит Навуходоносор.

Навуходоносор (*радостно*). Я снова наверху.

Архиминистр (*торжественно, обращаясь к Курруби*). Дитя мое, чтобы почтить тебя и выразить тебе свою любовь, его величество провозглашает тебя внебрачной дочерью герцога Ламашского, дочерью не очень удачливого, но высокочтимого политика, скончавшегося в прошлом году. Он оставил тебя в корзине на берегу Евфрата при обстоятельствах, которые еще предстоит выяснить нашим историкам. Этим объясняется и твоя нынешняя нищета. Документ официальный, усомниться в твоем происхождении никто не смеет. Мы просим тебя подтвердить это народу.

Курруби (*в ужасе*). Объяснить людям?

Архиминистр. Это простая формальность. Мы сейчас же, в сопровождении десяти горнистов, идем на балкон.

Курруби. Я должна отречься от того, что создана Богом?

Утнапиштим. Разумеется, нет, дочь моя.

Курруби. От того, что ангел принес меня на землю?

Утнапиштим. Да нет же, доченька. Мы знаем, откуда ты явилась, и рады, что увидели это чудо. Никто из нас не требует, чтобы ты навсегда забыла об этом. Напротив. Храни эту тайну в своем сердце, как я храню ее. Это священная истина. От тебя мы требуем только одного — объяснить это чудо людям, которые все необыкновенное рассматривают как сенсацию.

Курруби. Ты сказал, преподобный отец, что всегда думаешь о Боге. Ты не можешь допустить такого.

Утнапиштим (*с болью*). Так будет лучше, дочь моя.

Курруби. Значит, ты тоже согласен с архиминистром?

Утнапиштим. Да нет же, дочь моя. Но мой долг не дать небесам навредить себе же. Головы вавилонян забиты суевериями о многоруких призраках и крылатых богах, церкви с большим трудом удается держать людей в повиновении, проповедуя единобожие. Явление ангела внесло бы сумятицу, породило бы ложные представления.

Курруби (*к Навуходоносору*). Ты слышишь, возлюбленный мой, что от меня требуют?

Навуходоносор и Нимрод (*вместе*). Мы должны это требовать.

Курруби. И мне надо предать небеса, откуда я спустилась на землю, по воле которых мы любим друг друга?

Навуходоносор и Нимрод (*вместе*). Так складываются обстоятельства.

Курруби. Ты не хочешь бежать со мной?

Навуходоносор и Нимрод (*вместе*). Мы не должны терять рассудок.

Молчание. Снаружи все громче доносятся удары тарана.

Курруби. Тогда отпусти меня, вавилонский царь.

Удивление.

Навуходоносор. Но почему?

Утнапиштим. Я не понимаю тебя, доченька.

Архиминистр. Ведь все складывается хорошо, дитя мое.

Курруби. Я ухожу искать нищего, которого люблю.

Навуходоносор. Я был этим нищим.

Курруби. Ты лжешь.

Утнапиштим, архиминистри протогенерал (*вместе*). Мы это подтверждаем. Мы это подтверждаем.

Курруби. Вы никогда не говорите правду. Отреклись даже от ангела. Отпустите меня. Я хочу найти возлюбленного, которого потеряла.

Навуходоносор в отчаянии спускается с трона.

Навуходоносор. Твой возлюбленный — я.

Курруби. Я не знаю тебя.

Навуходоносор. Я Навуходоносор, царь.

Нимрод. Ты Навуходоносор, бывший царь.

Он хочет взобраться на трон, но Навуходоносор кидается к нему и сталкивает вниз.

Курруби. Я не знаю, кто ты. Ты принял облик моего возлюбленного, но ты не мой возлюбленный. Ты то царь, то подставка для ног. Нищий, которого я ищу, настоящий, а ты одна видимость. Его я поцеловала, а тебя не могу. Он пинал меня ногами, ты же не можешь этого сделать, ибо не осмеливаешься отойти от своего трона, боясь потерять его. Твоя сила — бессилие, твое богатство — нищета, ты любишь не меня, а себя самого. Ты вроде есть, но тебя нет. Отпусти меня, царь вавилонский, я уйду из твоего города.

Навуходоносор снова уселся на троне.

Навуходоносор. Ты видела фундамент моего могущества — наследника. Он тут прыгал через веревочку. Мое царство унаследует идиот. Без твоей любви я пропал. Я не могу прикоснуться к другой женщине.

Курруби. Я люблю нищего и предам его, если не уйду от тебя.

Архиминистр. Конфуз, полный конфуз! А все оттого, что девушек стали создавать просто из ничего.

Навуходоносор (*спокойно*). Впустите народ.

Протогенерал. Ваше величество...

Навуходоносор. Пусть войдет народ.

Протогенерал уходит в глубь сцены.

Утнапиштим. Это конец династии.

Архиминистр. К счастью, у меня уже готова республиканская конституция.

Оба отступают к левой стене. Пространство за решеткой постепенно заполняется народом. Там оба рабочих, Гиммил, полицейский, ставший революционером, банкир, виноторговец Али, жены рабочих, гетера, другие люди, солдаты, все вооружены камнями, дубинками и кольями. Они медленно продвигаются вперед, глядя на Курруби и неподвижно сидящего Навуходоносора.

Навуходоносор. Вы ворвались в мой дворец. Тараном разбили ворота. Зачем?

Смущенное молчание.

Первый рабочий. Мы пришли...

Второй рабочий. Девушка...

Вперед выходит банкир Энггиби.

Энггиби. Ваше величество, произошли такие чудеса, что мы решили явиться к тебе, не испросив разрешения у инстанций, окружающих трон.

Смех в толпе.

Голос. Браво, банкир.

Энггиби. Ангел пришел в Вавилон. Он привел с собой девушку, жениться на которой его величество, видимо, никак не решится.

Голос. Отлично. Всыпь ему.

Энггиби. То, что мы, вооружившись, стоим в этом зале, что дворцовая стража перешла на нашу сторону, что народ взял власть в свои руки, вовсе не означает, что мы принуждаем его величество к женитьбе. Мы хотим видеть девушку царицей, но совсем не обязательно его величество — царем.

Смех. Бурные аплодисменты.

Навуходоносор (*спокойно*). Я был готов жениться на ней. Но она меня отвергла.

Толпа орет и свистит. Громкий хохот.

Первый рабочий. Долой царя!

Второй рабочий. На фонарь его!

Нимрод (*торжествующе*). Посадите меня на его место. Я построю государство подлинной социальной справедливости.

Первый рабочий. Знаем мы ваши государства подлинной социальной справедливости!

Гиммил. Они служат только обогащению царей и чиновников!

Нимрод. Я заново завоюю землю! Взываю к вавилонскому национальному чувству: раз есть селения за Ливаном, то есть они и за морями.

Второй рабочий. Оба они — кровавые собаки.

Жена первого рабочего. Они сожрали наших детей.

Первый рабочий. Не нужны нам новые завоевания!

Молчание. Все напряженно глядят на Навуходоносора, который неподвижно сидит на троне.

Навуходоносор. Я отпускаю девушку. Она принадлежит тому, кто ее больше всего любит.

Мужчины (*перебивая друг друга*). Мне! Мне! Я ее люблю! Я люблю сильнее всех!

Энггиби. Девушка принадлежит мне. Только у меня есть финансовые возможности содержать ее так, как подобает ее происхождению.

Навуходоносор. Ты ошибаешься, банкир. Девушка любит нищего, чье имя она забыла, которого потеряла на берегу Евфрата. Она потребовала от меня, чтобы я стал этим нищим. Того же она потребует и от тебя.

Банкир отступает с разочарованным видом.

Навуходоносор. Ты не хочешь ее? Не хочешь отказаться от своих миллионов? Боишься стать ничтожнейшим из ничтожных? Кто из вас тот нищий, которого ищет девушка? Кто отдаст все, чтобы стать возлюбленным, которого больше не существует? Продавец молока? Полицейский? Солдат? Рабочий? Выходи.

Молчание.

Навуходоносор. Молчите? Отвергаете милость небес?

Молчание.

Навуходоносор. Может, девушку возьмет эта красивая дама?

Табтум. В мой бордель? Эту девицу? У меня приличное заведение, ваше величество.

Навуходоносор. Никто не хочет взять небесное дитя?

Молчание.

Первый рабочий. Пусть достанется нищему Акки.

Навуходоносор. Нищий Акки мертв.

Курруби испуганно поднимает голову.

Второй рабочий. Давайте предложим ее поэтам.

Толпа. Поэтам! Поэтам!

Навуходоносор. Давайте их сюда.

Слева появляются поэты.

Первый поэт. Ваше величество, мы только что совместными усилиями сочинили оду в поддержку государства.

Поэты. Мы не участвуем в этом мятеже.

Навуходоносор. Кто из вас хочет получить девушку?

Первый поэт. Она слишком анархична для поэта с чувством ответственности перед государством.

Поэты. Она подстрекает народ.

Жена первого рабочего. Отдай ее палачу!

Толпа. Палачу!

Навуходоносор. Палачу!

Он делает знак. Слева входит Акки.

Девушка твоя.

Курруби (*к толпе*). Помогите!

Толпа отворачивается. Курруби обращается к Утнапиштиму.

Возьми меня к себе, преподобный отец.

Верховный богослов отворачивается.

О, поэты, вы любили меня.

Поэты отворачиваются.

(*В отчаянии, к толпе.*) Помогите! Спасите меня!

Внезапно над троном Навуходоносора появляется ангел, еще более причудливо увешанный всякой всячиной, чем во втором действии. К подсолнухам, сосулькам и прочему теперь добавились кораллы, морские звезды, каракатицы, ракушки и моллюски. На заднем плане вспыхивает гигантская туманность Андромеды; она исчезает, когда ангел улетает.

Ангел. Курруби! Дитя мое Курруби!

Все. Ангел!

Ангел. Не пугайся, дитя мое. Должно быть, я выгляжу довольно странно. Я только что вынырнул из моря, с меня еще свисают водоросли и стекает вода.

Курруби. Спаси меня, ангел!

Ангел.

В последний раз являюсь я тебе,
В последний раз любуюсь я землей,
Которую исследовал сполна.

Курруби. Ты появился очень кстати, ангел, очень кстати! Возьми меня с собой!

Ангел.

Я здесь увидел множество чудес,
Неведомых в пустынных далях звездных.
Ни синий Сириус, ни Вега белая, ни Цесеиды,
Неистовствующие в черной тьме Вселенной, —
Как ни чудовищны все эти исполины,
Что как гигантские кузнечные меха
Снопы огня в пространство изрыгают, —
Не могут с этим шариком сравниться,
Что кружится вкруг солнца своего,
В эфир прозрачно-синий погруженный,
Луна в пути его сопровождает,
А он сверкает серебром морей
И зеленью широких континентов.

Курруби. Отнеси меня обратно, ангел, к себе на небеса, к лику всемогущего Создателя. Расправь свои крылья! Я не хочу умереть на этой земле! Я боюсь. Все от меня отвернулись.

Ангел.

И вот я исчезаю, улетаю,
Нагруженный волшебными камнями,
Увешанный чудесными дарами —
Мхом, каракатицами, звездами морскими,
Под звонкий щебет маленьких колибри,
Держа в руках подсолнухи и мальвы,
Сосульки и колосья спелой ржи.
В моих кудрях застряли ветви терна,
Моллюски, перья, ракушки, кораллы,
Песком истерты ноги, и роса
Осыпалась на платье. Словно пьяный,
Под грузом удивительным шатаясь,
С трудом великим напрягая крылья,
Я улетаю навсегда, тебя,
Счастливую, землянам оставляя.
Я исчезаю средь своих светил,
Вдали, в пыли молочной Андромеды,
В мерцании Антареса неясном.

Курруби (*в отчаянии*). Забери меня с этой земли, мой ангел, возьми меня с собой!

Ангел. Прощай, Курруби, дитя мое, прощай навсегда. (*Исчезая.*) Прощай навсегда!

Навуходоносор. Ангел улетел. Растворился среди равнодушных звезд. Ты осталась одна. Небеса отвернулись от тебя, люди оттолкнули.

Курруби (*окончательно сломленная, тихо*). Мой ангел, возьми меня к себе, возьми меня к себе, мой ангел.

Молчание.

Навуходоносор. Иди с девушкой в пустыню, палач. Умертви ее. Зарой в песок.

Акки уносит Курруби, пробираясь сквозь молчащую толпу.

Навуходоносор (*печально*). Я жаждал совершенства. Я ввел новый порядок. Я старался искоренить бедность. Я хотел утвердить разум. Небеса не заметили моих трудов.

В глубине сцены появляется протогенерал, окруженный солдатами.

Протогенерал. Твое войско вернулось, царь Навуходоносор. Дворец окружен, народ в твоей власти...

Толпа падает на колени.

Все. Смилуйся, великий царь! Смилуйся!

Навуходоносор. Я предал девушку, чтобы сохранить свою власть, министр предал ее ради сохранения государства, священнослужитель — в угоду богословию, вы же предали во имя спасения своей собственности. Теперь моя власть оказалась выше вашего богословия, вашей государственной политики, вашей собственности. Отведите народ в тюрьму, свяжите богослова и министра. Я выкую из их тел оружие, которым отомщу за свой позор. Смелее же! Неужто небеса так высоко, что до них не доходят мои проклятия? Так далеко, что недоступны моей ненависти? Неужто они могущественнее моей воли? Возвышеннее моего духа? Упорнее моего мужества? Я загоню человечество в загон для скота и в самом центре воздвигну башню, которая вознесется выше облаков, измерит бесконечность и поразит моего врага в самое сердце. Я хочу противопоставить творению из ничего творение человеческого духа и посмотреть, что лучше: моя справедливость или несправедливость небес.

Справа вбегает палач в парадном костюме.

Палач. Моя антикварная лавка! Я не могу найти свою лавку!

По сцене, ухмыляясь, скачет через веревочку идиот. Навуходоносор в бессильной ярости и бессильной скорби закрывает лицо руками.

Навуходоносор. Нет. Нет.

Затемнение. Кулисы поднимаются вверх. Смутно видна бесконечная, исчезающая вдали пустыня, по которой бегут Акки и Курруби.

Акки. Вперед, дитя мое, вперед! Навстречу песчаной буре, которая завывает все громче и рвет на мне палаческий плащ.

Курруби. Я люблю нищего, которого больше не существует.

Акки. А я люблю землю, которая все еще существует, землю нищих, неповторимо прекрасную и столь же опасную, пеструю и дикую, с возможностями великими, землю, которую я знаю и каждый раз заново открываю, в ее красоту влюбленный, властями гонимый, но непобедимый. Вперед же, девочка, вперед, дитя мое, к смерти приговоренная, но чудом спасенная и мною вновь обретенная, бежим отсюда. И пусть Вавилон, закованный в сталь и бетон, башню все выше вздымает: он свой конец приближает; а там, перед нами, за сыпучими песками, которые мы пересекаем, спасшись от всадников, от их стрел и мечей, пряча лица от солнечных лучей, преодолевая барханы, там, вдали, лежат новые страны, из темноты выступая, в море света утопая, полные новых опасностей, новых ожиданий и новых песен!

Они бредут дальше, и можно предположить, что за ними, сгибаясь под порывами ветра, плетутся несколько опальных поэтов.

Визит старой дамы

Der Besuch der alten Dame

Действующие лица

Посетители:

Клара Цаханассьян — урожденная Вешер, мультимиллионерша
Седьмой муж
Восьмой муж
Девятый муж
Дворецкий
Тоби, Роби } громилы, жующие резинку
Коби, Лоби } слепцы

Те, кого посещают:

Илл
Его жена
Дочь
Сын
Бургомистр
Священник
Учитель
Врач
Полицейский
Первый, Второй, Третий, Четвертый } жители Гюллена
Художник
Первая женщина
Вторая женщина
Луиза

Остальные:

Начальник станции
Начальник поезда
Кондуктор
Судебный исполнитель

Непрошеные гости:

Первый газетчик
Второй газетчик
Радиокомментатор
Кинооператор
Фотокорреспондент

Действие происходит в захолустном городке Гюллене.

Время действия: наши дни.

Антракт после второго действия.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Сначала слышен удар вокзального колокола, затем подымается занавес и открывается дощечка с надписью: «Гюллен». Это название заштатного, обнищавшего городка, очертания которого едва различимы в глубине. Вокзал также пришел в запустение — на стене ободранное расписание, за дверью с надписью: «Вход воспрещен» — ржавый селектор. Посреди сцены — убогая привокзальная улочка, отгороженная или не отгороженная от перрона. Но и улочка и перспектива городка в глубине только едва-едва намечены. Слева маленький домишко без окон, под черепичной крышей; его стены оклеены вылинявшими плакатами. Слева надпись — «Женская», справа — «Мужская». Все это освещено еще ярким осенним солнцем. Между женской и мужской уборными скамья, на которой сидят четверо мужчин. Пятый в столь же потрепанном костюме, как и остальные, выводит красной краской на большом полотнище: «Добро пожаловать, Клерхен». Нарастает шум проносящегося мимо экспресса. Начальник станции поднимает флажок, пропуская состав. Сидящие на скамье поворачивают головы слева направо, провожая поезд.

Первый. Экспресс «Гудрун», Гамбург—Неаполь.

Второй. А в одиннадцать двадцать семь пройдет «Неистовый Роланд», Венеция—Стокгольм.

Третий. Вот и осталось в жизни — смотреть, как проносятся поезда.

Четвертый. А пять лет назад и «Гудрун» и «Неистовый Роланд» останавливались в Гюллене. И «Дипломат», и «Лорелея»... В Гюллене останавливались все знаменитые поезда.

Первый. Поезда мирового значения!

Второй. А теперь и почтовые проходят мимо. Останавливаются только два: из Каффигена и тот, что приходит в час тринадцать из Кальберштадта.

Третий. Да, все пошло прахом.

Четвертый. Вот и фирма Вагнера лопнула.

Первый. Бокман обанкротился.

Второй. И фирма «Место под солнцем» тоже на замке.

Третий. Что нам осталось? Пособие по безработице.

Четвертый. И тарелка бесплатной похлебки.
Первый. Разве это жизнь?!
Второй. В чем душа держится...
Третий. Одной ногой в гробу.
Четвертый. Как и весь наш город.

Удар колокола.

Второй. В самый раз приехать миллиардерше. Слыхали, она построила в Кальберштадте госпиталь.

Третий. Да-да, а в Каффигене — ясли. В столице отгрохала собор.

Художник. И мазиле Цимту заказала портрет. Да разве он художник-натуралист!

Первый. Что ей стоит при ее-то деньгах. Имея всю араратскую нефть, железные дороги Запада, радиостанции Севера и все притоны Гонконга.

Шум приближающегося поезда. Начальник станции поднимает флажок, пропуская его. Четверо на скамейке провожают взглядом уходящий поезд.

Четвертый. Экспресс «Дипломат».
Третий. Да, когда-то мы были культурным городом.
Второй. Одним из лучших в стране.
Первый. Европе!
Четвертый. Гёте провел здесь целую ночь. В гостинице «Золотой апостол».
Третий. Брамс создал у нас свой квартет.

Удар колокола.

Второй. Бертольд Шварц изобрел порох!
Художник. А я с блеском окончил Школу изящных искусств в Париже. Для чего? Чтобы малевать здесь вывески?!

Шум приближающегося поезда. Слева появляется кондуктор, по-видимому, он соскочил с подножки вагона.

Кондуктор (*объявляет протяжно*). Гюллен!
Первый. Пассажирский из Каффигена.

Пассажир проходит мимо сидящих на скамейке и скрывается за дверью с надписью: «Мужская».

Второй. Судебный исполнитель.
Третий. Явился описывать мебель в ратуше.
Четвертый. Политически нам тоже теперь грош цена.

Начальник станции (*поднимая флажок*). Отправление!

Из городка появляются бургомистр, учитель, священник и Илл — мужчина лет шестидесяти пяти. У всех потрепанный вид.

Бургомистр. Высокая гостья прибудет в час тринадцать почтовым из Кальберштадта.

Учитель. В ее честь выступит смешанный хор и детский ансамбль.

Священник. Ударит пожарный колокол. Его еще не заложили.

Бургомистр. На базарной площади в честь миллиардерши будет играть духовой оркестр, а спортсмены построятся в пирамиду. Потом в «Золотом апостоле» будет дан завтрак. Увы! На иллюминацию собора и ратуши нету денег...

Судебный исполнитель выходит из домика.

Судебный исполнитель. Добрый день, господин бургомистр, сердечный привет!

Бургомистр. Судебный исполнитель Глютц? А вы-то здесь зачем?

Судебный исполнитель. Уж кто-кто, а вы, господин бургомистр, это знаете. Мне предстоит огромная работа. Шутка ли — описать имущество целого города!

Бургомистр. У города не осталось никакого имущества, кроме старой пишущей машинки.

Судебный исполнитель. А вы забыли, господин бургомистр, музей города Гюллена?

Бургомистр. Три года, как продан в Америку. Городская касса пуста. Налогов никто не платит.

Судебный исполнитель. Это надо выяснить. Страна благоденствует, а Гюллен с его «Местом под солнцем» пошел по миру.

Бургомистр. Это какая-то экономическая загадка!

Первый. Масонский заговор.

Второй. Жидо-масонский!

Третий. Происки акул капитализма.

Четвертый. Сюда протянули свои щупальца коммунисты.

Удар колокола.

Судебный исполнитель. Уж я-то что-нибудь выищу. Все вижу насквозь. Пойду проверю городскую кассу. (*Уходит.*)

Бургомистр. Пусть лучше грабит сейчас, чем после приезда миллиардерши.

Художник закончил писать плакат.

Илл. Это уж чересчур, бургомистр. Слишком фамильярно. Надо было написать: «Добро пожаловать, Клара Цаханассьян».

Первый. Но мы всегда звали ее Клерхен.

Второй. Клерхен Вешер.

Третий. Она здесь выросла.

Четвертый. Отец ее здесь строил.

Художник. Я напишу на обороте: «Добро пожаловать, Клара Цаханассьян». А когда она пустит слезу, мы повернем плакат лицом.

Второй. Курьерский «Биржевик», Цюрих—Гамбург.

Еще один экспресс проносится
справа налево.

Третий. Минута в минуту. Можно проверять часы.

Четвертый. Валяйте! Только у кого из нас остались часы?

Бургомистр. Господа, миллионерша — наша последняя надежда.

Священник. Не считая Господа Бога.

Бургомистр. Да, не считая Господа Бога.

Учитель. Но Бог денег не платит.

Бургомистр. Вы были ее близким другом, Илл, все теперь зависит от вас.

Священник. У вас, кажется, тогда произошел разрыв? До меня дошли какие-то слухи... Вы не хотите ничего рассказать своему духовному пастырю?

Илл. Да уж, когда-то мы с ней были в дружбе... Ближе некуда! Молодые, горячие... Я был парнем хоть куда сорок пять лет назад. А она, Клара, так и вижу ее, выходит ко мне навстречу из темного сарая или бежит босая по мху и листве в Конрадовом лесу, рыжие волосы, а сама гибкая, стройная как тростинка, нежная... дьявольски хороша была, прямо колдунья! Жизнь нас разлучила, только жизнь, так это всегда и бывает.

Бургомистр. Для моего маленького спича в «Золотом апостоле» нужны кое-какие детали о госпоже Цаханассьян. (*Вытаскивает из кармана блокнот.*)

Учитель. Я разыскал старые классные журналы, но, боюсь, они нам не помогут. Отметки у Клары Вешер были, увы, плохие. И по поведению тоже. Только ботаникой и зоологией она занималась сносно.

Бургомистр (*помечая в блокноте*). Прекрасно! Успехи по ботанике и зоологии. Прекрасно!

Илл. Тут я могу быть вам полезен. Клара всегда стояла за справедливость. До конца. Как-то раз полиция схватила одного оборванца, и Клара стала кидать в полицейских камнями.

Бургомистр. Ага, жажда справедливости. Неплохо. Это производит впечатление. Но историю с полицейскими лучше не вспоминать.

Илл. И сердце у нее было доброе. Последнюю рубашку, бывало, отдаст. Картошку крала, чтобы накормить бедную вдову.

Бургомистр. Любовь к ближнему, господа, необходимо упомянуть. Это — самое главное. А не вспомните ли вы какое-нибудь здание, которое строил ее отец? Это очень украсило бы мою речь.

Все. Кто это упомнит?

Бургомистр (*пряча блокнот в карман*). Ну вот. Я, пожалуй, готов. А остальное — дело Илла.

Илл. Ясно. Мы уж постараемся, чтобы Цаханассьян растрясла тут свои миллиончики.

Бургомистр. Да, миллионы — вот то, что нам до зарезу надо.

Учитель. Одними яслями она от нас не отделается.

Бургомистр. Дорогой Илл, вы у нас в Гюллене самое популярное лицо. Весной кончается срок моего избрания, и я уже договорился с оппозицией. Вы — тот человек, кого наш город хотел бы видеть своим будущим главой, моим преемником.

Илл. Помилуйте, господин бургомистр...

Учитель. Я могу это подтвердить...

Илл. К делу, господа! Прежде всего я хочу рассказать Кларе о нашем бедственном положении.

Священник. Только поосторожнее, поделикатнее...

Илл. Надо действовать с умом, учитывать психологию. Неудачная встреча, и все пойдет насмарку. Ни духовой оркестр, ни хор не помогут!

Бургомистр. Илл прав. Все это очень важно. Госпожа Цаханассьян вступает на родную землю, так сказать, под отчий кров. Она растрогана и сквозь слезы узнает старых, верных друзей. Я, конечно, буду ее встречать не в таком затрапезном виде, а в парадном черном костюме, в цилиндре, под руку с женой, а вперед выйдут обе мои внучки в белом, с розами в руках. Боже мой, только бы нигде не заело!

Удар колокола.

Первый. Курьерский «Неистовый Роланд».

Второй. Венеция—Стокгольм. Одиннадцать двадцать семь!

Священник. Одиннадцать двадцать семь. У нас еще два часа, успеем принять праздничный вид.

Бургомистр. Транспарант «Добро пожаловать, Клара Цаханассьян» поднимут Кюн (*показывает на художника*) и Хаузер (*показывает на четвертого*). Остальные пусть машут шляпами. Только, пожалуйста, не вопите, как в прошлом году, когда приезжала правительственная комиссия. Это ни к чему не привело: субсидии нам так и не дали. Излишний восторг неуместен — нужна глубокая, сдержанная радость, слезы умиления при виде вновь обретенной дочери Гюллена, вернувшейся под отчий кров! Будьте непосредственны, приветливы, но все должно идти по расписанию: как только кончит петь хор, ударит пожарный колокол. Прежде всего имейте в виду...

Шум приближающегося поезда заглушает слова бургомистра. Скрежет тормозов. Все потрясены. Пятеро сидевших на скамейке вскакивают.

Художник. «Неистовый Роланд»!..

Первый. Остановился!

Второй. В Гюллене!..

Третий. В самом убогом...

Четвертый. В самом паршивом...

Первый. В самом жалком городишке на линии Венеция—Стокгольм...

Начальник станции. Конец света! «Неистовый Роланд» как дух возникал из-за поворота у Лейтенау и молнией скрывался в долине Пюкенрид!

Справа появляется Клара Цаханассьян, ей шестьдесят два года, у нее рыжие волосы, жемчужное ожерелье, золотые браслеты

неимоверных размеров, одета невыносимо вызывающе, но именно благодаря этой экстравагантности видно, что она — светская дама. За ней движется свита: дворецкий Боби, лет восьмидесяти, в черных очках, и седьмой муж — высокий, стройный, с черными усиками; он вооружен полным ассортиментом рыболовных принадлежностей. За свитой следует разъяренный начальник поезда в красной шапке, с красной сумкой.

Клара Цаханассьян. Это Гюллен?

Начальник поезда. Вы остановили поезд, сударыня!

Клара Цаханассьян. Я всегда останавливаю поезда.

Начальник поезда. Протестую! Категорически! Поезда в нашей стране не останавливают, даже когда это необходимо. Точное движение поездов — это наш принцип! Попрошу вас дать объяснения.

Клара Цаханассьян. Вот мы и в Гюллене, Моби. Узнаю эту мрачную дыру. Погляди, вон там Конрадов лес и ручей, где ты сможешь ловить форелей и щук, а направо крыша Петерова сарая...

Илл (*словно просыпаясь*). Клара!

Учитель. Сама Цаханассьян...

Все. Сама Цаханассьян...

Учитель. А хор еще не собрался!..

Бургомистр. Гимнасты! Пожарные!

Священник. Где пономарь!

Бургомистр. Боже мой, а мой костюм, мой цилиндр, мои внучки...

Первый. Клерхен Вешер! Это же Клерхен Вешер! (*Вскакивает и несется в город.*)

Бургомистр (*вдогонку*). Не забудьте сказать моей жене...

Начальник поезда. Я жду ваших объяснений. По долгу службы. От имени правления железной дороги.

Клара Цаханассьян. Дубина! Я хотела взглянуть на этот город. Что же, по-вашему, мне прыгать с курьерского на ходу?

Начальник поезда. Вы остановили «Неистовый Роланд» только для того, чтобы взглянуть на Гюллен? (*С трудом сдерживает негодование.*)

Клара Цаханассьян. Конечно.

Начальник поезда. Сударыня! Если вы хотели заехать в Гюллен, пожалуйста, в двенадцать сорок к вашим услугам почтовый из Кальберштадта. Для всех граждан. Прибывает в Гюллен в час тринадцать.

Клара Цаханассьян. Почтовый, который стоит на всех полустанках? Вы что, хотите, чтобы я лишних полчаса тряслась в поезде?

Начальник поезда. Это вам дорого обойдется, сударыня.

Клара Цаханассьян. Дай ему тысячу, Боби.

Все (*шепотом*). Тысячу...

Дворецкий вручает начальнику поезда тысячу.

Начальник поезда (*ошалело*). Сударыня!..

Клара Цаханассьян. И три тысячи в фонд помощи вдовам железнодорожников.

Все (*шепотом*). Три тысячи...

Начальник поезда получает
от дворецкого три тысячи.

Начальник поезда (*растерянно*). Но у нас нет такого фонда, сударыня.

Клара Цаханассьян. Нет — так будет.

Бургомистр шепчет что-то на ухо начальнику поезда.

Начальник поезда (*в замешательстве*). Как! Вы Клара Цаханассьян? Пардон! Это в корне меняет дело. Мы сами остановились бы в Гюллене, если бы имели хоть малейшее представление... Возьмите ваши деньги, сударыня. Вот четыре тысячи... Боже мой!

Все (*шепотом*). Четыре тысячи!..

Клара Цаханассьян. Оставьте себе эту мелочь.

Все (*шепотом*). Оставить? Мелочь?..

Начальник поезда. Может, вы желаете, сударыня, чтобы «Неистовый Роланд» подождал, пока вы осмотрите Гюллен? Правление дороги охотно на это пойдет. Здешний собор заслуживает внимания. В готическом стиле. На портале изображен Страшный суд.

Клара Цаханассьян. А ну-ка, катитесь отсюда вместе с вашим экспрессом.

Седьмой муж (*плаксиво*). Но представители печати, мышка, еще там. Они ничего не подозревают и сидят в вагоне-ресторане.

Клара Цаханассьян. Пусть подкрепят силы, Моби. На первых порах они мне в Гюллене не нужны, а потом сами нас найдут.

Второй успел принести бургомистру сюртук. Надев его, бургомистр торжественно подходит к Кларе Цаханассьян. Художник и четвертый поднимают транспарант «Добро пожаловать, Клара Цахана...». Фамилию художник дописать не успел.

Начальник станции (*поднимает флажок*). Отправление!

Начальник поезда. Ах, сударыня, умоляю вас, не жалуйтесь моему начальству. Ведь это было чистое недоразумение...

Поезд трогается. Начальник поезда вскакивает на площадку.

Бургомистр. Высокоуважаемая милостивая государыня! Имею честь, как бургомистр города Гюллена, приветствовать вас, нашу высокоуважаемую милостивую государыню, дочь нашего родного города...

Шум отходящего поезда заглушает продолжение его речи.

Клара Цаханассьян. Спасибо, господин бургомистр, за прекрасную речь. (*Идет к Иллу, который смущенно делает шаг ей навстречу.*)

Илл. Клара!

Клара Цаханассьян. Альфред!

Илл. Как хорошо, что ты здесь...

Клара Цаханассьян. Я всегда хотела вернуться. Всю жизнь, с того самого дня, как отсюда уехала.

Илл (*неуверенно*). Вот и молодец...

Клара Цаханассьян. А ты обо мне вспоминал?

Илл. Конечно. Всегда. Ты же знаешь.

Клара Цаханассьян. Счастливые дни были у нас с тобой...

Илл (*гордо*). Еще бы! (*Учителю.*) Видите, господин учитель, она у меня в руках.

Клара Цаханассьян. Зови меня так, как звал когда-то.

Илл. Моя дикая кошка.

Клара Цаханассьян (*мурлычет, как старая кошка*). А еще как?

Илл. Моя колдунья.

Клара Цаханассьян. А я звала тебя — мой черный барс.

Илл. Я им и остался.

Клара Цаханассьян. Чепуха! Ты разжирел, поседел, спился...

Илл. А ты все такая же: колдунья!

Клара Цаханассьян. Что ты! Я тоже старая и толстая. Да еще левую ногу потеряла. В автомобильной катастрофе. Теперь я езжу только на курьерских. Но протез у меня первоклассный, а? (*Поднимает юбку и показывает левую ногу.*) Двигается как живой.

Илл (*вытирая пот*). Никогда бы не подумал...

Клара Цаханассьян. Разреши, Альфред, представить тебе моего седьмого мужа. У него табачные плантации. Это очень счастливый брак.

Илл. Буду рад с ним познакомиться.

Клара Цаханассьян. Подойди, Моби, поздоровайся. Его, правда, зовут Педро, но Моби звучит красивее. И больше подходит к Боби — я так зову своего дворецкого. Дворецкого ведь берешь на всю жизнь, вот и приходится приноравливать к нему мужей.

Седьмой муж кланяется.

Правда, он мил? А черные усики какие! Ну-ка, задумайся, Моби!

Седьмой муж задумывается.

Сильней! Сильней!

Седьмой муж сильнее хмурит лоб.

Седьмой муж. Я не могу сильнее, мышка, честное слово, не могу.

Клара Цаханассьян. Нет, можешь! Старайся.

Седьмой муж еще сильнее хмурит лоб.

Удар колокола.

Видишь, теперь вышло. Правда, Альфред, в нем есть что-то демоническое? Даже похож на бразильца. Но это чепуха. Он православный. Отец у него был русский. Нас поп венчал. Вот было интересно. Теперь я хочу поглядеть на Гюллен. (*Разглядывает через усыпанный драгоценностями лорнет домик слева.*) Гляди, Моби, этот сортир строил мой отец. Хорошая, добротная работа. Ребенком я часами сидела тут на крыше и плевала вниз. Но только на мужчин.

На заднем плане собирается смешанный хор и детский ансамбль. Учитель с цилиндром в руках выступает вперед.

Учитель. Сударыня! Как директор гюлленской гимназии и преданный почитатель божественной госпожи музыки, я нижайше прошу разрешения исполнить в честь вашего приезда скромную песню силами смешанного хора и детского ансамбля.

Клара Цаханассьян. Ну, валяйте, учитель, вашу скромную песню.

Учитель поднимает камертон, хор начинает петь, но в это мгновение раздается грохот приближающегося поезда. Начальник станции стоит с поднятым флажком. Хор тщетно пытается перекричать шум поезда. Учитель в отчаянии. Наконец поезд проносится мимо.

Бургомистр (*в отчаянии*). Пожарный колокол! Ведь должен был ударить пожарный колокол!

Клара Цаханассьян. Здорово спели гюлленцы! Особенно бас, вот тот русый слева, с большим кадыком...

Из-за спин хористов пробирается полицейский. Вытягивается перед Кларой Цаханассьян.

Полицейский. Вахмистр Ханке прибыл в ваше распоряжение, сударыня.

Клара Цаханассьян (*разглядывая его*). Спасибо. Я никого не собираюсь сажать за решетку. Но Гюллену вы, пожалуй, скоро понадобитесь... Вы умеете вовремя закрывать глаза?

Полицейский. Еще бы, сударыня. Хорош бы я иначе был здесь, в Гюллене.

Клара Цаханассьян. Хорошее качество. Оно вам понадобится.

Полицейский стоит в недоумении.

Илл (*смеется*). Ай да Клара! Ай да колдунья! (*Хлопает себя в восторге по ляжкам.*)

Бургомистр надевает цилиндр учителя, который тот незаметно передает ему, и выводит вперед своих внучек — семилетних белокурых девочек.

Бургомистр. Мои внучки, сударыня: Гермина и Адольфина. Не хватает только жены. (*Вытирает пот.*)

Внучки делают книксен и преподносят Кларе Цаханассьян красные розы.

Клара Цаханассьян. Они у вас милашки, поздравляю, бургомистр. Нате!

Клара Цаханассьян сует букет начальнику станции. Бургомистр тайком передает цилиндр священнику, который его надевает.

Бургомистр. Наш священник, сударыня.

Священник снимает цилиндр и кланяется.

Клара Цаханассьян. А-а, вы — священник? Значит, это вы отпускаете грехи умирающим?

Священник (*удивленно*). Стараюсь по мере сил.

Клара Цаханассьян. А приговоренным к смерти?

Священник (*растерянно*). В нашей стране смертная казнь отменена.

Клара Цаханассьян. Пожалуй, ее снова придется ввести.

Священник смущен. Возвращает бургомистру цилиндр, и тот его надевает.

Илл (*смеясь*). Ну и шутки у тебя, моя кошечка!

Клара Цаханассьян. Хватит, пора в город.

Бургомистр предлагает ей руку.

Вы что, в уме? Неужели я потащусь пешком в такую даль на чужой ноге?

Бургомистр (*испуганно*). Мигом! Мигом! У нашего врача есть машина. «Мерседес» тысяча девятьсот тридцать второго года.

Полицейский (*щелкает каблуками*). Будет исполнено, господин бургомистр. Машину я немедленно пригоню сюда.

Клара Цаханассьян. Отставить. После несчастного случая я передвигаюсь только в паланкине. Эй, Роби, Тоби, сюда!

Слева появляются двое громил, жующих резинку. Эти чудовища несут паланкин. У одного за спиной гитара.

Это два гангстера из Манхэттена. Они были приговорены к казни в Синг-Синге. Но я попросила их выпустить, чтобы они носили мой паланкин. Эта просьба стоила мне по миллиону долларов с головы. А паланкин — из Лувра. Мне его преподнес французский президент. Очень любезный господин, как две капли похож на свои портреты. Роби, Тоби, несите меня в город!

Громилы. О иес, мэм!

Клара Цаханассьян. Сперва в Петеров сарай, потом в Конрадов лес. Хочу вместе с Альфредом посетить наши любимые места. Багаж и гроб пусть отнесут в «Золотой апостол».

Бургомистр (*с удивлением*). Гроб?

Клара Цаханассьян. Я привезла с собой гроб. Может, пригодится. Роби, Тоби, живо!

Громилы, продолжая жевать резинку, уносят Клару Цаханассьян в город. Бургомистр подает знак, и толпа разражается приветственными криками, которые, однако, стихают, когда двое слуг проносят великолепный черный гроб, направляясь с ним в Гюллен. Слышны удары пожарного колокола.

Бургомистр. Наконец-то! Слышите? Пожарный колокол!

Толпа следует за гробом. За ней идут горничные Клары Цаханассьян и горожане, неся бесчисленные чемоданы. Полицейский регулирует движение и собирается замкнуть шествие, но справа выходят два низеньких, толстеньких старичка. Они франтовато одеты, держатся за руки и говорят очень тихо.

Оба. Вот мы и в Гюллене. Мы дышим, мы дышим, мы дышим этим воздухом, воздухом Гюллена.

Полицейский. А вы кто такие?

Оба. Мы при даме. Мы при даме... Она зовет нас Коби и Лоби.

Полицейский. Госпожа Цаханассьян будет жить в отеле «Золотой апостол».

Оба (*весело*). А мы слепые! А мы слепые!

Полицейский. Слепые? Тогда я вас провожу.

Оба. Спасибо, господин полицейский. Огромное вам спасибо.

Полицейский (*с удивлением*). Если вы слепые, откуда вы знаете, что я полицейский?

Оба. По вашему разговору. По вашему разговору. Все полицейские на свете разговаривают одинаково.

Полицейский (*подозрительно*). Вы хоть и приличные с виду мужчины, но, видно, не раз имели дело с полицией.

Оба (*с радостным удивлением*). Мужчины! Он нас принимает за мужчин!

Полицейский. Черт! А кто же вы такие?

Оба. Скоро поймете. Скоро поймете.

Полицейский (*с недоумением*). Однако вы, я вижу, весельчаки!

Оба. А нас кормят отбивными и ветчиной. Каждый день, каждый день.

Полицейский. На вашем месте я бы тоже веселился. Давайте руки, я вас провожу. Странный юмор у этих иностранцев... (*Идет с ними в город.*)

Оба. К Боби и Моби. К Роби и Тоби...

Смена декораций при поднятом занавесе. Станция и уборная уходят наверх. Холл гостиницы «Золотой апостол». Можно спустить сверху эмблему гостиницы — позолоченную фигуру апостола, которая так и останется висеть на середине сцены. Видны следы былого великолепия. Сейчас все покосилось, облупилось, загрязнилось, обветшало. Бесконечная процессия слуг, которые вносят клетку и бесчисленные чемоданы, а потом уносят их наверх. Справа сидят и пьют водку бургомистр и учитель.

Бургомистр. Чемоданы, видели, сколько чемоданов! А раньше пронесли клетку с диким зверем. Это — черный барс.

Учитель. Она сняла отдельную комнату специально для гроба. Странно.

Бургомистр. У знаменитых дам всегда свои причуды.

Учитель. Видно, она тут надолго расположилась.

Бургомистр. Тем лучше. Она у Илла в руках. Он называл ее — «моя дикая кошечка, моя колдунья». Он вытянет из нее не один миллион. Ваше здоровье, учитель. За то, чтобы Клара Цаханассьян воскресила предприятия Бокмана.

Учитель. И заводы Вагнера.

Бургомистр. И металлургическую фирму «Место под солнцем». Только бы они заработали, а там все пойдет как по маслу — и городская община, и гимназия, и вся наша жизнь.

Чокаются.

Учитель. Я-то уж ко всему притерпелся. Недаром больше двадцати лет правлю тетрадки гюлленских учеников. Но что такое страх, понял только час назад. Когда с поезда сошла старая дама, вся в черном, меня охватил ужас! Я подумал: вот она — парка, неумолимая богиня судьбы. И если бы ее звали не Клара, а Клото*, все бы поняли сразу, что в ее руках нити человеческих жизней.

Входит полицейский и вешает каску на вешалку.

Бургомистр. Подсаживайтесь, вахмистр.

Полицейский (*садясь*). Служить в такой дыре радости мало. Но теперь мы оживем. Только что миллионер-

ша с Иллом были в Петеровом сарае. Вот была трогательная картина. Оба полны благоговения, как в церкви. Неудобно даже было смотреть. А когда они отправились в Конрадов лес, я отстал. Ну и шествие! Впереди паланкин, рядом Илл, а позади камердинер и седьмой муж с удочкой.

Учитель. Сколько мужчин! Она гетера Лаида* наших дней.

Полицейский. Да еще эти два толстяка. Сам черт тут ногу сломит.

Учитель. Ужас! Разверзлись врата ада!

Бургомистр. Не понимаю, что они там потеряли в Конрадовом лесу?

Полицейский. То же, что и в Петровом сарае. Обходят места, где когда-то бурлила их страсть.

Учитель. Неугасимый огонь! Как тут не вспомнить Шекспира? Ромео и Джульетту. Господа, я потрясен. Наконец-то наш город узнал кипение античных страстей.

Бургомистр. Ну что ж, выпьем за дорогого Илла, который не жалеет сил, чтобы облегчить нашу участь. Господа! За нашего любимого, за самого уважаемого гражданина нашего города и моего будущего преемника!

Эмблема гостиницы поднимается вверх. Слева входят четверо гюллеенцев, вносят деревянную скамью без спинки. Первый встает на скамью, повесив на себя большое вырезанное из картона сердце с инициалами «А.К.». Остальные становятся полукругом с ветками в руках — они изображают деревья.

Первый. Мы теперь буки, мы теперь сосны.
Второй. Мы ели с зеленой хвоей.
Третий. Мы мох и густые заросли терна.
Четвертый. Подлесок и лисьи норы.
Первый. Мы вереницы облаков, мы птиц щебетанье.
Второй. Мы глухая чащоба леса.
Третий. Мы мухоморы и пугливые косули.
Четвертый. Мы шорох веток, мы призрак былой мечты.

Из глубины появляются двое громил, безостановочно жующих резинку; они вносят паланкин с Кларой Цаханассьян. Рядом идет Илл. За ним бредут седьмой муж и дворецкий, который ведет за руки двух слепцов.

Клара Цаханассьян. Вот и Конрадов лес. Роби, Тоби, стойте.

Оба слепца. Роби и Тоби, стойте! Боби и Моби, стойте!

Клара Цаханассьян (*выходит из паланкина, осматривается*). Сердце, на нем — наши с тобой инициалы, Альфред! Буквы рассохлись, почти стерлись. Дерево выросло, оно стало толстым и старым, как мы с тобой... (*Переходит к другим «деревьям».*) Старая роща! Как давно я не бывала здесь, с самой юности, как давно я не пробиралась сквозь ветви, не ступала по темному мху... Эй вы, жвачные животные, мне опротивели ваши морды. Погуляйте-ка с паланкином там, за кустами! А ты, Моби, иди к ручью, по тебе соскучилась твоя рыбка.

Двое громил уходят с паланкином налево. Седьмой муж — направо. Клара Цаханассьян садится на скамью.

Гляди, косуля!

Третий убегает.

Илл. Охота сейчас запрещена. (*Садится рядом с ней.*)

Клара Цаханассьян. На этом валуне мы с тобой целовались. Больше сорока пяти лет назад. Мы любили друг друга в этих кустах, под этим буком, среди этих мухоморов, на этом мху. Мне было семнадцать, а тебе еще не было двадцати. Потом ты женился на Матильде Блюмхард, на ее мелочной лавочке, а я вышла замуж за Цаханассьяна, за его миллиарды. Он нашел меня в гамбургском публичном доме. Этот старый золотой жук запутался в моих рыжих волосах.

Илл. Клара!

Клара Цаханассьян. Эй, Боби! Сигару!

Оба слепца. Сигару, сигару!

Дворецкий подходит сзади, подает ей сигару и дает прикурить.

Клара Цаханассьян. Грешный человек, люблю сигары! Мне бы, конечно, полагалось курить сигары, которые выпускает мой муж, но нет у меня к ним доверия.

Илл. Я женился на Матильде Блюмхард ради тебя.

Клара Цаханассьян. У нее были деньги.

Илл. Ты была молода, красива. Тебя ждало будущее. Я хотел твоего счастья и ради этого пожертвовал своим.

Клара Цаханассьян. Ну что ж, это будущее настало.

Илл. Если б ты жила здесь, ты была бы такой же нищей, как я.

Клара Цаханассьян. Ты — нищий?

Илл. Разоренный лавочник в разоренном городке.

Клара Цаханассьян. Зато теперь деньги есть у меня.

Илл. С тех пор как ты ушла, у меня не жизнь, а ад.

Клара Цаханассьян. Я теперь сама сущий ад.

Илл. Дома мне поминутно тычут в нос нищетой; мы едва сводим концы с концами.

Клара Цаханассьян. Твоя Матильда не дала тебе счастья?

Илл. Главное, что счастлива ты.

Клара Цаханассьян. А как твои дети?

Илл. Они понятия не имеют, что такое идеалы!

Клара Цаханассьян. Ну, идеалы они еще найдут.

Илл молчит.

Илл. Я веду жалкую жизнь. Ни разу толком не выезжал из Гюллена. Один раз съездил в Берлин и один раз в Тессин, вот и все.

Клара Цаханассьян. И незачем ездить. Я знаю свет...

Илл. Потому что ты могла разъезжать.

Клара Цаханассьян. Потому что мир принадлежит мне.

Илл молчит. Она курит.

Илл. Теперь здесь все будет по-другому.

Клара Цаханассьян. Да.

Илл (*осторожно*). Ты нам поможешь?

Клара Цаханассьян. Разве я могу бросить в беде родной город?

Илл. Нам нужны миллионы.

Клара Цаханассьян. Миллионов мало.

Илл (*восторженно*). Ах ты моя кошечка! (*В порыве чувства хлопает Клару Цаханассьян по колену и сразу же отдергивает руку, скорчившись от боли.*)

Клара Цаханассьян. Что, больно? Ты ударил по шарниру протеза.

Первый достает из кармана трубку и большой ржавый ключ. Выколачивает трубку ключом.

Слышишь? Дятел...

Илл. Все так же, как прежде, когда мы были молодые и смелые. Солнце высоко стоит над елями, ослепительный шар. Плывут облака, и где-то в чаще ворожит нам кукушка...

Четвертый. Ку-ку! Ку-ку!

Илл (*ощупывает первого*). Как прохладна кора деревьев, ветер шевелит листву, и она шуршит, как волна по гальке. Все как было... все как было раньше.

Трое изображающих деревья изо всех сил дуют и размахивают руками.

Эх, если бы вернулись те дни, моя колдунья! Если бы нас не разлучила жизнь...

Клара Цаханассьян. Ты, правда, этого хотел бы?

Илл. Да! Только этого! Я по-прежнему тебя люблю. (*Целует ей правую руку*.) Все та же прохладная белая ручка...

Клара Цаханассьян. Чепуха! Это тоже протез. Из слоновой кости.

Илл (*испуганно отдергивает руку*). Клара, у тебя все протезы?

Клара Цаханассьян. Почти. С тех пор как мой самолет разбился в Афганистане. Все погибли, и экипаж тоже. Одна я выползла из-под обломков — меня так легко на тот свет не отправишь!

Оба слепца. Ее на тот свет не отправишь! Ее на тот свет не отправишь!

Торжественные звуки духового оркестра. Сверху на середину сцены снова спускается эмблема гостиницы — позолоченная фигура апостола. Гюлленцы вносят столы, покрытые рваными скатертями. На столах соответствующие приборы и угощение. Один стол ставят посреди сцены, два других — справа и слева, вдоль рампы. Из глубины появляется священник. Входят другие горожане, среди них гимнаст в трико. Появляются бургомистр, учитель и полицейский. Гюлленцы аплодируют. Бургомистр подходит к скамейке, где продолжают сидеть Клара Цаханассьян и Илл, четверо положили ветви и смешались с остальными гюлленцами.

Бургомистр. Эта бурная овация — в вашу честь, сударыня.

Клара Цаханассьян. Ее заслужил ваш оркестр. Здорово они трубили. Да и пирамида, которую построили гимнасты, великолепна. Я вообще обожаю мужчин в трико — природа без прикрас.

Бургомистр. Разрешите пригласить вас к столу. (*Ведет Клару Цаханассьян к столу, стоящему посередине, и представляет ей жену.*) Моя жена.

Клара Цаханассьян (*разглядывая жену бургомистра в лорнет*). Анетхен Думмермут, наша первая ученица.

Бургомистр (*представляя ей вторую даму, такую же высохшую и озлобленную*). Госпожа Илл.

Клара Цаханассьян. Матильдхен Блюмхард? Помню, как ты выглядывала из дверей своей лавчонки и ловила Альфреда. Ах ты моя прелесть, какая ты стала бледная и худая!

Справа выбегает врач, усатый, приземистый мужчина лет пятидесяти, с черными жесткими волосами и лицом, изрезанным шрамами. На нем потертый фрак.

Врач. Надеюсь, я не опоздал на своем дряхлом «мерседесе»?

Бургомистр. Доктор Нюслин, наш врач.

Клара Цаханассьян (*разглядывает доктора в лорнет, пока тот целует ей руку*). Интересно. Это вы здесь выдаете свидетельства о смерти?

Врач (*с удивлением*). Свидетельства о смерти?..

Клара Цаханассьян. Неужели у вас в городе никто не умирает?

Врач. Да, сударыня. Это моя обязанность. Такой у нас порядок.

Клара Цаханассьян. Скоро вам придется засвидетельствовать смерть от разрыва сердца.

Илл (*смеясь*). Ну разве не прелесть. Ей-богу, прелесть!

Клара Цаханассьян (*отворачиваясь от доктора, обращается к гимнасту в трико*). А ну-ка, покажите еще что-нибудь!

Гимнаст приседает и выкидывает вперед руки.

Вот это мускулы! Вы хоть раз кого-нибудь придушили?

Гимнаст (*растерянно застывает на корточках*). Придушил?

Клара Цаханассьян. А ну-ка отведите руки назад, господин гимнаст. А теперь сделайте мост.

Илл (*смеясь*). Ну и юмор у нашей Клары! Какие словечки. Помрешь со смеху.

Врач (*еще не придя в себя*). Ну, знаете! От этих шуток дрожь пробирает по телу.

Илл (*со значением*). Она обещала нам миллионы!

Бургомистр (*задохнувшись*). Миллионы?

Илл. Миллионы!

Врач. Черт побери!

Клара Цаханассьян (*отворачиваясь от гимнаста*). Я хочу есть, бургомистр.

Бургомистр. Мы ждем только вашего мужа, сударыня.

Клара Цаханассьян. Зря. Во-первых, он ловит рыбу, во-вторых, мы разводимся.

Бургомистр. То есть как разводитесь?

Клара Цаханассьян. Да очень просто. Моби тоже будет удивлен. Я выхожу замуж за немецкого киноактера.

Бургомистр. Но вы говорили, что так счастливы в браке.

Клара Цаханассьян. У меня все браки счастливые. Но я с детства мечтала обвенчаться в гюлленском соборе. А детская мечта должна сбываться. Это будет великолепно!

Все садятся за столы. Клара Цаханассьян — между бургомистром и Иллом. Рядом с бургомистром — его жена, рядом с Иллом — его жена. Справа за другим столом — учитель, священник, полицейский. Слева — четверо. Далее — другие почетные гости с женами. Сзади транспарант: «Добро пожаловать, Клерхен». С места поднимается очень веселый, повязанный салфеткой бургомистр и стучит по бокалу.

Бургомистр. Милостивая государыня! Дорогие жители Гюллена! Вот уже сорок пять лет, как вы, сударыня, покинули наш город, основанный владетельным князем Хассо Благородным и так уютно расположенный между Конрадовым лесом и долиной Пюкенрид. Сорок пять лет, почти полвека — изрядный срок. Много воды утекло с тех пор, много хлебнули мы горя. Тяжело было людям на земле, тяжко было и нам. Но мы никогда, ни на минуту не забывали вас, сударыня, нашу Клерхен!

Аплодисменты.

Ни вас, ни вашу семью. Ваша пышущая здоровьем мать...

Илл что-то шепчет ему на ухо.

Увы! Она так рано скончалась от чахотки... Ваш отец был человек известный. Он воздвиг у вокзала здание, которое никто не пропустит: ни стар, ни млад...

Илл что-то шепчет ему на ухо.

Здание, которое посещают, как никакое другое. Ваши родители для нас незабвенны, они символ всех человеческих добродетелей. И наконец, вы, сударыня! Кто не помнит ваших белокурых...

Илл снова шепчет ему что-то на ухо.

...золотых волос, которые так поэтично развевались, когда вы, сударыня, резвились на наших улицах, увы, ставших теперь такими убогими. Уже тогда весь Гюллен был покорен вашим обаянием, и мы все были уверены, что вас ждет головокружительный успех в международном масштабе. (*Достает блокнот.*) Нет, мы ничего не забыли. До сих пор в нашей гимназии вас ставят в пример. Вы ведь с ранних лет поражали своими познаниями в ботанике и зоологии. И разве это случайно? Врожденная любовь к природе, ко всему живому, беззащитному — вот в чем корень этого. Ваше неизменное стремление к справедливости, ваша страсть творить добро уже тогда вызывали всеобщее восхищение.

Бурные аплодисменты.

Ведь это наша Клерхен тратила с трудом заработанные карманные деньги на покупку картошки для бедной вдовы, которой грозила голодная смерть!

Бурные аплодисменты.

Милостивая государыня! Дорогие граждане города Гюллена! Нежные семена дали ростки, златовласая озорница превратилась в прекрасную даму, которая осыпает благодеяниями все страждущее человечество. Вспомните о том, что ею сделано для общества: тут и убежище для молодых матерей, и бесплатный суп для бедняков, тут и помощь художникам, и ясли для малюток. Я хочу от души приветствовать любимую дочь Гюллена, которую мы вновь обрели под родным кровом. Ура! Ура! Ура!

Аплодисменты.

Клара Цаханассьян (*встает*). Бургомистр! Граждане Гюллена! Меня глубоко тронуло, что мой приезд вас так бескорыстно обрадовал. Скажу вам правду — я вовсе не была такой, какой изобразил меня в своей речи бургомистр. В школе меня часто пороли, а картофель для вдовы

Болл я и не думала покупать, мы крали его с Иллом вовсе не потому, что я хотела спасти эту старую сводню от голода. Мне надо было, чтобы она пускала нас с Иллом в свою кровать, где было куда приятнее, чем в Петеровом сарае или в Конрадовом лесу. Но все же я готова внести свой вклад в вашу радость: я решила подарить Гюллену миллиард. Пятьсот миллионов городу и пятьсот миллионов разделить между всеми жителями.

Мертвая тишина.

Бургомистр (*заикаясь*). Миллиард?

Общее оцепенение продолжается.

Клара Цаханассьян. При одном условии...

Необузданное ликование охватывает всех присутствующих. Одни вскакивают на стулья, другие пускаются в пляс. Гимнаст принимается делать свои упражнения и т.д. и т.п.

Илл (*в восторге бьет себя в грудь*). Клара! Золото! Чудо! Помереть можно! Моя колдунья! (*Целует ее.*)

Бургомистр. Сударыня, вы сказали: при одном условии. Могу я осведомиться, что это за условие?

Клара Цаханассьян. Сейчас скажу. Я даю вам миллиард в обмен на правосудие.

Мертвая тишина.

Бургомистр. Как это понимать, сударыня?
Клара Цаханассьян. Так, как я сказала.
Бургомистр. Но ведь правосудие не продается.
Клара Цаханассьян. Все продается.
Бургомистр. Я все-таки ничего не понимаю...
Клара Цаханассьян. Выйди вперед, Боби.

Выходит дворецкий, останавливается в центре между столами и снимает черные очки.

Дворецкий. Не знаю, сумеет ли кто-нибудь из вас меня узнать?

Учитель. Окружной судья Хофер?

Дворецкий. Правильно. Сорок пять лет назад я был судьей города Гюллена, а потом служил в апелляционном суде Каффигена до тех пор, пока четверть века назад госпожа Цаханассьян не предложила мне стать ее дворец-

ким. Может, для человека с университетским образованием это несколько странная карьера, но мне было предложено такое фантастическое жалованье...

Клара Цаханассьян. Ближе к делу, Боби.

Дворецкий. Как вы слышали, госпожа Цаханассьян дает вам миллиард и требует за это правосудия. Другими словами, госпожа Клара Цаханассьян заплатит миллиард за то, чтобы вы осудили беззаконие, которое было учинено здесь, в Гюллене. Могу я попросить сюда господина Илла?

Илл (*встает бледный, испуганный и удивленный*). Что вам от меня нужно?

Дворецкий. Прошу вас подойти сюда, господин Илл.

Илл. Пожалуйста. (*Подходит с натянутой улыбкой, пожимает плечами.*)

Дворецкий. Дело было в тысяча девятьсот десятом году. Ко мне, тогда судье города Гюллена, поступил иск о признании отцовства. Клара Вешер, как в девичестве звали госпожу Клару Цаханассьян, предъявила иск о признании господина Илла отцом своего внебрачного ребенка.

Илл молчит.

Вы, господин Илл, отрицали свое отцовство. И привели в суд двух свидетелей.

Илл. Нашли что вспомнить. Молодо-зелено...

Клара Цаханассьян. Тоби и Роби, приведите Коби и Лоби.

Громилы, жуя резинку, выводят на середину сцены двух слепцов.

Оба слепца. Мы тут как тут! Мы тут как тут!

Дворецкий. Узнаете ли вы этих людей, господин Илл?

Илл молчит.

Оба слепца. Мы Коби и Лоби. Мы Коби и Лоби.

Илл. Я их не знаю.

Оба слепца. Мы очень изменились. Мы очень изменились.

Дворецкий. Назовите свои имена.

Первый слепец. Якоб Хюнлейн. Якоб Хюнлейн.

Второй слепец. Людвиг Шпар. Людвиг Шпар.

Дворецкий. Ну так как же, господин Илл?..

Илл. Я их не знаю.

Дворецкий. Якоб Хюнлейн и Людвиг Шпар, узнаете ли вы господина Илла?

Оба слепца. Мы слепые. Мы слепые.

Дворецкий. Узнаете ли вы его по голосу?

Оба слепца. Мы узнаем его голос. Мы узнаем его голос.

Дворецкий. В тысяча девятьсот десятом году я был судьей, а вы — свидетелями. Что вы показали тогда под присягой в суде Гюллена?

Оба слепца. Что мы спали с Кларой. Что мы оба спали с Кларой.

Дворецкий. В этом вы присягнули передо мной, перед судом, перед Богом. Это была правда?

Оба слепца. Мы дали ложную присягу. Мы дали ложную присягу.

Дворецкий. Почему вы солгали, Людвиг Шпар и Якоб Хюнлейн?

Оба слепца. Нас подкупил Илл. Нас подкупил Илл.

Дворецкий. Чем?

Оба слепца. Литром водки. Литром водки.

Клара Цаханассьян. Расскажите же, Коби и Лоби, что я с вами сделала?

Дворецкий. Расскажите.

Оба слепца. Дама приказала нас разыскать. Дама приказала нас разыскать.

Дворецкий. Верно. Клара Цаханассьян приказала их искать. По всему свету. Они эмигрировали: Якоб Хюнлейн в Канаду, а Людвиг Шпар в Австралию. Но она их нашла. Что же она с вами сделала?

Оба слепца. Она отдала нас Тоби и Роби. Она отдала нас Тоби и Роби.

Дворецкий. Что с вами сделали Тоби и Роби?

Оба слепца. Кастрировали и ослепили. Кастрировали и ослепили.

Дворецкий. Таково это дело: перед вами — судья, ответчик, два лжесвидетеля и судебная ошибка, совершенная в тысяча девятьсот десятом году. Я правильно все осветил, истица?

Клара Цаханассьян (*встает*). Да.

Илл (*топает ногой*). Но срок давности миновал, все это было в незапамятные времена. Старая дурацкая история.

Дворецкий. Что стало с вашим ребенком, истица?

Клара Цаханассьян (*тихо*). Он прожил всего год.

Дворецкий. А с вами?

Клара Цаханассьян. Я стала проституткой.

Дворецкий. Почему?

Клара Цаханассьян. Меня обрек на это суд.

Дворецкий. И теперь вы требуете, чтобы свершилось правосудие?

Клара Цаханассьян. Да. Теперь мне это по средствам. Город Гюллен получит миллиард, если кто-нибудь убьет Альфреда Илла.

Мертвая тишина. Жена Илла бросается к мужу и обнимает его.

Госпожа Илл. Фреди!

Илл. Как ты можешь этого требовать, моя колдунья? Ведь позади такая длинная жизнь...

Клара Цаханассьян. Жизнь позади длинная, но я ничего не забыла. Ни Конрадова леса, ни Петерова сарая, ни кровати вдовы Болл, ни твоего предательства. Мы уже старики, ты опустился, а меня искромсали хирурги. И теперь я хочу свести с тобой счеты, ты сам выбрал свой путь, а я свой не выбирала. Только что, сидя в лесу, где прошла наша юность, ты хотел вернуть прошлое. Ну вот, я его возвращаю тебе, но требую правосудия — правосудия в обмен на миллиард.

Бургомистр (*встает бледный, с достоинством*). Госпожа Цаханассьян! Мы пока еще живем в Европе, и мы христиане. От имени города Гюллена и во имя гуманизма я отвергаю ваше предложение. Лучше быть нищим, чем палачом.

Бурные аплодисменты.

Клара Цаханассьян. Я подожду.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Все тот же городишко. В глубине фасад гостиницы «Золотой апостол» с обшарпанной лепниной в стиле модерн. Балкон. Справа — вывеска «Альфред Илл. Магазин». Под вывеской — грязный прилавок, за ним полки, забитые всяким хламом. Когда кто-нибудь входит в условно обозначенную дверь, тонко звенит колокольчик. Налево вывеска: «Полиция». Под ней дощатый стол, на нем телефон. Два стула. Утро. Роби и Тоби, как всегда жуя резинку, проносят через сцену в гостиницу траурные венки и букеты. Илл следит за ними через окно своей лавчонки. Его дочь подметает пол. Сын закуривает сигару.

Илл. Опять венки.

Сын. Каждый день они их таскают с вокзала.

Илл. Украшают пустой гроб в «Золотом апостоле».

Сын. Пугают, а никому не страшно.

Илл. Весь город за меня.

Сын закуривает.

Мать придет завтракать?

Дочь. Нет. Она устала.

Илл. Хорошая мать вам досталась, детки. Ей-богу. Должен вам это сказать. Хорошая мать. Пусть побудет одна, пусть передохнет. А мы позавтракаем втроем. Давно мы этого не делали. Я зажарю яичницу и открою коробку американской ветчины. Закатим княжеский пир. Совсем как в те счастливые годы, когда у нас в городе процветало «Место под солнцем».

Сын. Ты меня извини. (*Тушит сигарету.*)

Илл. Не хочешь с нами поесть, Карл?

Сын. Схожу на вокзал. Там заболел носильщик. Может, им понадобится замена.

Илл. Ну, таскать тяжести в такой зной — разве это занятие для моего сына?

Сын. Лучше хоть такая работа, чем никакой! (*Уходит.*)

Дочь (*встает*). И я пойду, отец.

Илл. И ты? Так-так. А куда ты пойдешь, разрешите спросить?

Дочь. На биржу труда. Может, найдется хоть какое-нибудь место. (*Уходит.*)

Илл растроган. Он вытаскивает платок и сморкается.

Илл. Прекрасные дети. Завидные дети.

С балкона гостиницы доносятся звуки гитары.

Голос Клары Цаханассьян. Дай-ка мою левую ногу, Боби.

Голос дворецкого. Никак не найду.

Голос Клары Цаханассьян. Да она там, на комоде, за флёрдоранжем.

К Иллу входит покупатель — первый.

Илл. Доброе утро, Хофбауэр.

Первый. Пачку сигарет.

Илл. Как всегда.

Первый. Нет, не эту, а вон ту, зеленую.

Илл. Она дороже.

Первый. Запишите за мной.

Илл. Ладно, Хофбауэр. Для вас... ведь мы должны поддерживать друг друга.

Первый. Там кто-то играет на гитаре.

Илл. Бандит из Синг-Синга.

Из гостиницы выходят слепцы. Они несут удочки и прочую рыболовную снасть.

Оба слепца. С добрым утром, Альфред! С добрым утром!

Илл. Пошли вы ко всем чертям!

Оба слепца. Мы идем ловить рыбку. Мы идем ловить рыбку. (*Уходят налево.*)

Первый. Они пошли к ручейку.

Илл. Со снастью ее седьмого мужа.

Первый. Говорят, его табачные плантации ухнули.

Илл. Их тоже зацапала миллиардерша.

Первый. Зато и закатит же она пышную свадьбу со своим восьмым! Вчера была помолвка.

На балконе гостиницы появляется Клара Цаханассьян в утреннем туалете. Она пробует, как движется правая рука и левая нога. Слышны звуки гитары, которая сопровождает все сцены на балконе: как при оперном речитативе мелодии зависят от текста — иногда играют вальс, иногда отрывки из различных национальных гимнов и т.п.

Клара Цаханассьян. Ну вот, теперь меня опять свинтили. А ну-ка, армянскую, Роби.

Звучит гитара.

Эту песню так любил мой первый муж. Вечно требовал, чтобы ее играли. Каждое утро. Он был классический мужчина — этот старый финансист со всеми его бессчетными танкерами, скаковыми лошадьми и миллиардами. За него хоть имело смысл выйти замуж. И какой прекрасный наставник... во всех этих... танцах, какой только он не знал чертовщины! Я у него полный курс прошла.

Две женщины с посудой для молока подходят к прилавку Илла.

Первая женщина. Молока, господин Илл.

Вторая женщина. И в мой кувшин тоже.

Илл. С добрым утром! Значит, по литру молока каждой из дам? (*Открывает бидон и собирается опустить туда черпак.*)

Первая женщина. Цельного молока, господин Илл.

Вторая женщина. Два литра цельного молока, господин Илл.

Илл. Неснятого? (*Открывает другой бидон, зачерпывает и наливает молоко.*)

Клара Цаханассьян (*рассматривая в лорнет утренний пейзаж*). Какое дивное осеннее утро. На улицах прозрачный туман, как серебристый дымок, и над головой фиалковое небо, вроде того, что так любил рисовать граф Холк, мой третий; он был министр иностранных дел, но все свободное время писал картины. Отвратительные! (*Садится.*) Да он и сам был порядочная дрянь.

Первая женщина. И масла. Двести грамм.

Вторая женщина. И белого хлеба. Два кило.

Илл. Вы получили наследство, дорогие дамы, вижу, вы получили наследство.

Обе женщины. Да нет. Запишите за нами.

Илл. Что ж, все за одного, значит, и один за всех...

Первая женщина. Да, еще шоколад за два двадцать.

Вторая женщина. А мне за четыре сорок.

Илл. Тоже записать?

Первая женщина. Конечно.

Вторая женщина. Это мы съедим здесь, господин Илл.

Первая женщина. Тут у вас очень мило, господин Илл.

Садятся у прилавка и едят шоколад.

Клара Цаханассьян. Сигару «Уинстон». Надо же мне хоть разок попробовать марку, которую выпускал мой седьмой. Особенно теперь, когда мы развелись. Бедный Моби, он так любил ловить рыбу. Представляю, как ему грустно одному в поезде ехать в Португалию.

Дворецкий подает ей сигару и зажигает огонь.

Первый. Вон она сидит на балконе и курит сигару.

Илл. Всегда безбожно дорогие сорта!

Первый. Позор!.. И не стыдно ей при этом смотреть на бедствия, которые терпит человечество!

Клара Цаханассьян (*курит*). Странно! Вполне приличная...

Илл. Она просчиталась. Пусть я старый грешник, Хофбауэр, но кто из нас без греха? Да, я сыграл с ней бессовестную шутку, но ведь я был мальчишкой... А вот когда в «Золотом апостоле» граждане Гюллена, забыв о нищете, как один, отвергли ее деньги — это был самый счастливый час в моей жизни.

Клара Цаханассьян. Виски, Боби. Чистое.

К прилавку Илла подходит второй покупатель, такой же нищий, такой же оборванный, как и другие.

Второй. Доброе утро. Сегодня будет жара.

Первый. Золотая осень.

Илл. Ну и бойко же я торгую с самого утра. Бывало, целый день никто не заглянет, а в последнее время — большой наплыв.

Первый. Надо же нам вас поддержать. Вы ведь наш Илл. Вы за нами как за каменной стеной.

Обе женщины (*продолжая есть шоколад*). Как за каменной стеной, господин Илл. Как за каменной стеной.

Второй. Ты ведь, в конце концов, самый популярный человек в городе.

Первый. Самая важная у нас персона.

Второй. Весной мы тебя выберем бургомистром.

Первый. Это уж точно.

Обе женщины (*жуя шоколад*). Это уж точно.

Второй. Водки, пожалуйста.

Илл идет к полке.

Дворецкий подает Кларе Цаханассьян виски.

Клара Цаханассьян. Пойди разбуди нового. Не люблю, когда мои мужья так долго спят.

Илл (*второму*). Три десять.

Второй. Не это.

Илл. Ты же всегда это пил.

Второй. Дай мне коньяку.

Илл. А его цена двадцать тридцать пять. Никому это не по карману.

Второй. Надо же себя побаловать.

Через сцену пробегает полуодетая девушка.
Ее преследует Тоби.

Первая женщина (*продолжая есть шоколад*). Скандал! Как она себя ведет, эта Луиза.

Вторая женщина (*жуя шоколад*). А еще помолвлена с тем белокурым музыкантом, знаешь, он живет на улице Бертольда Шварца.

Илл (*подает коньяк*). Прошу.

Второй. И табачку. Трубочного.

Илл. Хорошо.

Второй. Только заграничного.

Илл подсчитывает, на сколько второй набрал товара.
На балкон выходит восьмой муж — киноактер,
высокий, стройный, с рыжими усами, в халате.
Эту роль может исполнять тот же актер,
который играл седьмого мужа.

Восьмой муж. Хопси, разве это не очаровательно: наш первый завтрак после помолвки? Ну, просто сон Тут, на этом маленьком балконе, под шепот липы и плеск фонтана, а внизу прямо на мостовой бродят куры, спешат озабоченные домашние хозяйки. А там позади, за городскими крышами, колокольня собора.

Клара Цаханассьян. Сядь, Хоби, помолчи. У меня у самой есть глаза. Не философствуй, это не твоя стихия.

Второй. Теперь там с ней сидит и муж.

Первая женщина (*продолжая есть шоколад*). Восьмой муж.

Вторая женщина (*продолжая есть шоколад*). Видный мужчина, киноартист. Моя дочь видела его в роли браконьера в одном фильме по Гангхоферу*.

Первая женщина. А я — в роли священника в картине по роману Грэма Грина.

Восьмой муж целует Клару Цаханассьян.

Аккорд гитары.

Второй. За деньги что хочешь можно купить. (*Сплевывает.*)

Первый. Но не у нас. (*Ударяет кулаком по столу.*)

Илл. Двадцать три восемьдесят.

Второй. Запиши за мной.

Илл. Ну уж ладно, запишу, в виде исключения. Эта неделя — не в счет. Но смотри, заплати мне первого, как получишь пособие по безработице.

Второй идет к двери.

Хельмесбергер!

Второй останавливается.

(*Подходит к нему.*) У тебя новые ботинки. Новые желтые ботинки.

Второй. Ну и что?

Илл (*смотрит на ноги первого*). И у тебя, Хофбауэр. И у тебя новые ботинки. (*Смотрит на женщин и медленно, в ужасе, подходит к ним.*) И у вас тоже. Новые желтые туфли. Новые желтые туфли.

Первый. Не понимаю, что тут особенного?

Второй. Нельзя же всю жизнь ходить в старых башмаках.

Илл. Новые ботинки... На что вы могли купить новые ботинки?

Обе женщины. В долг, господин Илл, в долг.

Илл. В долг? И у меня в долг. Курите лучший табак. Пьете лучшее молоко. Коньяк... Почему вам лавки стали отпускать в долг?

Второй. Но ведь и ты отпускаешь нам в долг.

Илл. Чем вы собираетесь платить?

Молчание. Илл хватает товары с полки
и бросает в покупателей. Все разбегаются.

Чем вы хотите заплатить? Чем вы хотите заплатить? Чем? Чем? (*Бежит за ними.*)

Восьмой муж. Там шум какой-то.

Клара Цаханассьян. Захолустье.

Восьмой муж. Кажется, в этой лавчонке внизу что-то случилось.

Клара Цаханассьян. Наверно, ссорятся из-за цены на мясо.

Мощный аккорд гитары.
Восьмой муж испуганно вскакивает.

Восьмой муж. Господи спаси! Ты слышала, Хопси?

Клара Цаханассьян. Это черный барс рычит.

Восьмой муж (*изумленно*). Черный барс?

Клара Цаханассьян. Подарок паши из Марракеша. Бегает тут рядом, в гостиной. Громадный злющий котище с горящими глазами. Мой любимец.

Внизу, слева, садится за стол полицейский.
Пьет пиво, разговаривает медленно и рассудительно.
Сзади к нему подходит Илл.

Клара Цаханассьян. Можешь подавать на стол, Боби.

Полицейский. Чем могу служить, Илл? Прошу вас, присядьте.

Илл продолжает стоять.

Чего это вы дрожите?

Илл. Я требую, чтобы арестовали Клару Цаханассьян.

Полицейский (*набивает трубку и, не торопясь, закуривает*). Странно. Крайне странно...

Дворецкий накрывает на балконе завтрак
и подает письма.

Илл. Я требую этого как будущий бургомистр.

Полицейский (*раскуривая трубку*). Но выборы еще не состоялись.

Илл. Арестуйте эту даму немедленно.

Полицейский. Сделайте письменное заявление. А уж будет ли она арестована, решит полиция. В чем же она провинилась?

Илл. Она подстрекает жителей Гюллена меня убить.

Полицейский. По-вашему, я должен за это ее арестовать? (*Наливает себе пива.*)

Клара Цаханассьян. Письма. От Айка. И от Неру. Шлют поздравления.

Илл. Но ведь это ваш долг!

Полицейский. Странно... Крайне странно... (*Пьет пиво.*)

Илл. Ничего тут нет странного. Самое обыкновенное дело.

Полицейский. Мой дорогой! Все это вовсе не так обыкновенно. Давайте разберемся по существу. Старуха сделала городу Гюллену предложение: за миллиард вас... понимаете, о чем я говорю. Это точно, я сам слышал. Но разве это основание, чтобы полиция принимала какие-либо меры против госпожи Клары Цаханассьян? Ведь мы должны соблюдать закон.

Илл. Но она подстрекает к убийству!

Полицейский. Обождите минутку, дорогой. Подстрекательство к убийству подсудно только тогда, когда оно сделано всерьез. Разве не так?

Илл. Несомненно.

Полицейский. Значит, так. Ее предложение никто не может принять всерьез, потому что миллиард, который она предложила, — цена не реальная, и вы это сами понимаете; за такое убийство можно заплатить тысячу, ну, от силы две тысячи, уж никак не больше. Значит, отсюда можно заключить, что предложение это несерьезное. Но если бы оно и было сделано всерьез, мы и тогда не стали бы принимать его всерьез, ведь это означало бы, что она сумасшедшая. Ясно?

Илл. Ее предложение угрожает моей жизни, вахмистр, сумасшедшая она или нет. Это яснее ясного.

Полицейский. Ничуть. Ничего тут нет ясного. Само по себе предложение вам ничем не угрожает, а вот другое дело, если предложение будет принято... Укажите мне на попытку его осуществления, на человека, скажем, который бы поднял на вас оружие, и я тотчас же приму необходимые меры. Но ведь именно это предложение не принял ни один человек в Гюллене, напротив. Собрание в «Золотом

апостоле» единодушно отвергло его. Пусть с опозданием, но я вас с этим от души поздравляю. (*Пьет пиво.*)

Илл. А я вовсе не так в этом уверен, господин вахмистр.

Полицейский. Вы не уверены?

Илл. Мои покупатели стали покупать самое лучшее молоко, самый лучший хлеб, самые лучшие сигареты.

Полицейский. Радуйтесь! Значит, и ваши дела пошли куда лучше! (*Пьет пиво.*)

Клара Цаханассьян. Боби! Распорядись купить акции Дюпона.

Илл. Хельмесбергер купил у меня коньяк. А он уже много лет не зарабатывает и держится только на даровой похлебке.

Полицейский. Вечерком и я попробую этот коньяк. Хельмесбергер меня пригласил. (*Пьет пиво.*)

Илл. На всех новая обувь. Новые желтые ботинки.

Полицейский. А чем вам не нравится новая обувь? На мне, кстати, тоже новые ботинки. (*Показывает новые ботинки.*)

Илл. И вы тоже...

Полицейский. Как видите.

Илл. И тоже желтые. Вы пьете пльзеньское пиво.

Полицейский. Вкусное пиво!

Илл. Но прежде вы пили только местное?

Полицейский. Бурда.

Музыка по радио.

Илл. Вы слышите?

Полицейский. Что?

Илл. Музыку.

Полицейский. «Веселая вдова».

Илл. Радио.

Полицейский. Да, тут совсем рядом, у Хагхольцера. Надо сказать, чтобы он закрывал окна. (*Записывает.*)

Илл. Но откуда у Хагхольцера приемник?

Полицейский. Это его личное дело.

Илл. Скажите, господин вахмистр, чем вы собираетесь расплачиваться за пльзеньское пиво и за желтые ботинки?

Полицейский. Это мое личное дело.

Звонит телефон.

(*Берет трубку.*) Полиция.

Клара Цаханассьян. Боби, сообщи русским по телефону, что я принимаю их предложение.

Полицейский. Все в порядке. (*Вешает трубку.*)

Илл. А чем будут расплачиваться мои покупатели?

Полицейский. Полиции это не касается. (*Встает и снимает со спинки стула винтовку.*)

Илл. А меня касается. Они будут расплачиваться моей жизнью.

Полицейский. Вам никто не угрожает. (*Заряжает винтовку.*)

Илл. Город все больше залезает в долги. Растут долги, и растет достаток. Вместе с достатком растет необходимость меня убить. И дама может спокойно сидеть у себя на балконе, попивать кофе, курить сигары и ждать. Просто ждать.

Полицейский. Вы фантазируете.

Илл. Все вы ждете! (*Стучит кулаком по столу.*)

Полицейский. Вы хватили лишний стаканчик, Илл. (*Возится с винтовкой.*) Ну вот, зарядил. Теперь вы можете успокоиться. Полиция для того и существует, чтобы все уважали законы, чтобы в стране был порядок и жизнь ее граждан была в безопасности. Она знает, в чем ее долг. Стоит возникнуть даже намеку на малейшую опасность — полиция тут же примет меры. Уж будьте спокойны, господин Илл.

Илл (*тихо*). А почему у вас во рту новый золотой зуб, господин вахмистр?

Полицейский. А?!

Илл. Новенький золотой зуб. И как блестит!

Полицейский. Вы что, рехнулись? (*Направляет на Илла винтовку, и тот медленно поднимает руки вверх.*) У меня нет времени выслушивать твои бредни. И без того дел хватает. У миллиардерши сбежал ее любимец, черный барс. За ним нужно организовать погоню. (*Уходит.*)

Илл. Погоня идет за мной. За мной.

Клара Цаханассьян (*читает письмо*). Он приедет, законодатель мод, мой пятый, самый красивый из мужей. Он каждый раз придумывает для меня новую модель подвенечного платья... Роби, сыграй менуэт.

Менуэт на гитаре.

Восьмой муж. Но твоим пятым мужем был хирург.

Клара Цаханассьян. Нет, хирург — это шестой. (*Распечатывает следующее письмо.*) От короля железных дорог Запада.

Восьмой муж (*с удивлением*). О нем я еще не слыхал.

Клара Цаханассьян. Это мой четвертый. Банкрот. Его акции теперь принадлежат мне. Я соблазнила его в Букингемском дворце.

Восьмой муж. Но ведь то был лорд Измаил?

Клара Цаханассьян. Пожалуй, да. Ты прав, Хоби. Совсем о нем забыла. И о его замке в Йорк-шире. Значит, это письмо от моего второго. Я с ним познакомилась в Каире. Мы целовались под сфинксами. Это был чудесный вечер.

Справа — перемена декораций. Опускается табличка: «Ратуша». Третий входит, задвигает кассу и поворачивает прилавок — теперь это письменный стол. Появляется бургомистр, кладет на стол револьвер и садится. Слева входит Илл. На стене висит проект нового здания ратуши.

Илл. Мне надо с вами поговорить, бургомистр.

Бургомистр. Прошу.

Илл. Как мужчина с мужчиной. Как ваш будущий преемник.

Бургомистр. Слушаю.

Илл продолжает стоять, смотрит на револьвер.

Сбежал черный барс госпожи Цаханассьян. Он забрался в собор. Нельзя ходить безоружным.

Илл. Еще бы.

Бургомистр. Я призвал всех мужчин взяться за оружие. Детей задержат в школе.

Илл (*недоверчиво*). А не слишком ли много шума?

Бургомистр. Охота на хищника!

Дворецкий (*входя*). Президент Международного банка, сударыня. Только что прилетел из Нью-Йорка.

Клара Цаханассьян. Я никого не принимаю. Пусть летит обратно.

Бургомистр. Что вас тревожит? Говорите откровенно.

Илл (*подозрительно*). Вы курите хорошие сигареты?

Бургомистр. Это светлый табак — сигареты «Пегас».

Илл. Очень дорогие...

Бургомистр. Зато приличные.

Илл. Раньше вы курили другие.

Бургомистр. Да. «Пять коней».

Илл. Те были дешевле.

Бургомистр. Но невыносимо крепкие.

Илл. И на вас новый галстук?

Бургомистр. Шелковый.

Илл. И ботинки вы себе купили новые?

Бургомистр. Я их выписал из Кальберштадта. Но, странно, откуда вы все это знаете?

Илл. Поэтому-то я к вам и пришел.

Бургомистр. Что с вами? Вы так побледнели. Вы больны?

Илл. Я боюсь!

Бургомистр. Боитесь?

Илл. Достаток растет.

Бургомистр. Вот это новость! И, скажу откровенно, она очень меня радует.

Илл. Я прошу защиты у властей.

Бургомистр. Вот как! С чего это?

Илл. Сами знаете, господин бургомистр.

Бургомистр. У вас есть подозрения?

Илл. За мою голову дают миллиард.

Бургомистр. Обратитесь в полицию.

Илл. Я обращался в полицию.

Бургомистр. Значит, вам нечего волноваться.

Илл. Во рту полицейского блестит новый золотой зуб.

Бургомистр. Вы забыли, что находитесь в Гюллене, городе с великими гуманистическими традициями. Здесь ночевал Гёте, здесь написал свой квартет Брамс. Это к чему-то обязывает.

Третий (*входит и вносит пишущую машинку*). Новая пишущая машинка, господин бургомистр. Ремингтон.

Бургомистр. Отнесите в канцелярию.

Третий уходит направо.

Мы не заслужили такой неблагодарности. Если вы нам не доверяете, — мне очень жаль. От вас я не ждал такого нигилизма. Мы живем в государстве, где существуют законы.

Илл. Тогда арестуйте ее.

Бургомистр. Странно. В высшей степени странно!

Илл. Это же сказал и полицейский.

Бургомистр. В конце концов, ее поведение, видит Бог, можно понять. Ведь вы подкупили двух наших горожан, подбили их на лжесвидетельство и толкнули юную девушку на пагубный путь.

Илл. Однако на этом пагубном пути она подобрала несколько миллиардов, господин бургомистр.

Молчание.

Бургомистр. Давайте говорить начистоту.

Илл. Для этого я сюда и пришел.

Бургомистр. Поговорим как мужчина с мужчиной, вы сами об этом просили. У вас нет морального права требовать ее ареста, а о том, что вы будете бургомистром, не может быть и речи. Мне очень жаль, но я должен вам это прямо сказать.

Илл. Это официальное заявление?

Бургомистр. Да. По поручению партий.

Илл. Понятно. (*Медленно отходит налево и, стоя спиной к бургомистру, в оцепенении смотрит в окно.*)

Бургомистр. Из того, что мы отвергли предложение дамы, вовсе не следует, что мы оправдываем ваше преступление. Сами понимаете — кандидат в бургомистры должен отвечать определенным моральным требованиям, чего о вас, к сожалению, сказать нельзя. Хотя наше глубокое дружественное расположение к вам, разумеется, остается в силе.

Слева выходят Роби и Тоби. Они опять несут венки и букеты; исчезают в «Золотом апостоле».

Самое лучшее — молчать по поводу всей этой истории. Я просил редакцию «Гонца народа» не предавать дело гласности.

Илл (*оборачиваясь*). Там украшают мой гроб, бургомистр. Молчать для меня слишком опасно.

Бургомистр. С чего это вы взяли, милейший Илл? Вам следует благодарить нас за попытку похоронить эту позорную историю, предать ее забвению.

Илл. Пока я говорю, у меня еще есть надежда на спасение.

Бургомистр. Но это уж слишком! Кто вам угрожает?

Илл. Один из вас.

Бургомистр (*поднимаясь*). Кого вы подозреваете? Назовите имя, и я тотчас назначу следствие. Самое неприятное следствие.

Илл. Каждого из вас.

Бургомистр. От лица города Гюллена я протестую против таких безответственных обвинений!

Илл. Никто не хочет меня убивать. Каждый надеется, что убьет другой. И однажды этот другой найдется.

Бургомистр. У вас галлюцинации!

Илл. Я вижу у вас проект на стене. Вы собираетесь строить новую ратушу? (*Показывает на проект.*)

Бургомистр. Бог ты мой! Неужели мы не можем составить проект?

Илл. Вы уже торгуете моей смертью?

Бургомистр. Дорогой мой, если бы я, как политик, не имел возможности мечтать о лучшем будущем, не связывая его с преступлением, — я бы давно подал в отставку. Можете быть уверены.

Илл. Вы приговорили меня к смерти.

Бургомистр. Господин Илл!

Илл (*тихо*). Ваш проект — лучшее тому доказательство! Самое лучшее доказательство!

Клара Цаханассьян. Онассис* приедет, и герцог с герцогиней, и Ага.

Восьмой муж. Али?

Клара Цаханассьян. Вся эта бражка с Ривьеры.

Восьмой муж. А журналисты?

Клара Цаханассьян. Со всех концов мира. Когда я выхожу замуж, от прессы нет отбоя. Газетам нужна я, а мне нужны газеты. (*Распечатывает следующее письмо.*) От графа Холка.

Восьмой муж. Послушай, Хопси! Неужели наш первый семейный завтрак должен сопровождаться чтением писем от всех твоих бывших мужей?

Клара Цаханассьян. Я не хочу терять общую перспективу.

Восьмой муж (*с болью*). У меня есть свои проблемы. (*Встает и смотрит на Гюллен.*)

Клара Цаханассьян. Что-нибудь случилось с твоим «порше»?

Восьмой муж. Да нет. Меня угнетает этот жалкий городишко. Ну хорошо — шелестят липы, поют птички, плещет фонтан — и так целый день! Все погружено в глубокий, ничем не тревожимый сытый и уютный покой. Никакого величия, ни малейшего дыхания траге-

дии. Ни одной моральной приметы нашей великой эпохи.

Слева выходит священник с охотничьим ружьем через плечо. Он усаживается за стол, за которым раньше сидел полицейский. Набрасывает на стол белый покров с черным крестом. Снимает ружье и прислоняет его к стене гостиницы. Служка помогает ему облачиться. Темнеет.

Священник. Войдите сюда в ризницу, Илл.

Илл входит слева.

Тут темно, но зато прохладно.

Илл. Я не хочу вам мешать, господин священник.

Священник. Храм Божий открыт для всех. (*Замечает, что Илл разглядывает ружье.*) Не удивляйтесь, что здесь ружье. Черный барс госпожи Цаханассьян рыщет вокруг. Только что он был здесь, а теперь спрятался в Петеровом сарае.

Илл. Я взываю о помощи.

Священник. В чем дело?

Илл. Мне страшно.

Священник. Страшно? Кого вы боитесь?

Илл. Людей.

Священник. Боитесь, что они убьют вас, Илл?

Илл. Они охотятся за мной, как за диким зверем.

Священник. Бояться надо не людей, а Бога, не смерти тела, а гибели души... (*Служке.*) Застегни мне сзади рясу.

Теперь видно, что вдоль всех кулис стоят горожане. Сперва мы замечаем полицейского, затем бургомистра, четверых, художника, учителя. Они бродят по сцене, держа ружья наизготовку и что-то тревожно высматривая.

Илл. Речь идет о моей жизни.

Священник. О вашей вечной жизни.

Илл. Достаток в городе растет...

Священник. Все это вам мерещится из-за нечистой совести.

Илл. Люди повеселели. Девушки наряжаются. Юноши щеголяют в ярких рубашках. Гюллен готовится торжественно отпраздновать мое убийство, и я подыхаю от страха.

Священник. На благо, только на благо вам это испытание.

Илл. Но ведь это ад!

Священник. Ад вы несете в себе. Вы старше меня и тешите себя надеждой, что знаете людей. А ведь познать нам дано только самого себя. Если много лет назад вы предали девушку из-за денег, не надо думать, что сегодня люди предадут из-за денег вас. Вы мерите всех на свою мерку. Что ж, это естественно. Причина, которая пробуждает в нас страх, спрятана в нашем сердце, гнездится в наших грехах; поймите это, и тогда вы поборете то, что вас мучит; найдете оружие, чтобы победить свой страх.

Илл. Зиметхоферы купили стиральную машину.

Священник. Это их личное дело.

Илл. В кредит.

Священник. Думайте лучше о бессмертии вашей души.

Илл. Штокеры завели телевизор.

Священник. Молитесь! Служка, дай мне воротник!

Служка надевает на священника круглый воротник.

Прислушайтесь к голосу своей совести, Илл. Покаяние — вот благой путь, не то все на свете будет питать ваш страх. Это единственный выход. Другого нам не дано.

Молчание. Вооруженные горожане незаметно исчезают. Опять кулисы погружаются в темноту. Звонит пожарный колокол.

А теперь мне пора приступить к моим обязанностям — я должен крестить ребенка. (*Служке.*) Дай сюда Библию, псалтырь и молитвенник. Новорожденный уже подает голос. Скоро его душа будет в безопасности, и он узрит то единственное сияние, которое освещает мрак вселенной.

Начинает звонить второй колокол.

Илл. А это еще что за колокол?

Священник. Хорош? Удивительный тон, свободный и сильный. Вот это благо, настоящее благо.

Илл (*кричит*). И вы, служитель Божий! И вы!

Священник (*кидается к Иллу и обнимает его*). Беги! И верующие и безбожники — все мы одинаково слабы. Беги. Колокол звонит в Гюллене, колокол предательства! Беги и не вводи нас во искушение...

Два выстрела. Илл падает.

(*Склоняется над ним.*) Беги! Беги!

Клара Цаханассьян. Боби, там стреляют.

Дворецкий. Да, сударыня.

Клара Цаханассьян. А зачем?

Дворецкий. Черный барс сбежал!

Клара Цаханассьян. Убили его?

Дворецкий. Лежит мертвый перед лавкой Илла.

Клара Цаханассьян. Жаль зверька. А ну-ка, траурный марш, Роби.

На гитаре исполняется траурный марш. Балкон исчезает. Колокольный звон. На сцене — декорации начала первого действия. Вокзал. Только вместо рваного расписания висит новенькое. Видны огромные плакаты. На одном сияет желтое солнце, и под ним надпись: «Поезжайте на Юг»; на втором: «Посетите действо «Страсти Господни» в Оберраммергау». На заднем плане видны новые крыши Гюллена и строительные краны. Слышен грохот проезжающего экспресса. Начальник станции поднимает флажок. Из глубины сцены выходит Илл со стареньким чемоданчиком в руке; он озирается. Медленно, словно ненароком, со всех сторон подходят горожане. Илл в замешательстве останавливается.

Бургомистр. Здравствуй, Илл!

Все. Здравствуй! Здравствуй!

Илл (*робко*). Здравствуйте.

Учитель. Куда это вы отправляетесь с чемоданом?

Все. Куда вы отправляетесь?

Илл. На вокзал.

Бургомистр. Мы вас проводим.

Все. Мы вас проводим. Мы вас проводим.

Все больше и больше горожан заполняют сцену.

Илл. Не провожайте меня. Право же, не надо. С какой это стати?

Бургомистр. Вы уезжаете, Илл?

Илл. Я уезжаю.

Полицейский. Куда же вы едете?

Илл. Сам не знаю. Сперва в Кальберштадт, а потом и дальше...

Учитель. Ага. А потом — дальше.

Илл. Лучше бы всего в Австралию. Как-нибудь на это наберу денег. (*Продолжает свой путь к вокзалу.*)

Все. В Австралию! В Австралию!

Бургомистр. Ну, а почему это вы вдруг собрались?

Илл (*смущенно*). Нельзя же всю жизнь сидеть на одном месте, год за годом, год за годом... (*Бежит на перрон.*)

Горожане окружают его.

Бургомистр. Эмигрировать в Австралию? Ну, это просто смешно.

Врач. И для вас крайне опасно.

Учитель. Один из этих кастратов тоже пытался эмигрировать в Австралию.

Полицейский. Тут для вас самое безопасное место.

Все. Самое безопасное! Самое безопасное!

Илл (*озирается, как затравленный зверь. Тихо*). Я послал в Каффиген письмо начальнику полиции...

Полицейский. Ну и что?

Илл. Никакого ответа.

Учитель. Ваша подозрительность просто непостижима!

Бургомистр. Никто и не думает вас убивать.

Все. Никто. Никто.

Илл. На почте перехватили мое письмо.

Художник. Какая чушь!

Бургомистр. Начальник почты — депутат магистрата!

Учитель. Честнейший человек!

Все. Честнейший! Честнейший!

Илл. Читайте, здесь написано: «Поезжайте на Юг».

Врач. Что из этого следует?

Илл. «Посетите действо «Страсти господни» в Обераммергау».

Учитель. Ну и что из этого?

Илл. Город строится!

Бургомистр. Ну и что из этого?

Илл. На всех вас новые штаны.

Первый. Ну и что из этого?

Илл. Вы становитесь все богаче, все зажиточнее!

Все. Ну и что из этого?

Удар станционного колокола.

Учитель. Вы же видите, как вас все любят.

Бургомистр. Все жители Гюллена вас провожают.

Все. Весь город. Весь город.

Илл. Я об этом не просил.

Второй. Разве нам нельзя с тобой попрощаться?

Бургомистр. Мы ведь старые друзья.

Все. Мы ведь старые друзья! Мы ведь старые друзья!

Грохот приближающегося поезда. Начальник станции поднимает флажок. Слева появляется кондуктор, он словно только что соскочил с подножки.

Кондуктор (*кричит протяжно*). Гюллен!
Бургомистр. Это ваш поезд.
Все. Ваш поезд. Ваш поезд.
Бургомистр. Ну, Илл, счастливого вам пути.
Все. Счастливого пути! Счастливого пути!
Врач. Прекрасной, долгой жизни.
Все. Прекрасной, долгой жизни!

Горожане толпятся вокруг Илла.

Бургомистр. Вам пора. Садитесь же, Бога ради, поскорей в этот поезд. Это почтовый до Кальберштадта.
Полицейский. Желаю счастья в Австралии.
Все. Много счастья! Много счастья!

Илл стоит неподвижно, вглядываясь
в лица провожающих.

Илл (*тихо*). Зачем вы все сюда пришли?
Полицейский. И вы еще недовольны?
Начальник станции. Прошу садиться в вагоны.
Илл. Почему вы меня обступили?
Бургомистр. Мы и не думали вас обступать.
Илл. Пустите меня!
Учитель. Мы вас не держим.
Все. Мы вас не держим. Мы вас не держим.
Илл. Я знаю, один из вас задержит меня.
Полицейский. Глупости. Вам стоит только войти в вагон, и вы увидите, что это глупости.
Илл. Уходите!

Все стоят не шелохнувшись. У многих руки
засунуты в карманы брюк.

Бургомистр. Не понимаю, чего вам надо! Идите же, кто вам мешает? Входите в вагон.
Илл. Прочь от меня!
Учитель. Чего вы боитесь, смешно.
Илл (*падает на колени*). Зачем вы так тесно окружили меня?
Полицейский. Он рехнулся.
Илл. Вы хотите меня удержать?
Бургомистр. Садитесь поскорее в вагон.
Все. В вагон! В вагон!

Молчание.

Илл (*тихо*). Один из вас схватит меня, когда я войду в вагон.

Все (*торжественно*). Никто не схватит! Никто!

Илл. Я это знаю.

Полицейский. Пора. Поезд отходит.

Учитель. Садись же наконец в вагон, приятель!

Илл. Я знаю, один из вас схватит меня! Один из вас схватит меня!

Начальник станции. Отправление!

Начальник станции поднимает флажок, кондуктор вскакивает на ходу в поезд. Илл, окруженный провожающими, стоит, закрыв лицо руками.

Полицейский. Видите? Ваш поезд ушел без вас, Илл.

Все молча медленно расходятся, посреди сцены стоит совершенно подавленный Илл.

Илл (*один*). Я погиб.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Петеров сарай. Слева на паланкине неподвижно восседает Клара Цаханассьян, она в белом подвенечном платье со шлейфом. Дальше слева — стремянка, поодаль телега, старая пролетка, куча грязной соломы; посредине — небольшая бочка. Сверху свисают тряпки, полуистлевшие мешки, все заткано гигантской паутиной. Из глубины сцены выходит дворецкий.

Дворецкий. Вас спрашивают врач и учитель.
Клара Цаханассьян. Пусть войдут.

Входят врач и учитель, ощупью пробираются в темноте. Наконец, разглядев миллиардершу, кланяются. Теперь они хорошо, добротно одеты, пожалуй, даже элегантно.

Оба. Сударыня...

Клара Цаханассьян (*разглядывает их в лорнет*). Вы очень запылились, господа!

Врач и учитель отряхиваются.

Учитель. Извините, пожалуйста, пришлось карабкаться через старую пролетку.

Клара Цаханассьян. А мне захотелось посидеть в Петеровом сарае. Что-то я устала. Свадьба в гюлленском кафедральном соборе совсем вымотала меня. Я уже не девочка. Садитесь вот сюда, на бочку.

Учитель. Покорно благодарю. (*Садится.*)

Врач продолжает стоять.

Клара Цаханассьян. Ну и парит! Дышать нечем. Я люблю этот сарай: запах сена, соломы, дегтя... Тут есть что вспомнить. Весь этот хлам — навозные вилы, пролетка, сломанная телега — валялся здесь, еще когда я была молодая.

Учитель. Памятное место... (*Вытирает пот.*)

Клара Цаханассьян. Священник говорил очень прочувствованно.

Учитель. Первое послание к Коринфянам, глава тринадцатая.

Клара Цаханассьян. И вы, господин учитель, тоже неплохо показали себя, хор у вас звучал очень торжественно.

Учитель. Бах. «Страсти по Матфею». До сих пор не могу опомниться: какое блестящее общество! Банкиры, кинозвезды...

Клара Цаханассьян. Сейчас и банкиры и кинозвезды уже катят в столицу в своих «кадиллаках». На свадебный обед.

Учитель. Сударыня, мы не хотим отнимать у вас драгоценное время. Вас с нетерпением ждет молодой супруг.

Клара Цаханассьян. Хоби? Я отослала его назад в Гейзельгарштейг вместе с его гоночной машиной.

Врач (*изумленно*). Вы его отослали?..

Клара Цаханассьян. Мои адвокаты уже начали бракоразводный процесс.

Учитель. А что скажут гости, сударыня?

Клара Цаханассьян. Их не удивишь. Хотя это, пожалуй, одно из самых коротких моих замужеств. Только с лордом Измаилом все кончилось еще быстрее. А зачем вы пришли?

Учитель. Хотели бы поговорить о господине Илле.

Клара Цаханассьян. Он что, умер?

Учитель. Сударыня! Не забывайте, что мы живем в Европе.

Клара Цаханассьян. Что же вам тогда надо?

Учитель. Увы, к величайшему сожалению, мои сограждане слишком много себе накупили.

Врач. Да, довольно много.

Оба утирают пот.

Клара Цаханассьян. Что, задолжали?

Учитель. Ужасно.

Клара Цаханассьян. А как же убеждения?

Учитель. Все мы люди.

Врач. И теперь настал час расплаты.

Клара Цаханассьян. Вы же знаете, что вам надо делать.

Учитель (*храбро*). Сударыня! Давайте говорить откровенно. Войдите в наше положение. Вот уже двадцать лет, как я взращиваю на скудной ниве родного городка хрупкие ростки гуманизма, а доктор на своем стареньком «мерседесе» самоотверженно пользует наших чахоточных и рахитиков. Но во имя чего? Ради заработка? Вряд ли. Мы получаем гроши. Тем не менее я отверг завидный пост в кальберштадтской гимназии, а наш почтенный доктор отказался читать курс в Эрлангенском университете. Совершенно бескорыстно? Нет, будем откровенны. Все эти годы мы, а вместе с нами и весь город терпели потому, что нас не покидала надежда на возрождение былого величия Гюллена. Неисчислимы богатства его недр. В долине Пюкенрид есть нефть, в Конрадовом лесу — железная руда. Под ногами у нас сокровища, но о нас забыли. Нам нужны кредиты, нужны деловые контракты, и тогда наша экономика и культура расцветут. Нам есть что предложить. Заводы «Место под солнцем»...

Врач. Заводы Бокмана...

Учитель. Предприятия Вагнера. Купите их, вдохните в них жизнь, и Гюллен расцветет. Выгодней по-хозяйски, под хорошие проценты вложить миллионы, чем бросить на ветер целый миллиард.

Клара Цаханассьян. У меня останется еще два.

Учитель. Не губите надежд всей нашей жизни. Мы не просим подаяния. Мы предлагаем сделку, выгодную для обеих сторон.

Клара Цаханассьян. Что ж, сделка и вправду выгодная...

Учитель. Сударыня! Я знал, что вы не покинете нас в беде.

Клара Цаханассьян. Но я не могу ее заключить. Разве я могу купить «Место под солнцем», если оно и так мое?

Учитель. Ваше?

Врач. А Бокман?

Учитель. А Вагнер?

Клара Цаханассьян. Тоже мои. Все мое — все ваши фабрики, долина Пюкенрид, Петеров сарай — все ваши улицы, все ваши дома. Мои агенты скупили ваш город со всеми потрохами и закрыли все предприятия. Ваши надежды — мираж, ваше терпение — бессмысленно,

ваше самопожертвование — глупость! Вся ваша жизнь пропала ни за грош!

Молчание.

Врач. Ужасно!

Клара Цаханассьян. Когда меня выгоняли из этого города, была зима. Рыжая девчонка дрожала от холода в своей матроске, а жители смеялись ей вслед. Ведь она была брюхата. Я сидела, синяя от холода, в гамбургском поезде, и, когда в заиндевелых окнах вагона исчезли очертания вот этого сарая, я поклялась, что еще сюда вернусь. И вот я вернулась. Теперь ставлю условия я. (*Громко.*) Роби и Тоби! Несите меня в «Золотой апостол». Мой девятый уже, верно там, со всеми своими книгами и рукописями.

Из глубины сцены появляются громилы и поднимают паланкин.

Учитель. Сударыня! В вас оскорбили женщину, и вы требуете правосудия. Да, вы — подлинная героиня античной трагедии, настоящая Медея. Как мы вас понимаем! Но мы умоляем: забудьте о мести, не доводите нас до отчаяния, помогите бедным, слабым людям честно и достойно прожить свою жизнь. Мы взываем к вашему гуманизму!

Клара Цаханассьян. Гуманизм, господа, — бизнес миллионеров. С моими же капиталами устраивают мировой порядок. Мир сделал из меня публичную девку, теперь я сделаю из него публичный дом. Нет денег, расплачивайтесь другим способом, если хотите уцелеть. Честен тот, кто платит, а я плачу. Хотите достатка? Я дам вам его в обмен на мертвеца. (*Громилам.*) Пошли!

Громилы уносят паланкин в глубину сцены.

Врач. Боже мой, что делать?

Учитель. Слушаться своей совести, доктор Нюслин.

На переднем плане справа появляется лавка Илла. Новая вывеска, новый сверкающий стеклом и металлом прилавок, новая касса, дорогие товары. Когда кто-нибудь входит через воображаемую дверь, раздается торжественный перезвон колокольчиков. За стойкой госпожа Илл. Слева входит первый — теперь видно, что он мясник и что дела его идут блестяще; его новый фартук слегка забрызган кровью.

Первый. Вот это был праздник. Весь Гюллен толпился перед собором.

Госпожа Илл. Можно только порадоваться за Клерхен... Сколько она, бедняжка, выстрадала.

Первый. Подружками невесты были кинозвезды. Все с такими бюстами.

Госпожа Илл. Сейчас это модно.

Первый. Журналисты понаехали. Сюда они тоже заглянут.

Госпожа Илл. Мы люди простые, господин Хофбауэр. Что им у нас делать?

Первый. Они всех выспрашивают. Дайте пачку сигарет.

Госпожа Илл. Зеленых?

Первый. Американских. Сегодня всю ночь пировали у Штокеров.

Госпожа Илл. Записать за вами?

Первый. Запишите.

Госпожа Илл. Как дела в мясной?

Первый. Жаловаться грех.

Госпожа Илл. Мне тоже.

Первый. Пришлось нанять продавцов.

Госпожа Илл. Кончится месяц, и я тоже возьму себе кого-нибудь в помощь.

Луиза проходит мимо лавки; она элегантно одета.

Первый. Ну, воображает! Ну и разоделась! Надеется, наверно, что мы убьем Илла.

Госпожа Илл. Бесстыдница.

Первый. А где же он сам? Давненько его не видно.

Госпожа Илл. Наверху.

Первый закуривает сигарету, прислушивается, подняв голову.

Первый. Кто-то ходит.

Госпожа Илл. Это он ходит по комнате. Который день ходит.

Первый. Нечистая совесть покоя не дает. Подло он тогда поступил с бедной Клерхен.

Госпожа Илл. А за что я должна страдать?

Первый. Вовлечь девушку в такую беду, черт подери! (*Решительно.*) Госпожа Илл, надеюсь, ваш муж не будет распускать язык, когда придут из газет.

Госпожа Илл. Конечно, нет.

Первый. С его-то характером...

Госпожа Илл. Мне с ним нелегко, господин Хофбауэр.

Первый. Если он вздумает срамить нашу Клерхен, распускать всякие небылицы, будто она предложила деньги за то, чтобы мы его убили или в этом роде... Тогда нам придется вмешаться. И не ради миллиарда (*плюет*), а потому, что народный гнев не сдержать. Видит Бог, наша добрая Клерхен по его милости довольно настрадалась. (*Оглядывается по сторонам.*) Здесь вход наверх?

Госпожа Илл. Да, к нему только один ход. Это неудобно. Но весной мы тут все перестроим.

Первый. Тогда я тут и постою. Мало ли что может быть...

Первый становится в правом углу, скрестив руки, невозмутимо, как часовой. Входит учитель.

Учитель. Где Илл?

Первый. Наверху.

Учитель. Хотя это, собственно, и не в моих привычках, но сейчас мне нужно выпить чего-нибудь покрепче.

Госпожа Илл. Наконец-то и вы к нам зашли, господин учитель. У меня есть новая водка. Хотите отведать?

Учитель. Одну рюмочку.

Госпожа Илл. И вам, господин Хофбауэр?

Первый. Нет, спасибо. Мне еще надо съездить в Каффинген. На моей новой машине. Хочу купить поросят.

Госпожа Илл наливает, учитель пьет.

Госпожа Илл. Что это вы дрожите, господин учитель?

Учитель. Слишком много пью за последнее время.

Госпожа Илл. Лишняя рюмочка не повредит.

Учитель. Это он там ходит, как маятник? (*Прислушивается, подняв голову.*)

Госпожа Илл. Да, все время ходит из угла в угол.

Первый. Не миновать ему Божьей кары.

Слева входит художник с картиной под мышкой. На нем новый вельветовый костюм, пестрый галстук, черный берет.

Художник. Господа, будьте осторожны, два журналиста уже расспрашивали меня об этой лавке.

Первый. Опасно.

Художник. Я сделал вид, будто ничего не знаю.

Первый. Мудро.

Художник. А это вам, госпожа Илл. Только что снял с мольберта. Еще краска не высохла. (*Показывает картину.*)

Учитель сам наливает себе еще рюмку.

Госпожа Илл. Портрет моего мужа.

Художник. Искусство в Гюллене начинает расцветать. Это настоящая живопись, а?

Госпожа Илл. Как живой.

Художник. Масло. Останется на века.

Госпожа Илл. Я повешу портрет в спальне. Над кроватью. Альфред стареет. И кто знает, что может случиться? Приятно, если останется что-нибудь на память.

Перед лавкой проходят две женщины, которых мы видели во втором действии, но теперь элегантно одетые; они рассматривают товары в воображаемой витрине.

Первый. Ох уж эти бабы! Собрались в новое кино средь бела дня. Ведут себя так, будто мы и впрямь убийцы.

Госпожа Илл. Сколько стоит портрет?

Художник. Триста.

Госпожа Илл. Сейчас я не смогу заплатить.

Художник. Неважно. Я подожду, госпожа Илл, охотно подожду.

Учитель. А он все ходит.

Слева появляется второй.

Второй. Идут журналисты!

Первый. Смотрите, только молчать! Молчать как могила.

Художник. Смотрите, чтобы он к ним не вышел.

Первый. Об этом уж я позабочусь.

Гюлленцы выстраиваются справа. Учитель, который уже выпил полбутылки, остается у прилавка. Входят двое газетчиков с фотоаппаратами.

Первый газетчик. Добрый вечер, господа хорошие.

Горожане. Здравствуйте.

Первый газетчик. Вопрос первый: как вы себя в общем и целом чувствуете?

Первый (*смущенно*). Конечно, мы рады приезду госпожи Цаханассьян...

Художник. Тронуты до глубины души.

Второй. Горды.

Первый газетчик. Вопрос второй, специально к хозяйке этого магазина. Говорят, вы отбили жениха у Клары Цаханассьян?

Молчание. Гюлленцы явно перепуганы.

Госпожа Илл. Кто это говорит?

Молчание. Газетчики с равнодушным видом пишут в своих блокнотах.

Первый газетчик. Два толстеньких слепых старичка госпожи Цаханассьян.

Молчание.

Госпожа Илл (*нерешительно*). Ну и что же рассказывают эти старички?

Второй газетчик. Все.

Художник. Черт бы их подрал.

Молчание.

Второй газетчик. Говорят, Клара Цаханассьян и хозяин этой лавки лет сорок назад чуть было не поженились. Верно?

Молчание.

Госпожа Илл. Верно.

Второй газетчик. Господин Илл здесь?

Госпожа Илл. Он в Кальберштадте.

Все. Он в Кальберштадте.

Первый газетчик. Да, мы представляем себе их роман. Господин Илл и Клара Цаханассьян росли вместе, жили по соседству, ходили в одну школу, гуляли по лесу... Первые поцелуи, еще совсем невинные, ну а потом господин Илл встретил вас, для него это было нечто новое, неизведанное, словом, страсть.

Госпожа Илл. Да, страсть. Все произошло точь-в-точь, как вы рассказываете.

Первый газетчик. Нас не проведешь, госпожа Илл. Клара все поняла, в ней заговорило благородство, и она отошла в сторону, а вы с господином Иллом поженились...

Госпожа Илл. По любви.
Гюлленцы (*с облегчением*). По любви.
Первый газетчик. По любви.

Справа появляются оба слепца, которых тащит за уши Роби.

Слепцы (*голосят*). Мы больше не будем ничего рассказывать! Мы больше не будем ничего рассказывать!

Обоих слепцов уводят в глубь сцены,
где их ожидает Тоби с кнутом.

Второй газетчик. Ну а ваш муж, госпожа Илл, — по-моему, это было бы вполне естественно — ваш муж хотя бы изредка не жалеет о своем выборе?
Госпожа Илл. Не в одних деньгах счастье.
Второй газетчик. Не в одних деньгах счастье.
Первый газетчик. Эту истину нам, людям современным, следовало бы зарубить себе на носу.

Слева появляется сын. Он в замшевой куртке.

Госпожа Илл. Это наш сын, Карл.
Первый газетчик. Прекрасный молодой человек.
Второй газетчик. Известно ли ему об отношениях?..
Госпожа Илл. У нас в семье нет тайн. Мы с мужем всегда повторяем: то, что известно Богу, должны знать и наши дети.
Второй газетчик. Дети все знают.

В лавку входит дочь, она в спортивном костюме,
в руке теннисная ракетка.

Госпожа Илл. А вот и наша дочь Оттилия.
Второй газетчик. Прелестная девушка.
Учитель (*вдруг вскакивает*). Сограждане! Я ваш старый учитель, я тихо пил и молча слушал. Но теперь я хочу произнести речь и рассказать о возвращении нашей Клерхен в Гюллен. (*Взбирается на бочку, ту самую, что стояла в Петеровом сарае.*)
Первый. Вы что, спятили?
Второй. Молчать!
Учитель. Сограждане! Я хочу сказать правду, даже если из-за этого мы навсегда останемся нищими.
Госпожа Илл. Вы пьяны, господин учитель, как вам не стыдно?

Учитель. Мне стыдно? Это тебе должно быть стыдно, подлая баба, это ты собираешься предать мужа!

Сын. Заткнись!

Первый. Убирайся!

Второй. Вон!

Учитель. Дело зашло слишком далеко!

Дочь (*умоляюще*). Господин учитель!

Учитель. Ты меня огорчаешь, детка. Ведь все это ты должна была сама сказать, а приходится кричать мне, старому учителю.

Художник насаживает ему портрет Илла на голову.

Художник. Вот тебе! Видно, хочешь опять лишить меня заказов.

Учитель. Протестую! Протестую перед лицом мировой общественности. В Гюллене готовится злодейство!

Горожане бросаются на учителя, но в эту минуту справа, в старом потрепанном костюме выходит Илл.

Илл. Что творится у меня в доме?

Гюлленцы оставляют учителя и в страхе смотрят на Илла. Гробовая тишина.

Зачем вы влезли на бочку, учитель?

Учитель сияет. Он радостно смотрит на Илла.

Учитель. Чтобы сказать правду, Илл. Я хочу рассказать представителям прессы правду. И слова мои, как трубный глас, разнесутся по всей земле. (*Покачнувшись.*) Ибо я — гуманист, друг древних эллинов, поклонник Платона.

Илл. Замолчите.

Учитель. Как?

Илл. Слезайте.

Учитель. А как же с человечеством?..

Илл. Да сядьте вы!

Молчание.

Учитель (*протрезвев*). Сесть! Человечество должно сесть... Пожалуйста... раз уж вы сами пошли против правды. (*Слезает с бочки и садится. Картина все еще у него на голове.*)

Илл. Извините. Он пьян.

Второй газетчик. Вы — господин Илл?

Илл. Что вам от меня надо?

Первый газетчик. Какое счастье, что нам все же удалось с вами встретиться. Нам необходимо сделать несколько снимков. Вы нам не откажете? (*Оглядывается по сторонам.*) Бакалея, посуда, скобяные товары... Придумал! Мы снимем, как вы продаете топор.

Илл (*помедлив*). Топор?

Первый газетчик. Мяснику. Чем естественней, тем лучше. Дайте-ка сюда это орудие убийства. Покупатель берет топор в руки, взвешивает его, раздумывает, а вы в это время перегибаетесь через прилавок и уговариваете покупателя. Прошу вас. (*Ставит его в соответствующую позу.*) Более естественно, господа, более непринужденно.

Газетчики щелкают фотоаппаратами.

Первый газетчик. Хорошо, очень хорошо.

Второй газетчик. Не будете ли вы так любезны положить руку на плечо вашей супруги? Сын пусть станет слева, дочь — справа. А теперь, прошу вас, сияйте от счастья, сияйте, сияйте, радостно, изнутри, от всей души, сияйте.

Первый газетчик. Вы превосходно сияли.

Несколько фотокорреспондентов пробегают вдоль левой кулисы. Один из них кричит, заглянув в лавку.

Фотокорреспондент. У старухи Цаханассьян новый жених! Они гуляют в Конрадовом лесу.

Второй газетчик. Опять новый?

Первый газетчик. Пошли. Готовая обложка для «Лайфа»!

Оба газетчика стремглав выбегают из лавки.
Молчание. Первый еще держит в руках топор.

Первый (*с облегчением*). Пронесло!

Художник. Извини нас, учитель. Но если мы хотим уладить это дело, пресса ничего не должна знать. Понятно? (*Выходит из лавки.*)

Второй следует за художником. Но потом останавливается перед Иллом.

Второй. Мудро, в высшей степени мудро: главное, не болтать глупостей. Впрочем, такому негодяю, как ты, все равно никто не поверит. (*Уходит.*)

Первый. Нас еще пропечатают в журнале, Илл.

Илл. Наверняка.

Первый. Мы еще прославимся.

Илл. Если это можно назвать славой.

Первый. Дай мне сигару.

Илл. Пожалуйста.

Первый. Запиши за мной.

Илл. Само собой.

Первый. Честно говоря, ты поступил с Клерхен как последний подлец. (*Собирается уходить.*)

Илл. Положи топор, Хофбауэр.

Первый колеблется, потом отдает топор. Все в лавке молчат. Учитель по-прежнему сидит на бочке.

Учитель. Вы меня простите. Я выпил несколько рюмок, не то две, не то три...

Илл. Есть о чем говорить...

Семья Илла выходит из лавки направо.

Учитель. Я хотел вам помочь. Но на меня все навалились, да вы и сами не захотели этого... (*Снимает с головы картину.*) Ах, Илл, разве мы люди? Этот гнусный миллиард сидит у нас в душе как заноза. Мужайтесь, боритесь за свою жизнь, надо связаться с газетами, вам теперь нельзя терять ни минуты.

Илл. Я больше не буду бороться.

Учитель (*удивленно*). Скажите, вы что, совсем потеряли голову от страха?

Илл. Нет, но я понял, что не имею права.

Учитель. Не имеете права? Бороться с проклятой старой шлюхой, которая на глазах у всех меняет мужей как перчатки и скупает наши души?

Илл. В конце концов виноват я.

Учитель. Виноваты?

Илл. Я сделал Клару такой, какая она есть, и себя таким, каким стал: паршивым бакалейщиком. Так что же мне теперь делать, учитель из Гюллена? Изображать невиновного? Все это дело моих рук — и кастраты, и дворецкий, и гроб, и этот миллиард. Я не могу ничем помочь ни

себе, ни вам. (*Берет разорванную картину и разглядывает ее.*) Мой портрет.

Учитель. Ваша жена хотела повесить его в спальне над кроватью.

Илл. Кюн нарисует новый. (*Кладет портрет на прилавок.*)

Учитель (*с трудом встает, покачиваясь*). Отрезвел. В один миг отрезвел. (*Подходит, пошатываясь, к Иллу.*) Вы правы. Абсолютно во всем виноваты вы. А теперь, Альфред Илл, я хочу вам сказать нечто принципиальное. (*Стоит совершенно прямо перед Иллом, слегка покачиваясь.*) Вас убьют. Я это знаю с первого дня, и вы это знаете уже давно, хотя никто в Гюллене не смеет сказать это вслух. Искушение слишком велико, а наша бедность слишком горька. Но я скажу вам больше того. Я сам стану соучастником убийства. Я чувствую, как постепенно превращаюсь в убийцу. Вера в гуманность мне не поможет. Вот почему я стал пьяницей. Мне страшно, Илл, так же, как и вам было страшно. Сегодня я еще понимаю, что когда-нибудь, в один прекрасный день, и по нашу душу явится старая дама, и тогда с нами произойдет то же, что сейчас с вами; но скоро, быть может, через несколько часов я перестану это понимать. (*Молчание.*) Дайте еще бутылку водки.

Илл ставит на прилавок бутылку.
Учитель, поколебавшись, берет ее.

Запишите за мной. (*Медленно уходит.*)

Семья Илла снова появляется в лавке.

Илл (*как сквозь сон, оглядывается по сторонам*). Все новенькое, все по последней моде. Чисто, приятно. Я всегда мечтал иметь такую лавку. (*Берет у дочери ракетку.*) Ты играешь в теннис?

Дочь. Несколько раз ходила на уроки.

Илл. По утрам, правда? Вместо того чтобы бежать на биржу труда?

Дочь. Все мои подруги играют в теннис.

Молчание.

Илл. Я видел тебя за рулем, Карл, из своего окна.

Сын. Это «оппель-олимпия», не такая уж дорогая машина.

Илл. Когда ты научился водить машину?

Молчание.

Когда палит солнце? Раньше тебе приходилось в эти часы выпрашивать работу на вокзале.

Сын. Да, бывало. (*Чтобы скрыть смущение, выносит направо бочку, на которой сидел пьяный учитель.*)

Илл. Я искал свой выходной костюм. И наткнулся на меховое манто.

Госпожа Илл. Я взяла его примерить. (*Пауза.*) Все залезают в долги, Фреди. Только ты нервничаешь. Твои страхи просто смешны. Кто же не понимает, что все это обойдется и ни один волос не упадет с твоей головы. Клерхен не захочет довести дело до конца. Я ее знаю, у нее слишком доброе сердце.

Дочь. Конечно, папа.

Сын. Пойми же ты это наконец!

Молчание.

Илл (*медленно*). Сегодня суббота. Я хочу прокатиться на твоей машине, Карл, один-единственный раз. На нашей машине.

Сын (*нерешительно*). Прокатиться?

Илл. Пойдите приоденьтесь. Прокатимся все вместе.

Госпожа Илл (*нерешительно*). Мне тоже ехать? Пожалуй, это не очень удобно.

Илл. Почему неудобно? Иди накинь свое манто. Воспользуемся случаем, обновим его. А я пока закрою кассу.

Жена и дочь выходят направо, сын налево, Илл садится за кассу, слева появляется бургомистр с ружьем.

Бургомистр. Добрый вечер, Илл. Занимайтесь своим делом. Я к вам на минутку.

Илл. Милости просим.

Молчание.

Бургомистр. Принес вам ружье.

Илл. Спасибо.

Бургомистр. Заряжено.

Илл. Мне оно не нужно.

Бургомистр (*прислоняет ружье к прилавку*). Сегодня вечером собрание городской общины. В «Золотом апостоле». В зрительном зале.

Илл. Я приду.

Бургомистр. Все придут. Будет обсуждаться ваше дело. Мы оказались в довольно трудном положении.

Илл. И я так считаю.

Бургомистр. Предложение будет отклонено.

Илл. Возможно.

Бургомистр. Конечно, ручаться нельзя...

Илл. Конечно.

Молчание.

Бургомистр (*осторожно*). А в этом случае вы тоже подчинитесь нашему решению, Илл? Ведь на собрании будут присутствовать представители газет.

Илл. Газет?

Бургомистр. Да, а также радио, телевидения и кинохроники. Ситуация весьма щекотливая, и не только для вас, но и для нас, уж поверьте. Город наш, где родилась Цаханассьян и где она венчалась в соборе, стал так знаменит, что будет сделана специальная передача о наших старых демократических обычаях.

Илл. Вы намерены обнародовать предложение Цаханассьян?

Бургомистр. Намеком, только посвященные поймут, о чем идет речь.

Илл. То есть то, что речь пойдет о моей жизни.

Молчание.

Бургомистр. Я уже проинформировал прессу в том смысле, что... возможно... госпожа Цаханассьян пожертвует нам определенную сумму и что вы, Илл, будете в этом деле посредником — как друг ее юности. А то, что вы были ее другом, теперь уже известно всем. Таким образом внешне вы будете оправданы, как бы потом ни обернулось дело.

Илл. Очень мило с вашей стороны.

Бургомистр. Сказать по правде, я сделал это не ради вас, а ради вашей честной, благородной семьи.

Илл. Понимаю.

Бургомистр. Признайте, что мы ведем честную игру. Вы до сих пор молчали. Отлично. Но будете ли вы молчать и впредь? Если вы решили заговорить, нам придется кончить это дело без всякого собрания общины.

Илл. Понимаю.

Бургомистр. Ну, так как же?

Илл. Я рад, что мне теперь угрожают открыто.

Бургомистр. Я вам не угрожаю, Илл, это вы угрожаете нам. Если вы заговорите, нам волей-неволей придется действовать. Принять превентивные меры.

Илл. Я буду молчать.

Бургомистр. Что бы ни решило собрание?

Илл. Я ему подчинюсь.

Бургомистр. Прекрасно. (*Пауза.*) Я рад, что вы согласны предстать перед судом своих сограждан. Значит, в вас еще теплится совесть, но разве не лучше, если бы нам для этого вовсе не пришлось собираться?

Илл. Что вы хотите этим сказать?

Бургомистр. Вы только что сказали, что ружье вам не нужно. Может, оно вам все же понадобится?

Пауза.

Тогда мы скажем даме, что приговор приведен в исполнение, и получим деньги, ничего не делая. Поверьте, я промучился не одну ночь, прежде чем решился к вам с этим прийти. Ведь, по существу, ваш долг — покончить с собой, вы же человек порядочный и обязаны отвечать за свои поступки. Не так ли? И вы должны сделать это как патриот, из любви к родному Гюллену. Вы же видите, какую мы терпим нужду, как страдаем от нищеты, как чахнут наши дети...

Илл. Ну, сейчас вам не на что жаловаться.

Бургомистр. Илл!

Илл. Послушайте, бургомистр! Я вынес все муки ада! Я видел, как вы погрязаете в долгах, как с ростом достатка ко мне все ближе подкрадывается смерть. Если бы вы избавили меня от этого страха, от этой медленной пытки, все было бы иначе и я взял бы у вас ружье. Ради вас. Но я сам поборол свой страх. Сам. Мне было тяжко, но я это сделал. И пути назад нет. Вам придется стать моими судьями. Я подчинюсь приговору, каким бы он ни был. Для меня это будет правосудием, чем это будет для вас — не знаю. Дай Бог, чтобы приговор не сокрушил вас самих. Можете меня убить, я не стану молить о пощаде, протестовать, защищаться, но избавить вас от этого поступка я не могу.

Бургомистр (*берет ружье*). Жаль, вы упускаете последнюю возможность себя обелить, стать хоть мало-мальски порядочным человеком. Впрочем, от вас этого трудно требовать.

Илл. Хотите прикурить, господин бургомистр? (*Дает ему прикурить.*)

Бургомистр уходит. Появляется госпожа Илл в меховом манто, дочь в красном платье.

Илл. Какая ты нарядная, Матильда.

Госпожа Илл. Это настоящий каракуль.

Илл. Да, ты теперь барыня...

Госпожа Илл. Только дороговато...

Илл. И у тебя красивое платье, Оттилия. Но не слишком ли кричащее?

Дочь. Ну вот еще, папа. Посмотрел бы ты на мой вечерний туалет.

Лавка исчезает. На машине подъезжает сын.

Илл. Красивая машина. Всю жизнь я бился как рыба об лед, чтобы сколотить хоть маленький капиталец и пожить в свое удовольствие, ну хотя бы купить такую машину. А теперь, раз машина куплена, надо попробовать, каково на ней ездить. Ты, Матильда, сядь сзади со мной, а Оттилия пусть садится с Карлом.

Усаживаются в машину.

Сын. Сто двадцать дает запросто.

Илл. Не надо ехать быстро. Я хочу полюбоваться на здешние места, на городок, где я прожил чуть не семьдесят лет. Старые улицы стали такие чистые, многие дома уже отремонтированы, из труб вьется дымок, на подоконниках цветет герань, в садах — подсолнечник и розы, играют дети, гуляют парочки. Как современно новое здание на площади Брамса.

Дочь. Смотрите, врач на своем новом «мерседесе».

Илл. А равнина и холмы сегодня словно позолочены. Просто удивительно, какие огромные тени падают на землю. А там вдали, на горизонте, будто великаны, шагают экскаваторы вагнеровских заводов и трубы заводов Бокмана.

Сын. Скоро они задымят.

Илл. Что ты сказал?

Сын (*громче*). Скоро они задымят. (*Сигналит.*)

Госпожа Илл. Странные трехколесные машины.

Сын. Это «мессершмитты». Каждый ученик имеет теперь такой.

Дочь. C'est terrible[1].

Госпожа Илл. Оттилия совершенствуется во французском и английском языках.

Илл. Полезное занятие. А вот и «Место под солнцем». Давно я не был в этих местах.

Сын. Заводы должны быть расширены.

Илл. Говори громче, а то не слышно.

Сын (*громче*). Они будут расширены. Ну, конечно, вот и Штокер. Его «бьюик» всех обгоняет.

Дочь. Проклятый выскочка!

Илл. Проедем по долине Пюкенрид. Мимо болота, по тополевой аллее и объедем вокруг охотничьего домика курфюрста Хассо. Облака клубятся совсем как летом. Красивые места, все залито лучами заходящего солнца, и я смотрю на это, словно вижу впервые.

Дочь. По настроению напоминает Адальберта Штифтера*.

Илл. Кого?

Госпожа Илл. Оттилия изучает литературу.

Илл. Благородно.

Сын. Хофбауэр на своем «фольксвагене». Едет домой из Каффингена.

Дочь. Купил поросят.

Госпожа Илл. Карл прекрасно водит машину, ты видел, как он лихо взял этот вираж. С ним не страшно.

Сын. Перевожу на первую скорость. Начинается подъем.

Илл. А я всегда задыхался, когда мне приходилось лезть на эту гору.

Госпожа Илл. Хорошо, что я накинула на себя манто. Становится прохладно.

Илл. Ты не туда поехал. Это дорога в Бейзенбах. Возвращайся обратно, а потом сворачивай налево, в Конрадов лес.

Машина катится в глубину сцены. Появляются четверо с деревянной скамейкой, теперь они во фраках, изображают деревья.

---

[1] Это ужасно (*франц.*).

Первый. Опять мы зеленые сосны, опять мы буки.

Второй. Мы — дятел, кукушка и пугливая косуля.

Третий. Здесь веет стариной, воспетой поэтами.

Четвертый. Но теперь сюда врываются гудки автомобилей.

Сын (*сигналит*). Опять косули. И не думают убегать с дороги.

Третий отскакивает в сторону.

Дочь. Совсем ручная. Браконьеры их больше не трогают.

Илл. Остановись под этими деревьями.

Сын. Пожалуйста.

Госпожа Илл. Чего ты хочешь?

Илл. Прогуляться по лесу. (*Выходит из машины.*) Приятно послушать здесь гюлленские колокола. Конец рабочего дня.

Сын. Колоколов теперь четыре. Поэтому звон стал такой мелодичный.

Илл. Все уже пожелтело, осень наконец вступила в свои права. Листья на земле, как золотой покров. (*Ступает на листву.*)

Сын. Мы подождем тебя внизу у моста.

Илл. Не надо. Я вернусь через лес пешком. Сегодня собрание общины.

Госпожа Илл. А мы тогда съездим в Кальберштадт, сходим в кино.

Сын. Servus[1], папа.

Дочь. So long, Daddy![2]

Госпожа Илл. Пока! Пока!

Машина с семейством Илла исчезает, потом проезжает снова в обратном направлении. Жена, дочь и сын машут Иллу. Илл глядит им вслед. Садится на скамейку, которая стоит слева. Шелест ветра. Справа выходят Роби и Тоби с паланкином, на котором восседает Клара Цаханассьян в своем обычном наряде. За спиной у Роби гитара. Рядом с Кларой шествует ее девятый муж, лауреат Нобелевской премии, высокий, стройный мужчина с благородной сединой и маленькими усиками. (Всех ее мужей может играть один и тот же актер.) Позади — дворецкий.

Клара Цаханассьян. Вот и Конрадов лес. Роби и Тоби, стойте! (*Сходит с паланкина, осматривает лес в*

---

[1] Привет (*лат.*).

[2] Пока, папа! (*англ.*)

лорнет, гладит первого по спине.) Короед, дерево засыхает. (*Увидела Илла.*) Альфред, как хорошо, что я тебя встретила. Пойдем погуляем в моем лесу.

Илл. Разве Конрадов лес тоже твой?

Клара Цаханассьян. Тоже. Не возражаешь, если я сяду рядом?

Илл. Пожалуйста. Я только что простился с семьей. Они поехали в кино. У Карла теперь машина.

Клара Цаханассьян. Прогресс... (*Садится рядом с Иллом справа.*)

Илл. Оттилия изучает литературу. Берет уроки английского и французского.

Клара Цаханассьян. Видишь, у них теперь появились высокие идеалы. Иди сюда, Цоби, поздоровайся. Мой девятый. Лауреат Нобелевской премии.

Илл. Очень приятно.

Клара Цаханассьян. Большой оригинал. Особенно когда не думает. Перестань думать, Цоби.

Девятый муж. Золотко мое...

Клара Цаханассьян. Не кривляйся.

Девятый муж. Хорошо, хорошо. (*Перестает думать.*)

Клара Цаханассьян. Видишь, он теперь вылитый дипломат. Напоминает графа Холка, только тот не писал книг. Цоби хочет уединиться, чтобы писать мемуары и управлять моим состоянием.

Илл. Поздравляю.

Клара Цаханассьян. А мне как-то не по себе. Ведь мужа заводят для представительства, а не ради выгоды. Иди, Цоби, займись своей наукой. Налево исторические развалины.

Девятый муж уходит.

Илл (*озирается по сторонам*). А где кастраты?

Клара Цаханассьян. Разучились держать язык за зубами. Я велела их услать в Гонконг, в один из моих притонов, где курят опиум. Пусть блаженствуют. Скоро за ними последует и дворецкий. Он мне больше не нужен. Сигарету, Боби.

Дворецкий выходит из глубины сцены, протягивает ей портсигар.

Хочешь сигарету, Альфред?

Илл. Не откажусь.

Клара Цаханассьян. Бери. Дай прикурить, Боби.

Курят.

Илл. Хороший запах.

Клара Цаханассьян. В этом лесу мы часто курили вдвоем, помнишь? Сигареты ты покупал у Матильдхен. Или, вернее, воровал у нее.

Первый стучит ключом по своей трубке.

А вот и дятел.

Четвертый. Ку-ку! Ку-ку!

Илл. И кукушка.

Клара Цаханассьян. Хочешь, Роби сыграет тебе на гитаре?

Илл. Не откажусь.

Клара Цаханассьян. Он хорошо играет, этот громила, которому я спасла жизнь. Когда на меня нападает тоска, он мне просто необходим. Ненавижу пластинки и радио.

Илл. «По африканской земле идет батальон».

Клара Цаханассьян. Твоя любимая. Этой песне я его научила.

Молчание. Они курят. Кукушка и так далее.
Шелест леса. Роби играет.

Илл. У тебя был... я хотел сказать, у нас был ребенок?

Клара Цаханассьян. Конечно, был.

Илл. Мальчик или девочка?

Клара Цаханассьян. Девочка.

Илл. А как ты ее назвала?

Клара Цаханассьян. Женевьева.

Илл. Красивое имя.

Клара Цаханассьян. Я видела ее только раз. Когда она родилась. Потом ее забрали. Взяли в приют.

Илл. Какие у нее были глаза?

Клара Цаханассьян. Глаз она еще не открывала.

Илл. А волосики?

Клара Цаханассьян. Кажется, черные, но у младенцев волосы часто бывают темные.

Илл. Да, правда.

Молчат. Курят. Звуки гитары.

Где же она умерла?

Клара Цаханассьян. У чужих людей. Не помню их имен.

Илл. От чего?

Клара Цаханассьян. От менингита. А может, и от другой болезни. Мне прислали свидетельство.

Илл. Свидетельству о смерти можно верить.

Молчание.

Клара Цаханассьян. Я рассказала тебе о нашей дочке. А теперь ты расскажи обо мне.

Илл. О тебе?

Клара Цаханассьян. О том, какой я была, когда мне было семнадцать и ты любил меня.

Илл. Как-то раз я долго искал тебя в Петеровом сарае и вдруг увидел в старой пролетке. Ты была в одной рубашке и в зубах держала длинную соломинку.

Клара Цаханассьян. Я помню тебя сильным и смелым. Ты подрался с железнодорожником, который ко мне пристал. А я отирала кровь у тебя с лица своей красной нижней юбкой.

Гитара замолкает.

Вот и конец песни.

Илл. А теперь пусть сыграет: «Родная милая отчизна».

Клара Цаханассьян. Эту песню Роби тоже знает.

Звуки гитары слышатся снова.

Илл. Спасибо тебе за венки, за хризантемы и розы. Они очень украшают гроб в «Золотом апостоле». Великолепное зрелище. Оба зала утопают в цветах. Теперь уже осталось недолго. В последний раз мы сидим в этом старом лесу, слушаем кукушку и шум ветра. Сегодня вечером собрание общины. Мне вынесут смертный приговор, и кто-нибудь меня убьет. Не знаю, кто именно и где. Ясно только, что вот и конец моей дурацкой жизни.

Клара Цаханассьян. Я отвезу гроб с твоим телом на Капри. Я приказала выстроить мавзолей у себя в парке под кипарисами. Оттуда открывается вид на Средиземное море.

Илл. Средиземное море я знаю только по картинкам.

Клара Цаханассьян. Оно темно-синее. Удивительная красота. Там ты и будешь лежать. Мертвый под

мертвым камнем. Любовь твоя умерла давным-давно. А вот моя все никак не умрет. Но и жить она не может. Она превратилась в чудовище, как и я сама, как те поганки и мертвые корневища, которые уродуют этот лес. Все задушили мои миллиарды, мое золото. Они опутали и тебя, чтобы отнять у тебя жизнь. Потому что твоя жизнь принадлежит мне. Навеки. Теперь ты погиб. Скоро от тебя ничего не останется, ты будешь жить только в моей памяти, мертвый возлюбленный, бесплотная тень прошлого в мрачных развалинах.

Илл. Вот и песня про отчизну кончилась.

Девятый муж появляется снова.

Клара Цаханассьян. Лауреат Нобелевской премии возвращается после осмотра развалин. Ну, Цоби?

Девятый муж. Эпоха раннего христианства. Разрушено гуннами.

Клара Цаханассьян. Жаль. Дай мне руку. Роби и Тоби, паланкин! (*Садится в паланкин.*) Прощай, Альфред.

Илл. Прощай, Клара.

Паланкин уносят в глубину сцены, Илл продолжает сидеть на скамейке. Деревья складывают свои ветви. Сверху опускается театральный портал с занавесом и кулисами, как во всех театрах. Надпись: «Сурова жизнь, искусство беспечально». Из глубины сцены выходит полицейский в новом роскошном мундире, садится рядом с Иллом. Появляется радиокомментатор. Пока горожане собираются, он говорит в микрофон. Гюлленцы одеты во все новое, нарядное, мужчины — во фраках. Повсюду снуют фотокорреспонденты, журналисты, кинооператоры.

Радиокомментатор. Дамы и господа! Вы слышали нашу передачу из родильного дома и беседу со священником, теперь наш микрофон установлен на собрании городской общины. Настает решающий момент визита госпожи Клары Цаханассьян, который она нанесла своему родному городу, столь же уютному, сколь и живописному. Правда, сама виновница торжества здесь не присутствует, но бургомистр уполномочен сделать от ее имени важное сообщение. Мы находимся в зрительном зале отеля «Золотой апостол», где однажды переночевал Гёте. На сцене, где обычно выступает самодеятельность и дает гастроли кальберштадтский театр, сейчас собрались мужи города. Как нам только что сообщил бургомистр, таков старинный

обычай. Женщины по традиции занимают места в зрительном зале. В «Золотом апостоле» праздничная атмосфера, нетерпение достигло апогея; со всех концов мира съехались операторы кинохроники, мои коллеги по телевидению, репортеры. В эту минуту бургомистр берет слово.

Радиокомментатор подносит микрофон бургомистру, который стоит посреди сцены, в центре полукруга, образованного мужами города.

Бургомистр. Приветствую собравшуюся здесь городскую общину Гюллена. Разрешите считать наше собрание открытым. На повестке дня — один-единственный вопрос. Мне выпала честь доложить собравшимся, что госпожа Клара Цаханассьян, дочь покойного архитектора Готфрида Вешера, одного из наших влиятельнейших сограждан, готова пожертвовать городу и его жителям сумму в один миллиард.

Шум среди представителей прессы.

Пятьсот миллионов получит город, еще пятьсот миллионов делятся поровну между всеми гражданами.

Молчание.

Радиокомментатор (*приглушенным голосом*). Дорогие слушательницы и слушатели! Небывалая сенсация. Предложенный дар, как по мановению волшебного жезла, превращает жителей городка в состоятельных людей; таким образом, мы присутствуем при одном из величайших социальных экспериментов нашей эпохи. Все оцепенели. Гробовая тишина. Люди потрясены.

Бургомистр. Предоставляю слово нашему учителю.

Радиокомментатор подносит микрофон учителю.

Учитель. Дорогие сограждане! Мы должны отдать себе отчет в том, что госпожа Клара Цаханассьян преследует своим даром вполне определенную цель; что же это за цель? Может быть, она хочет просто осчастливить нас, осыпать нас золотом, воскресить заводы Вагнера и Бокмана, возродить фирму «Место под солнцем»? Вы знаете, что это не так. Госпожа Клара Цаханассьян преследует далеко идущие цели. Она требует за свой миллиард справедливости. Она хочет, чтобы в нашей общине воцарилась справед-

ливость. Это требование заставляет нас задуматься. Значит ли это, что в нашем городе не существовало справедливости?

Первый. Не существовало.

Второй. Мы потакали преступлению.

Третий. Мирились с несправедливым приговором.

Четвертый. С клятвопреступлением!

Женский голос. Терпели негодяя.

Другие голоса. Правильно! Правильно!

Учитель. Дорогие сограждане. Мы должны признать эту прискорбную истину. Мы терпели несправедливость. Я полностью сознаю значение материальных благ, которые сулит нам миллиард; я хорошо понимаю, что бедность — корень многих зол и несчастий. И все же речь идет не о деньгах.

Бурные аплодисменты.

Речь идет не о нашем благосостоянии и, конечно же, не о роскоши. Речь идет о том, хотим ли мы, чтобы правосудие восторжествовало, и не только оно, но и все те идеалы, ради которых жили, боролись и умирали наши славные предки. Идеалы, которыми гордится западная цивилизация.

Бурные аплодисменты.

Когда попирается любовь к ближнему, когда слабые — беззащитны, а честь — поругана, когда правосудие — продажно, а молодая мать может быть ввергнута в бездну порока, мы ставим под угрозу нашу свободу.

Шум возмущения.

Нельзя шутить с идеалами, за идеалы люди проливают кровь.

Бурные аплодисменты.

Богатство только тогда имеет ценность, когда оно покоится на милосердии, а милосердия достоин только тот, кто жаждет милосердия. Чувствуете ли вы в себе эту жажду, дорогие сограждане, жажду духовную, а не только плотскую? Вот вопрос, который я, как директор гимназии, хочу вам задать. Если вы действительно ненавидите зло, если вы не желаете жить в мире несправедливости, то тогда вы имеете право принять миллиард госпожи Клары Цаханас-

сьян и выполнить условие, которое она нам поставила. Прошу вас трезво взвесить все за и против.

Бурные, долго не смолкающие аплодисменты, переходящие в овацию.

Радиокомментатор. Дамы и господа! Слышите овацию? Я потрясен. Речь директора гимназии свидетельствует о таком нравственном подъеме, какой, увы, не так уж часто наблюдается в наши дни. Оратор смело указал на отдельные недостатки нашей жизни, которые — увы! — бытуют в каждой общине, повсюду, где живут люди!

Бургомистр. Альфред Илл!

Радиокомментатор. Бургомистр опять берет слово.

Бургомистр. Альфред Илл, я хочу задать вам вопрос.

Полицейский толкает Илла. Тот поднимается. Радиокомментатор подносит ему микрофон.

Радиокомментатор. Сейчас вы услышите голос человека, из-за которого Клара Цаханассьян сделала городу Гюллен такой щедрый дар, голос Альфреда Илла — друга юности благодетельницы. Альфред Илл еще крепкий мужчина лет семидесяти, одним словом, это человек старого закала. Ну, конечно, он взволнован, его переполняет благодарность и чувство тихой радости.

Бургомистр. Благодаря вам, Альфред Илл, Клара Цаханассьян предложила нам этот миллиард. Сознаете ли вы это?

Илл говорит так тихо, что его не слышно.

Радиокомментатор. Говорите громче, почтенный, чтобы наши слушатели могли вас понять.

Илл. Да.

Бургомистр. Согласны ли вы выполнить наше решение, каково бы оно ни было? Примем ли мы дар или отклоним его?

Илл. Да, согласен.

Бургомистр. Кто хочет задать вопрос Альфреду Иллу?

Молчание.

Кто хочет высказаться в связи с даром госпожи Цаханассьян?

Молчание.

Господин священник?

Молчание.

Городской врач?

Молчание.

Полиция?

Молчание.

Представители оппозиции?

Молчание.

Приступаем к голосованию.

Тишина. Слышно только гудение кинокамер, вспышки магния.

Кто с чистой душой голосует за торжество справедливости, прошу поднять руку.

Все, кроме Илла, поднимают руки.

Радиокомментатор. В зале благоговейная тишина и лес поднятых рук. Кажется, будто мы присутствуем при клятве людей, решивших отдать свою жизнь во имя лучшего, более справедливого мира. Только почтенный старец сидит неподвижно, он окаменел от радости. Цель его жизни достигнута, верная подруга юности преподнесла его родному городу миллиард.

Бургомистр. Дар Клары Цаханассьян принят единогласно. Но не из корысти.

Горожане. Но не из корысти.

Бургомистр. А во имя торжества справедливости.

Горожане. А во имя торжества справедливости.

Бургомистр. И во имя совести.

Горожане. И во имя совести.

Бургомистр. Мы не можем жить, терпя в своей среде преступления.

Горожане. Мы не можем жить, терпя в своей среде преступления.

Бургомистр. Ему нет среди нас места.

Горожане. Ему нет среди нас места.

Бургомистр. Мы не позволим растлевать наши души.

Горожане. Мы не позволим растлевать наши души.

Бургомистр. Попирать наши святые идеалы.
Горожане. Попирать наши святые идеалы.
Илл (*кричит*). Боже мой!

Все стоят, торжественно воздев руки, но в эту секунду с кинокамерой случилась авария.

Кинооператор. Какая обида, бургомистр. Свет отказал. Повторите, пожалуйста, заключительную сцену.
Бургомистр. Еще раз?
Кинооператор. Да, для кинохроники.
Бургомистр. С удовольствием.
Кинооператор. Свет в порядке?
Голос. Наладили.
Кинооператор. Начали.
Бургомистр (*принимает соответствующую позу*). Кто с чистой душой голосует за торжество правосудия, прошу поднять руку.

Все поднимают руки.

Дар Клары Цаханассьян принят. Единогласно. Но не из корысти.
Горожане. Но не из корысти.
Бургомистр. А во имя торжества справедливости.
Горожане. А во имя торжества справедливости.
Бургомистр. И во имя совести.
Горожане. И во имя совести.
Бургомистр. Мы не можем жить, терпя в своей среде преступления.
Горожане. Мы не можем жить, терпя в своей среде преступления.
Бургомистр. Ему нет среди нас места.
Горожане. Ему нет среди нас места.
Бургомистр. Мы не позволим растлевать наши души.
Горожане. Мы не позволим растлевать наши души.
Бургомистр. И попирать наши святые идеалы.
Горожане. И попирать наши святые идеалы.

Тишина.

Кинооператор (*тихо*). Ну, Илл. Ну? (*Разочарованно.*) Как хотите. Жаль, что радостное «Боже мой» на этот раз у вас не вырвалось. Это было самое эффектное место во всем эпизоде.

Бургомистр. Господа журналисты, радиоработники, операторы, милости просим к столу. Вас ждут в ресторане. Рекомендуем покинуть зал через служебный выход. Женщинам подадут чай в саду.

Журналисты, радиоработники, операторы уходят в глубь сцены, направо. Мужи города не трогаются с места. Илл поднимается, хочет уйти.

Полицейский. Сиди! (*Силой сажает Илла на скамейку.*)

Илл. Вы хотите сделать это сегодня? Уже?

Полицейский. А ты как думал?

Илл. По-моему, лучше, если это произойдет у меня дома.

Полицейский. Это произойдет здесь.

Бургомистр. В зрительном зале нет посторонних?

Третий и четвертый осматривают зал.

Третий. Никого.

Бургомистр. А на балконе?

Четвертый. Ни души.

Бургомистр. Заприте двери. В зал больше никого не впускать.

Третий и четвертый сходят в зрительный зал.

Третий. Все заперто.

Четвертый. Все заперто.

Бургомистр. Гасите люстры. В окна светит луна с балкона. Света хватит.

Сцена погружается в темноту. При слабом лунном свете неясно видны фигуры людей.

Выстройтесь друг против друга. Оставьте проход.

Мужчины становятся в два ряда, образуя узкий проход, в конце которого стоит гимнаст, теперь он в элегантных белых брюках и в майке, с красной лентой через плечо.

Господин священник, исполните свой долг.

Священник (*медленно подходит к Иллу и садится возле него*). Ну, Илл, для вас настал горестный час.

Илл. Дайте сигарету.

Священник. Дайте ему сигарету, господин бургомистр.

Бургомистр (*ласково*). С радостью... Лучший сорт.

Передает священнику пачку сигарет, тот протягивает ее Иллу. Илл берет сигарету, полицейский дает ему прикурить, священник возвращает пачку бургомистру.

Священник. Как сказал пророк...

Илл. Не надо. (*Курит.*)

Священник. Вы не боитесь?

Илл. Теперь уже не очень. (*Курит.*)

Священник (*беспомощно*). Я помолюсь за вас.

Илл. Молитесь лучше за наш город. (*Курит.*)

Священник (*медленно встает*). Господи, помилуй нас. (*Медленно становится рядом с другими мужчинами.*)

Бургомистр. Поднимитесь, Альфред Илл.

Илл колеблется.

Полицейский. Вставай, скотина! (*Силой заставляет его встать.*)

Бургомистр. Вахмистр, возьмите себя в руки.

Полицейский. Извините. Не стерпел.

Бургомистр. Подойдите сюда, Альфред Илл.

Илл роняет сигарету, затаптывает ее ногой. Потом медленно идет к середине сцены, поворачивается спиной к зрителям.

Пройдите между нами.

Илл колеблется.

Полицейский. Тебе говорят. Иди!

Илл медленно направляется в проход, который образовали молчаливые горожане. В конце прохода, как раз напротив Илла, стоит гимнаст. Илл замирает, поворачивается, видит, как безжалостно смыкаются ряды, падает на колени. На сцене теперь неясно виден клубок тел; не слышно ни звука; клубок все сжимается и постепенно опускается на пол. Тишина. Слева входят газетчики. Зажигают люстры.

Первый газетчик. Что здесь происходит?

Толпа неторопливо расходится. Горожане собираются в глубине сцены. В центре остается только врач, он стоит на коленях перед мертвым телом, накрытым клетчатой скатертью, какие обычно стелют в кафе. Врач встает, прячет стетоскоп.

Врач. Паралич сердца.

Тишина.

Бургомистр. Он умер от радости.

Второй газетчик. Каких только увлекательных историй не преподносит нам жизнь!

Первый газетчик. А теперь за дело.

Газетчики поспешно уходят направо в глубь сцены. Слева появляется Клара Цаханассьян в сопровождении дворецкого. Увидев мертвое тело, она останавливается, потом медленно идет к середине сцены, поворачивается лицом к зрителям.

Клара Цаханассьян. Принесите его сюда.

Роби и Тоби входят с носилками, кладут на них Илла и опускают носилки к ногам Клары Цаханассьян.

(*Стоит как каменная.*) Открой ему лицо, Боби.

Дворецкий приподнимает скатерть с лица Илла.

(*Пристально, долго рассматривает мертвого.*) Теперь он опять такой, каким был много лет назад. Мой черный барс. Закрой ему лицо.

Дворецкий снова закрывает лицо Илла.

Положите его в гроб.

Роби и Тоби выносят мертвое тело налево.

Отведи меня, Боби. Пора укладываться. Мы уезжаем на Капри.

Дворецкий подает ей руку, она медленно идет налево, останавливается.

Бургомистр!

В глубине сцены из группы молчаливых горожан медленно появляется бургомистр, выходит вперед.

Возьми чек. (*Передает ему бумагу и удаляется с дворецким.*)

Все более нарядная одежда горожан Гюллена без слов говорит о том, как они богатеют. Внешний вид города становится неузнаваем; теперь это уже не заштатное и нищее местечко, а преуспевающий, ультрасовременный город. Финал пьесы, ее счастливый апофеоз выражает это всеобщее благоденствие. Вновь отремонтированное здание вокзала украшено флагами, гирляндами живых цветов, транспарантами, неоновой рекламой. Жители Гюллена — мужчины во фраках, женщины в бальных платьях — образуют два хора, как в античной трагедии. И не случайно нам кажется — это вполне в духе происходящего, — будто мы слышим сигналы бедствия, которые подает идущий ко дну корабль.

Первый хор.

Кошмаров предостаточно:
Колоссальные землетрясения,
Огнедышащие горы,
Морские водовороты,
К тому же и войны,
Топчущие пшеницу танки,
Солнцеликий гриб атомного взрыва.

Второй хор.

Однако ничего нет кошмарнее бедности,
Потому что в ней нет благородства.
Мертвой хваткой
Держит бедность род человеческий,
Громоздит бесплодный день
На бесплодный день.

Женщины.

Бессильно смотрят матери,
Как хворь уносит их маленькие чада.

Мужчины.

Но мужи замышляют мятеж,
Готовят измену.

Первый.

Их ботинки поизносились.

Третий.

Во рту смердит окурок.

Первый хор.

Ибо закрыты все двери,
Которые давали работу и хлеб.

Второй хор.

И поезда громыхают мимо
Без остановки!

Все.

Слава нам!

Госпожа Илл.

Которым улыбнулась судьба.

Все.

Всемилостивейшая.
Всепреобразующая.

Женщины.

Наши нежные тела
Облачены в модные платья.

Сын.

Юноша за баранкой гоночной машины.

Мужчины.

Лавочник правит «кадиллаком»!

Дочь.

Дева гоняет мяч на теннисном корте.

Врач.

В новом операционном зале
Такой зеленый кафель,
Что режешь кишки, немея от восторга.

Все.

Вечерняя трапеза благоухает ароматами,
Все одеты с иголочки, всем довольны,
Хвалятся друг перед другом сигарами экстра-класса.

Учитель.

Учение светит жаждущим света учения.

Второй.

Усердные бизнесмены
Скупают вечные ценности.

Все.

Рембрандта и Рубенса.

Художник.

Художество кормит художника,
Причем до отвала.

Священник.

На Рождество, на Пасху, на Троицу
В соборе не протолкнуться от добрых христиан.

Все.

И экспрессы, блистающие, стремительные,
Мчатся по остальным магистралям
От местечка к местечку,
Сплачивая человечество
И снова останавливаясь на нашей станции.

Слева входит кондуктор.

Кондуктор.

Гюллен!

Начальник станции.

Экспресс Гюллен—Рим, прошу занимать места.
Салон-вагон впереди!

Из глубины сцены громилы выносят паланкин,
в котором неподвижно сидит Клара Цаханассьян.
Она походит на древнее каменное изваяние. Паланкин
в сопровождении свиты проносят между хорами.

Бургомистр.

Покидает нас...

Все.

Наша несказанная благодетельница...

Дочь.

Наша спасительница...

Все.

И сопровождающие ее высокие лица.

Громилы с паланкином, Клара Цаханассьян и свита исчезают
на платформе. Медленно проносят тем же путем гроб.

Бургомистр.

Слава ей!

Все.

Самое драгоценное, самое заветное
Она увозит с собой.

Начальник станции.

Отправление!

Все.

Помилуй нас...

Священник.

Господи!

Все.

В темном беге грядущего.

Бургомистр.

Достаток...

Все.

Оставь нам,
Мир сохрани нам,
Свободу сбереги нам,
Пусть ночь
Никогда не омрачает наш город,
Восставший из пепла, прекрасный,
Чтоб счастью, счастливые, мы предавались.

ПРИМЕЧАНИЯ АВТОРА

Действие «Визита старой дамы» происходит в заштатном городишке, где-то в Центральной Европе: автор этой пьесы отнюдь не намерен отмежевываться от людей, о которых пишет: он не очень-то уверен, что сам в подобных обстоятельствах поступил бы иначе: о подтексте этой истории не стоит говорить, равно как и выпячивать его на сцене. То же относится и к финалу. Правда, в конце пьесы действующие лица изъясняются несколько приподнятым языком, каким люди не изъясняются в обыденной жизни, языком, который принято называть поэтическим, или, точнее, возвышенным литературным языком. Но происходит это только потому, что гюлленцы разбогатели, добились кое-чего в жизни, — сам Бог велел им говорить более изысканно. Мои герои — люди, а не марионетки, на сцене они действуют, а не разыгрывают аллегории. Что касается меня самого, то я пытаюсь воссоздать реальный мир, а не преподносить публике отвлеченные моральные категории, как это мне зачастую приписывают. И я не собираюсь как-то специально соразмерять мою пьесу с жизнью, поскольку такая соразмерность лежит в самой природе театра, непременным компонентом которого является зритель. С моей точки зрения, театральная пьеса всегда выступает в рамках сценических возможностей, а не в оболочке определенного литературного стиля. И если в сцене в лесу гюлленцы изображают деревья, то объясняется это не склонностью автора к сюрреализму, а только тем, что пожилой человек в этой сцене говорит слова любви пожилой женщине, и сие не столь уж эстетичное любовное объяснение нуждается в театрально-поэтическом обрамлении, иначе оно было бы просто невыносимо.

Я пишу свои пьесы из внутреннего чувства доверия к театру, к актеру. Это главный импульс моего творчества. Самое соблазнительное для меня — материал. От актера требуется не так уж много: чтобы изобразить человека, он должен воспроизвести лишь его внешнюю оболочку, то есть данный ему текст, при том условии, конечно, что в тексте нет фальши. Что я понимаю под этим? Так же как живой организм замкнут в какую-то оболочку, которая и является его «внешностью», так и в пьесе есть своя оболочка — язык. И драматург оперирует только им. Язык для него результат. Поэтому-то нельзя работать над языком как таковым; язык — это мысли, сюжет и т.д. Только дилетанты считают язык и стиль вещью в себе. Задача актера, по-моему, состоит в том, чтобы вновь воспроизвести конечный результат, то есть стиль пьесы на сцене. Зритель не должен видеть искусства, он должен видеть жизнь. В «Визите старой дамы» надо правильно сыграть передний план, как он дан мною, и тогда фон появится сам.

Я не причисляю себя к авангардистам, хотя и у меня, разумеется, есть своя теория искусства... Чем бы дитя ни тешилось. Но свою теорию я держу при себе (иначе мне самому пришлось бы следовать ей). Пусть уж лучше меня считают эдаким взбалмошным простаком, который пренебрегает формой своих творений. Мои пьесы надо играть в духе народного театра, а меня самого воспринимать как своего рода Нестроя*. Это будет самое правильное. И не следует бояться моих выдумок, к черту всякое глубокомыслие. Надо также следить за тем, чтобы декорации все время менялись при открытом занавесе. Сцену с машиной следует играть просто, лучше всего с макетом автомобиля, в котором есть только то, что необходимо по ходу действия, — автомобильные ключи, руль и т.д. Машина должна быть показана спереди — задние сиденья надо приподнять. И все это должно быть, конечно, новенькое, с иголочки, так же как и желтые башмаки и прочее. (Эта сцена ни в коем случае не должна напоминать Уайлдера*. Почему?.. Еще одна диалектическая загадка для критиков.)

Клара Цаханассьян не олицетворяет ни справедливости, ни плана Маршалла и тем более Апокалипсиса, она лишь то, что она есть, — самая богатая в мире женщина,

которая благодаря своему состоянию получила возможность действовать наподобие героини древнегреческой трагедии, самовластно и жестоко, как, например, Медея. Клара Цаханассьян может себе это позволить. И не надо забывать, что у этой старой дамы есть чувство юмора, поскольку она может смотреть на людей со стороны; для нее люди — товар, который она покупает. Но и на себя она тоже смотрит со стороны, что придает ей своеобразную грацию и некое злое очарование. Клара стоит как бы вне общества, поэтому она превращается в нечто неподвижное, окостеневшее. Никаких перемен в ней не происходит, если не считать переменами тенденцию ко все большему окаменению, к превращению в полного истукана. Однако изображать Клару Цаханассьян и ее свиту, включая кастратов, на сцене можно только средствами искусства. Натурализм здесь противопоказан — он будет слишком неаппетитен. Тихони кастраты должны быть сказочными существами, призрачными гномиками, живущими растительной жизнью, по-своему даже счастливыми. Они жертвы тотальной мести, которая так же логична, как законы доисторических времен. (Чтобы актерам было легче играть евнухов, они могут говорить не хором, а по очереди, но тогда не нужны повторы.)

Клара Цаханассьян — образ статичный. Она героиня с самого начала. В отличие от Клары ее прежний возлюбленный волею судеб превращается в героя лишь постепенно. Этот жалкий лавочник, сам того не ведая, сразу же становится ее жертвой. Будучи виновным, он убежден, что время списало все его грехи. И лишь по ходу пьесы страх и отчаяние пробуждают в этом заурядном человеке нечто в высшей степени индивидуальное. Осознав свою вину, он начинает понимать, что такое справедливость; неизбежная гибель придает ему величие. (Сцена смерти Илла должна быть решена скорее в плане монументальном.) Гибель Илла бессмысленна и в то же время осмысленна. Если показывать ее только осмысленной, то в ней появится нечто легендарное, и играть ее надо будет в некоем античном городе, а не в Гюллене в наши дни. Что касается остальных гюлленцев, они такие же люди, как мы все. Их не следует изображать злодеями. Ни в коем случае. Вначале они полны решимости отвергнуть предложение миллиардерши. Правда, они влезают в долги, но отнюдь не

потому, что решили умертвить Илла, — они просто люди легкомысленные. И они искренне верят, что в конце концов «все перемелется». Так надо трактовать второе действие и даже сцену на вокзале. Один лишь Илл в этой сцене объят страхом, ибо он понимает, чем все должно кончиться. Но гюлленцы еще не сказали ни одного непоправимого слова. Только во время сцены в Петеровом сарае происходит роковой перелом. От судьбы не уйдешь! С этой минуты гюлленцы постепенно начинают готовиться к убийству, возмущаться виной Илла и т.д. Семья Илла по-прежнему уговаривает себя, что все образуется, но и эти люди тоже не злодеи, они просто слабохарактерны, как и все остальные. Весь город, что видно на примере учителя, медленно поддается искушению, ибо искушение велико, а нищета беспредельна.

«Визит старой дамы» — злая пьеса, именно поэтому трактовать ее следует как можно более гуманистически. И персонажи должны проявлять не гнев, а печаль. И еще: эта комедия с трагическим концом должна быть смешной. Ничто не может так сильно повредить ей, как убийственная серьезность.

Ночной разговор с палачом

Nächtluches Gespräch mit einem verachteten Menschen

Писатель
Палач

Дребезжит оконное стекло.

Писатель (*громким, спокойным голосом*). Входите.

Тишина.

Входите! Раз уж вы взобрались на карниз, нелепо оставаться за окном на такой высоте. Я вас отлично вижу. Небо у вас за спиной все еще светлее, чем сумрак в этой комнате.

Грохот упавшего на пол предмета.

Вы опрокинули настольную лампу...

Палач. Тысяча чертей!

Писатель. Зачем шарить по полу? Сейчас я включу свет.

Щелкает выключатель.

Палач. Благодарю.

Писатель. Так-так. Вот и вы. Куда приятнее разговаривать, когда видишь, с кем имеешь дело. Так вы, стало быть, уже в годах.

Палач. А вы ждали кого-нибудь помоложе?

Писатель. Пожалуй, тут вы недалеки от истины. Поднимите заодно настольную лампу. Она лежит справа от стула.

Палач. Извините.

Падает и разбивается ваза.

Палач. Две тысячи чертей! На этот раз я уронил китайскую вазу.

Писатель. Греческий кубок для вина...

Палач. Разлетелся вдребезги... Мне очень жаль.

Писатель. Не беспокойтесь. У меня вряд ли останется шанс пожалеть о случившемся.

Палач. В конце концов, это не мое дело — лазить по карнизам и вламываться в квартиры. Чего только не требуют от нас сегодня, черт бы побрал эту работенку... Я был и впрямь очень неловок, простите великодушно.

Писатель. С каждым может случиться.

Палач. Я полагал...

Писатель. Вы полагали, я сплю в другой комнате. Откуда вам знать, что я сумерничаю за письменным столом.

Палач. Нормальные люди в это время спят.

Писатель. Да, в нормальные времена.

Палач. Ваша жена...

Писатель. Не беспокойтесь. Моя жена умерла.

Палач. У вас есть дети?

Писатель. Сын — в концлагере.

Палач. А дочь?

Писатель. У меня нет дочери.

Палач. Вы пишете книги? Сколько у вас книг!

Писатель. Я писатель.

Палач. А ваши книги кто-нибудь читает?

Писатель. Их читают всюду, где они запрещены.

Палач. А где не запрещены?

Писатель. Там их ненавидят.

Палач. У вас есть секретарь или секретарша?

Писатель. Видимо, в ваших кругах ходят вздорные слухи о доходах писателей.

Палач. Стало быть, в данный момент в квартире, кроме вас, нет никого?

Писатель. Никого.

Палач. Это хорошо. Нам нужна полная тишина. Надеюсь, вы понимаете?

Писатель. Само собой.

Палач. Вы поступаете умно, не чиня мне препятствий.

Писатель. Вы пришли меня убить?

Палач. Мне поручено сделать это.

Писатель. Вы убиваете по заказу?

Палач. Это мое ремесло.

Писатель. У меня было предчувствие, что в нашей стране появились профессиональные убийцы.

Палач. Они были всегда. Я палач на государственной службе. Вот уже пятьдесят лет.

Молчание.

Писатель. Вот как... Ты, значит, палач.

Палач. Вы ждали кого-то другого?

Писатель. Да нет. Собственно говоря, нет.

Палач. Вы достойно встречаете свою участь.

Писатель. А ты мастак говорить красиво.

Палач. В последнее время я все чаще имею дело с образованными людьми.

Писатель. Раз образование связано с риском, значит, все идет как надо. Присаживайся.

Палач. Я примощусь на краешке стола, если позволите.

Писатель. Чувствуй себя как дома. Могу предложить шнапс.

Палач. Спасибо. Но сначала дело. Перед этим я никогда не пью. Чтобы рука не дрогнула.

Писатель. Понимаю. В таком случае тебе придется угощаться самому. Шнапс я купил специально для тебя.

Палач. Вы знали, что приговорены к смерти?

Писатель. В этой стране к смерти приговорены все. Человеку не остается ничего другого, как сидеть у окна, смотреть в беспредельное небо и ждать.

Палач. Ждать смерти?

Писатель. Убийцу. Кого же еще? Здесь легко быть провидцем, тайна не может быть такой примитивной. События развиваются с железной логикой, тебя будто затягивает в мясорубку. Премьер-министр выступает с критикой в мой адрес — что сие означает, ни для кого не секрет. Речи его превосходительства обыкновенно имеют внеэстетические последствия. Мои друзья выбрали жизнь и избегают меня, ибо каждый, кто поддерживает со мной связь, обречен на смерть. Власти объявили меня вне закона. Но рано или поздно они сломают стены моего одиночества. Рано или поздно они пришлют ко мне человека, хотя бы для того, чтобы меня прикончить. Его-то я и жду. Человека, который думает так же, как и мои настоящие убийцы. Этому человеку мне хотелось рассказать напоследок, во имя чего я боролся всю свою жизнь. Мне хотелось показать ему, что такое свобода... что свободный человек не боится смерти. И вот приходишь ты.

Палач. Палач.

Писатель. Говорить с которым не имеет смысла.

Палач. Вы меня презираете?

Писатель. Разве найдется человек, который уважал бы тебя, презреннейший из людей?

Палач. Но окажись я просто убийцей, вы бы меня не презирали?

Писатель. Я бы возлюбил тебя как брата, я бы боролся с тобой как с братом. Мой дух одержал бы над тобой победу в звездный час моей смерти. Но в окно ко мне влез чиновник, который не убивает, а казнит, который когда-нибудь за свое палачество станет получать пенсию и тихо, как насосавшийся крови паук, угаснет в своей постели. Добро пожаловать, палач!

Палач. Благодарю.

Писатель. А ты смутился. Конечно, палачу не придет в голову ответить как полагается: я рад с вами познакомиться.

Палач. Вам не страшно?

Писатель. Ничуть. Как ты будешь приводить приговор в исполнение?

Палач. Без шума.

Писатель. Понимаю. Не хочешь, чтобы слышали в доме...

Палач. У меня с собой кинжал.

Писатель. Значит, хирургическая операция. Мне будет больно?

Палач. Все произойдет мгновенно. Секунда — и кончено.

Писатель. И многих ты прикончил таким способом?

Палач. Многих.

Писатель. Я рад, что государство присылает ко мне мастера, а не новичка. Чем я могу тебе помочь?

Палач. Не могли бы вы расстегнуть воротничок?

Писатель. Мне бы сперва покурить.

Палач. Ясное дело. Для меня это вопрос чести — исполнить последнее желание. Нам спешить некуда.

Писатель. «Кэмел». Закури и ты, если хочешь.

Палач. Только когда все будет кончено.

Писатель. Ну разумеется. Ты все делаешь потом — чтобы рука не дрогнула. Что ж, придется и сигарету положить рядом с бутылкой.

Палач. Вы добры ко мне.

Писатель. К псам всегда относятся по-доброму.

Палач. Закуривайте.

Писатель. Спасибо. Ну вот, воротничок я расстегнул.

Палач. Поверьте, мне жаль, что приходится...

Писатель. Да и мне досадно.

Палач. И все же можете считать, что вам повезло: все произойдет в спокойной, доверительной атмосфере.

Писатель. Я горжусь оказанной мне честью.

Палач. Вы ведь писатель?

Писатель. Ну и что?

Палач. Значит, борец за свободу...

Писатель. Это естественно.

Палач. Кого бы я ни казнил теперь, все борются за свободу...

Писатель. Что ты понимаешь в свободе, палач!

Палач. Ровным счетом ничего, сударь.

Писатель. Вот именно.

Палач. Вы скомкали свою сигарету.

Писатель. Мне что-то не по себе.

Палач. Вы готовы?

Писатель. Еще сигарету, если можно.

Палач. Курите, курите. Почти все выкуривают сначала одну сигарету, а потом еще одну. Раньше курили французские и русские, а теперь предпочитают американские и английские.

Писатель. Могу себе представить. Две сигареты перед смертью и беседа с тобой. От этого и я не откажусь.

Палач. Несмотря на то что вы меня презираете?

Писатель. Можно привыкнуть и к тому, к чему испытываешь презрение. Но тогда самое время умереть.

Палач (*поднося спичку*). Закурите еще разок.

Писатель. Спасибо.

Палач. Любой человек хоть немного, но все-таки боится.

Писатель. Вот именно. Самую малость.

Палач. И с жизнью расстается неохотно.

Писатель. Когда попрана справедливость, с жизнью расстаются легко. Но ты, надо полагать, и в справедливости не очень-то разбираешься.

Палач. Вы правы, сударь.

Писатель. Другого ответа я от тебя и не ждал.

Палач. Пусть о справедливости думают те, кто живет на воле. На воле каждый понимает справедливость по-своему. Поди разберись! А я вот уже пятьдесят лет живу в тюрьме. Меня только недавно стали выпускать, да и то по ночам. Иногда мне в руки попадает газета. Иногда я включаю радио. Тогда я узнаю о неистовой пляске человеческих судеб, о взлетах и падениях великих мира сего, о трескучих

биографиях их пособников, о незаметном уходе из жизни слабых и сирых. Но мой удел остается прежним. Все те же серые тюремные стены, все та же проникающая сквозь камни сырость, то же пятно плесени на потолке, напоминающее Европу в географическом атласе. Каждое утро по длинному темному коридору я выхожу во двор на прогулку. В утреннем сумраке навстречу мне попадаются все те же бледные фигуры в полосатой одежде, в сопровождении охранников. Заметив меня, они каждый раз замедляют движение, и тут же раздаются удары. Охранники лупят всех подряд, без разбору нанося удары направо и налево.

Писатель. Ну и что? Ты ведь палач.

Палач. Вот именно, палач.

Писатель. Какое до всего этого дело палачу!

Палач. Палачу важно, как человек расстается с жизнью.

Писатель. Ты хочешь сказать, как он подыхает...

Палач. О нет, тут огромная разница.

Писатель. И в чем же она?

Палач. Вас, кажется, начинает интересовать искусство смерти?

Писатель. По-моему, сегодня это единственное искусство, которым стоит овладеть.

Палач. Не знаю, можно ли ему обучить. Знаю только, что им владеют очень немногие. Мне приходится иметь дело и с дилетантами, и с выдающимися мастерами. Видите ли, сударь, мне, пожалуй, было бы много легче разобраться во всем, если бы я больше знал о людях, о том, каковы они в жизни, чем они заняты все те долгие годы, которые предшествуют встрече со мной. Я хотел бы знать, что значит жениться, иметь детей, заниматься делом, быть честным человеком, управлять машиной, веселиться и бражничать, пахать землю, заниматься политикой, жертвовать собой за идею или за отечество, стремиться к власти и так далее. Это могут быть люди добрые или злые, ничем не примечательные или выдающиеся; важно, чтобы они жили так, как живется, как позволяют обстоятельства, происхождение, религия и деньги, которые у них есть или которые они вынуждены зарабатывать, чтобы не околеть с голоду. Не зная всего этого, я не знаю всей правды о человеке. Я знаю только свою правду.

Писатель. Интересно, какая правда у палача?

Палач. Вначале все было очень просто. Я тогда мало чем отличался от тупого животного. Убийство казалось мне естественным делом. И я подумал: потерять можно только жизнь,

все остальное не имеет значения. Кто теряет жизнь, теряет все. Вот так я и стал палачом, пятьдесят лет назад. Право на жизнь надо было заработать. Я стал палачом, как другие у вас, на воле, становятся пекарями или генералами: чтобы жить. Жить для меня означало казнить других. Разве я мог поступать иначе?

Писатель. Нет, конечно.

Палач. Для меня было в порядке вещей, если какой-нибудь парень сопротивлялся, не хотел умирать. Между нами завязывалась яростная схватка. Мы боролись до тех пор, пока голова его не оказывалась на плахе. Так умирали дикие лесные жители. Они совершали убийство, потому что не могли совладать с вспышкой гнева. Или потому, что хотели купить своей девушке красивую юбку. Я понимал их, мне были понятны их страсти, я любил этих людей, потому что я был одним из них. Они совершали преступления, я вершил справедливый суд, казнил их. Предъявленный им счет они оплачивали своей жизнью. Их смерть была естественным, нормальным актом.

Писатель. Я тебя понимаю.

Палач. Но попадались и такие, кто умирал по-другому, хотя мне иногда кажется, что в том и другом случаях смерть была одинаковой. Сударь, они обдавали меня презрением и уходили из жизни с высоко поднятой головой. Перед смертью они произносили замечательные речи о свободе и справедливости, издевались над властями, нападали на богачей и тиранов, да так, что мороз подирал по коже. Я думаю, они умирали так потому, что чувствовали себя правыми. Может быть, в чем-то они и были правы. Им хотелось показать, что они не боятся смерти. И здесь все было просто и ясно: мы были в состоянии войны. Они шли на смерть, исполненные ярости и презрения, в гневе я рубил им головы. Мне кажется, правда была не только на их стороне, но и на моей. Их смерть была впечатляющим актом.

Писатель. Они умирали как герои. Сегодня так должны умирать многие!

Палач. Самое удивительное, сударь, что сегодня никто больше так не умирает.

Писатель. Врешь, негодяй! Именно сегодня каждый, кто умирает от твоей руки, — бунтарь.

Палач. Я тоже считаю, что многие хотели бы так умереть.

Писатель. Каждый волен выбирать, как ему умереть.

Палач. Но только не приговоренный к казни. Тут, сударь, нужна публика. Так оно и было в прежние времена.

Казнь была торжественным актом, на зрелище собиралось много людей: судья, прокурор, защитник, священник, журналисты, врачи, просто любопытные. Все в черных сюртуках, как на церемонии государственного масштаба. Иногда, чтобы добавить событию импозантности, раздавался еще и треск барабанов. В такой атмосфере приговоренному ничего не стоило произнести зажигательную обличительную речь, прокурор, случалось, зеленел от злости и в ярости кусал губы. Сегодня все изменилось. Умирают наедине со мной. Даже священника не приглашают, а о суде и говорить нечего. Из презрения ко мне осужденные отказываются от последнего слова. Какая же это казнь, когда концы с концами не сходятся, когда попираются права жертвы? Умирают равнодушно, как животные, тут уж не до искусства смерти. А если время от времени обвиняемые все же предстают перед судом, потому что так нужно государству, если при исполнении приговора присутствуют прокурор и судья, то осужденный в этом случае предстает окончательно сломленным человеком, с ним можно делать все что угодно. Такая смерть — жалкое зрелище. Да, сударь, наступили другие времена.

Писатель. Другие времена! Даже палач это заметил!

Палач. Я никак не могу взять в толк, что, собственно, происходит с нашим миром...

Писатель. В нем правит бал палач, друг мой! Я тоже хотел умереть как герой. А оказался один на один с тобой.

Палач. Один на один со мной в тишине ночи.

Писатель. И мне остается только подохнуть как скотине.

Палач. Сударь, есть и другой способ умереть.

Писатель. Так расскажи, каким образом в наши дни можно умереть, а не сгинуть.

Палач. Сударь, надо со смирением принять свою смерть.

Писатель. Мудрость, достойная палача! В наши дни нельзя быть смиренным, парень! И принимать смерть со смирением тоже нельзя. Эта добродетель сегодня просто неприлична. Надо до последнего вздоха бороться с преступлениями, которые совершаются против человечества.

Палач. Борьба — дело живых, сударь, перед умирающими стоят другие задачи.

Писатель. Перед умирающими стоят те же задачи, что и перед живыми. На мою долю выпало этой ночью, в этой комнате, в окружении моих книг, созданий моего духа, еще до рассвета умереть от руки презренного чело-

века, без предъявленного обвинения, без суда и защиты, без приговора, даже без священника, который положен последнему преступнику! Умереть, как гласит приказ, тайно, чтобы не узнали люди, даже те, что спят в этом доме. И ты требуешь от меня смирения! Наше бесчестное время, которое убийц делает государственными мужами, а палачей — судьями, вынуждает правых умирать смертью преступников. Ты сказал, что преступники сопротивляются. Отлично, палач! Я буду сопротивляться.

Палач. Сопротивляться мне бессмысленно.

Писатель. В наше варварское время только сопротивление палачу имеет смысл.

Палач. Вы подошли к окну...

Писатель. Я не уйду в небытие без шума, без звука, как камень в пучину. Пусть все слышат, что я сопротивляюсь. Я стану кричать в раскрытое окно, я разбужу этот рабский город! (*Кричит.*) Люди, слушайте! Меня хотят зарезать как скотину! Я вступил в схватку с палачом! Люди, вылезайте из своих постелей! Посмотрите, в каком государстве мы живем!

Тишина.

Что ж ты мне не мешаешь?

Палач. Зачем?

Писатель. Я буду кричать снова.

Палач. Кричите на здоровье.

Писатель (*неуверенно*). Ты не хочешь со мной бороться?

Палач. Борьба начнется, когда вас обхватят мои руки.

Писатель. Понимаю! Ты играешь со мной, как кошка с мышью. На помощь!

Тишина.

Палач. Видите, никто не откликается.

Писатель. Будто я и не кричал...

Палач. Никто не спешит на помощь.

Писатель. Никто.

Палач. И в доме никто не проснулся.

Писатель. Ни звука.

Тишина.

Палач. Что же вы не кричите?

Писатель. Какой в этом смысл?

Палач. Каждую ночь очередная жертва взывает о помощи, но никто не откликается.

Писатель. Сегодня умирают в одиночку. Страх слишком велик.

Тишина.

Палач. Не хотите ли снова присесть?

Писатель. Ничего другого мне не остается.

Палач. Я вижу, вы пьете шнапс.

Писатель. Кто намерен сразиться с тобой, тому выпить не помешает. На, паршивая собака, получай! (*Плюет шнапсом в лицо палачу.*)

Палач (*спокойно*). Вы вне себя от отчаяния.

Писатель. Я плюю тебе в лицо, а ты спокоен. Тебя ничем не проймешь!

Палач. Не я должен умереть этой ночью.

Писатель. Палач не умрет никогда. До сих пор я сражался оружием, достойным мужчины, — оружием духа. Я был Дон Кихотом, добротной прозой воевавшим с уродливым чудовищем. Смешно! А теперь, уже поверженный, истерзанный вашими когтями, я должен пускать в ход зубы. Много ли добьешься таким оружием? Комедия, да и только: я борюсь за свободу, но у меня даже нет оружия, чтобы у себя дома, в собственной квартире прикончить палача. Можно я выкурю еще сигарету?

Палач. Сударь, раз уж вы решили бороться со мной, вам незачем спрашивать у меня разрешения.

Молчание.

Писатель (*тихо*). Я больше не в состоянии защищаться.

Палач. Вы и не обязаны это делать.

Писатель. Я устал.

Палач. Все когда-нибудь устают.

Писатель. Прости, что я плюнул тебе шнапсом в лицо.

Палач. Ничего. Я понимаю.

Писатель. Наберись терпения. Смерть — слишком трудное искусство.

Палач. Вы дрожите, и спички в ваших руках все время ломаются. Разрешите, я дам вам огня.

Писатель. Как и два раза до этого.

Палач. Да.

Писатель. Благодарю. Это последняя. Больше я не стану тебя утруждать. Сдаюсь на милость победителя.

Палач. Как все смиренные, сударь.

Писатель. Что ты имеешь в виду?

Палач. Понять смиренных очень трудно. Чтобы распознать их — и то надо много времени. Сначала я их презирал, пока не понял, что они великие мастера в искусстве смерти. Когда человек умирает как бессловесная тварь, он отдается моей воле и позволяет убить себя не сопротивляясь. Смиренные тоже не сопротивляются, и все же они умирают иначе. Они покоряются судьбе не потому, что бессильны. Сперва мне казалось: они поступают так, потому что боятся. Но именно смиренные не ведают страха. Наконец я вообразил, что нашел отгадку: смиренные — это преступники, они воспринимают смерть как справедливое возмездие. Но, странное дело, точно так же умирали и невиновные, люди, о которых я достоверно знал, что они не совершали никаких преступлений.

Писатель. Не понимаю.

Палач. Меня это тоже смущало, сударь. Смирение преступника — это понятно. Но ведь так умирали и невиновные — вот чего я не мог понять! Они шли на смерть так, будто по отношению к ним не совершается преступление, они воспринимали смерть как должное. Одно время я боялся убивать и почти ненавидел себя, когда мне приходилось это делать, — настолько безумной и непонятной для меня была их смерть. Мое вмешательство не имело смысла.

Писатель (*усталым, печальным голосом*). Блаженные! Блаженные дурачки — вот кто они! Кому нужна такая смерть? Если уж оказался в лапах палача, неважно, какую позу принимать. Партия проиграна.

Палач. Не скажите!

Писатель. Ты скромный человек, палач. Но сегодня победил ты.

Палач. Я всего лишь рассказываю, чему я научился у тех, кто был невиновен и принял смерть со смирением.

Писатель. Ого! Ты учишься у невиновных, которых убиваешь? Вот это практичный человек!

Палач. Смерть каждого из них навсегда запечатлелась в моей памяти.

Писатель. У тебя, должно быть, феноменальная память.

Палач. Я только об этом и думаю.

Писатель. И чему же научили тебя невиновные и смиренные?

Палач. Пониманию того, с чем я могу совладать в человеке, а что мне неподвластно.

Писатель. Разве твоя власть не безгранична?

Молчание.

Ну? Что ж ты молчишь? Раз уж мы дошли до такой степени деградации, что палачам только и позволено философствовать, валяй, философствуй.

Палач. Сударь, власть, которая мне дана и которую я осуществляю собственными руками: серебряный полукруг опускающегося топора, сверкнувшая во мраке ночи молния карающего кинжала или петля, мягко набрасываемая на шею жертвы, — все это лишь малая толика власти тех, кто на этой земле творит насилие над людьми. Они убивают моими руками, они находятся сверху, я — внизу. У них множество оправданий — от самых возвышенных и одухотворенных до самых низменных; мне оправдания не нужны. Они приводят мир в движение, я же — та неподвижная ось, вокруг которой вращается их страшное колесо. Они правят, пугая людей моим мрачным ремеслом; в моих забрызганных кровью руках их власть обрела последнюю, окончательную форму, как гной обретает форму в нарыве. Я нужен, ибо насилие и зло неразделимы. И когда я, как в этот миг, сижу в свете настольной лампы перед своей жертвой и сжимаю под складками поношенного плаща рукоять кинжала, на меня обрушивается презрение. Позор убийства снимается с сильных мира сего и возлагается на мои плечи. Мой удел — нести на себе бесчестие властей предержащих. Меня боятся. Перед теми же, кто наверху пирамиды, не только трепещут — ими восхищаются. Вызывая зависть, они наслаждаются своими сокровищами, ибо власть полна соблазнов. Вместо ненависти они пожинают любовь. За всесильными тянется стая сообщников и клевретов. Словно псы, они подхватывают крохи власти, которые роняет властитель, и употребляют их себе на пользу. Темная власть силы и страха, алчности и бесчестия стягивает их в тугой клубок и в конце концов рождает палача, которого боятся больше, чем меня, — тиранию. Она бесконечными рядами загоняет на свои живодерни все новые и новые массы людей, этот процесс лишен смысла, потому что тирания ничего не меняет, она лишь уничтожает. Одно насилие влечет за собой другое, один деспотический режим сменяет другой, и так без конца, по нисходящей спирали, ведущей в ад!

Писатель. Замолчи!

Палач. Вы же хотели, чтобы я говорил.

Писатель (*в отчаянии*). От тебя не уйти!

Палач. Ваше тело, сударь, подвластно силе, ибо ей подвластно все, что распадается в прах, но моя власть не распространяется на то, во имя чего вы боролись. Это не подлежит распаду. Вот чему я, палач, презренный человек, научился у невиновных, которых настиг мой топор и которые не защищались. Когда человек в час своей безвинной смерти смиряет гордыню и отказывается от своих прав, отбрасывает страх, чтобы умереть, как умирают дети, не проклиная мир, то эта победа выше любой победы сильных мира сего. В тихой кончине смиренных, в их умиротворенности, которая, как молитва, захватывает и меня, проявляется чудовищная несправедливость смерти, противоречащая рассудку. В этих вещах, ничтожных в глазах людей, способных вызвать у них только усмешку или пренебрежительный жест, обнаруживается бессилие неправых, несущественность смерти и реальность подлинного, над которым я не властен, которое нельзя отдать в руки палача или бросить в тюрьму, о котором я знаю только то, что оно существует. Всякий, кто творит насилие, заключен в мрачное, лишенное проблеска света подземелье собственной сути. Если бы человек состоял только из тела, сударь, для власть имущих все было бы очень просто: они могли бы строить свои царства, как возводят стены — кирпич к кирпичу, — пока весь мир не окажется в каменном мешке. Но какими бы громадными ни были построенные ими дворцы, какими бы несметными ни были их богатства, как бы ни поражали воображение их замыслы и ни вводили в заблуждение их интриги — в тела обиженных и оскорбленных, чьими руками создается все вокруг, в этот хрупкий материал вложено знание о том, каким должен быть мир. Они помнят, для чего Господь сотворил человека, и верят, что нынешний мир обречен на гибель. Только когда он погибнет, наступит царство Божие. Эта вера сильнее взрывной силы атома, она все больше меняет облик человека, это как закваска в его инертной массе, снова и снова взрывающая бастионы насилия, или как вода, что мягкой струей размывает неприступные скалы и превращает их в песок, рассыпающийся в руке ребенка.

Писатель. Прописные истины! Ничего, кроме прописных истин!

Палач. Сударь, сегодня на карту поставлены самые что ни на есть прописные истины.

Молчание.

Писатель. Сигарета докурена.
Палач. Хотите еще одну?
Писатель. Нет, хватит.
Палач. Шнапсу?
Писатель. Тоже не хочу.
Палач. Ну, так как?
Писатель. Закрой окно. Появился первый трамвай.
Палач. Окно закрыто, сударь.
Писатель. Я хотел поговорить со своим убийцей о возвышенном, а вышло, что палач раскрыл мне глаза на элементарное. Я боролся за лучшую жизнь на земле, за то, чтобы человека не использовали как вьючное животное, чтобы его не заставляли в поте лица добывать хлеб богачам. Я боролся за свободу, за то, чтобы мы были не только хитрыми, как змеи, но и нежными, как голуби, за то, наконец, чтобы люди не подыхали в своих хижинах, не падали замертво на каменистой пашне и не испускали дух в твоих кровавых руках. Я боролся, чтобы искоренить страх, чтобы исчез недостойный человека ужас перед твоим ремеслом, палач. Это была борьба за элементарные вещи. Только в печальные времена надо бороться за то, что разумеется само собой. Но когда наступает урочный час и твоя мощная фигура неведомо откуда появляется в комнате, — тогда снова можно быть смиренным, тогда на карту ставится не элементарное, а нечто совсем другое: прощение грехов наших, мир нашей души. Наша дальнейшая судьба решается уже без нас, мы над ней больше не властны. Мы честно сражались, и нас не в чем упрекнуть, хотя мы и потерпели поражение. То, что мы совершили, не пропало даром. Борьбу продолжат другие, ее подхватят в другом месте, в любое время. Погаси лампу, палач, первые лучи рассвета не дадут тебе промахнуться.
Палач. Как вам будет угодно, сударь.
Писатель. Мне так угодно.
Палач. Вы встаете.
Писатель. Больше мне нечего сказать. Час пробил. Доставай кинжал.
Палач. Вам хорошо в моих руках, сударь?
Писатель. Лучше некуда. Кончай.

Процесс из-за тени осла

Der Prozess um des Esels Schatten

Голоса

Струтион — зубной врач
Антракс — погонщик ослов
Кробила — его жена
Филиппид — городской судья
Мильтиад — асессор
Фисигнат — адвокат Струтиона
Полифон — адвокат Антракса
Пелида — модистка, возлюбленная Мастакса
Мастакс — кузнец-оружейник, брат Тифида
Тифид — капитан пиратского судна
Ирида — его невеста
Стробил — старший жрец, покровитель Антракса
Телезия — танцовщица
Агатирс — верховный жрец, покровитель Струтиона
Председатель Общества защиты животных
Председатель Общества иностранного туризма
Директор акционерного общества «Мрамор»
Агитатор
Гипсибоад — председатель сената
Пфриме — цеховой мастер
Фукидид — директор Оружейного акционерного общества
1-й человек — посланец партии Тени
2-й человек — посланец партии Осла
Караульный
Осел

Пиропс — брандмейстер
Полифем — фельдфебель
Персей — фельдфебель
Нищий
Книготорговец
Глашатай
Торговка
1-й судья
2-й судья
3-й судья
4-й судья
5-й судья

У Виланда позаимствованы части диалога и речь Мильтиада, переведенная из косвенной в прямую.
Песню Тифида написал Берт Брехт.

Струтион. Я — Струтион, зубной врач. С меня начинается это проклятое дело. Оно меня полностью разорило. Полностью, повторяю. Дом, практика, брак, имущество — все полетело в тартарары. И при этом я не виновен, совершенно не виновен! Я сделал только одну ошибку, признаюсь: я родился в Мегаре и перебрался в это дрянное фракийское местечко Абдеру. Кто же это переселяется в Абдеру, спросите вы меня? Я тоже спрашиваю себя. Абдера — это катастрофа. Десять тысяч жителей — умолчим о них. Тысяча плохо построенных глинобитных домов — теперь большая часть их сгорела. Грязные улочки, окруженные одними болотами, где полно лягушек, — не будем о них говорить, у меня от лягушек голова кругом идет. Короче говоря, глухая провинция. Храмов — два. В одном поклоняются Латоне, богине, которая когда-то превращала крестьян в лягушек, в другом — Ясону, этому полубогу, который якобы убил двух могучих быков, — тоже типично. И вот здесь-то я зубной врач. Но я не хочу больше говорить об этом. Я хочу рассказать о том, как я однажды утром — прошлым летом — должен был срочно поехать в Геранию, в трех днях пути отсюда: у директора тамошнего Общества по импорту рабов заболел левый верхний зуб мудрости. С тех пор я проклинаю зубы мудрости. Итак, я отправляюсь в путь. Перед этим я поел — немного холодной индюшатины и одно яйцо. Ну и выпил стаканчик красного, не отрицаю. Моя ослица, на которой я обычно езжу, накануне вечером произвела на свет осленка. Пришлось мне с самого утра пойти на базар, который, как всегда, кишит нищими, глашатаями и торговцами, к одному погонщику ослов, чтобы взять себе осла напрокат.

Слышны его шаги.

Нищий. Подайте милостыньку, господин Струтион, маленькую, хорошенькую милостыньку!

Торговка. Сливы! Свежие сливы, первые сливы!

Глашатай. Афиняне высадились в Сицилии! Перелом в Пелопоннесской войне*.

Антракс. Ая — Антракс, погонщик ослов. На базаре ко мне подошел господин зубной врач Струтион. Теперь и меня упрекают в том, что случился пожар. Какая чушь! Это я-то, истинный патриот, — ведь я всегда говорю: Абдера превыше всего, Фракия превыше всего! Конечно, он не был мне симпатичен, этот зубодер, — подкатился ко мне на базаре, как бочонок, который подтолкнули, — ничего удивительного, он же из Мегары, там они изобрели плоскостопие! Видели вы когда-нибудь кого-нибудь из Мегары, кто был бы вам симпатичен? Нет, конечно. Я тоже не видел. И вином от него пахло, и не стаканчиком красного, а целой бутылкой. Так и разило! Вы представляете себе, какое это может произвести впечатление на простого человека, который круглый год, как я, питается одной просяной кашей с чесноком. И к тому же этого зубного врача из Греции еще ни разу не видели в храме — дремучий безбожник; даже ванна, говорят, есть у него в доме, у этого язычника!

Струтион. Итак, я беру себе напрокат осла у погонщика Антракса, чтобы доехать до Пододолиса, первой остановки на пути в Геранию. Неплохого осла, должен сказать, хорошо ухоженного и даже вычищенного. Я сажусь, погонщик идет сзади. Еду по грязным улочкам, мимо ратуши, мимо театра, мимо спортивного зала, через нижние городские ворота, потом через верхние, и вот мы уже в болотах.

Слышно кваканье лягушек, стук копыт осла, шаги Антракса.

Антракс. Я бегу рядом с ними обоими. Рядом с ослом и рядом с зубным врачом, сидящим на осле. А я — пешком, как всегда. Священные лягушки квакают, тоже как всегда. Я бью поклоны: в сторону востока, в сторону запада, в сторону севера и в сторону юга. Зубной врач и не шелохнется. Такой безбожник, такой язычник! Мы оставляем за собой священные болота и приближаемся к большой равнине.

Струтион (*стонет*). О-о, проклятье! Какая безумная жара! Равнина между Абдерой и Геранией славится жарой.

В народе ее называют равниной солнечных ударов И я еду, еду, еду. Иногда осел останавливается, затем бежит дальше, затем опять останавливается — а за нами погонщик, от которого воняет чесноком. Я еду. Солнце поднимается все выше. Я еду. Целый час. Ни деревца. ни кустика, ничего, только равнина, только выжженная трава и сверчки, тучи сверчков. Такая равнина может быть только во Фракии. У меня начинает кружиться голова, солнце — словно огненное колесо, обжигающее на ходу осла и человека. Наконец я уже перестаю что-либо соображать. Я слезаю с осла и сажусь в его тени. И тут на меня воззрился этот парень, а потом произошло нечто невероятное. Я не верил своим ушам.

Антракс. Эй, господин, чего это вы? Что это значит?

Струтион. Какое тебе дело? Я присел ненадолго в тени осла. Солнце так печет, я прямо теряю сознание.

Антракс. Нет, добрейший господин, об этом не было уговору! Я дал вам напрокат осла, а о тени вы ничего не говорили.

Струтион. Ты что, с ума спятил? Тень сопутствует ослу, это само собой разумеется. Я взял напрокат обоих, когда взял осла.

Антракс. Клянусь священными лягушками! Это совсем само собой не разумеется. Осел — одно, а его тень — другое. Вы взяли у меня напрокат осла за десять медяков. Если вы хотели взять вдобавок напрокат и тень, вы должны были об этом сказать. Короче говоря, господин, вставайте и езжайте дальше или заплатите мне за тень, что обойдется не так уж дорого.

Струтион. Как? Я заплатил за осла, а теперь должен еще платить за его тень? Будь я сам трижды осел, если я это сделаю! Осел мой на весь день, и я буду сидеть в его тени сколько мне вздумается, можешь быть спокоен!

Антракс. Вы это серьезно?

Струтион. Совершенно серьезно.

Антракс. Тогда пусть господин сразу же возвращается в Абдеру, прямо в городской суд. А там увидим, кто из нас прав. Да будут священные лягушки милостивы ко мне и к моему ослу, и тогда мы посмотрим, как вы заберете у меня против воли тень моего осла!

Струтион. Ну что я мог поделать? И для этого переехал из Мегары в Абдеру! Такое может случиться

только во Фракии. Сначала мне очень хотелось избить этого погонщика, но потом я поглядел на него: детина метр девяносто и вдвое шире своего осла. Мне ничего другого не оставалось, как бросить зуб мудрости на произвол судьбы и вернуться в Абдеру, к городскому судье Филиппиду.

Филиппид. Ну, хорошо. И оба они вернулись ко мне, к городскому судье Филиппиду. Я сижу в здании суда — было около одиннадцати часов — и уже издали слышу их крики.

Струтион. Обманщик! Ты погубил мою практику!

Антракс. Кровопийца! Вы хотите меня, бедного парня, раздеть догола!

Филиппид. Ну, думаю я, кричите, кричите, на то я и городской судья. Уже двадцать лет. Ну, думаю я, пусть они только придут сюда, когда кругом не будут шнырять адвокаты, и все кончится у меня полным миром. Я всегда за мировую. Каждый, кто так кричит, кажется мне правым. Когда ко мне приходит богач вместе с вором, я сначала выслушиваю богача. Разумеется, богач прав. Что твое, то твое. Красть нельзя. Потом я выслушиваю вора. Ну, думаю я, он тоже прав, голодать нельзя. Человеку нужен хлеб. Таким образом получается, что и богатый прав, и бедный тоже прав. Должен ли я стать на чью-то сторону? Потому-то я и стою за мировую, чтобы каждый был прав. Это говорю я, городской судья Абдеры. Мир должен быть у всех. Без мира ничего не выйдет. Ну, думаю я, вот уже идут оба крикуна. Это зубной врач Струтион и погонщик ослов Антракс. Я их обоих знаю. В Абдере каждый знает каждого. Сначала я смотрю на зубного врача, потом на погонщика ослов, потом опять на зубного врача. Кто, собственно, из вас истец?

Струтион. Я подаю в суд на погонщика ослов, потому что он нарушил наш договор.

Актракс. А я подаю в суд на зубного врача, потому что он хочет пользоваться тенью, которую не брал напрокат.

Филиппид. Стало быть, у нас два истца. А где ответчик? Странное дело... Ну, расскажите мне все еще раз, со всеми подробностями — только по очереди, пожалуйста, невозможно что-либо понять, когда оба орут в один голос.

Струтион. Глубокоуважаемый господин городской судья! Я, зубной врач Струтион, взял напрокат у этого

погонщика одного осла на один день. Правда, о тени осла мы не договаривались. Но слыханное ли это дело, чтобы при таком найме надо было оговаривать тень? Ведь это, клянусь Геркулесом, не первый осел, которого дают напрокат в Абдере.

Филиппид. Зубной врач прав.

Струтион. Осел и его тень даются напрокат вместе, господин городской судья; почему, собственно, тот, кто взял напрокат осла, не имеет права и на его тень?

Филиппид. Верно. А ты, погонщик ослов, на что жалуешься?

Антракс. О, ваша милость, я всего лишь простой человек, но все мои пять чувств подсказывают мне, что я не должен оставлять моего осла попусту стоять на солнце, чтобы кто-то мог усесться в его тени. Я дал господину осла напрокат, и он заплатил мне вперед половину, это я признаю. Но осел — одно, а его тень — другое.

Филиппид. Тоже верно.

Антракс. Если ему нужна тень, пусть заплатит половину, что платит за самого осла — ведь я много не запрашиваю, — и прошу вас защитить мои права.

Филиппид. Лучше всего, если вы договоритесь по-хорошему. Ты, честный Антракс, должен дать напрокат тень вместе с ослом, потому что она всего лишь тень; а вы, господин Струтион, добавьте ему три медяка, и обе стороны будут довольны. Нет ничего лучше мира.

Струтион. Я не дам этому вшивому погонщику больше ни одного медяка! У меня тоже есть свои права!

Антракс. А у меня — свои.

Филиппид. Ну, думаю я, вот они опять кричат. Что ж, пусть кричат, нельзя вмешиваться в дела, которые уладятся сами собой. Я утираю пот — они продолжают кричать, я сморкаюсь — они все кричат. И вдруг оба умолкают сразу. Мертвая тишина. Где же осел, спрашиваю я?

Антракс. На улице, у дверей, ваша милость.

Филиппид. Пусть его введут сюда. Вот она идет, серая, грустная, неуклюжая скотинка, остановилась, поднимает уши, заревела, смотрит сначала на погонщика, потом на зубного врача, наконец на меня, трясет головой и, покорившись, опускает ее. Ну, думаю, тебя я могу понять, от людской глупости можно зареветь. А погонщик опять начинает кричать.

Антракс. Посмотрите сами, господин городской судья, разве тень моего прекрасного, статного осла не стоит пяти медяков, особенно в такой жаркий день, как сегодня? Я ведь не запрашиваю Бог знает сколько.

Филиппид. Стало быть, ты настаиваешь, чтобы тебе заплатили пять медяков за тень?

Антракс. Клянусь священными лягушками! Я не отступлюсь! Никаких отговорок!

Филиппид. Ну, хорошо. Тогда я должен назначить день, когда состоится суд. Отведи осла во двор, пристав. До решения суда он останется у нас.

Антракс. Как же это так, ваша милость?

Филиппид. Иначе нельзя. Правосудие беспощадно. Этот осел — предмет судебного разбирательства, он должен оставаться здесь.

Антракс. Но ведь я им живу!

Филиппид. Вот видишь, погонщик, что получается, если не хочешь мира, а мир — это самое важное. Когда идет война с Македонией, ты тоже не можешь заниматься своим ремеслом, ты должен сдать осла в армию, а если ты хочешь вести тяжбу, ты должен сдать его в суд. Ну, идешь на уступки? Теперь зубной врач Струтион. Вы дадите погонщику ослов четыре медяка, чтобы доказать свое великодушие, а ты, погонщик, возьмешь их. И продолжайте ваш путь в Геранию как можно скорее, иначе бедняга погибнет там от зубной боли.

Струтион. Н-не знаю.

Антракс. Но, господин городской судья...

Филиппид. Ну, думаю я, скоро они у меня смягчатся, я продолжаю настаивать, уговариваю их, привожу один довод за другим, они уже готовы уступить, чешут затылки — и тут, к сожалению, появляются адвокаты Фисигнат и Полифон, два коршуна, довольно похожие друг на друга — в желтых мантиях и с длинными шеями.

Фисигнат. Вы слышали, да? «Тут, к сожалению, появляются адвокаты» — я, Фисигнат, и Полифон, мой коллега. «К сожалению» — так нашли нужным выразиться. Я не хочу заступаться за Полифона, мне непонятно, как можно быть членом коллегии адвокатов Абдеры и становиться на сторону погонщика ослов, — повторяю, мне это непонятно, — но быть на стороне зубного врача Струтиона — мой священный долг. О чем, собственно, шла речь

на процессе, который закончился столь ужасным образом? Всего лишь о правосудии, и ни о чем больше! Меня упрекают в том, что я взялся вести процесс из алчности. Разве дело в деньгах, а не в самом правосудии? Нет, это был процесс против вечной самонадеянности, постоянно пытающейся обойти четко определенные права и добиться, в своих темных целях, беззакония.

Полифон. На этом процессе шла речь о самом правосудии, тут Фисигнат прав. Но теперь я, Полифон, должен спросить: что же такое правосудие? Конечно, Фисигнат учился в Афинах, в Сиракузах, в Микенах, а я только в Пелле, согласен; и все же я считаю, что правосудие не столько знание, сколько живое чувство, не так ли? Да, мне приписывали всевозможные мотивы, побудившие меня взяться за это дело. Один известный публицист даже написал, что мне приглянулся осел — он якобы показался мне прекрасным, хорошо упитанным животным. Низкая клевета! Ведь в чем, собственно, подлинная причина? Не в чем ином, как в том факте, что из самого народа, из его гущи, из уст одного из самых малых сих возник новый правовой принцип — из голода, из грязи, из нужды. Новый правовой принцип, повторяю, ибо почему все эти неимущие не должны иметь права на тень? Разве мы, те, кто свободен от предрассудков, не обязаны попытаться принять это за голос самого правосудия? Поэтому я оставил осла по требованию городского судьи Филиппида в здании суда и пошел с Антраксом на базарную площадь, под солнцем, которое все еще палило.

Торговка. Абрикосы, свежие абрикосы, первые абрикосы!

Глашатай. Афиняне обвиняют своего адмирала Алкивиада!* Сенсация в Пелопоннесской войне!

Торговка. Персидская шерсть, самая лучшая персидская шерсть!

Полифон. Выше голову, Антракс! Хотя твой осел интернирован, но в общей сложности ты заработаешь на этом процессе двенадцать драхм.

Антракс. Двенадцать драхм? Я могу добыть себе за эти деньги трех новых ослов хорошей македонской породы. Я буду самым главным и самым быстрым погонщиком ослов в Абдере.

Полифон. Но предупреждаю, Антракс, выиграть процесс будет нелегко. Ты должен это себе уяснить. Дело не только во мне. Самое важное вот в чем: ты должен стать воплощением чистоты и благопристойности. Глаза всех жителей города устремлены теперь на тебя. Говорят, например, что ты порой выпиваешь.

Антракс. Но, господин Полифон...

Полифон. Вчера я видел, как ты шел шатаясь по Ясоновой улице, из трактира Леонида.

Антракс. Всего лишь стаканчик сливовой настойки, господин Полифон, ну, разок-другой по стаканчику!

Полифон. Это надо прекратить. Полнейшее воздержание. И жену больше не бить. Тогда за нас будет Союз женщин.

Антракс. Но, дорогой господин Полифон...

Полифон. Никаких «но». Не возражать. Сейчас у нас одна задача — пробудить веру в народ. Ты сейчас — народ. Одной ослиной тени недостаточно, на это всем наплевать.

Антракс. Да ведь я только один, господин Полифон, а народ — это целая куча людей.

Полифон. Сейчас наиболее важен ты. Генерал тоже не вся армия, но он важнее всех. Без него войны наверняка не выиграть. И этот генерал сейчас ты, погонщик Антракс, генерал добродетели, генерал чести, генерал воздержания. Мой гонорар — четыре драхмы, согласно уставу коллегии адвокатов. Гонорар с малоимущих. Заплатить надо в течение ближайших трех дней.

Антракс. Четыре драхмы, господин Полифон? Клянусь лягушками! Тогда я смогу купить только двух ослов!

Полифон. Но ты же заработаешь двенадцать драхм. Очень жаль, но в отношении гонорара я не могу делать исключений, я должен строго придерживаться правил. Держись, Антракс. Теперь мне надо свернуть в Аполлонов переулок, к рантье Памфу.

Фисигнат. А я, в то время как мой коллега Полифон и погонщик ослов пересекают базарную площадь, иду с зубным врачом Струтионом по Демокритовой улице, направляясь в квартал особняков. Да, действительно, сейчас ужасно жарко, поэтому мы идем по теневой стороне. Ну, говорю я, господин Струтион, с этим процессом вы не выиграете почти что ничего, всего четыре драхмы.

Струтион. Для меня важна справедливость, господин Фисигнат. Каков ваш гонорар?

Фисигнат. Сорок драхм. Согласно уставу коллегии адвокатов, для налогоплательщиков первого класса, господин Струтион. Аванс в двадцать драхм надо внести в течение ближайших трех дней.

Струтион. Хм! Да, поездка в Геранию мне недешево обойдется. Но вы получите гонорар и аванс, господин Фисигнат. Принципиальный человек идет на любые жертвы. Я ученый и, как сказал мне однажды мой учитель Пифагор...

Антракс. Та-ак. Этот пачкун зубной врач называет себя ученым. Хорош ученый, который даже не верит в лягушек, а ведь все могут их слышать. Пусть исчезает в своем квартале особняков, а я сверну на Ясонову улицу. Двенадцать драхм минус четыре драхмы — это два осла! Хорошее дельце, отличное дельце. Вон стоит Леонид у дверей своего трактира. Давай туда, быстренько стаканчик сливовой, тебя никто не видит... Нет, держись, Антракс! Не ходи в трактир, даже не заглядывай туда! Не в трактир, не в трактир, заработать восемь драхм, произвести хорошее впечатление, серьезное выражение лица, не причмокивать. Я же теперь генерал-фельдмаршал добродетели!.. Вот и мой подвал. Ну, конечно, опять мокрое белье перед самым порогом. Возьми себя в руки, Антракс, вон твоя жена. Не драться, сделать приятное лицо, теперь у нас примерный брак — держись, надо врать, словно сивый мерин. Подумай о восьми драхмах, о двух македонских ослах. Приветствую тебя тысячу раз, Кробила, жена моя.

Кробила. Просяная каша готова, муженек, и чеснок тоже. А где твой осел?

Антракс. На работе, женушка, на работе. Скоро ты уже не будешь спрашивать, где твой осел, будешь спрашивать, где твои три осла, старый и два македонских. Все зависит от одного дельца, женушка, — восемь драхм.

Кробила. Восемь драхм?

Антракс. Удивлена, старуха, да?

Кробила. Ты пьян, конечно.

Антракс. Нет, я не пьян и колотить тебя больше не буду. Я стал добродетельным, жена, потому что я теперь — народ. Давай поцелую тебя в щечку, моя любимая ведьма.

Выноси кровати, жена, и мебель — ведь все это из вишневого дерева; мне надо снести их в заклад.

Кробила. Что-о?

Антракс. «Что», «что»! Четыре драхмы — гонорар адвокату Полифону, поняла, Кробила, моя законная язва? Я заработаю восемь, он — четыре, итого двенадцать драхм. И за что, старуха? Нипочем не отгадаешь! За паршивую тень, за тень моего славного осла!

Кробила. Клянусь богами, мой муж сошел с ума!

Антракс. Не я, а зубной врач сошел с ума — уселся в роскошную тень моего осла и не хотел за это платить! На самом солнцепеке! Разве это солидный метод вести дела в Абдере? Так со мной, с народом, не поступают! Теперь нашему процессу даже боги позавидуют! Выноси кровати. Сейчас лето, можно отлично спать и на полу.

Кробила. Вот я стою, бедная женщина Кробила, дочь сапожника Аномала и повитухи Гебы, перед горшком разваренной просяной каши и слушаю эту несчастную историю, которую рассказывает мой муж, погонщик ослов Антракс, сын раба Гидора и скотницы Персефоны. И я дала себя уговорить этому человеку и вышла за него замуж! А ведь на меня заглядывался Кетод, профессиональный боксер!.. Теперь муж продает нашу мебель, наши кровати и оставляет в суде осла, единственное, что нас кормит. Слыханное ли дело — погонщик ослов судится с зубным врачом! Безнадежно!.. Этот процесс с помощью одного адвоката не выиграть. Погонщик ослов останется погонщиком ослов, тут даже самый лучший защитник ничего не сможет сделать, я знаю, что такое наше общество. Добродетельным Антракс тоже не станет — я знаю, что такое добродетель. Она недолго продержится, если нет денег. А их нет ни у меня, ни у мужа. Надо заинтересовать его делом кого-то повыше, например кого-нибудь из духовенства, какого-нибудь солидного жреца. Мы — прихожане храма Латоны. Вот Латона и должна нам помочь, вместе со своими лягушками. Я в жрецах не разбираюсь, хотя моя мать была почти замужем за одним из них. Чем выше тот, к кому обращаешься, тем лучше. Слушай, муженек, Антракс, говорю я, нам надо лично заинтересовать в этом деле старшего жреца Стробила, иначе твои ослы останутся там, где они сейчас, — только в твоем воображении.

Антракс. Да ты в своем уме? Как ты это сделаешь? Старшего жреца никогда не интересовали заботы какого-то погонщика ослов.

Кробила. Очень просто. Моя приятельница Пелида, модистка, знакома с одним оружейником, изготовляющим шлемы, по имени Мастакс; он хочет на ней жениться, но она не согласна из-за трактирщика Колона, который уговаривает ее выйти за него замуж, потому что его жена умерла. Ну а у Мастакса есть брат, он капитан и помолвлен с Иридой, да ты ее знаешь — толстая блондинка!

Антракс. Ирида меня не интересует.

Кробила. Дурень! Она же кухарка у танцовщицы Телезии!

Антракс. Ну какое отношение имеет танцовщица Телезия к моей тяжбе?

Кробила. Как ты не понимаешь? Танцовщица часто ходит по вечерам к старшему жрецу Стробилу танцевать у него. Ведь это каждый ребенок знает.

Антракс. Не оскорбляй старшего жреца лягушек, жена! Он святой! Религию ты в это дело не впутывай, я человек благочестивый!

Кробила. Конечно, он святой. Но святые — тоже люди! И, кроме того, Телезия даже не танцует перед ним, она просто стоит там, как статуя, и подражает скульптурам Артемиды и Афродиты — тем, что в храмах.

Антракс. Ах так! Ну, это совсем другое дело. Это больше похоже на изучение анатомии или как там говорят. Но при чем тут все это?

Кробила. Очень просто. Я поговорю с модисткой, она — с оружейником, тот — со своим братом, капитаном, тот — с Иридой, она — с танцовщицей, а та — со старшим жрецом. Мы должны это сделать, Антракс, — я знаю жену зубного врача Струтиона, я как-то стирала у нее: она пойдет по всем судьям, и ты останешься с носом, если мы не позаботимся обо всем заранее. Старший жрец — это то, что нам нужно. Он поможет тебе получить твои восемь драхм, я знаю, что такое религия, недаром же мы живем в приходе Латоны.

Антракс. Восемь драхм! Ох, старуха, если б это было возможно!

Кробила. Да, трудновато пришлось. Но я все-таки убедила наконец своего мужа. Я выношу кровати и мебель,

а в субботу вечером иду к модистке Пелиде. Она живет в районе крепости, над трактиром Колона. Всюду стоят перед дверьми женщины и размахивают метлами. Мужчины, как всегда, в трактирах. Дверь в жилище Пелиды не заперта, я вхожу. Модистка обнимает меня. Садись, говорит она. Пелида, говорю я, за кого же ты теперь выйдешь: за Мастакса или за толстяка Колона, трактирщика, там внизу?

Пелида. Сама не знаю, Кробила, никак не могу решить, просто ужас что такое!

Кробила. Бери Мастакса. У Колона умерло уже пять жен. Вечно работали у него в трактире, и каждый день он их избивал.

Пелида. Мастакс ведь тоже дерется.

Кробила. Конечно, так поступает каждый мужчина, если он здоров. Не бьют только тех женщин, у которых есть деньги, и это особо оговаривается в каждом брачном контракте. Но Мастакс бьет куда прогрессивнее, чем Колон. Только два раза в неделю. Это неслыханный прогресс, уверяю тебя, это уже что-то похожее на цивилизацию.

Пелида. Ты думаешь? А я-то всегда считала, что цивилизация — это название новой прически, которую носят в Греции.

Кробила. Мой муж тоже не так плох, но страшно консервативен. Побои — через день, а каждое третье число — два раза в день: так написано в древнем календаре. Это чтобы у крестьян хорошо росла скотина, а нам нужен по крайней мере еще один осел. Но недавно Антракс стал совсем другим. С понедельника — никаких побоев. И к тому же нашего осла нет больше в доме. Антракс теперь за добродетель. Ведь у него процесс с зубным врачом Струтионом.

Пелида. И вот я, модистка Пелида, слушаю с удивлением дикую историю с ослом и его тенью. Не понимаю. Слишком сложно для меня. Но когда Кробилу вдруг перестают бить, значит, в этом есть что-то нравственное. Теперь она, конечно, хочет, чтобы я поговорила с Мастаксом — из-за его брата. Мне кажется, я все-таки выйду за оружейника, Кробила права. Особенно сейчас, когда он, может быть, получит заказ. И я жду до воскресенья. А вот и оно, воскресенье. Такое же, как все воскресенья в нашем городе. Утром идут в Абдеру слушать проповедь. Богачи —

в храм Ясона, к Агатирсу, бедняки — больше к Стробилу, в храм Латоны. Стробил рассказывает куда более интересные истории о богах и лягушках, иногда он даже мечет громы и молнии против богачей. Очень хорошо становится на душе. Потом едят жаркое. А после полудня, часа в два, по лестнице ко мне поднимается Мастакс.

Слышны шаги на лестнице, потом раздается стук в дверь.

Мастакс. Эй, Пелида, открой, это я, Мастакс, оружейник, как всегда, точно в два часа в воскресенье.

Пелида. Входи, Мастакс.

Мастакс. Ну что, пойдешь за меня замуж? Я получил заказ. Две тысячи шлемов для варварского племени по ту сторону Дуная. Они зовутся готами. Спереди на шлеме должен быть изображен орел, слева — богиня с колосом, справа — бог с молотом, сзади — гора, на которую лезет вверх серна, а вверху два настоящих коровьих рога, и все как в натуре. Будет гораздо дороже, чем стилизованные греческие шлемы. И размер головы на три номера больше: такой готский шлем весит двадцать четыре фунта. Очень выгодный заказ, я еще стану богачом или по меньшей мере человеком со средним состоянием. Готы хотят рекомендовать меня еще другим, целому народу, побольше греческого или фракийского.

Пелида. А ты не будешь бить меня?

Мастакс. Я? Бить тебя? Я даже маленькому жучку не могу причинить страданий, я-то, с моим мирным ремеслом! Нет, Пелида, никогда! А если я когда-нибудь, ненароком, и ударю тебя, ну когда разозлюсь, ты увидишь: мои побои вообще не побои.

Пелида. Сейчас уже не бьют. Теперь все по-современному. Даже погонщик ослов Антракс не бьет свою жену.

Мастакс. Он? Антракс, погонщик? Он бьет ее каждый день — по всей Ясоновой улице слышно.

Пелида. Он больше не бьет ее, с понедельника, когда у него произошла история с тенью осла и зубным врачом...

Мастакс. И Пелида начинает рассказ. Дурацкая история с этим Антраксом, должен вам сказать. Такой простофиля, надо немедленно идти прямо к старшему жрецу, не то он наверняка проиграет свою тяжбу. Зубного врача нужно наконец взять за горло. Он потребовал с меня прошлый раз полдрахмы за зуб, который шатался. Что она

говорит сейчас, Пелида, эта вострушка? Она выйдет за меня замуж, если я поговорю со своим братом, капитаном? Ну конечно, конечно! Антраксу помогут, а Пелида выйдет за меня замуж. А теперь живо в гавань. Я слыхал, что брат мой, Тифид, снова объявился здесь, со своей старой посудиной. Разумеется, он опять сидит в трактире пьяный в стельку, я уже слышу, как он горланит песню.

Слышна песня Тифида.

Тифид (*поет*).

Они пьяны до дуры,
Они бледны и хмуры,
Их пригвоздило к реям
Взбесившимся бореем...

Под солнцем — шкура в клочья,
Зато холодной ночью
Дрожат они во мраке.
Но из своей клоаки,

Из бреда, вони, ада
Горланят то, что надо:
И солнце в небеса,
И ветер в паруса![1]

Мастакс. Эй, братец, капитан!

Тифид (*совсем пьяный*). Что ты мешаешь мне петь псалом? Заткнись, сухопутный братец, я пою большой хорал морских удальцов:

Они вливают в глотку
Награбленную водку,
Они икают сыто
И вдаль глядят угрюмо,
И жемчугом набито
Гнилое брюхо трюма.

Мастакс. Перестань петь, братец Тифид! У меня есть кое-что для Ириды.

Тифид. Ириды? Кто это? Первый раз слышу!

Мастакс. Твоя невеста.

Тифид. Чепуха! Моя невеста, Клодия, — в Амфиполисе. Я же знаю свою невесту.

---

[1] Перевод стихов Г. Гампер.

Мастакс. Как бы не так! У тебя три месяца назад, когда ты был здесь в последний раз, состоялась помолвка с Иридой — ну, знаешь, толстая блондинка!

Тифид. А-а, припоминаю. Но Ирида же была чернявенькая и тощая.

Мастакс. Блондинка, Тифид, и толстая. Клянусь!

Тифид. Так. Блондинка и толстая. Странно. Видимо, я спутал ее с Фебой, которая с Родоса. Та, наверно, чернявая и тощая. Чего же она хочет, невеста?

Мастакс. Разве ты не зайдешь к ней?

Тифид. Конечно, зайду. Это само собой разумеется.

Мастакс. Тогда расскажи ей историю о погонщике ослов Антраксе и зубном враче Струтионе. Ты же знаешь, Ирида служит у танцовщицы Телезии...

Тифид. И вот, пропустив три стаканчика крепкого грога, мой братец Мастакс рассказывает историю о погонщике ослов. Я слушаю. Гляжу на него. Плюю. Сморкаюсь. Молчу. Он говорит: «Не можешь ли ты попросить Ириду рассказать все это своей танцовщице?» Я киваю головой. Потом опять сморкаюсь. Провожу рукой под носом. Брат уходит. Прощай навсегда, братец Мастакс! Ты мне больше не нравишься. Даже не выпил как следует. Абдера не годится для капитанов. Ничто мне не нравится в этом городе, а история с ослом — глупейшая история. Только на суше может такое случиться. Какое мне дело до зубных врачей? Никакого. А до Ириды? Тоже никакого: блондинка, говорят, и толстая. Не в моем вкусе. Но моя невеста. Возможно. Иногда теряешь ориентацию. (*Поет.*)

Они могли б на суше
В трактире бить баклуши,
И быть всегда под мухой,
И до утра со шлюхой
Плясать, не зная горя,
Но им нельзя без моря.

Ну, хозяин, сколько стоит бутылка водки? Три, говоришь, было? Тоже хорошо. На, вот тебе испанская золотая монета, купи себе карту Черного моря! Прощай, Абдера!.. Немножко пошатывает, когда поднимаюсь на борт. Неважно. На капитанский мостик попаду, хотя бы на четвереньках. Стою на нем, как флаг на ветру. Вперед, в синеву моря, в брызги волн, в пурпур кораллов, в пустоту звезд-

ного неба! Даль поглощает меня, как жадная пасть! А-хой! Паруса подняты — в путь, к другим берегам, к другим невестам!

Ирида. Тифид! Капитан Тифид!

Тифид. Сорок бочек арестантов! Кто это лезет там на капитанский мостик? Как раз в ту минуту, когда я хочу плыть в Адриатическое море! Баба, блондинка, толстая! Где-то я ее уже видел. Что-то мне мерещится. Надеюсь, это только горячка. Но это не горячка, это невеста. Да пронзит меня Нептун своим трезубцем! Это, видимо, Ирида, жаль, что я не успел смыться. Мужайся, капитан Тифид, мужайся, ты справлялся и с более толстыми, там, в Абиссинии.

Ирида. Ты в Абдере, Тифид, и не зашел ко мне?

Тифид. Ирида! Смотри, пожалуйста, Ирида! Конечно, я зайду к своей невесте. Как раз собирался. Хотел только надеть парадный мундир. Выгружаем рыбий жир из Фуды, так от меня немножко попахивает.

Ирида. Я ждала целый вечер. Мы же помолвлены!

Тифид. И как еще! Накрепко! Быть помолвленной с моряком — это все равно что быть дважды замужем!

Ирида. О Тифид, наконец-то ты опять со мной! Я все время думала о тебе, все время! И сегодня я надела госпоже платье наизнанку, так я думала о тебе. Мой Тифидик! Посмотри, какая луна над бухтой! Совсем как серебро...

Тифид. Как персидская серебряная монета. За нее на Самосе дают целый бочонок абрикосовой настойки.

Ирида....А звезды тонут в ее молочном блеске. О Тифид! Миллионы искр рассыпаны по Черному морю и танцуют вместе с волнами.

Тифид. Завтра задует норд-ост. Но сейчас ты должна извинить меня, мне надо уходить.

Ирида. Уходить?

Тифид. К сожалению. Срочное дело. Я сразу вернусь. Мне нужно только на ту сторону бухты, в Ксантию.

Ирида. Это ты и в прошлый раз говорил, но так и не вернулся.

Тифид. Правда? Теперь припоминаю: я хотел вернуться, да нализался у вавилонского консула. Но больше этого не будет. Я стал солидным человеком — ничего удивительного, с такой невестой. К тому же еще и консула перевели,

да еще я должен привезти один груз — верблюдов — в порт Амфиполис. Они нужны правительству Пеллы.

Ирида. Верблюды? В наших краях?

Тифид. Македония хочет стать великой державой.

Ирида. И для кого нужны верблюды?

Тифид. Еще как нужны! Главным образом верблюды. Уйма верблюдов. Без верблюдов теперь не обойтись. С хорошо выдрессированной верблюжьей кавалерией они подомнут под себя всю Грецию, ведь верблюды гораздо выше, чем греческие лошади. Это всем понятно.

Ирида. Но завтра ты опять вернешься?

Тифид. Ровно в шесть часов. Я же тоскую по своей невесте. Ведь я мужчина. Что ты теперь скажешь, моя толстушка?

Ирида. Тогда возьми меня с собой, Тифидик! Сейчас, когда над морем такая полная луна...

Тифид. И буду сидеть без ветра посреди моря! Она, видите ли, хочет поехать со мной! Этна и Стромболи!* Эти невесты липнут, как смола. Но, к счастью, я вдруг вспоминаю историю с треклятой ослиной тенью. Попробуем-ка это средство. Шторм и тайфун, если оно не поможет, я могу оказаться все равно что женатым. Послушай, милая толстушка, говорю я, сделай мне большое одолжение, мне и моему брату Мастаксу, который все-таки хочет жениться на модистке... И начинаю с отчаяния рассказывать ей всю чертову историю.

Ирида. Какое доброе сердце у моего Тифидика! Бедный погонщик ослов! Я сразу же все расскажу Телезии, она тоже так сочувствует нужде и всяким подобным вещам. И вот я опять стою на набережной. А он, мое сокровище, широко расставил ноги на капитанском мостике. Он шатается от боли, потому что должен уехать, а на мачтах полно матросов!

Тифид (*поет*).

Ни бога здесь, ни черта,
И шхуна льдом затерта...
В апрельском черном шквале
Отыщут нас едва ли!

Ирида. Тифидик! Мой Тифидик! Вот ты и отплываешь в желтое сияние своей круглой луны, весь корабль — темная тень. Но завтра он вернется! В шесть часов!

Тифид (*издалека*).

Голодные шакалы,
В руках у них кинжалы,
На шканцах и на баке
Всегда готовы к драке.

Добыча на примете
И кулаки что гири,

Они орут, как дети,
Закрытые в сортире...
И солнце в небеса...

Ирида. Вот корабль и пропал из виду, как всегда. Тифидик, мой Тифидик, я стою на набережной одна, как всегда. Только звезды надо мной и волны плещут. Тоже как всегда.

Плеск волн.

Боже мой, я совсем забыла про свою танцовщицу, ведь она идет сегодня к жрецу, а перед этим купается в новой мраморной ванне из Коринфа! О Тифидик, я сегодня же вечером помогу Антраксу, а завтра, когда ты вернешься из Ксантии с верблюдами, я стану твоей женой!

Слышно, как она убегает.

Плеск воды в ванне.

Телезия. Наконец-то ты пришла. Видишь, я уже лежу в ванне, в моей коринфской ванне из черного мрамора. Как это освежает в нашем ужасном климате. Такая жара! Ирида, добавь-ка сюда еще две бутылки ослиного молока. Вот так, хорошо. И миндальные отруби, и бобовую муку. А теперь приготовь косметику. Возьми сегодня растертый крокодилий помет, смешай его со свинцовыми белилами, землей с Хиоса и добавь немного слюны. Надеюсь, ты не ела сегодня на ужин лук! Эта Фракия портит мне цвет лица. Осенью я вернусь в Милет. В Абдере, наверно, страшно холодно зимой. И всюду мошкара. Не понимаю, ведь тут везде лягушки. Сейчас я выйду из ванны, Ирида. Подай мне полотенце. Дай мне египетский головной убор, моему старшенькому жрецу это нравится, и потом — критские браслеты и прозрачное платье с острова Коса. А теперь косметику и духи. И расскажи мне что-нибудь из жизни

народа, Ирида, пока я буду украшать себя, — ты же знаешь, я люблю народ.

Ирида. Вот сейчас, госпожа, как раз произошла история с погонщиком ослов Антраксом.

Телезия. Погонщиком ослов? Прелестно! Обожаю погонщиков ослов. Они шествуют гордо рядом со своими ослами, поют песни — бедны, но счастливы. Бедняки всегда счастливы, Ирида, у них нет забот. И что же случилось с этим добрым человеком? Тяжба? Потому что зубной врач уселся в тени его осла? Я все расскажу своему старшенькому жрецу. Он тоже любит народ, совсем как я. Я все расскажу ему сегодня же вечером, когда мне придется изображать эти скучные статуи богинь. Он будет сидеть передо мной на мягких подушках, и глаза его наполнятся слезами, когда я буду рассказывать ему и при этом, под медлительные звуки лидийских флейт, поднимать то одну, то другую ногу. Снаружи, подле открытого окна, ветер овевает кипарисы, а в ближнем храмовом пруду квакают, как обычно, священные лягушки...

Слышно кваканье и звуки лидийских флейт.

Стробил. Какую трогательную историю ты рассказываешь, Телезия, изображая при этом Персефону Праксителя. А теперь — Нику Мирона. Левую руку на правую грудь, левую ногу слегка отставить назад... Отлично! Немножко прямее правое колено и попытайся встать на цыпочки: так мы достигнем большего сходства с необычным движением оригинала.

Телезия (*вздыхая от напряжения*). Вот так?

Стробил. Превосходно. А теперь я должен обязательно продлить изучение культа Афродиты. Может быть, лучше всего начать с той статуи Фидия, где богиня любви, сидя на коленях у Юпитера, поглаживает его бороду.

Телезия. Но ведь у нас нет Юпитера, Стробил.

Стробил. Неважно. В крайнем случае я могу изобразить Юпитера, ведь меня, как исследователя, ничто не должно останавливать.

Телезия (*ласкаясь к нему*). А ты поможешь Антраксу, мой старшенький жрец?

Стробил. Не оставлю же я человека из моего прихода в беде. Он ведет тяжбу с зубным врачом Струтионом? Я давно слежу за этим врачом из Мегары. Каждый житель

Абдеры, страдавший от зубной боли, с незапамятных времен исцелялся в храме Латоны. Приносили в жертву богине двух куриц и выздоравливали, а теперь явился этот зубной врач, со своими научными фокусами... Конечно, богиня не всегда помогала, но тогда надо было сразу применять рациональный метод лечения, можно было, в конце концов, принести в жертву и трех куриц вместо двух, тогда-то уж помощь богини была бы обеспечена. А что дает народу этот прогресс вместо простой, здоровой веры, которая так необходима всем нам? Одни сомнения, даже больше — отчаяние. Это пропасть, в которую прогресс пытается ввергнуть наш бедный народ. Теперь наконец можно продемонстрировать наглядный пример. Зубной врач почувствует всю силу моей власти! Завтра соберется парламентская комиссия по вопросам культа, и я поговорю с некоторыми судьями, всегда благосклонными к делам храма Латоны. Зубной врач погиб! А теперь вернемся к изображению Афродиты, любимая дочь моя!.. Флейты, громче!..

Верховный жрец Агатирс (*его голос слышен сквозь звуки флейт*). Старший жрец Стробил, зубной врач не погиб, будь погонщик ослов даже вашим собственным сыном! Простите меня, дамы и господа, я, может быть, несколько произвольно прерываю речь глубокоуважаемого старшего жреца, но в качестве верховного жреца храма Ясона я обязан возразить жрецу Латоны: нам не нужна сегодня вера в лягушек и в истории с богами, нам срочно нужна новая вера в человека! Но разве это можно назвать верой в человека, когда ему предпочитают осла, когда человек, мои возлюбленные, человек должен стоять под палящим солнцем, а не осел? Мы на краю бездны, господин Стробил, и эта бездна — консерватизм во что бы то ни стало. Всегда начиналось с поклонения ослу, а кончалось массовыми убийствами — подобные симптомы нам знакомы. Вот о чем идет речь на этом процессе, старший жрец Стробил, как объяснила мне вчера в вечерние часы любезная госпожа Хлоя Струтион, — о вопросе, что важнее: вера в человека или вера в лягушек и осла! Вы правы: завтра соберется парламентская комиссия по вопросам культа, но и я знаю судей в Абдере. Мы еще увидим, господин Стробил, мы еще увидим!..

Филиппид. Я, городской судья Филиппид, тоже это видел. К сожалению. Результат получился убийственный.

Не должны старшие жрецы вмешиваться в такие смехотворные дела, ведь важнее всего мир. Старшие жрецы сразу становятся принципиальными, а это плохо, когда речь идет об ослах. Вместо того чтобы энергично оттоворить обоих от такого идиотизма, как тяжба из-за ослиной тени, пошли на еще больший идиотизм: сделали из этой тяжбы повод для рассуждений о философии, идеалах и прочих возвышенных понятиях! Заседание судебной коллегии по делу Струтиона — Антракса тоже кончилось крахом. Мне сразу показалось, когда я открыл заседание и предоставил слово асессору Мильтиаду: тут что-то не в порядке. Ну, старик Филиппид, думаю я, в чем дело? Ведь обычно судьи стоят себе вокруг и не обращают внимания на предложения Мильтиада, просто сразу соглашаются с ним — и делу конец, слава богам. Такое у нас в Абдере всегда кончалось справедливым приговором. Ну а сегодня, думаю я, черт возьми, сидят все десять судей с мрачными лицами и даже не идут в трактир поесть горячих сосисок и пирожков; да, здесь что-то неладно. Сегодня со справедливостью будет труднее. Чем дольше длится речь, тем мне все больше становится не по себе, а тут еще одни начинают аплодировать, а другие — свистеть... Такого мне еще не приходилось переживать.

Возбужденные голоса. Прекратите!.. Продолжайте!.. Всё!.. Дальше, дальше!..

Филиппид (*звонит в колокольчик*). Тихо! Прошу не прерывать асессора Мильтиада!

Мильтиад. ...Из этого же, досточтимые выборные судьи города Абдеры, вытекает, что тень всех ослов во Фракии, а следовательно, и та, что явилась непосредственной причиной возникновения данного дела, также не может быть частью собственности одного человека: как тень горы Атос или городской башни Абдеры, или как воздух, которым мы все дышим; далее: упомянутая тень не может быть ни унаследована, ни куплена, ни подарена, ни дана напрокат — словом, никоим образом не может явиться предметом какого-либо гражданского договора. Таким образом, по этим, а также по другим приведенным выше причинам жалоба погонщика ослов Антракса на зубного врача Струтиона должна быть отклонена.

Крики.

1-й судья. Неслыханно!

2-й судья. Нет больше в Абдере справедливости!

3-й судья. Да здравствует Мильтиад!

4-й судья. Долой погонщика ослов!

5-й судья. Просто скандал!

Филиппид (*звонит в колокольчик*). Тихо! Прошу суд успокоиться. Приступаем к голосованию: кто за предложение асессора Мильтиада, поднимите руку. Пятеро судей — за.

2-й судья. А пятеро — против.

Крики.

Филиппид (*звонит в колокольчик*). Слово имеет адвокат Полифон.

Полифон. Многоуважаемая судейская коллегия города Абдеры! Пятеро твоих судей согласились с самым чудовищным предложением, когда-либо сделанным суду. Разве когда-либо так издевались над невинностью, над добродетелью, над бедностью, над простыми человеческими понятиями, над честным чувством справедливости и несправедливости? Разве когда-либо предлагали приговор, который стремится раз и навсегда уничтожить человечность? Ведь это же яснее ясного: если в нашем городе нельзя дать напрокат даже тень осла, все частное хозяйство, подрытое под корень, рухнет и мы должны снова начинать с того, чем кончили пещерные люди...

Филиппид (*звонит в колокольчик*). Ближе к делу!

Полифон. Перехожу к сути дела. Какова же скандальная причина, побудившая Мильтиада поднять на смех справедливость, общественное мнение, героическую историю нашего города, наши самые высокие идеалы?

Филиппид (*звонит в колокольчик*). Ближе к делу.

Полифон. Я спрашиваю: Мильтиад, отпрыск старого рода, зачем, отвечай, зачем посетила тебя позавчера вечером между одиннадцатью и часом ночи жена зубного врача Струтиона, Хлоя?

Движение среди судей.

Вы видите, о наши отцы, как краснеет Мильтиад, а зубной врач закрывает лицо. О времена! О нравы! Но как может быть добродетельным патриций Мильтиад, когда сам глава Абдеры, вершина ее духа, воплощение ее традиций, ведет несовместимый с нравственностью, нарушающий супружескую верность

образ жизни! Я говорю о верховном жреце Агатирсе, почтенные судьи!

1-й судья. Слушайте! Слушайте!

2-й судья. Довольно!

3-й судья. Продолжайте!

4-й судья. Это оскорбление!

Филиппид звонит в колокольчик, наступает тишина.

Полифон. Я настаиваю на том, что пятеро судей, поддержавших преступное предложение Мильтиада, являются приверженцами верховного жреца Агатирса. В прошлый понедельник они встретились с ним, когда было заседание парламентской комиссии по вопросам культа. Есть свидетели, которые видели и в любое время готовы подтвердить, поклявшись священными лягушками, что эти пятеро судей удалились вместе с верховным жрецом Агатирсом в отдельное помещение! К чему это таинственное совещание с верховным жрецом? Есть какая-нибудь связь между Агатирсом и зубным врачом Струтионом? Есть!

Движение среди судей.

Пусть покроется бледностью твое лицо, республика Абдера! Убийцы стоят за твоей спиной с обнаженными кинжалами! Первейший среди твоей знати, первейший из твоих жрецов, вместе с пятью твоими судьями, заключили соглашение с зубодером — чужестранцем из Мегары, соглашение, которое может только угрожать твоей жизни!

Филиппид (*звонит в колокольчик*). Ближе к делу!

Полифон. Я к этому и веду, судья Филиппид, ибо Хлоя Струтион, оказавшаяся одной из самых роковых соблазнительниц в нашей истории, подобно второй Медее, направилась два дня назад, под покровом субботней ночи, тоже между одиннадцатью и часом, стало быть в необычное время, в храм Ясона. С кем она встретилась там, верховный жрец Агатирс? Народ Абдеры по праву требует ответа!

Струтион. Нет! Нет! Все ложь!

Филиппид. Тихо! Пристав, удержи зубного врача Струтиона!

Фисигнат. Господа!

Филиппид (*звонит в колокольчик*). Тихо! Адвокат Фисигнат просит слова!

Фисигнат. Достопочтенные судьи! Было бы неслыханным безрассудством пытаться на этом самом месте, в этом старом, прославленном здании суда, перед лицом статуи Правосудия, которому мы все служим, еще что-то добавить, пытаться говорить, а не действовать. Поспешите, досточтимые судьи, велите привести сюда верховного жреца Агатирса вместе со всем его причтом, со всеми его непорочными девами, поспешите, молите его прийти сюда, чтобы он очистил это здание, столь постыдно осквернённое Полифоном!

Движение среди судей.

Господа судьи, почтенные отцы! В чем заключается самое страшное, то, что приводит нас в содрогание, вынуждает всех цивилизованных людей отвернуться в ужасе от нашего города? Хлоя Струтион, одна из наших уважаемых и добронравных матрон, состоящая в браке с зубным врачом Струтионом, виднейшим специалистом Фракии в искусстве лечения зубов, дочь военачальника Стилбона, ходила позавчера вечером, между одиннадцатью и часом, к Мильтиаду. Хорошо, это факт. Далее, Полифон в своем усердии установил, что та же самая женщина, мужа которой вы видите теперь сломленного духом на своей скамье, посетила в этот же вечер и верховного жреца Агатирса. Конечно, в необычное время, но при святости наших идеалов...

Филиппид. Ближе к сути!

Фисигнат. Можно ли сделать из этого выводы, которые сделал Полифон? Нет! Разве наши матери, наши супруги, наши дочери не выше всяких, повторяю, всяких, подозрений, даже если они и идут в столь поздний час к верховному жрецу? Абдера рухнет, почтенные отцы, если мы усомнимся в чистоте, в неприступности наших жен! Кого еще будет подозревать Полифон, если мы предоставим ему эту возможность? Кто еще будет вывалян им в уличной грязи? Да все мы!.. Полифон установил, что в понедельник было заседание комиссии по культу. Но на нем присутствовал не только Агатирс, почтенные отцы, на нем был и старший жрец Латоны, Стробил. И доказано, что он, вместе с теми пятью судьями, которые голосовали за погонщика ослов, тоже удалился в отдельное помещение. Какие дела могут быть у старшего жреца Латоны с вечно пьяным погонщиком ослов, с погонщиком, который...

1-й судья. Он больше не пьет!

Филиппид. Тихо! (*Звонит в колокольчик.*)

Фисигнат. Он пил и будет пить, нас не обманешь этой адвокатской комедией с пьяницей, который внезапно стал добродетельным. Ничто не может помешать нам спросить: с кем общается Стробил? Кто ходит к нему посреди ночи? Кого видят возмущенные граждане в освещенном окне его рабочего кабинета разыгрывающей пантомиму, причем почти без одежды? Танцовщицу Телезию из Милета!

Движение среди судей.

Каким образом эта особа, пролезшая с подмостков пригородного кабаре Мегары на сцену нашего городского театра в качестве солистки, связана с провонявшим чесноком погонщиком ослов? Мы будем распутывать эту историю постепенно, звено за звеном в столь роковой, ужасной цепи. Служанка Телезии помолвлена с капитаном, чей брат, оружейник, причастный к темным делам с варварскими племенами, ухаживает за модисткой, которая — что достаточно показательно для этой особы — считается лучшей приятельницей забитого создания, жены погонщика ослов Антракса, живущей с ним в его подвале.

1-й судья. Он больше не бьет ее!

Фисигнат. Он снова будет бить! Нет, даже то, что этот грубый распутник с виду морально исправился, не помешает нам спросить старшего жреца Латоны: осмеливаетесь ли вы оспаривать подобные стечения обстоятельств, господин Стробил?

1-й судья. Просто скандал!

2-й судья. Клевета!

3-й судья. Долой консерваторов, оплот Латоны!

4-й судья. Да здравствует Агатирс!

Страшный крик и шум, звонит колокольчик;
шум все возрастает, потом мертвая тишина.

Филиппид. Я, Филиппид, это предчувствовал. До сути дела так и не дошли. На сцену явились идеалы. Драка была невероятная. Погонщик ослов бил зубного врача, зубной врач — Мильтиада, Мильтиад — Полифона, Полифон — Фисигната, а Фисигнат запустил мне в голову колокольчик за то, что я передал дело в сенат. Судебные

приставы избили погонщика ослов, а десять судей били всех, кто попадался им под руку, получая ответные удары. Наконец каждый, шатаясь, обливаясь кровью, поплелся домой: я — в свой кабинет, судьи — в город, погонщик ослов с Полифоном — на Ясонову улицу, а зубной врач Струтион вместе с Фисигнатом — в квартал особняков.

Струтион. Проклятый директор Общества по импорту рабов в Герании! Какой мне теперь прок от его больного зуба мудрости? Половина моих пациентов разбежались! Уже один зубной техник из Византии, необразованный тип, который даже не чисто говорит по-гречески, открыл на улице Аистов лавку с живой лягушкой над зубоврачебным креслом. А что я узнал о своей жене! Это выше моих сил, господин Фисигнат, выше сил! В двенадцать в храме Ясона! Я должен развестись, у меня тоже есть свои принципы! Ох, я бы с удовольствием отказался от этого процесса!

Фисигнат. Господин зубной врач Струтион! На вас смотрит весь город! О вас говорит вся Фракия! И вы хотите отказаться от процесса в эту историческую минуту! Жену свою вы потеряли. Несомненно. Вам пришлось потерять половину своей практики. Тоже верно. Но сейчас речь идет об идеалах, о человечности! Еще раз сорок драхм на мои издержки, рискнем — и противник будет уничтожен!

Полифон. А я говорю тебе как пролетарию и представителю рабочего класса: борись против беззакония, которое проявилось не только по отношению к тебе, милый Антракс, но и ко всем погонщикам ослов! Твои шансы бесспорны! Еще раз четыре драхмы — и зубной врач побежден!

Антракс. Но у меня нет больше денег, господин защитник, — ведь осел интернирован, мебель и кровати заложены и дочку, вы же знаете, маленькую Горго, мы продали в рабыни рантье Памфу...

Полифон. Если ты, уже совсем достигнув цели, уже собираясь начать успешный промысел со сдачей ослов в прокат, хочешь все бросить, милый Антракс...

Антракс. Сделаем, господин, как-нибудь сделаем.

Полифон. Вот видишь, ты человек благоразумный. Деньги надо принести не позже завтрашнего дня. И тогда доведем процесс до победного конца. О-о, вот уже и Аполлонов переулок, мне надо сворачивать, милейший,

держись, будь молодцом, а я должен свернуть. Ох, проклятый запах!

Антракс. Вот он идет. К рантье Памфу. А я бреду дальше, вниз по Ясоновой улице. Он хочет еще четыре драхмы и четыре уже получил. Мне остается только четыре, но это все-таки еще один осел. Придется мне выкручиваться, хотя бы из-за восьми драхм, которые я теперь потерял. Надо продать Кробилу, жену, виноторговцу Кораксу, он, наверное, возьмет ее. Ничего не поделаешь, Антракс. Сморкайся, сморкайся, бывали у тебя времена и потяжелее, раньше, когда голодали. Вон опять стоит Леонид у своего трактира. Уже и не здоровается. Потому что я больше не пью. Никак не могу сейчас — со своей добродетелью и с тем, что я теперь — народ. А вот и мой подвал. Мокрое белье уже не висит перед порогом, нет у нас больше белья. Здравствуй, Кробила, жена.

Кробила. Просяная каша готова. А чесноку у нас больше нет, муженек.

Антракс. И чесноку у нас уже нет. Я ем кашу. Я сморкаюсь. Жена, говорю я, настали плохие времена. Она что-то бурчит, старуха, стоит у очага, как всегда, и смотрит на меня. Жена, говорю я, Полифону нужны еще четыре драхмы.

Кробила. У нас больше ничего нет.

Антракс. Я продолжаю есть кашу. Потом опять сморкаюсь. Кробила, говорю я, ничего не поделаешь. Мне необходимо выиграть тяжбу, из-за долгов. Дочь мы тоже продали, говорит она. Да, говорю я, ничего изменить нельзя... Эти адвокаты тоже хотят жить. Они живут хорошо, говорит она. Я ем кашу, сморкаться еще раз не имеет смысла, придется выкладывать начистоту. Я говорю: беседовал я с виноторговцем Кораксом. Хорошее место для тебя. Он дает мне пять драхм. Трудно тебе не будет. Надо только стряпать. Он добродушный, Коракс, да и сердце у него больное, вот он и не может больше бить и тому подобное. Хорошее место. Она ничего не отвечает. Смотрит только в угол. Ты была доброй женой, говорю я, доброй, славной женой, и просяная каша всегда была хорошая, должен прямо сказать, и чеснок — первый сорт. Она опускает голову. Ну скажи хоть что-нибудь, старуха.

Кробила. Когда мне надо явиться к Кораксу?

Антракс. Сейчас. Когда хочешь. Она опять молчит. Только укладывает свои вещи. Платок на голову, доставшийся ей от матери. Изображение Артемиды, висевшее над кроватью. Воскресные сандалии. Картину, на которой мы нарисованы сидящими в день свадьбы перед храмом Латоны, — ее написал художник Беллерофон — она оставляет.

Кробила. Что ж, прощай, Антракс.

Антракс. Что ж, прощай, Кробила. Ты была хорошей женой, славной женой. Она уходит. Через дыру в подвале. А в углу шуршит крыса. Всегда, когда Кробила уходит, приходят крысы. Беда да и только. Я продолжаю есть кашу. Глаза у меня совсем мокрые. Я опять сморкаюсь. Даже стаканчик сливовой не могу я теперь себе позволить. Это нужда, Антракс, взаправдашняя нужда! Если я выиграю процесс, я выкуплю себе Кробилу вместо второго осла. Еще одна крыса появилась. Уйду-ка я из подвала. Вот я опять стою на Ясоновой улице, на которой простоял всю свою жизнь. Ясонова улица, ничего, кроме Ясоновой улицы. Везде полно народу. Так и кишит. На базарной площади полно, на площади Латоны полно, трактиры переполнены. Разговоры, сплошные разговоры, что это нашло на Абдеру? И всюду я слышу свое имя, всюду чешут языки, и всюду свистят, и всюду дерутся. Что это нашло на Абдеру?

Говор толпы.

Председатель Общества иностранного туризма. В этом процессе речь идет о большем, речь идет об иностранном туризме. Какова, о друзья абдеритского Общества иностранного туризма, какова причина, по которой иностранцы избегают наш город и едут в Ксантию, в город куда более бедный красотами фракийской природы, чем наш, город, где нет не только театра и музея фольклора, но даже учебных заведений? Лягушки старшего жреца Латоны, скачущие у нас повсюду — на форуме, на базарной площади, в городском парке — и своим устрашающим обликом отпугивающие иностранцев, так же как и наглость наших погонщиков ослов, требующих деньги за простую тень... Перед лицом грозящей всем нам опасности остается только одно, о друзья нашего Общества иностранного туризма...

Председатель Общества защиты животных. Абдериты и абдеритки! Процесс открыл нам наконец глаза: здесь поставлена на карту человечность! Как председатель Общества защиты животных, я протестую против ужасающего обращения с ослом, которое позволил себе зубной врач, чьи зверства при вырывании зубов мы достаточно хорошо знаем! Что сделал этот нечеловек со слабым, беспомощным созданием, не поддается описанию! Он не только сел в тени невинного осла, нет, этого мало — он даже ехал на осле, вместо того чтобы идти рядом с ним, как это делает любой прогрессивный друг животных. Поэтому я взываю к каждому любящему животных абдериту...

Директор акционерного общества «Мрамор». Нет, нас не обманешь. С глинобитными постройками наконец покончено, и мрамор будет продолжать свое победное шествие по Фракии! Удар, направленный против зубного врача Струтиона, пришелся в лицо гигиене, а тем самым и нам, акционерному обществу «Мрамор», ибо тот, кто строит из мрамора, строит гигиенично!

Председатель сената Гипсибоад. Речь идет о том, чтобы сделать наконец из Абдеры город, стоящий на уровне современной цивилизации. Речь идет о том, будет ли Абдера идти в ногу с Грецией или закоснеет в своей отсталости, окруженная гниющими болотами, квакающими лягушками, провонявшая чесноком по милости погонщиков ослов! Сбросим же с себя остатки нашего варварства! Растопчем зловредные суеверия! Но пока бесстыжие парни, вроде этого погонщика ослов, будут продолжать безнаказанно клеветать на цивилизацию на глазах у властей, это, конечно, невозможно! Время не терпит, абдериты! Мы живем в решающую эпоху мировой истории, в самом сердце конфликта между Афинами и Спартой! Между духовностью и материализмом, между свободой и рабством! Сомкнемте же наши ряды! Будем вместе защищать свободу, объединившись в партию, создание которой я здесь провозглашаю, в партию, которая группируется вокруг зубного врача Струтиона, — в партию Тени!

Крики. Да здравствует Гипсибоад! Да здравствует Тень!

Цеховой мастер Пфриме. Тут хулят наши болота, наших лягушек, наш чеснок, но имеют в виду народ; славят разум, цивилизацию, но имеют в виду подневольную жизнь, не имеющую отношения к нравственности!

Греция, конечно, велика, но Фракия еще больше, потому что родина всегда больше всего! Так сомкните ряды, фракийцы, вступайте в партию Осла, в партию, извлекающую правильный урок из этого процесса: долой врагов Фракии, одновременно и врагов Абдеры, долой панэллинских либералов!

Крики. Да здравствует Пфриме, да здравствует Осел!

Фукидид (*директор Оружейного акционерного общества в Коринфе*). Пиши, Памфаг: «С большим участием мы следим за мужественной борьбой вашей партии. Мы полностью разделяем ваши взгляды: мир — это величайшее добро, но, принимая во внимание преступные намерения партии противника, надо быть готовым к самому худшему. Оружейное общество Фукидида в Коринфе предлагает вам в вашей борьбе за мир и высокие идеалы помощь в виде первоклассных мечей высшего качества, особо пригодных для гражданских войн и уличных боев, по самым низким ценам. Просим также обратить внимание на наши специальные копья марки «Пакс» — бойцы обеих партий в Сицилии высказались о них весьма одобрительно. Деревянные щиты из ливанского кедра, обтянутые кожей дикого осла, могут быть поставлены в больших количествах. В ожидании вашего уважаемого ответа Оружейное АО Фукидида, Коринф». Заготовь две копии, Памфаг, и пошли по одному экземпляру каждой партии в Абдере...

Тифид (*горланит*).

Но вот допеты песни,
И ни звезды, хоть тресни,
И море без улова
Нас выплюнуть готово.
Пока что, как за брата,
За каждого пирата
Волна встает горою,
Но вдруг ночной порою
Устроит заваруху,
Прихлопнет словно муху...

Вот я опять стою на своем мостике с водкой в желудке и звездами в волосах, с луной на плечах, водорослями и маслом на моих лохмотьях, омываемых брызгами волн! Эй, рулевой, эй, лоцман! Земля! Стена из слоновой кости,

надвигающаяся на нас во тьме! Земля, ребята, какой-то берег, какой-то город, который протягивает к нам жирные руки, жаждущие наших поцелуев, наших ножей. Посмотрим, какие тут можно обстряпать делишки.

1-й человек. Капитан Тифид!

Тифид. Кто там зовет меня? Кто идет ко мне наверх?

1-й человек. Тот, кто не хочет называть свое имя.

Тифид. Добро пожаловать, господин. Люблю, когда не хотят называть свое имя, это означает выгодное дельце. Чего ты хочешь?

1-й человек. Чтобы в городе был пожар.

Тифид. Друг мой, от капитана Тифида ты получишь все что угодно: пожар, женщин, водку, убийство. Все продаем — когда есть спрос. Как называется этот город?

1-й человек. Абдера.

Тифид. Абдера! Слушай, водочка, слушай внимательно в моем желудке: этот город зовется Абдерой, город моего братца! Значит, мы все как дураки плавали вокруг, я и моя водочка, — вокруг, над серебряной бездной. И где тебе нужен пожар?

1-й человек. В храме Латоны.

Тифид. В храме лягушек! Там они поджарятся тысячами, эти твари. Погляди-ка, водочка, как воспламенится там небо от священного факела. А кстати, зачем это, мой хорошо одетый друг?

1-й человек. Чтобы мы двинулись вперед, мой капитан. Мы должны наконец оставить позади старый хлам и двинуться вперед. На карту поставлена свобода!

Тифид. Слышишь, водочка, на карту поставлена свобода! Приятно быть поджигателем, когда на карту поставлена свобода. Мы нужны для высоких целей, не правда ли, мы оба: ты, моя водочка, и я. Вот так было всегда, на каждом берегу, в каждой гавани, в каждой местности, под любым солнцем! Для вас речь шла об идеалах, а для меня — о водочке, о женщинах, о золоте. Но идеалы еще никогда не обходились без меня, наивысшие блага не достигались без моего ножа. Нас ценят, моя водочка, нас ценят. Сколько дадите?

1-й человек. Пятьсот драхм.

Тифид. Идет! А что там у тебя в кожаном мешочке, дружок? Впрочем, я срежу его с твоего пояса, так будет проще. Смотри, пожалуйста, жемчуг!

1-й человек (*испуганно*). Тут все мое состояние, капитан. Я всегда ношу его с собой, чтобы оно никому не досталось.

Тифид. Большое состояние. Двадцать тысяч драхм, никак не меньше. Умно, что ты носишь его с собой, по крайней мере оно достанется мне. У тебя идеалы, тебе не нужен жемчуг!

1-й человек. Капитан!

Тифид. Ну, чего ты? Кладешь руку на пояс? Человек с идеалами всегда дерется хуже. Видишь нож? Он легко может выскользнуть у меня из рук. Ты пришел ко мне, теперь ты получил меня, капитана Тифида, чьи кровавые руки выполнят твои намерения. Ступай вниз, дружок, и еще сегодня ночью ты увидишь: твой храм будет гореть, как моя жажда! Вниз, мой водочный дух сдует тебя вниз, дурак! Все наверх, ребята! Наверх, рулевой, наверх, мой зоркий лоцман! Хватайте жемчуг!

Драка.

Вот так, мои звери, деритесь, собаки, грызите друг друга насмерть, шакалы! Посмотрите-ка, опять идут двое из Абдеры. Роскошно одеты, благородны, чистые руки. Старик и юноша. Что вам угодно?

2-й человек. Капитан Тифид?

Тифид. Сидит перед тобой. Только погоди, дружище, мне надо опять влить в себя бутылку водки, у меня постоянно двоится в глазах, когда я трезвею. Ты из города Абдеры или сельский житель?

2-й человек. Из Абдеры.

Тифид. И ты тоже за идеалы? Не правда ли, за нечто высшее, нравственное?

2-й человек. Я за свою родину.

Тифид. Тоже прекрасный идеал. Здоровый идеал. С ним можно делать отличные дела. На патриотах я зарабатываю уйму денег. Что тебе нужно? Этакое солидное убийство?

2-й человек. Пожар, капитан.

Тифид. Пожар? Товар, пользующийся спросом! В храме Ясона, не так ли, дружище?

2-й человек. Ты угадал.

Тифид. Сколько?

2-й человек. Шестьсот драхм.

Тифид. Шестьсот драхм. Слышишь, водочка, мы поднимаемся в цене, мы становимся все более нужными. А это кто с тобой?

2-й человек. Это мой сын, капитан. Он учится в университете.

Тифид. И чему же он там учится, твой сынок? Он ведь еще совсем молодой.

2-й человек. Он изучает право.

Тифид. Славный отец, заботливый отец. Очень умно, что ты взял его с собой: сын должен знать, что творится слева, когда он изучает правую сторону. Сына я оставлю у себя, на моем корабле, со мной и с моей водочкой.

2-й человек (*испуганно*). Он мой единственный сын!

Тифид. Тем большего мошенника я из него сделаю. Ты приносишь в дар родине пожар, я присоединяю к этому дару твоего сына. Уходи, мне уже хочется всадить тебе нож в брюхо, но моя водочка сегодня не очень крепкая! Это водочка из Эфеса, принеси жертву Диане — она тебя пощадила. Запылает твой храм, как старый пергамент, а я буду под это пламя плясать у себя на корабле и хлопать в ладоши! Спускайся в лодку! Наверх, ребята, наверх, рулевой! Наверх, лоцман! Плывите к земле, с ножами в зубах, голые и смазав жиром тело, мои акулы, которые выполняют мои приказания и воспринимают мои сверкающие глаза как знак смерти и мои поднятые брови как знак пожара! На берег, на берег! Сожгите мне эти храмы лжи, как солому!

Набат, звуки рога.

Караульный. Огонь! Огонь! Огонь, господин брандмейстер! Огонь! Горит храм Латоны!

Пиропс. Что? Храм Латоны? Этот трухлявый деревянный балаган? Вставай с кровати, жена! Подай мне шлем, мундир и поножи! Труби в рог, парень, труби изо всех сил!

Караульный. Храм Ясона, господин Пироп, горит храм Ясона!

Пиропс. И он тоже? Трубите, ребята, трубите! Какой пожар! Какие искры разлетаются вокруг! Ночь становится светлее дня! Трубите, трубите! Фельдфебелей Полифема и Персея ко мне!

Полифем и Персей. Господин брандмейстер?

Пиропс. Полифем бежит с половиной бригады к храму Ясона, а Персей с другой половиной — к Латоне.

Персей. Я член партии Тени, господин брандмейстер. Вы не можете требовать от меня, чтобы я наперекор своим убеждениям спасал храм, гибель которого я только приветствую.

Полифем. А я — Осел. Мои идеалы не позволяют мне спасать храм Ясона.

Пиропс. Ну пусть каждый из вас идет к тому храму, который он хочет спасать, черт вас подери! Но только живо! Ветер, помните о ветре! Весь город сгорит, если вы не начнете быстро действовать!

Караульный. Горит старый город! Старый город!

Пиропс. Действуйте! Я приказываю! Город уже горит повсюду!

Персей. Наши идеалы, господин брандмейстер, вы должны понять. Я обязан строго придерживаться лозунга партии Тени: никакой помощи Ослам, вся помощь Теням!

Полифем. Мне нельзя допускать никаких исключений, господин брандмейстер, я должен быть фанатичным Ослом, когда речь идет о высших идеалах!

Тифид. Она горит! Она горит! Абдера, мой веселый костер, Тифид пляшет на своем капитанском мостике в отсветах твоего огня! Горят твои боги, твои лягушки, твои дела, твоя глупость! Вот они соскакивают, бледные, со своих кроватей, твои жители, в одних рубашках, они кричат, они проклинают судьбу, они плачут, они забывают свои идеалы и свою тяжбу! Зеленый свет льет луна сквозь твой зной, Абдера, дым поднимается столбом в твое небо! На борт, на борт, мои волки, мои рыси, мои кошки, мои лисы! На борт!

Ирида (*в отчаянии*). Тифид, капитан Тифид!

Тифид. Кто это стоит там на набережной? Смотри-ка, Ирида, моя абдеритская невеста, одураченная вдова. Зачем ты зовешь меня? Тифид уходит в море с сосудами, полными вина и масла; у него жемчуг и женщины, у него водочка и чудовищное опьянение, его корабль скользит назад, в бесконечность океана, в высь восходящих звезд! Я стал костром, который спалил ваше прошлое, возмездием, постигшим этот город и всегда грозящим ему, я стал геенной

ваших поступков, о совершении которых вы мечтали в своих снах.

Проклятое корыто,
Надежда с палуб смыта.
Ты прямо на смерть перло,
И вот он, риф у горла.

Ирида. Тифид, мой Тифид!

Тифид (*поет*).

Видали, черти, кукиш?!
Пирата так не купишь!
Уже у двери ада
Горланят то, что надо!
И солнце в небеса,
И ветер в паруса!
Но море нам дороже,
Оставь нам море, Боже!

Филиппид. Так оно все и произошло: Абдера не пожелала быть ближе к сути дела и погибла. Вот мы стоим среди руин, шепчемся, ночные призраки под гибельным солнцем, которое продолжает светить, без конца продолжает светить!

Пелида. Ничего, кроме черных стен.

Кробила. И щелей пустых подвалов.

Мастакс. Воздух все еще полон дыму.

Телезия. Моя коринфская ванна треснула пополам. Она была не мраморная. Сплошное надувательство!

Стробил. Мои священные лягушки изжарились.

Агатирс. Мой храм все еще горит. Храм из лучшего кедрового дерева.

Струтион. Дом у меня сгорел, практика потеряна, а о жене лучше и не говорить.

Антракс. Даже подвала нет у меня теперь.

Мастакс. Кто это там идет?

Агатирс. Через базарную площадь?

Пелида. Эй, смотрите!

Стробил. Осел, осел Антракса!

Филиппид. Спасся из своего горящего стойла!

Мастакс. Это он виноват!

Кробила. Он преступник!

Пелида. Негодяй!

Антракс. Мошенник!

Струтион. Поджигатель!
Все. За ним! За ним! За ним!

Крики. Осел спасается галопом.

Вот он! Он там! Хватайте его! Закидайте его камнями! Разорвите его!

Антракс. Отдайте моего осла! Отдайте моего осла!

Осел. Разрешите мне, дамы и господа, разрешите, пока не настигли меня камни моих преследователей, пока ваши ножи не вонзились мне в брюхо, пока ваши собаки не растерзали меня, — разрешите мне, бедному ослу, у которого шерсть встала дыбом, который скачет в страхе по улицам сгоревшего города Абдеры, которого все теснее окружают и покрывают все новыми и новыми ранами, разрешите, хоть это несколько необычно — слушать говорящего осла, — разрешите задать вам один вопрос. Поскольку я в некотором роде главный персонаж этого повествования, не сердитесь на меня и ответьте мне честно, с чистой совестью, пока я не погиб от ударов ваших собратьев: разве в этом повествовании я был ослом?

Музыка.

Экспедиция «Вега»

Das Unternehmen Wega

Голоса

Маннергейм
Сэр Гораций Вуд
Капитан Ли
Полковник Камиль Руа
Военный министр
Министр внеземных территорий
Государственный секретарь
Джон Смит
Петерсен
Ирена
Бонштеттен
Голос

Маннергейм. Господин президент Объединенных Свободных Штатов Америки и Европы! Возвращаясь к нашей беседе, я, с вашего позволения, хочу продемонстрировать записи на магнитную ленту, сделанные мною по вашей просьбе в ходе операции «Вега» и имеющие отношение к его превосходительству сэру Горацию Вуду, а также к переговорам, которые он вел. Примите заверения в моем уважении и неизменной преданности в это смутное время. Ваш доктор Маннергейм, врач и сотрудник секретной службы.

Сначала прослушаем запись, сделанную во время старта.

Голос. Пассажиров космического корабля «Вега» просят занять свои места! Пассажиров космического корабля «Вега» просят занять свои места!

Вуд. Нас зовут, Маннергейм. Пора покидать Землю. Все остальные уже на борту.

Маннергейм. Ваше превосходительство, наденьте шляпу и темные очки.

Вуд. Само собой.

Маннергейм. А то нас обнаружат шпионы.

Вуд. Вот именно.

Маннергейм. Это ваше первое космическое путешествие, сэр Гораций Вуд?

Вуд. Первое. Странно, не правда ли? Сегодня любой ребенок может слетать на Луну или отправиться на Марс. Наши мечты стали явью. Но Землю я люблю больше, чем мечты... к тому же, говорят, климат за пределами нашей планеты не очень подходящий.

Маннергейм. Совершенно верно, ваше превосходительство.

Голос. Пассажиров космического корабля «Вега» просят занять свои места! Пассажиров космического корабля «Вега» просят занять свои места!

Слышны шаги.

Капитан. Ваше превосходительство.

Вуд. Вы капитан корабля?

Капитан. Капитан Ли. Разрешите проводить ваше превосходительство в каюту?

Вуд. Вы слишком деликатны с людьми, подобными мне, капитан. С министрами иностранных дел не следует так церемониться.

Капитан. Сюда, ваше превосходительство.

Вуд. Здесь все так необычно.

Капитан. Доктор Маннергейм в вашем распоряжении.

Вуд. Спасибо.

Маннергейм. Позвольте, ваше превосходительство, я пристегну вас к креслу.

Вуд. Пожалуйста.

Маннергейм. Вам удобно, ваше превосходительство?

Вуд. Связан по рукам и ногам.

Маннергейм. Вот, примите немного корамина. А сейчас я впущу в каюту кислород и гелий.

Вуд. Делайте все, что считаете нужным.

Слышно легкое шипение.

Маннергейм. Хотите посмотреть, как мы взлетаем?

Вуд. Любопытно.

Маннергейм. Под нами стартовая площадка.

Вуд. Забавно. Не видно ни души.

Маннергейм. Все сидят в бункерах.

Вуд. Прекрасное утро.

Маннергейм. Красный свет, ваше превосходительство. Через двадцать секунд старт.

Вуд. Жаль, что приходится улетать. Лучше бы пойти на рыбалку.

Маннергейм. Осталось десять секунд.

Вуд. А вот и солнышко показалось.

Маннергейм. Стартуем.

Легкое гудение.

Вуд. Видна столица. Промелькнуло море. Земля будто куда-то проваливается.

Маннергейм. Ощущаете перегрузки?

Вуд. Терпимо.

Маннергейм. Они нарастают.

Вуд. Необычное ощущение, особенно когда летишь впервые.

Маннергейм. Дышите равномерно.

Вуд. Стараюсь.

Маннергейм. «Вега» должна набрать скорость тридцать шесть тысяч километров в час.

Вуд. Ну и ну. На машине я никогда не езжу быстрее семидесяти.

В тишине слышно легкое гудение.

Маннергейм?

Маннергейм. Слушаю.

Вуд. Вы личный врач президента?

Маннергейм. Я сопровождаю его в поездках. На Марс, например.

Вуд. И он назначил вас сопровождать меня на Венеру?

Маннергейм. Это большая честь для меня.

Вуд. Гм.

Маннергейм. Желтый свет. Значит, перегрузки достигли высшей точки.

Вуд. Похоже, так.

Маннергейм. Зеленый свет. Мы набрали нужную скорость. Земное притяжение преодолено.

Вуд. Наконец-то.

Гудение прекращается.

Маннергейм. Восемь тысяч километров над Землей.

Вуд. Высоковато.

Маннергейм. Позвольте, я отстегну ремни.

Вуд. Они мне не мешают. До чего прекрасна Земля.

Маннергейм. Да, ничего не скажешь.

Вуд. Похожа на изогнутый щит. Жаль только, что на Земле так много лгут.

Маннергейм. Лгут?

Вуд. Жители Земли не всегда говорят правду.

Маннергейм. Ваше превосходительство, не желаете ли осмотреть наблюдательный пункт?

Вуд. Проводите меня.

Слышны шаги.

Маннергейм. Позвольте представить вам полковника Руа.

Вуд. Полковник Камиль Руа?

Руа. Так точно, ваше превосходительство.

Вуд. Тот, что в прошлом году совершил налет на Ханой?

Руа. Так точно, ваше превосходительство.

Вуд. А три года назад — на Варшаву?

Руа. У вас, ваше превосходительство, превосходная память.

Вуд. Профессия, Руа, всего лишь профессия. А вот и военный министр.

Военный министр. А вот и вы, Вуд. Рывок — и мы в космическом пространстве. Великолепно. Я тоже был в восторге, когда сорок лет назад впервые поднялся в космос. Сейчас полеты стали очень удобными. Недавно я встретил древнего старца, прадедушка которого еще застал начало космических полетов. Космонавты тогда парили в ракете, как ангелы, а во время старта их сминало в лепешку. Они еще не знали ни тайны гравитации, ни защиты от перегрузок. Примитивный был народец. Смотрите, вот наша Земля. Величественная картина: парящий в пространстве шар, похожий на школьный глобус. Темно-фиолетовое небо, а на нем солнце и миллионы звезд. Вот это панорама, Вуд, лучше не придумаешь. Тут даже вы, чиновники министерства иностранных дел, могли бы наконец понять, что значит широкий кругозор.

Маннергейм. А теперь запись конференции, состоявшейся через три дня на борту «Веги». На ней присутст-

вуют все министры и государственные секретари. Председательствует сэр Гораций Вуд.

Вуд. Господа, я начну с короткого обзора событий. Нам необходимо четко представлять, чего мы хотим и как собираемся действовать. С 1945 года, вот уже триста десять лет, у нас не было мировых войн. Были периоды локальных конфликтов: война в Корее, гражданская война в Индии, поражение в Австралии и тому подобное. Сегодня, как ни страшно признаваться в этом министру иностранных дел, новая мировая война стала неизбежной. Человечество готовилось к ней триста лет. Дипломатия исчерпала все свое искусство, продолжать «холодную войну» нет больше смысла, мир невозможен, необходимость вести войну теперь сильнее, чем страх перед ней. Объединенные Свободные Штаты Америки и Европы противостоят России, на стороне которой выступают объединенные Азия, Африка и Австралия. Соперники примерно равны по силам. Примерно. Вот почему члены правительства Объединенных Штатов находятся на космическом корабле «Вега». Печально, но факт. А сейчас я представляю слово министру внеземных территорий.

Министр внеземных территорий. Ваши превосходительства, господа! Ситуация, в которой мы оказались, не очень благоприятна. Мы потеряли Луну. Эту потерю я воспринимаю болезненнее, чем потерю Австралии. По договору, заключенному в Нью-Дели, к ним отошла вся обращенная к Земле сторона Луны. Враждебные человеческой природе особенности, свойственные Луне, к сожалению, исключают военные действия против русских лунных укреплений.

Военный министр. Нам ни в коем случае не следовало подписывать договор в Нью-Дели!

Вуд. Обращаю внимание министра Костелло, что он и сам не видел иного выхода, когда я, к сожалению, был вынужден подписать этот договор. Другого политического решения не было, а к решениям иного порядка мы не были готовы. Министр внеземных территорий, продолжайте, пожалуйста.

Министр внеземных территорий. Ваши превосходительства, господа! Марс объявил о своем нейтралитете, его нельзя вынудить встать на ту или иную сторону, так как он обладает слишком большой мощью. Остается Венера. Прошу предоставить слово государственному секретарю по делам Венеры.

Вуд. Слово имеет государственный секретарь по делам Венеры.

Государственный секретарь. Я полагаю, собравшиеся здесь члены правительства имеют представление о том, что происходит на Венере. Что касается климата, то ситуация там просто катастрофическая. Планета в таком же состоянии, в каком Земля была примерно сто пятьдесят миллионов лет назад. Венера не годится для сколько-нибудь серьезного заселения людьми, не случайно союзники России, да и мы тоже, отозвали с нее своих комиссаров.

Вуд. До меня дошли совсем иные слухи.

Государственный секретарь. Честно говоря, сэр Гораций Вуд, наши и русские комиссары отказались вернуться на Землю, вслед за чем мы и русские перестали посылать туда новых.

Вуд. Как звали нашего последнего комиссара?

Государственный секретарь. Бонштеттен.

Вуд. Когда он вышел в отставку?

Государственный секретарь. Десять лет назад.

Вуд. Почему он не возвратился на Землю?

Государственный секретарь. Причина неизвестна.

Вуд. Продолжайте, господин государственный секретарь.

Государственный секретарь. Ваши превосходительства, господа! Хотя планета Венера не годится для заселения, она все же не совсем бесполезна. Как мы, так и Россия и ее союзники двести лет назад начали использовать Венеру как исправительную колонию и использовали ее исключительно в этих целях вплоть до настоящего времени. Наши космические корабли выгружают осужденных и улетают, не вступая с узниками в более тесные контакты.

Вуд. Значит, эти узники свободны?

Государственный секретарь. Свободны на Венере. Для Земли они умерли.

Вуд. А какова там политическая ситуация?

Государственный секретарь. Неизвестно.

Вуд. Сколько людей мы туда отправляем?

Государственный секретарь. Тридцать тысяч ежегодно.

Вуд. А Россия?

Государственный секретарь. Неизвестно.

Вуд. Не понимаю, зачем нам департамент по делам Венеры, если мы ничего не знаем об этой планете.

Государственный секретарь. Задача департамента — отправлять транспорты с заключенными, ваше превосходительство. Что происходит с ними потом, нас не касается. Главное, что мы от них избавляемся.

Вуд. Кого мы отправляем на Венеру?

Государственный секретарь. Морально неполноценный человеческий материал. Преступников и в первую очередь тех, кто отстаивает коммунистические идеи и от кого нужно избавляться в целях безопасности.

Вуд. А кого ссылает на Венеру Россия?

Государственный секретарь. Тоже преступников и, естественно, тех, кто отстаивает западные идеалы и от кого нужно избавляться в целях безопасности.

Вуд. Следовательно, на Венере находится не только неполноценный человеческий материал. Прошу военного министра высказать свои соображения.

Военный министр. Все очень просто. Этот венерический балласт нужно использовать в войне против России и Азии. В стратегическом отношении Венера обладает тем преимуществом, что составляющие ее атмосферу облака не позволяют вести наблюдения за поверхностью планеты. По моим прикидкам, население Венеры составляет два миллиона человек. Для удара по России и Азии водородными и кобальтовыми бомбами нужно двести тысяч человек. Космические корабли и бомбы они в состоянии создать сами, нужно только отправить на Венеру несколько ученых.

Вуд. Нашлись ли такие ученые?

Военный министр. Они на борту.

Вуд. С кем мы будем вести переговоры?

Министр внеземных территорий. С неким Петерсеном.

Вуд. Какими сведениями о нем мы располагаем?

Министр внеземных территорий. Убийца из Германии.

Военный министр. Замечательно.

Министр внеземных территорий. Кроме того, есть еще некий Джон Смит.

Вуд. А о нем что известно?

Министр внеземных территорий. Он родился на Венере, сын американского коммуниста.

Военный министр. Лучше не придумаешь.

Министр внеземных территорий. Наконец, имеется некто Яков Петров, о котором нам ничего не известно.

Военный министр. Похоже, это русский.

Вуд. Господа. Решение о нашей экспедиции принято президентом. Принято без нашего ведома и, как сейчас выяснилось, несколько поспешно, поскольку о Венере мы знаем крайне мало. На меня возложено руководство экспедицией. Перед нами трудная задача. Мы пока не знаем, какие требования выдвинут полномочные представители этой планеты, каким образом вести с ними переговоры, встретим мы там диктатуру или парламентскую республику, похожую на нашу. Положение серьезное. Чтобы не потерять все, мы должны пойти на риск. Мне остается только пожелать экспедиции «Вега» удачи.

Маннергейм. Прежде чем перейти к событиям на Венере, я воспроизведу еще две беседы, которые провел его превосходительство сэр Гораций Вуд. Первую — со мной, в момент появления Венеры. Огромная, как Луна, но значительно более яркая белая планета плыла в космическом пространстве, грозно надвигаясь на нас.

Вуд. Когда посадка, Маннергейм?

Маннергейм. Через шесть часов, ваше превосходительство.

Вуд. Еще шесть часов, и вы приступите к выполнению своей задачи.

Маннергейм. Какой задачи, ваше превосходительство?

Вуд. Президент поручил вам надзирать за мной. Он боится, что я тоже останусь на Венере, как наши комиссары.

Маннергейм. Ваше превосходительство, я не понимаю...

Вуд. Вы же сотрудник секретной службы.

Маннергейм. Ваше превосходительство!

Вуд. У вас в кармане один из тех маленьких приборов, с помощью которых можно записывать разговоры.

Маннергейм. Я не знаю...

Вуд. Зато я знаю, Маннергейм. Как сотрудник секретной службы, вы обязаны молчать. Не будем об этом. Мы оба хорошо знаем, что поставлено на карту.

Маннергейм. Следующий разговор состоялся с полковником Руа перед самой посадкой, в наблюдательном

пункте. Запись не очень качественная, с помехами, так как я боялся возбудить подозрение.

Вуд. У меня к вам несколько вопросов, полковник Руа.

Руа. Слушаю вас.

Вуд. Три года назад вы атаковали Варшаву на космическом корабле «Денеб»?

Руа. Так точно.

Вуд. А год назад — Ханой на корабле «Альтаир»?

Руа. Верно.

Вуд. Тогда я, кажется, припоминаю, что... (*Далее неразборчиво.*)

Руа. ... (*Ответ неразборчив.*)

Вуд. Оба космических корабля были замаскированы под пассажирские?

Руа. Военная хитрость, ваше превосходительство.

Вуд. Наш корабль называется «Вега». Я плохо разбираюсь в карте звездного неба, но Альтаир, Денеб и Вега — названия звезд?

Руа. Вы не ошиблись.

Вуд. А не являются ли они названиями одного и того же корабля?

Руа. Ваше превосходительство очень проницательны.

Вуд. Такая уж у меня профессия... (*Далее неразборчиво.*)

Руа. ... (*Неразборчиво.*)

Вуд. ... (*Неразборчиво.*) Вы опасный парень, Руа.

Руа. Я солдат.

Вуд. Вот именно. На борту космического корабля.

Руа. По желанию президента.

Вуд. И с парочкой бомб, как во время нападения на Варшаву и Ханой?

Руа. Зачем нам бомбы?

Вуд. Чтобы придать вес предложениям, которые мы везем жителям Венеры.

Руа. Я не могу продолжать этот разговор.

Вуд. А вы и не должны, Руа. Жители Венеры ждут прилета мирного корабля. Мы дали им слово, что прибудем без оружия. Я очень удивился, полковник, увидев вас на корабле, но продолжать размышления на этот счет я, как министр иностранных дел Свободных Штатов, не вправе. Нет ничего хуже участи дипломата, у которого правая рука не ведает, что творит левая.

Голос. Всем разойтись по своим каютам, всем разойтись по своим каютам. Просим застегнуть ремни безопасности. «Вега» погружается в атмосферу Венеры.

Вуд. Забудьте о нашем разговоре, Руа.

Руа. Постараюсь, ваше превосходительство.

Вуд. Надеюсь, вам не придется напоминать мне о нем. Я тоже не стану этого делать.

Голос. Всем разойтись по своим каютам, всем разойтись по своим каютам. Просим застегнуть ремни безопасности...

Маннергейм. Прежде чем перейти к воспроизведению следующей записи, я хотел бы заметить, поскольку вы, господин президент, просили меня рассказать обо всем как можно точнее, что впечатление, которое мы получили о Венере во время посадки, не поддается описанию; его нельзя передать с помощью изображений этой планеты, известных на Земле. Мы совершили посадку в указанном нам районе недалеко от Северного полюса, на побережье острова Ньютона. Разумеется, те признаки поверхности Венеры, о которых мы знаем еще со школьной скамьи, были налицо — чудовищной высоты растения, действующие вулканы на горизонте; но самое страшное заключалось не в них, а в жаре, во влажности воздуха, в непрекращающихся землетрясениях, которые перепахивают почву, изменяют поверхность, уничтожают ее и создают заново, в странном, неописуемом свете, совсем не похожем на земной. Небо, на котором не бывает солнца, тяжело нависающие, колышущиеся, густые, как каша, облака, терзаемые чудовищными ураганами, отливающие серебром, будто за массами пара и потоками дождя бушует смертельный огонь, — это впечатление усиливают нескончаемые электрические разряды в атмосфере. Еще при подлете мы наблюдали огромные, до километра в диаметре, шаровые молнии, с треском проносившиеся по гигантским зарослям хвоща и папоротника. Мы вышли из корабля. Почва колебалась и дрожала под ногами. За нами раскинулся фантастический девственный лес, исходящий влагой, перед нами краснел горячий песок, а дальше, в дымке, бушевал океан. Мы рассчитывали, что нас встретит огромная толпа людей, ждали торжественного приема. Его превосходительство Вуд держал в руке листок с тезисами своей речи, он даже надел свои громадные очки в роговой оправе.

Но мы увидели только трех человек в изношенной одежде, состоявшей из рубашки и штанов. Они нерешительно двигались со стороны океана нам навстречу. Мы полагали, что эти люди должны проводить нас к месту переговоров, но, к нашему изумлению, это и были уполномоченные.

Джон Смит (*тихо*). Меня зовут Джон Смит.

Вуд. Сэр Гораций Вуд.

Джон Смит. Господин Петерсен, господин Петров.

Вуд. Его превосходительство господин военный министр, его превосходительство господин министр внеземных территорий, мои главные сотрудники.

Джон Смит. Рад познакомиться.

Вуд. Господин Смит, господа. Миг, когда мы вступаем на Венеру, исполнен для нас величия; не без душевного трепета стоим мы на такой необычной для нас почве другой планеты. (*Гремит гром.*) Объединенные свободные нации Земли, которые мы здесь представляем, знают, что идеалы... (*громовой раскат*), что идеалы, положенные в основу нашей жизни... (*продолжительные раскаты грома*), идеалы (*удар грома*)... гуманизма (*удар грома*)... и свободы (*громовой раскат*)... торжествуют и на Венере, хотя, может быть, и в иной форме (*страшной силы громовой раскат*)... Поэтому мы прибыли к вам, руководствуясь не холодным расчетом (*завывание ветра*), а стихийным порывом, как говорил старик Томас Элиот*...

Раскаты грома, чудовищные порывы ветра, шум дождя.

Маннергейм. К сожалению, его превосходительство не мог закончить свою речь. Разразилась невиданная гроза, и нам пришлось спасаться бегством. Промокшие до нитки, мы очутились на какой-то примитивной подводной лодке — это и был корабль, предназначенный для ведения переговоров. Мы были разочарованы — нам казалось, что переговоры будут проходить в городе или в сельском замке. Сейчас я воспроизвожу отрывок первого заседания с представителями Венеры, которое проходило в ужасных условиях. Делегация из двенадцати представителей Объединенных Свободных Штатов едва втиснулась в крохотное, плохо освещенное помещение, угрожающе качавшееся на волнах чужого океана.

Джон Смит. Я приветствую представителей Объединенных Свободных Штатов Земли на нашем судне. Прошу

извинить отсутствие господина Петрова, он занят управлением корабля.

Вуд. Мы привезли важные предложения. Не может ли управлением судна заняться не господин Петров, а кто-нибудь другой?

Джон Смит. У нас никого больше нет.

Молчание.

Вуд. Господа. Я предлагаю перенести переговоры в столицу Венеры.

Джон Смит. У нас нет столицы.

Вуд. Тогда в какой-нибудь крупный город.

Джон Смит. У нас нет городов.

Вуд. Тогда по крайней мере в какое-нибудь помещение на суше.

Джон Смит. Здесь нет иных помещений. Строить дома на суше опасно. Мы все живем на судах.

Вуд. В таком случае давайте подождем лучшей погоды.

Джон Смит. На Венере не бывает лучшей погоды. Бывает только хуже.

Вуд. Надо бы переждать грозу.

Джон Смит. На Венере все время бушуют грозы. Сейчас не самая сильная.

Молчание.

Вуд. О нас вам известно почти все, в то время как мы о жизни на Венере не знаем почти ничего. Могу ли я спросить, в какой мере присутствующие здесь уполномоченные представляют свое правительство и как велики их полномочия?

Джон Смит. У нас нет правительства.

Вуд (*удивленно*). Как вас прикажете понимать?

Джон Смит. Так, как я сказал.

Министр внеземных территорий. Господин Петерсен!

Вуд. Слово имеет министр внеземных территорий.

Министр внеземных территорий. Если мы правильно поняли господина Смита, у населения Венеры нет своего правительства, есть только совет, представляющий народ и в истинно демократическом духе выполняющий его волю.

Петерсен. У нас нет ничего подобного.

Министр внеземных территорий. Но должен же кто-то управлять Венерой.

Петерсен. Мы ничтожно малы, а Венера велика и ужасна. Мы вынуждены бороться за свою жизнь. Политика для нас — непозволительная роскошь.

Военный министр. Господин Смит!

Вуд. Слово имеет его превосходительство господин военный министр.

Военный министр. Вы называете себя уполномоченным Венеры, господин Смит.

Джон Смит. Я и есть уполномоченный.

Военный министр. Кто же вас уполномочивал?

Джон Смит. Я сам.

Молчание.

Военный министр (*удивленно*). Значит, вы действовали от собственного имени, когда устанавливали с нами радиосвязь?

Джон Смит. Это вы устанавливали с нами радиосвязь. Ваш радиосигнал мы приняли совершенно случайно. Мы хотели связаться с соседями, а услышали Землю.

Военный министр (*недовольно*). После чего вы не устояли перед искушением и выдали себя за полномочных представителей Венеры.

Джон Смит. Мы и есть полномочные представители. Мы обязаны вести переговоры, поскольку именно мы приняли ваш радиосигнал. У нас никто не имеет права увиливать от исполнения своих обязанностей, даже если эти обязанности свалились на него неожиданно и не имеют к нему никакого отношения.

Военный министр. Мне этого не понять.

Молчание.

Вуд. Значит, если бы наш сигнал принял кто-то другой, то переговоры вел бы он?

Джон Смит. Конечно.

Вуд. И выступил бы в качестве полномочного представителя?

Джон Смит. Он и был бы полномочным представителем.

Военный министр. С ума сойти!

Вуд. Господин Петерсен, информировано ли население Венеры о нашем прибытии?

Петерсен. Мы сообщили об этом ближайшему судну.

Вуд. А дальше?

Петерсен. Мы сообщим им, как прошли переговоры.

Вуд. А если мы подпишем договор?

Петерсен. Мы сообщим и об этом.

Вуд. Признают ли этот договор жители Венеры?

Петерсен. Но мы же уполномоченные.

Вуд. Есть ли возможность собрать суда с жителями?

Петерсен. Да. Но в этом нет необходимости.

Вуд. Господа! Как руководитель делегации объединенных свободных наций Земли я оказался в неожиданном для себя положении. Я предлагаю всем членам делегации вернуться на космический корабль, чтобы обсудить создавшуюся ситуацию. Надо выяснить, имеем ли мы юридическое право вести с вами переговоры, господин Смит и господин Петерсен. Я не юрист и могу ошибиться, но, раз на Венере нет государства, значит, нет и юридического лица, с которым можно заключить договор. Поэтому я полагаю...

Маннергейм. Шестая запись. Совещание на борту «Веги». Космический корабль снова покинул атмосферу Венеры и находится на расстоянии в тысячу километров от планеты.

Военный министр. Еще минута в этом климате, и я бы впал в буйное помешательство. Пусть лучше сюда прилетают русские. Мне еще не доводилось видеть такой нелепой планеты.

Министр внеземных территорий. Невыносимо.

Военный министр. Во время взлета я заметил животное. Какой-то хамелеон длиной в пятьдесят метров.

Министр внеземных территорий. Кошмар.

Вуд. А по-моему, Венера — разумная планета. Всякий раз, когда в своей речи я заводил разговор об идеалах, раздавался удар грома.

Военный министр. Вспомните, перед кем вы держали речь! Перед тремя глупыми рыбаками, или кем там являются эти прохвосты, случайно принявшие наш радиосигнал и заманившие на свое вшивое суденышко целую дипломатическую миссию, в состав которой входят три министра и шесть государственных секретарей.

Министр внеземных территорий. Нашим ученым понадобились годы, чтобы изобрести аппарат и установить радиосвязь с Венерой. Да так, чтобы об этом не пронюхали русские!

Военный министр. Ну и влипли же мы в историю!

Министр внеземных территорий. Как министр внеземных территорий я всегда предостерегал от этой авантюры.

Военный министр. История хуже не придумаешь. Покрыли расстояние в сорок пять миллионов километров — и все зря. Надо возвращаться обратно.

Министр внеземных территорий. Надо отказаться от этой безнадежной затеи.

Вуд. На меня Венера произвела неплохое впечатление. На ней живут свободные люди.

Министр внеземных территорий. Я вынужден еще раз возвысить свой предостерегающий голос!

Вуд. Никакого правительства. Каждый может стать полномочным представителем. Здорово!

Министр внеземных территорий. Ужасно.

Вуд. Когда встречаешь воплощение идеала в действительности, это всегда необычно.

Военный министр. Я не обнаружил там ничего похожего на идеал.

Вуд. Разве бывает политика более идеальная, чем та, которая не нуждается в политике?

Военный министр. Не станем же мы вести переговоры с этими босяками?

Вуд. В них — наш последний шанс.

Военный министр. Вуд, я вас не понимаю.

Вуд. Мы обязаны найти союзников.

Военный министр. На Венере мы их не найдем.

Вуд. Только на Венере. На нашей первой конференции это блестяще доказал министр внеземных территорий.

Министр внеземных территорий. Я протестую. Наоборот, я всегда возвышал свой предостерегающий голос...

Вуд. Господа, не будем терять голову, а то потеряем ее окончательно. Мы неверно представляли себе условия жизни на Венере. Хотя мы не знали, что нас ожидает, но надеялись найти здесь нечто похожее на земные условия. Увы, это не так. Жители этой планеты находятся в состоянии жестокой войны с природой. У них одна только цель — выстоять в этой борьбе и сохранить жизнь, какой бы безотрадной она ни была. Мы их не интересуем, но они проявят к нам интерес, если мы окажемся в состоянии

пробудить в них надежду на изменение их положения. Мы в состоянии это сделать.

Министр внеземных территорий. А вы оптимист!

Вуд. Мы имеем дело с людьми. Они ничем не отличаются от нас и так же подвержены искушениям, как и мы.

Военный министр. Хотите предложить им деньги?

Вуд. Нечто большее — власть.

Министр внеземных территорий. Что вы задумали?

Вуд. Мы признаем Смита и Петерсена полномочными представителями и тем самым возведем их в ранг правительства, поскольку другого правительства на Венере нет.

Военный министр. Не можем же мы образовать правительство из ничего.

Вуд. Из ничего, но с помощью кое-чего, военный министр. Мы гарантируем этому правительству поддержку Объединенных Штатов свободной части Земли.

Министр внеземных территорий. Хочу возвысить свой предостерегающий голос. Петерсен — преступник.

Вуд. Ну и что? Многие правительства, с которыми мы на Земле поддерживаем союзнические отношения, состоят из преступников. Кроме того, мы пообещаем жителям планеты, что после нашей совместной победы над русскими они смогут вернуться на Землю.

Военный министр. Не зайдем ли мы слишком далеко?

Вуд. Мы должны рискнуть, если хотим достичь своей цели.

Министр внеземных территорий. Но где же, черт возьми, мы будем их расселять? Я хочу возвысить свой предостерега...

Вуд. Любое место на Земле покажется им раем.

Молчание.

Маннергейм. Ваше превосходительство.

Вуд. Слушаю вас, Маннергейм.

Маннергейм. А если жители Венеры не захотят?

Вуд. Чего не захотят?

Маннергейм. Возвращаться, ваше превосходительство.

Вуд (*сердито*). Вздор, Маннергейм. Нет такого ада, из которого не хотелось бы убежать.

Маннергейм. Вспомните Бонштеттена. Он остался. Другие комиссары тоже.

Вуд. Не беспокойтесь, молодой человек. Я знаю Бонштеттена. Учился с ним в Оксфорде и Гейдельберге. Это был человек не от мира сего, одержимый странными идеями. Думаю, Венера излечила его от причуд, можете не сомневаться. Вот увидите, как он обрадуется возможности вернуться с нами на Землю.

Маннергейм. Значит, мы все-таки возвращаемся.

Запись второй посадки на Венеру. Гром, дождь.

Закутавшись в армейские плащи, предохраняющие от дождя и песка, их превосходительства идут к берегу океана. Дождь напоминает теплый душ, песок обжигает. Температура около пятидесяти градусов. Навстречу нам идет женщина. Я дал бы ей лет тридцать. Она одета как и мужчины, ничто не защищает ее от обрушивающихся с неба потоков воды.

Ирена. Вы господин Вуд?

Вуд. Да, я.

Ирена. Меня зовут Ирена.

Вуд. Вы хотите проводить нас к господам Смиту и Петерсену?

Ирена. Смит и Петерсен не смогли прийти.

Вуд. Но мы же договорились...

Ирена. Они обнаружили кита. Так мы называем здешних животных. Правда, они отличаются от земных китов, но их можно есть. Большинство других животных на Венере несъедобны. Поэтому охоте на китов придается большое значение.

Министр внеземных территорий (*в отчаянии*). При всем моем уважении к этим съедобным китам, которые в какой-то мере входят и в сферу моей компетенции, поскольку я министр внеземных территорий, мне хотелось бы знать: с кем нам теперь вести переговоры?

Ирена. Со мной.

Военный министр (*удивленно*). С вами?

Ирена. Я новый полномочный представитель. Петерсен мне обо всем рассказал. Мы можем вести переговоры в столовой санитарного судна, где я служу сестрой милосердия. Врач разрешил. Но сказал, чтобы не очень долго.

Раскат грома.

Маннергейм. Восьмая запись. Столовая санитарного судна. Примитивная обстановка. Все мокрое. Переговорам с медицинской сестрой предшествует обмен мнениями между министрами.

Военный министр (*тихо*). Давайте вернемся к себе.

Министр внеземных территорий. Я всегда возвышал свой предостерегающий голос...

Военный министр. Ваш план провалился, Вуд.

Вуд. Почему же?

Военный министр. Вы собирались признать в лице Смита и Петерсена правительство, а они отправились на рыбалку!

Министр внеземных территорий. Никогда еще так не оскорбляли дипломатическую миссию. В этой вонючей столовке нас считают идиотами.

Военный министр. Не будь за нашей спиной русских, мы были бы обязаны объявить этим китоловам войну. В конце концов, должна же у нас быть наша земная гордость!

Вуд. А дальше?

Молчание.

Военный министр. Сэр Гораций Вуд! Значит ли это, что вы медицинскую сестру собираетесь возвести в ранг правительства?

Вуд. Разумеется.

Министр внеземных территорий. Но это же невозможно!

Вуд. Игра только тогда считается проигранной, когда больше не остается играющих.

Военный министр. Вуд, это уже слишком. Я совсем перестал понимать, что же такое политика!

Вуд. Дорогой военный министр, легко понимать только политику ослов.

Откуда-то доносятся стоны и крики.

Что там за стоны, Маннергейм?

Маннергейм. Кажется, кто-то рожает, ваше превосходительство.

Министр внеземных территорий. Вот почему исчезла Ирена...

Военный министр. Так и будем вести переговоры под крики рожениц.

Министр внеземных территорий. Ну и жара!

Военный министр. А вот наконец и медсестра.

Ирена. Господа, я привела своего мужа. Он глухонемой. Эта болезнь здесь часто встречается. Пусть он ест свой суп, у нас нет другого помещения.

Молчание.

Вуд. Ну разумеется.

Ирена. Что вы хотите нам сказать?

Вуд. Как руководитель делегации я хочу сделать заявление: Объединенные Свободные Штаты Земли официально признают ваши полномочия как главы государства.

Ирена. Я этого не понимаю.

Вуд. Мы отдаем должное тому обстоятельству, что население Венеры вообще не нуждается в правительстве. Это обусловлено изоляцией Венеры от остальной Солнечной системы. Но поскольку Объединенные Свободные Штаты Земли признают Венеру как политическое образование, возникает формальная необходимость в правительстве: полномочный представитель Венеры тем самым автоматически берет на себя функции правительства.

Ирена. Я медицинская сестра. Из того, что вы сказали, я не поняла ни слова.

Вуд. Это и необязательно. Это просто дипломатическая, чисто техническая процедура, позволяющая нам заключать договоры с населением Венеры.

Ирена (*нетерпеливо*). Так и быть. Если вам так хочется, я буду главой правительства.

Вуд (*радостно*). Поскольку это дело государственной в[а]жности, необходимо собрать как можно больше жителей Венеры.

Ирена. Зачем?

Министр внеземных территорий. Чтобы утвердить вас в должности главы государства.

Ирена. Но вы же это уже сделали.

Военный министр. Это должно произойти публично.

Вуд. Жители Венеры имеют право знать, что у них наконец появилось свое правительство, имеющее между-

народное признание. Я уверен, что и Марс признает Венеру.

Ирена. Но это же никого не интересует.

Министр внеземных территорий (*возмущенно*). Милостивая государыня!

Ирена. Я представляю правительство Венеры только в глазах Земли. Вы объявили уполномоченного главой правительства. Это ваше дело. В роли уполномоченного я оказалась случайно, потому что сегодня после обеда свободна от работы. Завтра на моем месте окажется другой, если вообще найдется хоть один свободный человек. Я уже сказала, что началась охота на китов.

Министр внеземных территорий. Но нельзя же каждый день менять правительство!

Ирена. Правительство нужно вам, а не нам.

Военный министр. Мы топчемся на месте.

Министр внеземных территорий. А тут еще такая жара! Тяжелая, невыносимая жара!

Ирена. Что вам, собственно, от нас надо?

Вуд. Милостивая государыня...

Ирена. Пожалуйста, не называйте меня милостивой государыней. Я просто Ирена.

Вуд. Ирена, речь идет о защите свободы.

Ирена. А зачем ее защищать?

Министр внеземных территорий (*со стоном*). Милостивая государыня!

За стеной кто-то кричит: «Нет! Нет!»

Ирена. Извините, очевидно, в соседней каюте проводят ампутацию, а у нас нет обезболивающих средств.

Военный министр. О Господи!

Министр внеземных территорий. Проклятая жара, я больше не вынесу.

Вуд. Вопрос о том, нужно ли защищать свободу, конечно же, не стоит на этой счастливой планете, тут иная политическая ситуация, но он стоит на Земле и, без сомнения, Ирена, встанет у вас, если победят те силы, которые угрожают свободе на Земле. Объединенным Свободным Штатам угрожают Россия и ее сателлиты...

Маннергейм. Поскольку речь его превосходительства; в которой он объясняет медицинской сестре нашу точку зрения, сильно повреждена частично некачественной

записью, частично криками оперируемого за стеной, я сразу перейду к воспроизведению заключительной фазы переговоров.

Министр внеземных территорий. Проклятая жара.

Стоны.

Вуд. Таким образом, наша точка зрения, наши пожелания и наши предложения должны быть ясны правительству Венеры.

Ирена. Вы, стало быть, хотите, чтобы мы приняли участие в войне против России?

Вуд. Точно.

Ирена. Россия нам не угрожает.

Молчание.

Военный министр. Ирена, я хочу у вас кое-что спросить.

Ирена. Спрашивайте.

Военный министр. Вы — русская?

Ирена. Я была полькой. Шесть лет тому назад меня депортировали.

Министр внеземных территорий (*слабым голосом*). Не сомневаюсь, вас выслали за то, что вы отстаивали высокие идеалы свободы, гуманизма и частного предпринимательства.

Ирена. Я была уличной проституткой.

Молчание.

Вуд. Дорогое дитя...

Ирена. Вы забываете, что разговариваете с главой правительства.

Вуд. Милостивая государыня, я еще раз торжественно обещаю, что жители Венеры получат разрешение вернуться на Землю, если они примут участие в войне на нашей стороне.

Ирена. Мы не хотим возвращаться.

Молчание.

Вуд. Милостивая государыня, не забывайте, что вы говорите от имени всех. Я могу понять, что из личных соображений вы не хотите возвращаться, но здесь есть

люди, которых сослали на Венеру, потому что на Земле они отстаивали свободу, боролись за лучшую жизнь. Они захотят вернуться.

Ирена. Я не знаю никого, кто хотел бы вернуться.

Министр внеземных территорий. Проклятая жара... проклятая жара...

Маннергейм. Ваше превосходительство, министр внеземных территорий упал в обморок.

Вуд. Займитесь им, Маннергейм.

Маннергейм. Надо возвращаться на корабль, ваше превосходительство. Его жизнь в опасности.

Военный министр. Мои силы тоже на исходе, Вуд. Я весь взмок от жары, да и вы бледны как смерть.

Вуд (*говорит с трудом*). Хорошо, Костелло. Мы возвращаемся. Скажите, Ирена, вы сообщите о нашем предложении жителям Венеры?

Ирена. Если вам так угодно.

Вуд (*горячо*). Я этого хочу. Вы, кажется, не совсем понимаете значение нашей миссии. Сейчас мы возвращаемся на свой корабль, а завтра утром придем опять. Мы не знаем, с кем нам придется вести переговоры. Но мы должны быть уверены, что вы сообщите о нашем предложении жителям Венеры.

Ирена. Если это для вас так важно.

Маннергейм. Девятая запись. В каюте его превосходительства на борту «Веги», расстояние до Венеры — тысяча пятьсот километров.

Слышно тяжелое дыхание.

А теперь укол кальция.

Вуд. Укол так укол.

Маннергейм. Я впущу в каюту еще кислорода.

Легкое шипение.

Вуд. А как чувствует себя министр?

Маннергейм. Плохо.

Вуд. А военный министр?

Маннергейм. Тоже неважно. Государственного секретаря по делам Венеры во время старта хватил удар.

Вуд. Очень жаль. В каком он состоянии?

Маннергейм. В безнадежном.

Вуд. Что со мной?

Маннергейм. Белок.

Вуд. Со мной случается.

Маннергейм. Упало кровяное давление.

Вуд. Ничего не поделаешь.

Маннергейм. Повышенная температура.

Вуд. Это от досады, Маннергейм.

Маннергейм. Ваше превосходительство, пришел военный министр.

Вуд. Присаживайтесь на мою койку, министр.

Военный министр. Спасибо. Я постою. Сначала мы вели переговоры с убийцей и коммунистическим ублюдком, потом возвели в ранг главы государства уличную девку. Интересно, с кем мы сядем за стол переговоров следующий раз? Вероятно, с каким-нибудь дворником или убийцей-садистом. Надо поискать других партнеров.

Вуд. Есть лишь отдельные суда, которые носятся где-то в океане. Нам их не отыскать.

Военный министр. А с помощью радио?

Вуд. Никто не отвечает.

Военный министр. Меня особенно возмущает, что нами просто никто не интересуется. Могли бы по крайней мере проявить любопытство.

Маннергейм. Ваше превосходительство, с вами хочет поговорить полковник Руа.

Молчание.

Вуд. Пожалуйста.

Молчание.

Руа. Ваше превосходительство.

Вуд (*медленно*). Слушаю вас, полковник Руа.

Руа. Вы знаете, зачем я пришел.

Вуд (*нерешительно*). Вы пришли напомнить мне о нашем разговоре.

Руа. Так точно, ваше превосходительство.

Вуд. Сколько... зарядов у нас на борту?

Руа. Десять.

Молчание.

Вуд. По распоряжению президента Объединенных Свободных Штатов?

Р у а. По распоряжению президента.

Молчание.

В о е н н ы й м и н и с т р. Я знаю, это не очень приятно. Особенно после того, как вы, Вуд, постоянно распространялись о высоких материях. Надо просто послать одного из государственных секретарей и объявить этим людям ультиматум...

Молчание.

В у д. К ним пойду я. Вместе с Маннергеймом.

М а н н е р г е й м. Десятая запись. Его превосходительство и меня глухонемой супруг... э... проститутки привел в столовую санитарного судна. В полутьме мокрой каюты нас ожидал тощий человек лет шестидесяти.

Б о н ш т е т т е н. Мне нелегко приветствовать тебя, Вуд. Ты прибыл с печальной миссией.

В у д. Ты...

Б о н ш т е т т е н. Мы с тобой учились в Оксфорде и Гейдельберге.

В у д. Ты изменился.

Б о н ш т е т т е н. Не без этого.

В у д. Мы вместе читали Платона и Канта.

Б о н ш т е т т е н. Было дело.

В у д. Я должен был бы догадаться, что за всем этим стоишь ты.

Б о н ш т е т т е н. Да ни за чем я не стою.

В у д. Ты был нашим комиссаром и мог подчинить себе Венеру.

Б о н ш т е т т е н. Чепуха. Я стал врачом, и в этот час я свободен от работы. Теперь я полномочный представитель и буду вести с вами переговоры.

В у д. А русский комиссар?

Б о н ш т е т т е н. Охотится на китов. У тебя есть сигареты?

В у д. Возьми у Маннергейма.

Б о н ш т е т т е н. Я не курил уже десять лет. Надо попробовать.

М а н н е р г е й м. Огоньку?

Б о н ш т е т т е н. Спасибо.

В у д. Итак, тебе все известно?

Б о н ш т е т т е н. Разумеется. Ирена обо всем мне рассказала. Очень мило с вашей стороны провозгласить ее

главой государства. Теперь мы зовем ее только «ваше превосходительство».

Вуд. Вы сообщили остальным?

Бонштеттен. Мы спросили по радио, хочет ли кто-нибудь возвратиться на Землю.

Вуд. И каков ответ?

Бонштеттен. Желающих не было.

Молчание.

Вуд. Я устал, Бонштеттен. Разреши я присяду.

Бонштеттен. Видно, у тебя белок в крови и температура повышена. На первых порах мы тоже прошли через это.

Молчание.

Вуд. Значит, никто не хочет возвращаться?

Бонштеттен. Никто.

Вуд. Ничего не понимаю.

Бонштеттен. Ты прибыл с Земли. Поэтому и не понимаешь.

Вуд. Но ведь все вы земляне.

Бонштеттен. Мы об этом забыли.

Вуд. Но здесь же невозможно жить!

Бонштеттен. Мы живем.

Вуд. Должно быть, у вас ужасная жизнь.

Бонштеттен. Настоящая жизнь.

Вуд. Что ты имеешь в виду?

Бонштеттен. Кем бы я был на Земле, Вуд? Дипломатом. Ирена была бы проституткой. Еще кто-то — преступником, а кто-то — идеалистом, преследуемым государственной системой.

Молчание.

Вуд. А здесь?

Бонштеттен. Как видишь, я стал врачом.

Вуд. И оперируешь без наркоза.

Бонштеттен. От сигареты я уже не получаю удовольствия. В этом влажном воздухе она отсырела и только тлеет.

Молчание.

Вуд. Я хочу пить.

Бонштеттен. Вот возьми, кипяченая вода.

Вуд. От проклятого лимонно-желтого света в люках, от вонючего пара вместо воздуха меня мутит.

Бонштеттен. Воздух тут всегда одинаков, а свет меняется. То лимонно-желтый, то серебристый, то песчано-красный.

Вуд. Я знаю.

Бонштеттен. Мы все делаем сами. Инструменты, одежду, суда, радиопередатчики, оружие для охоты на огромных животных. Нам недостает всего. Опыта. Знаний. Привычек. Твердой почвы под ногами — она все время меняется. Нет медикаментов. Здешние растения мы знаем плохо, плоды большей частью ядовиты. Даже к воде привыкаешь с трудом.

Вуд. Вода отвратительная на вкус.

Бонштеттен. Но пить можно.

Молчание.

Вуд. На что вы променяли нашу милую Землю? На океаны, затянутые клубами пара. На горящие континенты. На горячий песок пустынь. На бушующее небо. И к какому же выводу вы пришли?

Бонштеттен. Человек — божественное создание, а его жизнь — великое благо.

Вуд. Смешно. К этому выводу мы на Земле пришли уже давно.

Бонштеттен. И что же? Живете в согласии с ним?

Молчание.

Вуд. А вы?

Бонштеттен. Венера вынуждает нас жить в согласии с нашими принципами. В этом наше отличие от землян. Если мы не будем помогать друг другу, мы погибнем.

Вуд. И поэтому ты не захотел возвратиться?

Бонштеттен. Да, поэтому.

Вуд. Ты предал Землю.

Бонштеттен. Я дезертировал.

Вуд. В ад, принимаемый за рай.

Бонштеттен. Пожелай мы вернуться — и нам пришлось бы убивать, ибо помогать у вас значит убивать. А мы больше не можем убивать.

Молчание.

Вуд. Проявим благоразумие. Вам тоже угрожает опасность. Победив нас, русские доберутся и до вас.

Бонштеттен. Нам нечего бояться.

Вуд. Вы неверно оцениваете политическую ситуацию.

Бонштеттен. Ты забываешь, что мы — штрафная колония всей Земли. Человечество намерено воевать за свои благоустроенные квартиры и за доходные земельные участки, а не за эту межпланетарную свалку. Нами никто не интересуется. Вам мы понадобились только как пушечное мясо в предстоящей войне. Кончится война — и надобность в нас отпадет. Вы можете ссылать нас сюда, но не можете вынудить к возвращению. Вы не властны над нами. Вы лишили нас статуса человечества. Но Венера еще страшнее, чем вы. Всякий, кто вступает на нее, подпадает под действие ее законов независимо от того, в каком качестве он здесь оказывается. Ему предоставляется только одна свобода — свобода Венеры.

Вуд. Свобода подохнуть.

Бонштеттен. Свобода поступать по справедливости и делать самое необходимое. На Земле мы этого были лишены. В том числе и я. Земля слишком прекрасна. Слишком богата. С неисчерпаемыми возможностями. Она провоцирует людей на неравенство. Здесь же бедность — нечто само собой разумеющееся. Наша пища, наши инструменты пропитаны нашим потом, к ним не липнет несправедливость, как на Земле. Поэтому мы боимся ее. Боимся ее изобилия, боимся изолганности ее жизни, боимся рая, который на самом деле — ад.

Молчание.

Вуд. Я должен открыть тебе правду, Бонштеттен. У нас на борту бомбы.

Бонштеттен. Атомные?

Вуд. Водородные.

Бонштеттен. В кобальтовой оболочке?

Вуд. В кобальтовой оболочке.

Бонштеттен. Я так и знал.

Вуд. А я не догадывался. Так распорядился президент. Я был поражен, когда вчера узнал об этом.

Бонштеттен. Я верю тебе.

Вуд. Естественно, у меня на душе кошки скребут. Но мы в отчаянном положении. В нашей доброй воле вы

можете не сомневаться. Свобода и гуманизм в конце концов победят.

Бонштеттен. Само собой.

Вуд. Мне впрямь очень жаль, Бонштеттен.

Молчание.

Бонштеттен. Вы сбросите бомбы, если мы откажемся вам помогать?

Вуд. Мы будем вынуждены.

Бонштеттен. Мы не можем вам помешать.

Молчание.

Вуд. Вы погибли.

Бонштеттен. Многие. Но кое-кто спасется. Мы оповестили суда о вашем прибытии. Обычно мы держимся вместе, но сейчас рассеялись по всей планете.

Вуд. Вы предвидели, как будут развиваться события?

Бонштеттен. В конце концов, когда-то мы тоже жили на Земле.

Молчание.

Вуд. Ну, мне пора.

Бонштеттен. Когда вернешься на Землю, непременно отдохни. Отправляйся в Швейцарию. В Энгадин. Лет пятнадцать тому назад я как-то был там, летом. Я никогда не забуду тамошнее небо, такое оно было голубое.

Вуд. Боюсь, политическая ситуация...

Бонштеттен. Ах да, политическая ситуация. Я об этом не подумал.

Вуд. На Земле у тебя осталась семья. Жена, два сына, — я мог бы передать им весточку от тебя.

Бонштеттен. Не надо.

Вуд. До свидания.

Бонштеттен. Ты хочешь сказать — прощай. Моему санитарному судну не спастись от твоих бомб.

Вуд. Бонштеттен!

Бонштеттен. Муж Ирены доставит тебя на берег.

Вуд. Конечно же, мы не применим бомбы, Бонштеттен. Это всего лишь угроза. Вы так и не поддались на уговоры. Бомбежка была бы бессмысленной жестокостью. Даю слово.

Бонштеттен. Я освобождаю тебя от твоего слова.

Вуд. Я не палач.

Бонштеттен. Ты человек Земли. Ты не можешь предотвратить то, о чем однажды подумал.

Вуд. Обещаю тебе.

Бонштеттен. Ты не сдержишь обещания. Твоя миссия потерпела крах. Пока тебе жаль меня. Но когда ты вернешься на свой корабль, твоя жалость улетучится, зато проснется недоверие. Ты подумаешь, что здесь могут появиться русские, которые заключат с нами договор. Ты, правда, не можешь не знать, что это исключено, что с русскими мы обойдемся точно так же, как обошлись с вами, но в твоем сознании появится червячок сомнения — а вдруг мы все же заключим союз с вашими врагами. И из-за этого червячка, из-за едва заметного сомнения в твоем сердце ты велишь сбросить бомбы. Даже если все это лишено смысла, даже если погибнут ни в чем не повинные люди. Мы обречены.

Вуд. Ты мой друг, Бонштеттен. Не могу же я убить своего друга!

Бонштеттен. Убивать легко, когда не видишь своей жертвы. Ты не увидишь моей смерти.

Вуд. Ты говоришь так, будто умереть ничего не стоит!

Бонштеттен. Надо лишь принять неизбежное, тогда все будет легко. Смерть на этой планете — обычное, естественное дело. Она свирепствует всегда и всюду. Чудовищная жара. Чрезмерное излучение. Даже море радиоактивно. Всюду черви, они лезут под кожу, проникают во внутренности, бактерии отравляют нашу кровь, вирусы разрушают живые клетки. На материках полно непроходимых болот, всюду дымятся нефтяные моря и вулканы, рыщут огромные зловонные животные. Нам не страшны ваши бомбы, потому что нас окружает смерть и мы научились не бояться ее.

Молчание.

Вуд. Ваша бедность и близость к смерти делают вас неуязвимыми.

Бонштеттен. А теперь уходи.

Вуд. Бонштеттен, я восхищаюсь тобой. Признаю: ты прав, а я нет.

Бонштеттен. Приятно слышать.

Вуд. Меня глубоко тронуло то, что ты сказал о вашей бедности и о вашей жизни, полной смертельных опасностей.

Бонштеттен. Приятно слышать.

Вуд. Не будь я сейчас министром иностранных дел, я бы остался с тобой.

Бонштеттен. Ты благородный человек.

Вуд. Но не могу же я оставить Землю в беде.

Бонштеттен. О чем речь.

Вуд. Печально, но в этом смысле я не свободен.

Бонштеттен. Не стоит печалиться.

Вуд. Бомбы останутся на борту.

Бонштеттен. Не будем об этом.

Вуд. Даю слово.

Бонштеттен. Прощай.

Маннергейм. Одиннадцатая запись. Космический корабль «Вега» возвращается на Землю.

Руа. Ваше превосходительство?

Вуд. Переговоры не принесли никаких результатов, полковник.

Руа. Тогда я прикажу сбросить бомбы?

Молчание.

Вуд. Раз есть приказ президента, то бомбы должны быть сброшены. Распределите их равномерно по всей планете, полковник Руа.

Руа. Приготовиться к старту!

Голос. Приготовиться к старту!

Вуд. Маннергейм, проводите меня в мою каюту.

Шаги.

Маннергейм. Я застегну ремни безопасности.

Вуд. Пожалуйста.

Маннергейм. Вам удобно, ваше превосходительство?

Вуд. Связан по рукам и ногам.

Маннергейм. Красный свет, ваше превосходительство. Через двадцать секунд стартуем.

Молчание.

Осталось десять секунд.

Вуд. Экспедиция провалилась.

Маннергейм. Старт!

Легкое гудение.

Вуд. Маннергейм?

Маннергейм. Ваше превосходительство?

Вуд. А ведь русские вполне могут появиться и заключить с ними пакт.

Маннергейм. Вполне, ваше превосходительство.

Вуд. Такое, правда, мало вероятно, но вполне возможно.

Маннергейм. К сожалению.

Руа. Бомбы готовы?

Голос. Готовы.

Вуд. Эта возможность, какой бы маловероятной она ни была, вынуждает нас сбросить бомбы.

Руа. Открыть люки!

Голос. Люки открыты.

Вуд. Мы должны действовать наверняка.

Маннергейм. Разумеется, ваше превосходительство.

Руа. Бомбы сбросить!

Голос. Бомбы сброшены.

Вуд. На какой мы сейчас высоте?

Маннергейм. Сто километров.

Руа. Включить самую высокую скорость!

Голос. Самая высокая скорость включена.

Вуд. Как себя чувствует министр внеземных территорий?

Маннергейм. Он приходит в себя.

Вуд. Военный министр?

Маннергейм. Вошел в норму.

Вуд. Я тоже чувствую себя лучше.

Маннергейм. Завтра заседание Совета министров.

Вуд. Политика продолжается.

Руа. Бомбы легли в цель?

Голос. Бомбы легли в цель.

Молчание.

Вуд. Результаты бомбежки?

Маннергейм. Ничего не видно. Но можно себе представить.

Молчание.

Вуд. Противно все это. Венера — ужасная планета. И живут на ней одни преступники. Не сомневаюсь, что Бонштеттен собирался вступить в союз с русскими. То, что они изображали перед нами, был всего лишь грязный спектакль.

Маннергейм. Я тоже так думаю, ваше превосходительство.

Вуд. Итак, бомбы сброшены. Скоро они начнут падать и на Землю. Хорошо, что у меня есть противоатомное убежище. Положено по должности. Да и отпуск министру иностранных дел полагается даже во время войны. К сожалению, от рыбалки придется отказаться. Буду читать классиков. Лучше всего — Томаса Стернза Элиота. Он так славно меня успокаивает. Нет ничего вреднее увлекательного чтения.

Маннергейм. Золотые слова, ваше превосходительство.

Страницкий и Национальный герой

Stranitzky und der Nationalheld

Голоса

Диктор
Министр внутренних дел
Страницкий
Господин с окладистой бородой
Корбмахер
Антон
Мария
Разносчик газет
Флейшер
Зевейн
Продавец памятных значков
Полицейский
Главный редактор Доннер
Национальный герой
Вайтблейк
Фрейлейн Луиза
Бас
Голос сзади и другие голоса

Диктор. Эта история — про болезнь Национального героя Бальдура фон Меве, которого знает и о котором говорит весь мир, и про одного инвалида, которого никто не знает. Болезнь Национального героя вызвала сенсацию.

Министр внутренних дел. Эта болезнь коварна.

Диктор. Как выразился в своем выступлении министр внутренних дел.

Министр внутренних дел. Но наш Национальный герой может быть уверен...

Диктор. Как добавил министр.

Министр внутренних дел. ...что в этом тяжком испытании с ним любовь и почитание всей нации.

Диктор. Напротив, случай инвалида.

Страницкий (*скромно*). Страницкого.

Диктор. Страницкого — лишь один из многих. Конечно, этот случай достоин сожаления, однако времена были нелегкие и мы все достаточно пережили. История начинается в восточных кварталах нашей столицы, вблизи парфюмерной фабрики Губера и трикотажного концерна «Диана и К°», на верхних этажах доходного дома, неоднократно испытавшего на себе мучительные потрясения эпохи, но чудесным образом устоявшего. Мы находимся в комнате четырнадцатой, на шестом этаже, под самой крышей. Полшестого утра. В доме повсюду шум. Отчетливый запах отхожих мест. В соседний номер, пятнадцатый, только что вернулся господин с окладистой бородой, который всегда навеселе и чей род занятий никому не известен.

Господин с окладистой бородой (*во все горло*).

Луиза очень хороша,
Ох, хороша — и ша!

Диктор. В это время другой соседний номер, тринадцатый, покидает, и не одна, фрейлейн Мюллер, Луиза Мюллер, чей род занятий, напротив, всем известен, — но умолчим об этом. Повсюду детский крик.

Слышен детский крик.

Этажом ниже радио играет траурный марш Шопена.

Слышен траурный марш.

А прямо под четырнадцатой комнатой, у Корбмахеров, как каждое утро в это время, происходит ссора.

Корбмахер. Крыса! Потаскуха!

Слышен звон бьющейся посуды.

Диктор. Наверху же, в комнате четырнадцатой, наполненной всеми этими звуками — детским криком, пьяным пением и траурным маршем, а вдобавок храпом огромного человека в изрядно поношенной одежде, расположившегося на ночлег на дырявом матрасе, — как раз напротив него на таком же матрасе лежит инвалид...

Страницкий (*скромно*). Страницкий.

Диктор. Страницкий, кое-как прикрытый старой шинелью, и, бледный от волнения, пробегает глазами строчки газеты.

Страницкий. Я так взволнован, прямо газета падает из рук! Печальная весть о нашем Национальном герое Бальдуре фон Меве! Как это здорово, что вчера, возвращаясь домой после тарелки супа, я углядел на обочине тротуара газету. Антон, сказал я своему бравому матросу, который всегда толкает мою тележку по улицам столицы и, как ребенка, поднимает меня на пятый этаж и которому в этой окаянной сделке я одалживаю свои глаза в обмен на его ноги, — эй, Антон, сказал я, там лежит газета. Согни-ка два метра десять, на которые ты вымахал, пошарь немного левее, и она будет наша. Я бы хотел взглянуть утром — в полшестого уже светло, а ты все еще храпишь, — что принесла нам нового мировая история взамен твоих глаз и моих ног. И вот когда пением бородача и потасовкой у Корбмахеров наступило утро и я раскрыл газету, то тут же прочел сообщение. Здесь, прямо на первой странице, большими буквами! Эй, Антон, просыпайся!

Антон. Что такое?

Страницкий. Сенсация, Антон. Шанс!

Антон. Какая сенсация? Что за шанс? Сенсации у меня бывают теперь только во сне! Там я плаваю на глубине в пятьдесят футов в своем водолазном костюме — том самом, которому пришла крышка, когда «Глория» взлетела на воздух, а вместе с ней полетели в небесную синеву и мои глаза, голубые, как морская вода. Я как раз висел на каких-то обломках, прибитых волнами к коралловому рифу, окруженный каракатицами с метровыми извивающимися щупальцами, — и тут-то ты влез со своим дурацким «Эй, Антон, просыпайся!». Вот это и был шанс, Страницкий, — золото, сиявшее мне, пока я спал, из расползшихся кошельков между морскими звездами и медузами.

Страницкий. Ты просыпаешься, а золото-то тю-тю? Плевать мне на твои сны! Я могу предложить тебе реальный шанс, который составит наше счастье, а заодно и счастье всего мира. Слышишь траурный марш?

Слышен траурный марш Шопена.

Антон. А, понимаю! Это играют по радио всегда, когда умирает кто-нибудь важный.

Страницкий. Нет, случилось событие куда более значительное. Меве заболел проказой.

Антон. Меве.

Страницкий. Наш Национальный герой.

Антон. Как же это он умудрился подцепить проказу в наших краях?

Страницкий. Он же ездил в Абиссинию, где должен был продемонстрировать свое сочувствие социальному положению населения. Но перестарался — зашел в какую-то хижину, по обычаю этой страны босиком, и заразился.

Антон. Где она у него?

Страницкий. На большом пальце левой ноги.

Антон. А при чем здесь наш шанс?

Страницкий. Мысль, Антон, совсем простая: все беды происходят от того, что нам, инвалидам, затыкают рот.

Антон. Я и не хочу ничего говорить.

Страницкий. Потому что ты сразу засыпаешь и тебе снятся твои каракатицы. А я, Антон, сплю плохо, я де-

ятельный человек, лежу и размышляю о нашем ничтожестве. В том-то и дело, что мы ничто. Нас не слушают — и это причина всех бед. Но теперь все не так. Теперь с нами Меве. У него проказа, а мы инвалиды. Теперь он нас поймет. Пойдем к Меве. В газете написано, что он лежит в Вифлеемской клинике.

Антон. И что мы там будем делать?

Страницкий. Меве и мы должны образовать правительство.

Антон. Правительство?

Страницкий. Мы будем министрами.

Антон. Министрами?

Страницкий. А кем же еще? Я был футболистом, а ты — водолазом. Но разве могу я играть в футбол без ног, а ты — нырять, когда у тебя нет глаз? Пусть теперь этим займутся здоровые. А чтоб управлять, не так уж нужны здоровые члены.

Антон (*смеется*). Национальный герой, бесспорно, тебя поймет.

Страницкий. Проказа открыла ему глаза на наше положение. Такая болезнь просветляет.

Антон (*осторожно*). И когда же ты собираешься пойти к нему?

Страницкий. Сегодня же.

Антон. Чепуха, Страницкий, какая чепуха! Одна из твоих идиотских выдумок.

Страницкий. Теперь наконец наверху должны оказаться те, кто испытал мировую историю на собственной шкуре. А это как раз мы!

Антон. Но ведь мы же совсем не умеем править!

Страницкий. Что значит — мы, Антон? Главное, что я умею. Ты думаешь, что я делал ночами, пока ты храпел? Я набрасывал программу правительства, проводил социальные реформы, ты еще удивишься какие, произносил речи, а когда под утро я засыпал, то снились мне, в отличие от тебя, не какие-нибудь бесполезные пустяки. Мне снились практические сны. Я разъезжал по конференциям. Дай мне только попробовать. Я знаю, как нужно использовать шанс. Когда я забил три гола испанцам...

Женский голос. Господин Страницкий, господин Антон!

Страницкий. «Господин Страницкий! Господин Антон!» Слышишь? Это фрейлейн Мария из девятнадцатой комнаты.

Мария. Доброе утро, господин Страницкий. Доброе утро, господин Антон.

Страницкий. Доброе утро, фрейлейн Мария. Мы долго не виделись. Комната номер девятнадцать пустовала целых три недели.

Мария. Я, господин Страницкий, потеряла место на парфюмерной фабрике и была у сестры. А теперь я устроилась работать в трикотажном концерне «Диана и К°» и вот снова здесь.

Страницкий. Это мне не нравится. Трикотажный концерн не для вас, фрейлейн Мария.

Мария. Я буду мести лестницы и цеха, господин Страницкий. Тридцать пфеннигов в час...

Страницкий. Цеха и лестницы за тридцать пфеннигов! Фрейлейн Мария, я нищий черт, ведь подумайте: я безногий, которого возит по городу слепой, сижу у пострадавших от обстрела стен Святого Себастьяна и сую людям под нос жестяную тарелку. Все это, конечно, так. Но если бы вы, закрыв глаза, хоть разок представили себе меня, фрейлейн Мария, с обеими ногами да еще в черно-красной футболке команды «Патриа», вы бы должны были признаться, что я был парнем что надо.

Мария (*смущенно*). Господин Страницкий!

Страницкий. Таким парнем, что показал бы директору трикотажного концерна, как заставлять симпатичную девушку вроде вас мыть полы.

Мария (*робко*). Господин Страницкий!

Страницкий. Вы покраснели, фрейлейн Мария. Ну что ж, понимаю: такую девушку, как вы, смущает, конечно, что безногий объясняется ей в любви. Но это объяснение на тот случай, если бы я был при своих ногах, — чтобы показать вам, каков бы я был, если бы они не валялись в песках Сахары под каким-то холмом.

Мария (*горячо*). Но ведь вы можете, господин Страницкий, получить ноги от государства, так сказал мне господин из социального обеспечения.

Страницкий. Знаю я этого господина! Он приходил ко мне со своими прописями, фрейлейн Мария. Прекрасно, сказал я, государство вернет мне мои ноги. С

его стороны весьма благородно. Хорошая сделка. А что это за ноги? Превосходные протезы, сказал он. А смогу ли я играть на них в футбол? Он ответил мне, что на этих протезах люди одолевали горы. Я не альпинист, сказал я, я футболист. Смогу ли я с ними снова играть левым полузащитником в первом составе команды «Патриа»? Господин Страницкий, ответил тот человек из социального обеспечения, это неисполнимое требование. Тогда мне не нужно ног, сказал я. Я зарабатывал своими ногами, такая у меня была работа, и новые ноги должны помочь мне снова зарабатывать. Государство обязано предоставить мне ноги равноценные тем, которые оно у меня отняло, и баста. Или я останусь тем, что я есть, — живым напоминанием о надругательстве, совершенном надо мной государством.

Мария (*плача*). Но ведь вы мне нравитесь, господин Страницкий!

Страницкий. Не плакать, фрейлейн, не плакать. Кто знает, что нас ждет, кто знает, что у Страницкого на уме и чего он еще может добиться, если выпадет случай, великий, неповторимый случай! Зря, что ли, я забил четыре гола испанцам! И этот случай подвернулся. Не только для меня, но и для вас и для длинного Антона. Марихен, Марихен, Марихен, разве вы не слышите торжественной траурной музыки, которую целое утро разносит радио из окна Флейшеров? А речь, которую произнес министр внутренних дел?

Министр внутренних дел. ...коварна, но наш Национальный герой может быть уверен, что в этом тяжком испытании с ним любовь и почитание всей нации. Мы будем верны герою Финстервальда и Сан-Плинплина, даже если он прокаженный, — произнесем же однажды это страшное, убийственное слово. Именно в этот час мы клянемся.

Диктор. Но предоставим министру внутренних дел продолжать свою привлекшую всеобщее внимание и не раз повторявшуюся в течение дня по радио речь; оставим также и инвалида Станиславского...

Страницкий (*скромно*). Страницкого.

Диктор. ...Страницкого, с его безумными надеждами, Марией и слепым водолазом Антоном, в чердачной комнате номер четырнадцать и обратимся к общественности.

Хотя Национальный герой с течением времени и несколько вышел из моды, хотя над ним у нас втайне даже посмеивались, как над музейным экспонатом, еще игравшим в качестве главы государства некоторую декоративную роль при открытии памятников и государственных визитах, но никем уже не принимавшимся всерьез, болезнь целиком и полностью восстановила его потускневшую славу: никогда еще Меве не был так популярен, как теперь. Его поясной портрет с косой улыбкой, как у Кларка Гейбла*, но в целом больше напоминающий Гёте, — его поясной портрет сразу появился на всех стенах и в каждой комнате. Газеты пестрели посвященными ему сообщениями. Собирались конгрессы врачей. Забастовки с требованием повышения заработной платы были отменены под предлогом, что материальные разногласия неуместны перед лицом болезни Национального героя. Организовывались комитеты, по улицам шествовали дети, скандировавшие хором, Общество Меве торговало значками с надписью: «Не дадим Меве сгнить заживо!» Был основан Фонд Меве. Короче, возбуждение по поводу редкой в наших местах и потому занимавшей фантазию болезни было велико, и поэтому неудивительно, что на обоих инвалидов обращали еще меньше внимания, чем обычно. Ни одна монетка не упала в их помятую жестяную тарелку, пока они, полные надежд, совершали свой путь по раскаленным от солнца нескончаемым асфальтовым пустошам нашей столицы, направляясь к Вифлеемской клинике, где лежал Национальный герой: слепой — толкая тележку безногого, безногий — направляя шаги слепого.

Разносчик газет. Дневной выпуск: заболевание нашего Национального героя — абиссинская форма лепры. «Ди цайт»! «Ди цайт»! Интервью со специалистом по лепре Модерцаном!

Страницкий.

Случалось забивать мне
По дюжине голов.
Был знаменит тогда я,
И счастлив, и здоров.

Куда б я ни явился,
Я был героем дня.
И было много женщин
И денег у меня.

Но вскоре разразилась
Игра больших господ.
Голы их роковые
Оплачивал народ.

Сдирали с нас нещадно
Губительный оброк.
И вы детей лишились,
А я лишился ног[1].

Продавец. Памятные значки Общества Меве! Покупайте значки Общества Меве!

Страницкий. Сверни направо, Антон! Направо! К собору Святого Себастьяна!

Антон.

Мне плавать приходилось
По дюжине морей.
Кораллы повисали
На бороде моей.

В галерах затонувших
Я золото искал.
В костюме водолазном
Я в трюмах их бывал.

Но вот нас искупали
По милости господ.
И океаны крови
Оплачивал народ.

Сдирали непосильный
Оброк нещадно с нас,
И вы детей лишились,
А я лишился глаз.

Страницкий. Налево, Антон, мимо газового завода!

Антон. Пусто. Ни одного пфеннига. Никто ничего не дает.

Страницкий. На эти деньги, Антон, целый день покупают значки в честь Меве — с чего же тут тебе отчаиваться!

Выкрики. Фонд Меве, жертвуйте в Фонд Меве!

Антон. Есть хочется.

---

[1] Перевод стихов К.Богатырева.

Страницкий. Есть? Сейчас?! Ты что, больной, вроде Меве?

Разносчик газет. «Эпоха»! Организация Объединенных Наций выражает сочувствие!

Антон. Странно. Еще вчера газетчики кричали все больше об экономическом кризисе, а сегодня что ни слово, то Меве.

Страницкий. Тебе этого не понять, Антон. Один разносчик одолжил мне иллюстрированный журнал, так там воспроизведен большой палец нашего героя, тот самый, прокаженный. Что экономический кризис, когда у кого-нибудь растет такое.

Антон. И это помещено в иллюстрированном журнале?

Страницкий. Цветное фото. А ты бы посмотрел на выражение лица нашего Национального героя — какое самообладание!

Антон. А на чем он лежит, на матрасе?

Страницкий. На матрасе? При такой болезни? Он сидит в американском медицинском кресле, которому можно придать любое положение, у каждого подлокотника столик, над головой лампа, предусмотрен телефон и электромотор, чтобы ездить по саду. Ты бы посмотрел, Антон, на это кресло.

Антон. А как выглядят медицинские сестры?

Страницкий. Не девочки, а мечта! Сложены что надо. Но к тому же это, как говорят, почетные медсестры. Одна танцовщица, другая герцогиня фон Тойфелен. А у него таких сестер десять! И при этом как держатся! Прямо, Антон, теперь все время прямо·

Антон (*горько*). Боже мой, Страницкий, если бы я был прокаженным и к тому же Национальным героем! А тебе было бы так кстати американское кресло с электромотором.

Страницкий (*возмущенно*). Антон! Не греши! Такая болезнь! Мы можем считать себя счастливыми, что потеряли лишь ноги и глаза. Но нам пора петь, Антон, и протягивать тарелку. Вон идет жирный пивовар Бундхофер. Пой, Антон, пой!

Антон.

Бывать мне приходилось
На океанском дне.
А надо мною солнце
Мерцало в вышине.

В галерах затонувших
Я золото искал.
В костюме водолазном
В их трюмах побывал.

Ничего! Снова ничего! Пивовар вынул деньги, только чтобы купить значок!

Диктор. Ничего. Снова ничего. Раскошеливались только на значки в честь Меве, и, когда к вечеру оба инвалида добрались до Вифлеемской клиники, у них по-прежнему ничего не было и они были голодны. Перед клиникой стоял полицейский, державший любопытных в отдалении. Национальному герою был нужен покой.

Полицейский. Проходите. Не задерживайтесь.

Страницкий. Так. Перед нами Вифлеемская клиника. В этом самом парке. И милейший полицейский у входа. Молодчина полицейский в белом шлеме и с коричневой щеточкой усов под носом. Белые перчатки тоже при нем. Мне он нравится, Антон: когда буду правительстве, дам ему лейтенанта, у меня слабость к полицейским.

Полицейский. Проходите. Проходите.

Страницкий. Я знаю, что делать. У меня опыт обращения с полицией. Не зря я стал почетным членом полицейского спортивного общества, когда забил пять голов испанцам.

Полицейский. Проходите.

Страницкий. Господин полицейский, Вифлеемская клиника здесь, не правда ли?

Полицейский. Проходите. Национальному герою нужен покой. Проходите.

Страницкий. Правильно. Долг прежде всего. Это мне ясно. Так и должно быть в здоровом государстве. Вас удивляют, господин полицейский, мои слова? Понимаю вас. Мы пока еще слишком оборванны, мой друг Антон производит, должно быть, особенно дикое впечатление. Но скоро мы образуем правительство. Мы, собственно, друзья Меве и хотим его навестить. Я представлю вас в лейтенанты, господин полицейский.

Полицейский. Проходите.

Страницкий (*с достоинством*). Господин полицейский, обращаю ваше внимание на то, что ваше обхождение с будущим министром не настраивает меня на присвоение

вам лейтенантского звания. Теперь я мог бы сделать вас разве что вахмистром, но и то если вы будете более вежливы. Вы почти что прохлопали ваш шанс.

Полицейский. Проходите.

Страницкий. Он не хочет. Несмотря на повышение. Но у нас ведь есть еще и твои кулаки, Антон, твои два метра десять! Вдарь-ка его попросту, и мы уж как-нибудь пробьемся вместе с моей тележкой к нашему Национальному герою. Ну, давай, Антон, не жди!

Слепой моряк на тачке
Привез меня сюда.
Верните долг калеке,
Большие господа.

Скорей, Антон, скорей! Вперед, все время вперед. Дорожка прямая, как шнур, и вон уже сквозь деревья и цветы парка светятся белые стены клиники.

Диктор. Все случилось так, как и должно было случиться. Слепой, изодранный и огромный, пронесся по парку, толкая перед собой тележку безногого, испускавшего крики нетерпения. Оба олицетворяли жалкое и безнадежное усилие добраться до рая на земле — до этой самой Вифлеемской клиники, мягко светившейся между стволами деревьев, а со всех сторон спешили полицейские, смущенные странным видом обоих и охваченные вполне понятным испугом перед лицом столь явного посягательства на Национального героя.

Голоса. Стой! Держи их!

Энергичные свистки.

Страницкий. Беги, беги, Антон! Все время прямо, прямо!

Диктор. Сцена была мучительная. Как репейники, повисли на великане полицейские в сине-красных мундирах: они и не подозревали, что тот слеп; один из полицейских вскочил ему на спину, так что в конце концов побежденный толпой инвалид со стоном упал, а безногий Страницкий продолжал путь в своей потерявшей управление тележке, пока не угодил в одну из канав парка и не перевернулся.

Голос (*издали*). Покупайте значки Меве, значки Меве!

Страницкий. И вот я лежу, безногий, в канаве, заросшей травой и цветами, полной жуков и кузнечиков.

Плохо твое дело, Страницкий, а ведь все это чистейшее недоразумение. И придется же побледнеть полицейским, когда они узнают, как они обращались с будущим министром. Лица их будут белы, как маргаритки, среди которых я лежу, потому что, клянусь, я буду именно министром полиции. Министром полиции — моим реформам еще удивится мир! Министр полиции! Вот только бы унялась кровь из носа, проклятая кровь из носа, — даже бабочка, подлетевшая к моему лицу, стала красной!

Голос (*издали*). Покупайте значки Меве! Значки Меве!

Диктор. Но и после того, как обоих привели в полицейский участок и допросили, правда, ничего не уяснив из их ответов, так что в конце концов их отпустили, еще и накормив при этом наваристым супом с краюхой хлеба, — после всего этого свершилось великое чудо. Й.-П. Вайтблейк, журналист, а в прошлом поэт, проникся сочувствием к этой паре. В тот самый день после полудня Доннер, главный редактор «Эпохи» — кто не читает эту газету! — рявкнул на Вайтблейка таким громовым голосом, который — просим простить намек[1], но он напрашивается сам собой — мы должны при всем нашем уважении назвать несколько слишком сильным.

Главный редактор Доннер. Мне нужна сенсация, сенсация во что бы то ни стало, или мы можем закрыть лавочку и торговать подтяжками! Что-нибудь осязаемое, что-нибудь, что могло бы заставить дражайшую публику реветь и скрежетать зубами. Черт побери, это треклятое газетное дело! Зачем нам нужен такой великолепный Национальный герой? Чтобы люди думали о нем, а не забивали себе головы стачками, коммунизмом и подобной никому не нужной чепухой. Будь вы и десять раз Гёте, мой милый, все равно вы заслужили, чтобы вас окунули в чан с черной типографской краской. Иллюстрированный журнал первым поместил снимок прокаженного пальца, нам же остается только повторять его, когда уже ни одна собака не интересуется костями. «Цайт» опубликовала первое интервью, первое, — а нам что, его перепечатывать? А вот «Вохе» выступает с серией статей. «Я стражду» — автор сам Меве.

---

[1] Непереводимая игра слов: «доннер» — «гром» (*нем.*).

Тираж четыре миллиона. Нет-нет, нам пора в архив, я теперь тоже начну писать стихи. А вы, Вайтблейк, что же вы принесли и осмеливаетесь класть мне на стол? «Болезнь Бальдура фон Меве и ее значение для современной духовной жизни». Вон!

Диктор. Такой была речь Доннера, главного редактора «Эпохи». Вы смогли убедиться сами — как это было впечатляюще! Смертельно бледный Вайтблейк бросился прочь из редакции. Внутренне он уже был готов к увольнению, уже собирался разорвать помолвку с Молли Уолли — вы ведь знаете эту прелестную субретку, выступавшую на подмостках многих городов, — как натолкнулся во время своего ежедневного посещения полицейских участков на историю обоих инвалидов, этот запутанный сюжетик, разыгравшийся в саду Вифлеемской клиники, и случилось то самое чудо, о котором мы упоминали: Й.-П. Вайтблейка осенила идея. Сам главный редактор Доннер был очарован, когда услышал о ней.

Главный редактор Доннер (*приветливо*). Ну вот видите, Вайтблейчик, какая идея выпорхнула из вашей головки. Я сразу подумал: если поэтишка постарается, со временем он что-нибудь да выжмет из высохшего лимона. Ну-ка, пустим в ход наши связи. Завтра же вы будете стоять перед вашим Меве и излагать больному свои соображения.

Диктор. И действительно, на следующий день Й.-П. Вайтблейк стоял в Вифлеемской клинике перед Национальным героем, — американское кресло, в котором сидел Бальдур фон Меве, я вам, пожалуй, могу уже не описывать. Из медицинских сестер его окружали три, среди них — герцогиня фон Тойфелен. Из врачей присутствовал Модерцан. Национальный герой пил томатный сок. В его голосе звучала сдержанная боль, соответствовавшая всему его облику, как будто уже нездешнему, принадлежавшему тому миру, которого мы не знаем.

Национальный герой (*устало*). Молодой человек, я стражду. Меня посетила госпожа Забота, так прекрасно описанная Гёте во второй части «Фауста», которого я читал еще в Финстервальде, а сейчас читаю в двенадцатый раз.

Вайтблейк. Ваше превосходительство!

Он почти умирает от почтения.

Национальный герой (*устало*). Я боролся, я выстоял при Сан-Плинплине, был весь обращен к моему народу и этой жизни, но теперь, молодой человек, теперь грядет другое, невыразимое.

Вайтблейк. Невыразимое.

Национальный герой (*устало*). Еще немножко грейпфрутового сока, герцогиня фон Тойфелен, а на полдник прошу приготовить холодную пулярку и подать бутылку «Шатонеф дю пап», хорошо?

Вайтблейк. Ваше превосходительство, все мы глубоко потрясены болезнью вашей правой ноги...

Национальный герой (*сердито*). У меня болит левая, черт побери, левая нога, большой палец левой ноги.

Вайтблейк. Простите, ваше превосходительство. (*Он очень смущен.*) Левая, конечно, левая нога вашего превосходительства. (*Собирается с духом.*) Все мы глубоко потрясены болезнью вашей левой ноги. Сверху донизу. Весь народ потрясен и един в этом, как никогда. Болезнь вашего превосходительства имеет политическое значение. Это значение нужно упрочить. Чем больше участия примет народ в страданиях вашего превосходительства, тем лучше.

Национальный герой. С началом моей болезни коммунистической партии пришлось поужаться, молодой человек.

Вайтблейк. И немало.

Национальный герой. Никаких стачек, никаких требований повысить зарплату.

Вайтблейк. Поразительно!

Национальный герой. Меня интервьюировали.

Вайтблейк. Эффектно.

Национальный герой. Фотографировали прокаженный палец.

Вайтблейк. Это заставило нас содрогнуться.

Национальный герой. Меня изображали в кругу моей озабоченной семьи.

Вайтблейк. Мы разделяли ее озабоченность.

Национальный герой. В окружении плачущих школьников.

Вайтблейк. Мы все плакали.

Национальный герой. Я собираюсь написать книгу «Я стражду».

Вайтблейк. Мы страждем вместе с вами.

Национальный герой. Чего же вы хотите еще от смертельно больного? Все в порядке.

Вайтблейк. Конечно, успехи значительные, ваше превосходительство, в этом нет никакого сомнения. Недостает лишь одного документа, который зафиксировал бы весьма существенный момент — любовь и почитание со стороны малых мира сего. Тут-то и необходимо ваше содействие. Изволите вы, ваше превосходительство, принимать кого-либо в клинике?

Национальный герой. Принимать? Но ведь вчера только, кажется, я принял делегацию женского союза?

Вайтблейк. Несомненно.

Национальный герой. И конгресса филологов.

Вайтблейк. Да, действительно.

Национальный герой. Сегодня — железнодорожников и банковских служащих.

Вайтблейк. Совершенно верно.

Национальный герой. Завтра — масонов.

Вайтблейк. Само собой разумеется.

Национальный герой. Епископат и филателистов.

Вайтблейк. Конечно, все это имеет политический вес, кто может в этом усомниться? Но теперь речь пойдет, ваше превосходительство, о более значительном и глубоком. (*С теплотой в голосе.*) Не соизволите ли вы, ваше превосходительство, принять двух инвалидов? Слепого и безногого.

Национальный герой (*удивленно*). Двух инвалидов?

Вайтблейк. Двух изувеченных защитников родины, которые желают выразить вам свое сочувствие. Ваше превосходительство, принесите еще и эту жертву. Общественность была бы восхищена этой встречей.

Диктор. Вот в чем состояла вайтблейковская идея. Лицо Национального героя вновь просветлело. Туча, которую нагнала было ошибка Й.-П. Вайтблейка, спутавшего его правую ногу с левой, рассеялась, и после некоторого колебания Бальдур фон Меве заявил о своем согласии. Как «Эпоха», так и присоединившееся к ней радио ждали очень многого от предстоящей трогательной встречи. Все были убеждены, что это даст новый толчок начавшему уже было сникать движению в поддержку Меве. К тому же на

конференции врачей не было единодушного мнения по поводу проказы у Национального героя, раздавались даже голоса, выразившие сомнение в диагнозе, — но не будем больше говорить об этом. Кто настроен истинно патриотически, тот убежден в прокаженности Меве. Это ясно. Теперь задачей Вайтблейка было найти обоих инвалидов. И журналист пустился в путь. Рабочие кварталы вблизи парфюмерной фабрики Губера. Улица Моцарта, дом номер четыреста двадцать семь, пятый этаж, комната номер четырнадцать, под самой крышей. Перед подъездом проржавевшая тележка безногого. Внизу на лестнице пахнет фасолью с салом, повыше — кислой капустой, дальше побеждает селедка. Детский крик.

Детский крик.

Подвыпивший господин с окладистой бородой, чей род занятий никому не известен.

Господин с окладистой бородой (*во все горло*).

Луиза очень хороша,
Ох, хороша — и ша!

Диктор. Потом фрейлейн Мюллер, Луиза Мюллер, чей род занятий, напротив, всем хорошо известен. И не одна, но умолчим об этой сцене. В разбитое окно светит весеннее солнце. По радио на четвертом этаже передают «Смерть и девушку» Шуберта.

Звучит «Смерть и девушка» Шуберта.

Одновременно происходит ссора в семье Корбмахеров, обычная в это время.

Корбмахер. Крыса! Потаскуха!

Диктор. Потом комната номер четырнадцать, помещение нам уже известное: на одном матрасе лежит слепой водолаз Антон, на другом — безногий футболист Страницкий, в углу стоит шаткий столик, немного посуды, кружка с водой.

Вайтблейк. Мое имя Вайтблейк. Й.-П. Вайтблейк. Я из газеты. А вы, без сомнения, господин Страницкий?

Страницкий. Страницкий. Адольф Иосиф Страницкий, известный футболист, тот самый, знаете, который забил решающий гол в ворота испанцев. А это мой друг Антон, бывший водолаз.

Вайтблейк. Вчера вечером у Вифлеемской клиники вы, господин Страницкий, высказали желание посетить нашего любимого Национального героя Бальдура фон Меве, чтобы выразить ему свое уважение.

Страницкий (*с достоинством*). Чтобы выразить ему мое полнейшее уважение.

Вайтблейк. К сожалению, полиция помешала вам...

Страницкий (*с достоинством*). Недопонимание.

Вайтблейк. Вот именно. Бальдур фон Меве готов принять вас и вашего слепого товарища послезавтра.

Страницкий (*пораженно*). Бог мой!

Вайтблейк. В десять часов утра.

Страницкий (*растерянно*). В десять часов утра.

Вайтблейк. Ваша беседа прозвучит по радио в передаче «Эхо времени» и будет опубликована на первой странице «Эпохи». С фотоснимками.

Страницкий (*глухо*). По радио и в «Эпохе». С фотоснимками.

Вайтблейк. Послезавтра в половине десятого я заеду за вами сюда, на улицу Моцарта, на «бьюике» главного редактора Доннера, господа.

Страницкий (*оцепенело*). На «бьюике».

Вайтблейк. Это мне поручено передать вам, господа, от имени Бальдура фон Меве. Увидимся послезавтра, в этот великий день вашей жизни.

Страницкий (*все еще оцепенело*). Послезавтра великий день нашей жизни. На «бьюике».

Диктор. Таков был визит, нанесенный Вайтблейком обоим инвалидам, — визит, который при несоразмерности надежд, возлагавшихся Страницким...

Страницкий (*скромно*). Страницким.

Диктор. ...Страницким на Меве, мог иметь только роковые последствия. Вы увидите это сами. Оба инвалида — бывший водолаз и бывший футболист — сидели в своей жалкой каморке, освещенные лучами огромного красного солнца, как раз собиравшегося опуститься за корпуса трикотажного концерна, и молчали. Случилось чудо, они сознавали только это и судорожно сжимали руки перед таким великим негаданным счастьем.

Стучат.

Мария. Господин Страницкий! Господин Антон!

Страницкий. Мария! Входите, фрейлейн Мария.

Мария. Вы бледны как смерть, господин Страницкий, а Антон все время качает головой.

Страницкий. Он все еще не может ничего понять, фрейлейн Мария, потому что послезавтра в десять утра мы приглашены посетить Бальдура фон Меве. На «бьюике».

Мария (*робко*). Господин Страницкий.

Страницкий. Я всегда предчувствовал, что случится что-нибудь из ряда вон выходящее. Еще вчера, когда нам дали в участке хлеба и супа, я подумал — они, наверно, догадываются, что с нами дело не так просто, и вот вдруг нас приглашают в Вифлеемскую клинику. Теперь я поговорю с Меве и стану министром полиции, фрейлейн Мария, так я решил, когда лежал в канаве.

Мария. Но, господин Страницкий...

Страницкий. Больше я для вас не господин Страницкий. Называйте меня Адольф Иосиф. Потому что вы — моя невеста.

Мария (*робко*). Адольф Иосиф.

Страницкий. Теперь я закажу себе ноги, не государственные, а в частной мастерской, такие же великолепные, как кресло, на котором сидит Меве. И радио будет вмонтировано чуть выше левого колена, а на подошвах маленькие выдвижные колесики с моторчиком, чтобы просто катить, когда нет охоты идти.

Мария. Страницкий...

Страницкий. А вас, Мария, будут называть госпожой министершей.

Мария. Но я вовсе не хочу этого, Страницкий, мне это совсем не нужно, и Антон не хочет — он не говорит ни слова и качает головой. Только б ты был у меня, а ноги сделаем государственные. Ты же еще совсем не знаешь, что Меве от тебя хочет, а разве из нас кто-нибудь разбирается в национальных героях! Адольф Иосиф, я буду работать, обещаю тебе, на тебя и на Антона, и я буду твоей женой, меня ведь совсем не смущает, что у тебя нет ног.

Страницкий. О работе не может быть и речи. С трикотажным концерном покончено. Ты будешь госпожой министершей, и все тут. А у Антона будут такие же красивые медицинские сестры, как у Меве, включая и герцогиню Тойфелен. У меня тоже есть своя гордость.

Голоса. Страницкий! Страницкий! Да здравствует Страницкий!

Страницкий. Это господин Корбмахер снизу и господин Флейшер с третьего этажа, бородач и фрейлейн Луиза.

Корбмахер. Страницкий, господин из газеты сказал моей жене, что вы приглашены к Меве. Весь дом уже знает об этом. Поздравляю!

Флейшер. Надеюсь, что вы скажете Национальному герою, как живется нам, маленьким людям? Это теперь ваша прямая обязанность, дружище!

Корбмахер. И как плохо платят на парфюмерной фабрике!

Фрейлейн Луиза. И как плохо платят благородные господа!

Господин с окладистой бородой. Как подорожала водка!

Страницкий. Я скажу Меве все. Моя речь будет передаваться по радио, можете послушать! Люди! Жители улицы Моцарта! Настал великий патриотический миг! Болезнь вразумила нашего Национального героя, героя Финстервальда и Сан-Плинплина, он понял, что те, кто наверху, и те, кто внизу, богатые и бедные, должны объединить свои усилия. Поэтому он и позвал к себе меня, инвалида Страницкого, чтобы посоветоваться со мной.

Все. Слушайте! Слушайте!

Страницкий. Предстоят важные преобразования.

Все. Браво.

Страницкий. Давайте поэтому встретим грядущие дни радостно.

Господин с окладистой бородой. Выпьем сливянки!

Корбмахер. Бургундского!

Флейшер. Будем есть курицу!

Фрейлейн Луиза. Торты!

Страницкий. Я плачу за все!

Мария (*боязливо*). Страницкий! Мой Страницкий! Только бы все хорошо кончилось!

Диктор. И вот настал долгожданный день. Футболист достойно подготовился. Исчезли дырявые матрасы, мы ведь их помним, шаткий столик, старая кружка. Вместо

этого появились два дивана, купленные в кредит, мягкое кресло — в кредит, стол в стиле конца века и радио — тоже в кредит, уж не говоря о вине, фруктах и всем прочем, что было заготовлено к празднику — тоже, разумеется, в кредит. Ровно в половине десятого появился Вайтблейк на «бьюике». Собралась почти вся улица Моцарта. С криками «ура!» погрузили безногого в машину. На нем была старая солдатская форма.

Толпа. Ура, ура Страницкому!

Диктор. Рядом с ним, в синем морском мундире, сидел слепой. И они ехали по улицам нашей столицы, мимо собора Святого Себастьяна. Обрамленные черным огромные портреты Национального героя со всех сторон строго взирали на «бьюик», на перекрестках бойко раскупалось «Я стражду» Меве. Колоссальное дело. «Лайф» предложил за право перевода два миллиона долларов. Без пяти десять машина завернула в парк при Вифлеемской клинике. Главный врач Модерцан поджидал их у входа в госпиталь. Безногого посадили на тележку, и водолаз покатил ее впереди себя. Герцогиня фон Тойфелен, показывавшая инвалидам дорогу, плакала. Процессия достигла большого холла. На камине в дорогих рамках стояли портреты Елизаветы, ее величества королевы Англии, с наследником на коленях, и американского президента, а между ними золотой крест, подаренный нунцием, с надписью: «Страдай за нас». Национальный герой сидел в американском кресле. Увидев двух инвалидов, он отложил в сторону «Фауста» и улыбнулся, хотя и несколько более болезненно, чем всегда, своей знаменитой косой улыбкой. У его ног сражались два молодых льва, подарок безутешного императора Абиссинии. На заднем плане стояли почетные медицинские сестры, врачи и ассистенты, а также некоторые члены кабинета. Царила тишина, торжественная тишина. Почти бесшумно работали кинооператоры, фотографы и звукооператоры. И вот Й.-П. Вайтблейк заговорил.

Вайтблейк. Ваше превосходительство, я имею честь представить вам двух простых людей из народа. Господин Страницкий.

Страницкий. Страницкий. Адольф Иосиф Страницкий.

Вайтблейк. Страницкий и господин Антон.

Национальный герой. Два защитника родины. Я рад. Были под Финстервальдом? Где ранены, в Сан-Плинплине?

Страницкий. В Узбекистане, господин Меве, а Антон — в устье Иравади.

Приглушенный смех.

Вайтблейк (*шепотом*). «Ваше превосходительство», Страницкий, «ваше превосходительство». Национальному герою нужно говорить «ваше превосходительство».

Национальный герой. Но, молодой друг, зачем же этому честному человеку называть меня «ваше превосходительство»!? Мы ведь товарищи.

Все. Браво! Да здравствует наш Национальный герой!

Голос сзади. Какая человечность!

Приглушенные аплодисменты.

Национальный герой. Защитники нашей родины потеряли глаза и ноги, а у меня проказа. В конечном итоге всем нам приходится страдать.

Приглушенные аплодисменты.

Для нас троих это значит: держать выше голову и, сжав зубы, исполнять свой долг перед отечеством.

Страницкий. Господин Меве, вы говорили от всей души. Поэтому давайте перейдем к истинной цели нашей встречи.

Вайтблейк (*в замешательстве*). Но, милейший...

Страницкий. Господин Национальный герой. Мы сидим друг против друга в специальных больничных креслах — вы, знаменитый герой Сан-Плинплина и Финстервальда, премьер-министр нашей страны, прокаженный до самых костей, и я, бывший футболист, бесполезный обрубок.

Вайтблейк. Но, милый...

Страницкий. Таковы факты, и тут ничего не изменишь. Но, господин Национальный герой, мы смотрим фактам в глаза, это нужно сразу отметить, ибо вы позвали меня, а я откликнулся на ваш зов. Теперь вы с нами, с тысячами живущих в нашей стране безруких, безногих или слепых. С гордостью принимаем мы вас в наши необозримые ряды.

Вайтблейк. Но, мой...

Страницкий. Господин Национальный герой! В эту незабываемую минуту на нас смотрит народ. В истории наступил поворотный момент. За вашей спиной власть, учреждения, пресса, армия, за моей — бессилие, бедность, голод. Ваше имя на устах у всех, мое имя забыто. И все же мы не противостоим друг другу, мы существуем один для другого.

Вайтблейк. Но...

Страницкий. Никто не вернет вам обратно ваш палец, никто не вернет мне моих ног. Забудем же об этих частях нашего тела, ну их, и пустим в ход головы. В них теперь нуждается наш народ. Мы не можем избавиться от наших страданий, но можем устранить их причину. В Абиссинии вы посетили бедную хижину. В нашей стране тоже есть такие. Давайте позаботимся о том, чтобы их не было больше нигде. Меня изуродовала война. Так пусть не будет больше войн. Мы оба зависим от помощи наших сограждан. Такая ж помощь должна быть оказана всем нуждающимся. Фонд Мева для всех, господин Национальный герой. Того, чего не добились поколения здоровых людей — спортсменов, вегетарианцев и трезвенников, — должны добиться мы — хворые, калеки, изрубленные!

Вайтблейк. Но, мой...

Страницкий. Вместе мы образуем правительство, господин Национальный герой. Это дело безотлагательное, я знаю. Себя я предлагаю в ваше распоряжение в качестве министра полиции. Я охотно приношу эту жертву. Я готов одновременно принять на себя обязанности и министра внутренних дел. А также и внешних, если вы того пожелаете. Антон возглавит финансы и церковь. Никогда еще ни одно правительство, господин Национальный герой, не формировалось в столь благоприятных условиях.

Вайтблейк. Но, мой мил...

Страницкий. Вы тронуты, господин Национальный герой. Из этого я заключаю, что вы — согласны. Я вижу это по вашему лицу, по тому, как беспокойно вы двигаетесь в своем американском кресле. Но терпение. Завтра мы увидимся снова. Сегодняшний день, господин Национальный герой, я хочу провести со своими друзьями, простыми людьми с улицы Моцарта.

Вайтблейк. Но, мой милейший...

Национальный герой (*смущенно*). Был рад. Желаю такому бравому солдату нашей родины всего лучшего.

Страницкий. Завтра, господин Национальный герой, я предложу вам свою программу правительства и прошу вас, чтобы меня и Антона привел к присяге архиепископ в соборе Святого Себастьяна, как того требует наша старая, достойная уважения традиция

Вайтблейк. Но, мой милейший...

Национальный герой (*слабо*). Рад. Был рад. Еще Гёте... Чрезвычайно рад. Портреты, герцогиня фон Тойфелен, портреты, хорошо?

Диктор. Так проходила встреча безногого футболиста и нашего Национального героя. Печальный конец рассказать недолго. Едва герцогиня фон Тойфелен вручила обоим по портрету Меве с собственноручными его подписями, как обоих уже вывели от измученного Меве, которого Модерцан уложил в постель. На одном портрете Национальный герой страдал под Финстервальдом, а на другом не сдавался под Сан-Плинплином. Футболист торжествовал. Настороженного молчания окружающих лиц он не заметил. Он уже видел себя министром. Улица Моцарта, куда его и Антона доставил «бьюик», встретила их с восторгом. На чердаке началось безумное пиршество, продолжавшееся весь день. Все вместе ждали вечерних последних известий по радио. К фрейлейн Луизе и господину с окладистой бородой, к Корбмахеру и Флейшеру, к фрейлейн Марии, испуганно обнимавшей Страницкого, присоединились господин Зевейн и господин Бас. У первого были куплены два дивана, стол в стиле конца века и мягкие кресла, у второго — радиоприемник, на котором теперь красовались оба собственноручно подписанных портрета Бальдура фон Меве. Доверие бывшего футболиста к Национальному герою было безгранично.

Господин с окладистой бородой. Ничего, кроме водки, целый день я пью одну водку во славу политики. Да здравствует водка!

Флейшер. Да здравствует окорок!

Зевейн. Пулярка!

Корбмахер. Мозельское!

Бас. Бургундское!

Фрейлейн Луиза. Торты!

Флейшер. Скоро начнется. Через три минуты «Эхо недели»!

Страницкий (*взволнованно*). Моя любимая невеста, Мария, мой друг Антон, дорогие друзья! Не забудем же о человеке, которому мы обязаны нашим счастьем, — о Бальдуре фон Меве. Конечно, никто не сомневается в том, что он не струсил под Финстервальдом и вел себя как герой под Сан-Плинплином, но свое подлинное величие он проявил сегодня утром в десять. Я верил в него, но над моей верой смеялись. Однако Меве оправдал мои надежды. Теперь я могу верить в него и впредь, и вы со мной тоже. Мы современники истинного Национального героя, человека, осмелившегося совершить переворот в политике. А для этого, дорогие друзья, необходимо мужество. Да здравствует наш Бальдур фон Меве!

Все. Да здравствует Меве!

Флейшер. Сначала идет сообщение о погоде.

Страницкий. Мы пробились, дорогие друзья! Еще одна ночь в каморке, и фрейлейн Мария, Антон и я переедем в наши апартаменты в «Четырех временах года». Но мы никогда не забудем, откуда мы. Это мы вам торжественно обещаем.

Все. Торжественно обещаем.

Они чокаются.

Флейшер. Теперь сообщение об уровне воды.

Страницкий. Мир изменится, дорогие друзья. Господин Корбмахер уничтожит бедность, а господин Зевейн упразднит армию.

Все. Мы упраздним все.

Страницкий. Господин с бородой возглавит банки.

Все. Он всем нам откроет кредиты.

Страницкий. Господин Флейшер — железные дороги.

Все. Мы будем ездить бесплатно.

Страницкий. А фрейлейн Луизе мы отдадим домик в стиле рококо во французском парке, с персидскими коврами и кроватками из вишневого дерева, с роскошными креслами и занавесками из брюссельских кружев, с китайскими вазами и фигурками из мейсенского фарфора, с золотыми и серебряными приборами и плюшевыми кушетками.

Все. А мы все будем наведываться к ней.

Фрейлейн Луиза. Наступит рай.

Все. Рай для маленьких людей.

Корбмахер. Считалось, что это будет через сто тысяч недель.

Все. Рай.

Зевейн. Он полз к нам медленно, как вечность.

Все. Рай.

Господин с окладистой бородой. И вдруг он разверз перед нами свои беспредельные дали.

Бас. И не когда-нибудь, когда рак свистнет, а прямо сегодня.

Все. Рай для маленьких людей.

Флейшер (*взволнованно*). Вот он!

Страницкий. Так давайте послушаем сообщение о моем назначении министром полиции.

Все. Ура!

Страницкий. Министром внутренних и внешних дел.

Все. Ура!

Страницкий. И то, что Антон возглавит церковь и финансы.

Все. Ура!

Празднество достигло своего апогея.

Женский голос по радио. «Эхо недели» передает: В гостях у Национального героя. Передачу ведет Й.-П. Вайтблейк.

Господин с окладистой бородой. Спокойствие!

Фрейлейн Луиза. Сделайте погромче.

Корбмахер. Тихо!

Вайтблейк (*по радио*). Дорогие радиослушатели, сегодня мы с нашим микрофоном находимся в Вифлеемской клинике. Мы присутствуем при торжественном акте. Но это не один из тех высоких государственных актов, которые столь часто, будь то подписание мира под Кенигеном или договора в Питанге, требовали благословения нашего Национального героя. Это акт любви к ближнему. Бальдур фон Меве принимает двух простых людей из народа, двух сограждан, особенно тяжело страдающих под пятой времени, двух инвалидов. В то же время этот прием чрезвычайно показателен для нашего Национального героя, потому что кто же, как не он, наш трагически занемогший Национальный герой, знает, что такое сострадание. И по-

этому он беседовал с этими простыми солдатами, изувеченными в дальних землях, в духе сердечного — Бальдур фон Меве сам употребил это слово — товарищества.

Национальный герой (*по радио*). Мы ведь товарищи.

Голоса (*по радио*). Браво! Да здравствует наш Национальный герой!

Национальный герой (*по радио*). Защитники нашей родины потеряли глаза и ноги, а у меня проказа. В конечном итоге всем нам приходится страдать.

Приглушенные аплодисменты.

Для нас троих это значит: держать выше голову и, сжав зубы, исполнять свой долг перед отечеством.

Страницкий (*по радио*). Господин Меве, вы говорили от всей души.

Страницкий (*гордо*). Это я говорю.

Вайтблейк (*по радио*). Что может быть показательней для глубокой любви, которую питает народ к своему Национальному герою, чем такие слова простого инвалида. Поэтому этот непритязательный прием глубоко взволновал всех. Ведь они увидели в Национальном герое человека, заботящегося и о них, несмотря на болезнь, от которой замирает сердце. Один за всех и все за одного. Никогда еще это изречение не доказывало свою истинность очевиднее, чем в это утро в Вифлеемской клинике. В заключение оба инвалида с горящими глазами приняли в дар фотографии нашего Национального героя, добрый, мужественный, отмеченный страданием голос которого вы сейчас еще раз услышите.

Национальный герой (*по радио*). Рад. Еще Гёте... Чрезвычайно рад. Портреты, герцогиня фон Тойфелен, портреты, хорошо?

Женский голос по радио. «Эхо недели» передавало запись маленького праздника в Вифлеемской клинике. Передачу вел Й.-П. Вайтблейк. Мы переходим теперь к вопросу о расширении рынка для убойного скота. Серьезный разговор между директором боен Вейсбушем и советником...

Флейшер (*возмущенно*). А где же речь?

Корбмахер. Надувательство!

Фрейлейн Луиза (*пронзительно*). Страницкий все наврал!

Господин с окладистой бородой. Все вздор!
Флейшер. А кто заплатит за окорок?
Фрейлейн Луиза. За торты?
Корбмахер. За пулярку и шампанское?
Господин с окладистой бородой. За водку?
Зевейн. За мебель?
Бас. За радиоаппаратуру?
Все. Обманщик! Мошенник!

Страшный шум.

Диктор. Когда надежды инвалида разбились вдребезги, поднялся ужасный кавардак. Господин Корбмахер — к сожалению, мы должны упомянуть об этом — разбил о голову бывшего футболиста сан-плинплинский портрет Мевe, Флейшер — финстервальдский. Господин с окладистой бородой бил Страницкого бутылкой из-под шампанского, Зевейн и Бас — креслами, пока наконец слепой не отшвырнул их всех в сторону. Великан подхватил безногого на руки, как ребенка, промчался с ним пять этажей вниз по знакомой лестнице и исчез в темноте ночи, оставив далеко позади не поспевавшую за ними плачущую Марию.

Мария (*в отчаянии*). Я же хочу стать твоей женой, Адольф Иосиф. Тебе совсем не нужно быть министром. Я хочу работать для тебя, я хочу заботиться о тебе. Страницкий, мой Страницкий!

Продавец. Значки Общества Мевe, покупайте значки Мевe!

Страницкий. Все правильно, Антон. Ты спас меня, как герой. Дальше,. дальше! Какой я был дурак, хотел стать министром! Ну, теперь я опять безногий футболист. Прямо, все время прямо! Всю улицу Моцарта, мимо парфюмерной фабрики Губера, в сторону трикотажного концерна.

Меня давно лишила
Обеих ног война.
Но вот раздулся палец
Героя Плинплина.

Тут я обрел надежду,
Что кончится беда,
Что войн не будет в мире
И горя никогда.

Продавец. Памятные значки Общества Меве! Покупайте значки Общества Меве!

Страницкий.

Сочувствие, однако,
Бывает двух родов:
В роскошном одеянье
И в платье бедняков.

Роскошная одежда
Была не для меня.
Покинула надежда
Меня средь бела дня.

Разносчик газет. «Эпоха»! Национальный герой принял двух инвалидов! «Эпоха»!

Антон.

Мои глаза видали
Утопшие суда.
Вам увидать такое
Не снилось никогда.

В потоках Иравади
Остался я без глаз.
Вот так я искупался
В волнах последний раз.

Продавец. Памятные значки Общества Меве! Покупайте значки Меве!

Антон.

Вовеки не исчезнут
Из памяти моей
Кораллы, и медузы,
И мачты кораблей.

И все ж людская черствость
Страшнее всяких бед.
Кто этого не понял —
Того несчастней нет.

Мария (*издалека*). Страницкий! Мой Страницкий!

Диктор. Так они и шли. И исчезли в ночи нашего города. Когда пришло утро, из канала вытащили тележку. Безногий направил слепого к их общей гибели. Тела обоих не были обнаружены, канал, наверно, уже унес их в море.

Благодаря этому обстоятельству и состоялось последнее свидание инвалидов с нашим Национальным героем. В мае следующего года Меве возвращался в столицу после длительного пребывания на Ривьере. Он выглядел вполне здоровым, розовощеким и полнотелым, так как Модерцану удалось с помощью американского препарата если не полностью устранить, то, во всяком случае, приостановить проказу. И вот когда торжественная процессия, приветствуемая ликующим населением, вступила на мост, пересекавший канал около собора Святого Себастьяна, вновь показались оба инвалида. Несомые прибоем, они появились со стороны моря: два чудовищно раздутых водой трупа, футболист на спине у слепого, кораллы и водоросли в обесцветившихся волосах, морские звезды и раковины в глазницах. Так вплыли они, освещенные красноватым вечерним светом, в наш город, и безногий как будто грозил своим поднятым кулаком Национальному герою. Потом они погрузились в поток. Напрасно полиция до поздней ночи пыталась шестами и палками положить конец скандальному происшествию. Отлив, видимо, унес призраки обратно в океан. Вот, дамы и господа, и конец истории инвалида Страницкого.

Вечер поздней осенью

Abendstunde im Spätherbst

Голоса

Автор
Посетитель
Секретарь
Молодая дама
Вторая молодая дама
Директор гостиницы

Автор[1]. Дамы и господа! Для начала считаю своим долгом описать вам место действия этой несколько необычной, но, клянусь, правдивой истории. Хотя рассказывать правдивые истории не совсем безопасно: может подвернуться кто-нибудь из полиции или даже сам прокурор, пускай и не при исполнении служебных обязанностей. Однако в какой-то мере я могу позволить себе откровенность, так как убежден, что они не сочтут мою правдивую историю достоверной. По крайней мере официально. Но, положа руку на сердце, и прокурор и полицейский, конечно, знают, что я рассказываю только правдивые истории. Итак, прошу внимания.

Представьте себе салон в номере шикарной гостиницы. Цена разбойничья. Обстановка современная, располагающая к длительному пребыванию. Согласны? Слева от вас... (Вам нужно лишь закрыть глаза, и тогда вы ясно увидите помещение, только будьте смелее. Как все люди, вы обладаете воображением, даже если в этом и сомневаетесь.

[1] Монолог может служить и для описания сцены (при передаче по радио и как разъяснение при чтении). — *Прим. автора.*

Итак, слева от вас сдвинутые вместе столы. Может быть, вас интересует рабочее место писателя? Пожалуйста, подойдите ближе. Вы разочарованы? Допускаю, что так может выглядеть рабочее место и не столь знаменитых писателей. Беспорядочно разбросанные бумаги, пишущая машинка, рукописи вперемешку с гранками, испещренными разноцветными поправками, шариковые ручки, резинки, большие ножницы, клей. Кинжал, попавший сюда... гм-м... (*автор замялся*) по недосмотру. Позади этой мешанины импровизированный бар — коньяк, виски, абсент, красное вино и т.д. Это тоже не говорит о величии, достоинствах и гениальности писателя, о котором идет речь. Да, не говорит ни в пользу, ни во вред. Впрочем, успокойтесь: направо в комнате царит порядок, лучше сказать, относительный порядок, если... нда-а... эти принадлежности дамского туалета сунуть в угол, а этот револьвер спрятать в ящик. Кресла большие, мягкие, удобные, новейшей конструкции. Повсюду лежат книги, на стенах фотографии, портреты, кого бы вы думали? Ну, это вы узнаете. Но самое красивое — задний план: большая открытая дверь на балкон, чарующий вид, соответствующий цене номера. Светлое озеро, которое всего несколько недель назад было покрыто белыми парусами, темно-синяя равнина, а позади — леса, холмы, предгорья. Небо вечернее. Пляж тоже пустынен. Повсюду цвета поздней осени, оргия желтого и красного. Однако на теннисных кортах еще кипит жизнь. Раздается стук пинг-понга. Слышите? Вернемся в нашу комнату. Рассмотрим обоих действующих лиц нашей пьесы. Начнем с меня. Вы не ослышались: к великому моему сожалению, я одно из главных действующих лиц. Я приложу все усилия, чтобы не очень вас напугать. Вот я осторожно перехожу в салон из спальни. Видимо, я был здесь чем-то занят, но чем именно — это никого не касается. Хотя об этом и напишет целый ряд вечерних и иллюстрированных газет. И чего только не пишут обо мне: что я опустился, запутался, веду себя неприлично... Не буду этого отрицать. Об остальном говорит мое имя. Да, вы не ослышались: меня зовут Максимилиан Фридрих Корбес, романист, лауреат Нобелевской премии и пр. и пр. Вглядитесь: толстый, загорелый, небритый. Голова большая, лысая. Мои отличительные черты: жестокость, готовность на все, пьянство. Как видите, я

честно передаю общее мнение, которое обо мне сложилось. Возможно, что это мнение соответствует действительности. Возможно, что я создан именно таким, каким только что сам себя изобразил и каким вы, дамы и господа, видите меня в еженедельных кинообозрениях и иллюстрированных изданиях. Во всяком случае, шведская королева во время вручения мне вышеупомянутой премии нашла, что я именно таким и выгляжу, хотя я тогда был во фраке. Правда, я нечаянно пролил стакан бордо на вечернее платье ее величества. Но разве кто-нибудь знает другого, разве кто-нибудь знает самого себя? Не надо питать иллюзий. Я по крайней мере знаю себя только поверхностно. И ничего удивительного. Возможность узнать самого себя выпадает нечасто. Мне однажды представилась такая возможность, когда я летел с ледяной вершины Килиманджаро в пропасть. И в другой раз, когда о мою голову разбилась знаменитая готическая мадонна... гм-м... вы, конечно, знаете, какую я имею в виду — не ту, которая стоит направо в комнате, а другую. Был и еще случай, но о нем вы сами услышите и, надеюсь, получите большое удовольствие. Теперь еще несколько слов о моем туалете. И тут я прошу прощения, особенно у дам. На мне пижамные брюки и халат нараспашку. Голая грудь, заросшая седыми волосами, наполовину открыта. Об этом мне не следует умалчивать. В руке — пустой стакан. Я направляюсь к бару, но останавливаюсь, заметив посетителя, который почему-то оказался в моем рабочем кабинете. Выглядит он так: маленький, щуплый, напоминает старого страхового агента, с папкой под мышкой, типичный буржуа. Говорить о нем подробнее не стоит, хотя бы потому, что после окончания нашей истории он исчезнет самым естественным образом и не будет больше представлять никакого интереса. Но хватит. Посетитель начинает говорить.

Посетитель (*застенчиво*). Я счастлив видеть всемирно известного и всеми чтимого писателя Максимилиана Фридриха Корбеса.

Автор (*грубо*). Какого черта, что вы делаете в моем кабинете?

Посетитель. Меня сюда привел ваш секретарь. Я жду уже больше часа.

Автор (*после паузы, несколько мягче*). Кто вы такой?

Посетитель. Моя фамилия Гофер, Фюрхтеготт Гофер.

Автор (*недоверчиво*). Я вас откуда-то знаю. (*Видимо, что-то вдруг сообразил.*) Вы, вероятно, тот человек, который бомбардирует меня письмами.

Посетитель. Верно. С тех пор как вы приехали в Изельхеебад, я каждое утро хожу сюда, но швейцар меня не пускает, говорит, нет дома. Наконец я подстерег вашего секретаря. Очень строгий молодой человек.

Автор. Студент богословского факультета, беден как церковная мышь. Зарабатывает на обучение.

Посетитель. После долгих усилий мне удалось его убедить, что эта встреча представляет огромный интерес для нас обоих, уважаемый маэстро...

Автор. Корбес. Без маэстро можно обойтись.

Посетитель. Уважаемый господин Корбес.

Автор. Раз уж вы стоите возле бара, передайте мне виски. Бутылка слева.

Посетитель. Пожалуйста.

Автор. Спасибо. (*Наливает себе.*) Может, и вам стаканчик?

Посетитель. Лучше не надо.

Автор. Абсент? Кампари? Или что-нибудь другое?

Посетитель. Ничего.

Автор (*недоверчиво*). Трезвенник?

Посетитель. Соблюдаю осторожность. Передо мной ведь гигант духа. И я чувствую себя примерно так, как святой Георгий перед битвой с драконом.

Автор. Католик?

Посетитель. Протестант.

Автор. У меня жажда.

Посетитель. Вы должны себя беречь.

Автор (*грубо*). Не смейте давать мне советы.

Посетитель. Я ваш земляк, господин Корбес. Нельзя ли мне подробнее ознакомиться с помещением, в котором работает такой великий художник?

Автор. Просто писатель.

Посетитель. Писатель за работой? Повсюду книги, рукописи. Можно посмотреть фотографии на стене? Фолкнер. С собственноручной надписью: «Моему милому Корбесу». Томас Манн: «Достойному восхищения Корбесу — трепещущий Томас». Хемингуэй: «Моему лучшему другу Корбесу — его Эрнст». Генри Миллер: «Моему духовному брату Корбесу. Только в любви и убийстве мы еще оста-

емся сами собой». Какая перспектива из окна! Прекрасный вид на озеро, на горы вдали, на изменчивые облака. Как раз заходит солнце. Красное. Могущественное.

Автор (*подозрительно*). Вы, видимо, пишете?

Посетитель. Я читаю. Знаю наизусть все ваши романы.

Автор. По профессии учитель?

Посетитель. Бухгалтер. Фирмы «Экслин и Трост» из Эннетвиля близ Хорка. На пенсии.

Автор. Садитесь.

Посетитель. Покорно благодарю. Я немного робею перед этими сверхсовременными стульями. Роскошные апартаменты.

Автор. И цена соответствующая.

Посетитель. Представляю себе! Изельхеебад — дорогой курорт. Для меня это просто разорение, хотя я живу крайне скромно в пансионе «Вид на озеро». (*Вздыхает.*) В Адельбодене было дешевле.

Автор. В Адельбодене?

Посетитель. В Адельбодене.

Автор. Я тоже был в Адельбодене.

Посетитель. Вы в отеле «Вильдштрубель», а я в доме отдыха для престарелых. Мы встречались несколько раз, у канатной дороги в Энгстлигенальп и в парке Баден-Бадена.

Автор. В Баден-Бадене вы тоже были?

Посетитель. Тоже.

Автор. Тогда же, когда и я?

Посетитель. Да, в христианском приюте «Силоа».

Автор (*нетерпеливо*). Мое время строго ограничено. Я должен работать, как раб, господин...

Посетитель. Фюрхтеготт Гофер.

Автор. Господин Фюрхтеготт Гофер. Мой образ жизни обходится мне в сотни тысяч. Я могу уделить вам только четверть часа. Скажите покороче, что вам нужно.

Посетитель. Я пришел с совершенно определенной целью.

Автор (*встает*). Вы хотите денег? У меня нет лишних денег ни для кого. Есть огромное количество людей, непричастных к литературе, которых можно доить, не трогая людей моей профессии. К тому же Нобелевскую премию я уже прокутил. Разрешите пожелать вам всего хорошего...

Посетитель (*встает*). Уважаемый маэстро...

Автор. Корбес.

Посетитель. Уважаемый господин Корбес...

Автор. Вон!

Посетитель (*в отчаянии*). Вы неправильно меня поняли. Меня сюда привела не корысть. (*Решительно.*) С тех пор как я вышел на пенсию, я занимаюсь розыском уголовных преступников.

Автор. Ах так... Тогда другое дело. Сядем. Это уже легче. Вы, значит, работаете теперь в полиции?

Посетитель. Нет, уважаемый...

Автор. Корбес.

Посетитель. Уважаемый господин Корбес. Я стал частным сыщиком. Еще когда я был бухгалтером, мне приходилось кое-что разнюхивать, и небезуспешно. Я проводил ревизии, и со мной считались. Мне даже удалось упрятать в тюрьму за растрату приходского кассира из Эннетвиля. И вот на склоне лет, имея небольшие сбережения и похоронив свою бездетную супругу, я решил всецело отдаться своей страсти. Благодаря чтению ваших книг.

Автор. Моих книг?

Посетитель. Ваших бессмертных произведений. Они распалили мое воображение. Я читал их лихорадочно, захваченный теми грандиозными преступлениями, которые вы описываете. Став сыщиком, я уподобился тому богослову, который был восхищен хитроумием сатаны и понимал, что всякое действие вызывает противодействие. И вот, о Боже, я сижу рядом с нобелевским лауреатом, и солнце заходит за гору Хютли, а вы пьете виски...

Автор. У вас лирическая натура, дорогой Фюрхтеготт Гофер.

Посетитель. Это от чтения ваших романов.

Автор. Тогда сожалею. Вы плохо одеты. Очевидно, вы не очень преуспеваете на новом поприще.

Посетитель. Да, мой путь не усеян розами.

Автор. Здешний министр юстиции мой друг. Мне стоит только ему намекнуть... Какую область криминалистики вы избрали? Шпионаж? Супружеские измены? Торговлю наркотиками? Живым товаром?

Посетитель. Литературу.

Автор (*встает, строго*). Тогда я снова должен указать вам на дверь.

Посетитель (*встает*). Уважаемый господин Корбес!

Автор. Вы стали критиком?

Посетитель. Позвольте вам объяснить...

Автор. Вон!

Посетитель (*в отчаянии*). Но я исследовал ваши произведения только с точки зрения уголовной.

Автор. Ах, так. Тогда можете остаться. Давайте сядем.

Посетитель. Позволю себе...

Автор. Меня толковали с точки зрения психоаналитической, католической, протестантской, экзистенциалистской, буддийской, марксистской, но никогда еще не трактовали так, как это пытаетесь сделать вы.

Посетитель. Я должен разъяснить вам еще кое-что, уважаемый маэстро.

Автор. Корбес!

Посетитель. Уважаемый господин Корбес. Я подходил к вашим книгам с заранее имевшимся у меня подозрением. Все, что существует в фантазии, то есть в ваших романах, должно существовать и в действительности, потому что, по-моему, невозможно изобрести то, чего в природе нет.

Автор (*смущенно*). Разумное соображение.

Посетитель. Исходя из него, я принялся разыскивать ваших героев-убийц в реальной жизни.

Автор (*возбужденно*). Вы решили, что между моими романами и действительностью существует связь?

Посетитель. Совершенно верно. Я действовал с железной логикой. Сперва я подвергал анализу ваше произведение. Ведь вы не только скандальнейший писатель нашей эпохи, о разводах, любовных похождениях, пьяных скандалах и охоте на тигров которого трубят газеты. Вы ведь еще прославились и как автор прекраснейших в мировой литературе описаний убийств.

Автор. Я никогда не возвеличивал убийство как таковое. Мне важно было показать человека со всех сторон, а следовательно, показать, что он способен и на убийство.

Посетитель. Как сыщика меня не интересовало то, к чему вы стремились, меня интересовало то, чего вы достигли. До вас убийство считалось чем-то ужасным. Вы же этой темной стороне жизни — или, лучше сказать, смерти — придали красоту и величие. Вас называют «Мастер убийства» и «Смертельный удар».

Автор. Это говорит о моей популярности.

Посетитель. И о вашем умении найти таких мастеров-убийц, которых никто не может вывести на чистую воду.

Автор (*с любопытством*). Вы имеете в виду мою привычку... оставлять преступников неразоблаченными?

Посетитель. Вот именно.

Автор. Вы читали мои романы как полицейские отчеты?

Посетитель. Как отчеты об убийствах. Ваши герои убивают не ради наживы и не из страсти. Убийство доставляет им радость, наслаждение, они убивают, стремясь к утонченным переживаниям, — мотивы, которых традиционная криминалистика не знает. Для полиции, для прокурора такие мотивы слишком глубоки, слишком изысканны. Эти инстанции не допускают и мысли о том, что совершено убийство, потому что там, где для него нет мотивов, там нет и преступления. Если допустить, что убийства, которые вы описываете, действительно произошли, то общество должно было считать их либо самоубийством, либо несчастным случаем, либо естественной смертью.

Автор. Логично.

Посетитель. Именно так их и расценивает общество в ваших романах.

Автор. Именно так.

Посетитель. На этом этапе моего исследования я сам себе показался испанским рыцарем Дон...

Автор. Дон Кихотом.

Посетитель. ...Дон Кихотом, которого вы часто упоминаете в своих романах. Он отправился в странствие потому, что принял рыцарские романы за подлинную жизнь, и я последовал его примеру, также приняв ваши романы за действительность. Меня ничто не могло остановить. «Если бы даже весь мир был полон чертей» — таков был мой девиз.

Автор. Замечательно. То, чем вы занялись, просто замечательно. (*Звонит.*) Себастьян! Себастьян!

Секретарь. Что вам угодно, господин Корбес?

Автор. Нам придется работать всю ночь. Предложите господину Гоферу сигару. Доставим ему хоть этим удовольствие. Бразильскую? Гавану?

Посетитель. Нет-нет-нет. Если разрешите, я воспользуюсь своими отечественными, я их ношу с собой.

Автор. Разумеется. Можете идти, Себастьян, и заберите с собой этот кинжал. Он мне сейчас не нужен.

Секретарь. Хорошо, маэстро. (*Уходит.*)

Посетитель. Эту игрушку я уже давно заприметил, уважаемый...

Автор. Корбес.

Посетитель. Уважаемый господин Корбес. Удар, и конец. И хорошо отточен.

Автор. Огонька?

Посетитель. Приятно затянуться. Прямо наслаждение.

Автор. Наслаждайтесь, дорогой Гофер, но, пожалуйста, рассказывайте дальше.

Посетитель. Нелегко мне было прийти к определенным выводам. Надо было проделать кропотливую работу. Сперва я исследовал ваш роман «Встреча в чужой стране».

Автор. Мой первый роман.

Посетитель. Появившийся одиннадцать лет назад.

Автор. Я за него получил премию Боллинга, и его экранизировал Хичкок*.

Посетитель. Могу только воскликнуть: какая смелость! Французский искатель приключений, толстый, загорелый и небритый, с большой лысой головой, опустившийся, гениальный и вечно пьяный, знакомится с дамой. Тонкая штучка, как он сам выразился. Супруга немецкого атташе. Он заманивает ее в третьесортную гостиницу Анкары, в заезжую дыру худшего пошиба, обольщает и, напившись, убеждает ее с пафосом Гомера и Шекспира, что высшее счастье — в совместном самоубийстве. Захваченная его порывом, она сама начинает верить в свою страсть и в любовном экстазе лишает себя жизни. Но он себя не убивает. Он закуривает сигарету и покидает притон. Пробираясь по подозрительным переулкам, он избивает какого-то священника, забирает у него денежную кружку и на рассвете отправляется в Персию. На разведку нефти. Может быть, действие развивается тривиально. Может быть, права «Нойе цюрхер цайтунг», но по сдержанности и лаконизму изложение оставляет далеко позади самого Хемингуэя.

Автор (*весело*). Дорогой Гофер, неужели вы ездили в Турцию, чтобы расследовать эту историю?

Посетитель. Ничего другого не оставалось. Невзирая на значительные издержки, я выписал из Анкары газеты за тысяча девятьсот пятьдесят четвертый год — время действия вашего романа — и попросил одного турецкого студента, учившегося в Швейцарии, их просмотреть.

Автор. И что же?

Посетитель. Покончила самоубийством жена не немецкого, а шведского атташе, блондинка, гордая красавица. В гостинице самого низкого пошиба. По неизвестной причине, как я и предполагал.

Автор. А мужчина, с которым она попала в эту гостиницу?

Посетитель. Неизвестен. По словам портье, этот человек говорил по-немецки. Миссионер был действительно избит, но он был слишком слаб, чтобы дать точные показания. После этого я заинтересовался романом «Мистер Икс скучает».

Автор. Любимая книга Черчилля.

Посетитель. Ваш второй роман. Подлинный шедевр. Мистер Икс, в прошлом бродяга, а теперь преуспевающий писатель, президент американского Пен-клуба, встречает в Сен-Тропезе шестнадцатилетнюю девушку. Он очарован красотой и непосредственностью этого ребенка. Могучая природа, зеркальная гладь моря, беспощадное солнце пробуждают в нем пещерного человека и заставляют действовать. Насилие, убийство, страшный грозовой ливень. Самые пленительные и потрясающие страницы, которые когда-либо были написаны. Язык как будто небрежен, но в то же время поразительно отчеканен. Вся полиция поставлена на ноги, мотоциклы, воющие радиоавтомобили. Но розыски убийцы ни к чему не приводят, так как он слишком знаменит, чтобы вызвать даже намек на подозрение. Напротив, Мистер Икс, прежде чем отправиться в Лондон за получением премии имени лорда Байрона, присутствует на похоронах, описанием которых, как в древней трагедии, роман и заканчивается.

Автор (*усмехаясь*). Дорогой Гофер, вы прекрасны в своем воодушевлении!

Посетитель (*настойчиво*). В тысяча девятьсот пятьдесят седьмом году, десять лет назад, около Сен-Тропеза была найдена шестнадцатилетняя англичанка, изнасилованная и убитая.

Автор. А убийца?

Посетитель. Не обнаружен.

Автор. Так же, как убийца шведки?

Посетитель. Так же. (*Растягивая слова.*) Несмотря на все усилия огромного полицейского аппарата.

Автор (*с гордостью*). Несмотря...

Посетитель. Официальные учреждения не располагают никакими фактами.

Автор. Сделали ли вы еще какие-нибудь открытия?

Посетитель. Можно вам предъявить опись? Вот те лица, в судьбе которых я установил совпадение с судьбой ваших героев. Пожалуйста.

Автор. Здесь двадцать два имени.

Посетитель. А вы и написали двадцать два романа, уважаемый господин Корбес.

Автор. И все эти люди умерли?

Посетитель. Часть покончила самоубийством, другая погибла от несчастного случая — не считая изнасилованной англичанки.

Автор. Почему против имени аргентинской миллионерши стоит знак вопроса?

Посетитель. Этой женщине соответствует Мерседес, которую в вашем романе «Страшные ночи» герой задушил. А миллионерша умерла в Остенде естественной смертью.

Автор. Гм. Бесценный список.

Посетитель. Результат десятилетней работы. Следует упомянуть еще об одном примечательном обстоятельстве. Все эти самоубийства и несчастные случаи произошли как раз в тех местах, где бывали и вы, уважаемый господин Корбес.

Автор (*почти как пойманный с поличным школьник*). Ах так.

Посетитель. Вы были в Анкаре, когда умерла шведка, в Сен-Тропезе, когда умерла англичанка, и во всех двадцати местах, когда умерли остальные двадцать. Напомню только о министре фон Ватенвиле в Давосе, о княгине Виндишгрец в Биаррице, о лорде Ливерпуле в Сплите...

Автор. Значит, все, кто перечислен в списке.

Посетитель. Без исключения.

Автор. Вы ездили за мной, господин Гофер?

Посетитель. Чтобы не быть дилетантом, я должен был ездить за вами. Из одного места в другое, из одного дорогого курорта в другой.

Автор. Вы были, значит, не только в Адельбодене и Баден-Бадене?

Посетитель. Я был всюду, где были вы.

Автор (*с любопытством*). Разве это было вам по средствам?

Посетитель. Просто разорение. Средства мои ведь крайне ограниченны, а пенсия, которую мне назначила фирма «Экслин и Трост», получая грандиозные прибыли, смехотворно мала. Я должен был экономить, терпеть лишения. Во время некоторых поездок, уважаемый...

Автор (*напоминает*). Корбес.

Посетитель. ...уважаемый господин Корбес, я буквально отказывал себе в пище. Но семь лет назад Южная Америка была мне недоступна, и потом ваши ежегодные экскурсии в индийские и африканские джунгли...

Автор. Ничего, господин Гофер. Там я охотился только на тигров и слонов.

Посетитель. В остальных же случаях я всегда находился поблизости от вас.

Автор. Очевидно.

Посетитель. Где бы мы ни находились — вы в роскошном отеле, а я в убогом пансионе, — всегда происходил несчастный случай, который вы затем описывали как убийство.

Автор. Дорогой Гофер. Вы один из удивительнейших людей, каких я когда-либо встречал.

Посетитель. Передо мной, естественно, встал вопрос: как могла возникнуть эта связь между вашими произведениями и действительностью?

Автор. Естественно.

Посетитель. Логически проанализировав обстоятельства, я остановился на двух возможностях: либо вы брали людей из реальной жизни в качестве прототипов для ваших историй, либо же ваши истории происходили в действительности так, как вы их описываете.

Автор. Логично.

Посетитель (*значительно*). Если мы примем второй вариант, то ваши истории, которые поражают всех своей необузданной фантазией, на самом деле являются отчетами о действительных происшествиях. Я долго колебался, принять ли этот вариант, но сегодня я знаю, что это единственно возможное решение. Тут возникает, однако, другая проблема. Если эти романы являются отчетами о реальных происшествиях, то должны быть и реальные убийцы. А это неизбежно рождает новый вопрос: кто же эти убийцы?

Автор. К какому же выводу вы пришли?

Посетитель (*жестко*). Мы должны свести различных убийц к одному. Все ваши герои имеют черты одного

и того же человека. Могучий, с большой лысой головой, с дико перекошенными чертами лица, пьющий виски и всегда слегка пьяный, с обнаженной в момент убийства грудью — таким герой проносится по бурному морю вашей прозы. (*Пауза.*) Убийца — это вы.

Автор. Вы хотите сказать, что я несколько раз...

Посетитель. Двадцать один раз.

Автор. Двадцать два раза...

Посетитель. Двадцать один раз. Аргентинская миллионерша не в счет.

Автор. Хорошо. Я почти двадцать два раза совершил убийство?

Посетитель. Я в этом твердо уверен. И сижу сейчас лицом к лицу не только с одним из самых выдающихся писателей, но и с одним из самых выдающихся убийц всех времен.

Автор (*задумчиво*). Двадцать два...

Посетитель (*упрямо*). Двадцать один раз.

Автор. Двадцать один раз. Когда это слышишь...

Посетитель. Невольно охватывает благоговение, уважаемый маэстро.

Пауза.

Автор (*улыбаясь*). Ну так что же, дорогой Фюрхтеготт Гофер, чего вы, собственно, от меня хотите?

Посетитель. Уважаемый господин Корбес, я высказался и теперь могу спокойно вздохнуть. Я очень волновался, но я не разочарован, смотрите, как вы спокойны и доброжелательны. Позвольте же мне и дальше говорить с вами со всей ужасающей откровенностью.

Автор. Пожалуйста.

Посетитель. Сначала я хотел только одного: предать вас гласному суду.

Автор. Но вы переменили свое намерение?

Посетитель. Да, уважаемый маэстро.

Автор. Почему?

Посетитель. Я наблюдал вас в течение десяти лет, видел, с каким мастерством вы осуществляли свои планы, как искусно вы выбирали свои жертвы и с каким хладнокровием принимались за дело.

Автор. Вы восхищаетесь мной?

Посетитель. Бесконечно.

Автор. Как убийцей или как писателем?

Посетитель. И тем и другим. Чем дальше я иду по следам ваших преступлений, тем больше ценю литературное изящество ваших романов. Я решил принести вашему искусству огромную жертву.

Автор. Какую?

Посетитель (*тихо и спокойно*). Я готов отказаться от величайшего счастья — от славы.

Автор. Вы не хотите донести на меня?

Посетитель. Я от этого отказываюсь.

Автор. И какое вознаграждение вы за это хотите?

Посетитель. Очень маленькое — признание.

Автор. В какой форме?

Посетитель. Я разорен. Мое искусство сыщика потребовало от меня невероятных жертв. Я не способен больше вести ту жизнь, к которой привык, служа криминалистике. Я уже не могу позволить себе путешествия и дорогие курорты. Я вынужден со стыдом вернуться в Эннетвиль близ Хорка и прозябать там, если вы...

Автор. Продолжайте!

Посетитель. ...если вы, уважаемый господин Корбес, к пенсии, получаемой мною от фирмы «Экслин и Трост», не прибавите небольшую сумму, порядка шестисот или семисот швейцарских франков в месяц, чтобы я мог и дальше тайно наблюдать вашу жизнь как поклонник и посвященный...

Пауза.

Автор. Дорогой Фюрхтеготт Гофер, я тоже хочу вам кое в чем признаться и тоже со всей ужасающей откровенностью, как вы сами выразились. Вы, бесспорно, величайший сыщик, какого я когда-либо встречал. Ваша проницательность, ваши криминалистические таланты открыли вам истину. Я признаюсь.

Пауза.

Посетитель. Вы признаетесь?
Автор. Признаюсь.
Посетитель. Шведка?
Автор. Шведка.
Посетитель. Молодая англичанка?
Автор. Да.
Посетитель. Княгиня Виндишгрец?
Автор. Тоже. И аргентинская миллионерша.

Посетитель. Весьма сожалею, но ее я должен исключить.

Автор. Милостивый государь!

Посетитель. Вы прекрасно знаете, что здесь вы сплутовали, уважаемый маэстро.

Автор. Ну хорошо, исключим миллионершу.

Посетитель. В остальном вы совершили двадцать одно убийство.

Автор. Да, двадцать одно. Я не мелочен.

Пауза.

Посетитель (*с благоговением*). Вот он — самый счастливый час моей жизни.

Автор. Вы правы — самый счастливый час вашей жизни, только, может, не в том смысле, в каком вы думаете.

Из спальни выбегает молодая дама,
с отчаянным видом пробегает через сцену.

Молодая дама. Максимилиан Фридрих, что делать, мне пора к папе! (*Исчезает.*)

Посетитель. Эта босая дама, по-видимому, прелестная дочка английского полковника из соседнего номера?

Автор. Конечно.

Посетитель. Ближайшая жертва?

Автор. Вряд ли. Моя следующая жертва — совсем другое лицо. Не забывайте, господин Гофер, что, несмотря на верный ход вашего следствия, вы допускаете одну ошибку. Вы не подумали о том, что с вашими знаниями обо мне этот визит грозит вам опасностью?

Посетитель. Вы полагаете, что можете убить и меня?

Автор. Разумеется.

Посетитель. Конечно, уважаемый господин Корбес, я предусмотрел эту опасность и, учтя обстановку, спокойно продумал меры предосторожности. Над вами проживает знаменитая американская кинозвезда, справа — английский полковник, слева — вдова почтенного буржуа.

Автор. Простите, вдовствующая герцогиня.

Посетитель. Ошибаетесь. Я все выяснил. Ее муж был портье в каком-то учреждении в Женеве. Под вами живет чахоточный архиепископ черновицкий. Крик о помощи вызвал бы мировой скандал. Поэтому вам пришлось бы уничтожить меня бесшумно. Вам остается только отравление.

Автор. Понимаю. Поэтому вы ничего и не пили?

Посетитель. Да. Мне это было нелегко. Виски я просто обожаю.

Автор. И не курили сигар?

Посетитель. Тенора Лоренца Хохштрессера вы в конце концов уничтожили гаванской сигарой, пропитанной индийским ядом.

Автор. Дорогой Фюрхтеготт Гофер, вы забываете, что происходите из Эннетвиля близ Хорка.

Посетитель. Не следует недооценивать это селение. Эннетвиль не такая уж глушь и живет активной культурной жизнью.

Автор. Вот именно. Такие села отстают от общего развития, иначе вы поняли бы всю бесплодность своих поисков. (*Наливает себе виски.*) Вы только доказали то, что не требует никаких доказательств.

Пауза.

Посетитель (*растерянно*). Вы хотите сказать?..

Автор. То, что вы принимаете за тайну, давно уже известно всему свету.

Посетитель (*вне себя*). Это немыслимо! Я просмотрел все серьезные газеты и не нашел в них ни малейшего намека.

Автор. Истину можно теперь обнаружить только в желтых газетах, Фюрхтеготт Гофер. Они полны сообщений о моих убийствах. Неужели вы думаете, что люди стали бы с такой жадностью глотать мои романы, если бы не знали, что убийства, которые я описываю, совершил я сам?

Посетитель. Но, уважаемый ма...

Автор. Корбес.

Посетитель. Уважаемый господин Корбес... Ведь в таком случае вас давно бы уже посадили?

Автор (*с недоумением*). Почему?

Посетитель. Потому что вы не только убийца, вы — многократный убийца.

Автор. И что же? С точки зрения буржуазной морали нас всегда считали чудовищами. Вспомните Гёте, Бальзака, Бодлера, Верлена, Рембо, Эдгара Аллена По. Но дело не только в этом. Мир лишь поначалу ужасался, со временем же стал восхищаться нами именно потому, что мы чудовища. Мы подымались все выше и выше по социальной лестнице,

и на нас стали смотреть как на высшие существа. Общество не только признало нас, оно стало превозносить наш образ жизни. Мы стали идеалом миллионов — люди, которые могут себе позволить все. Наше искусство — это всего лишь оправдание наших пороков и похождений. Неужели вы думаете, что я получил бы Нобелевскую премию за новеллу «Убийца и дитя», если бы я сам не был этим убийцей? Посмотрите на эти письма. Они валяются грудами по всей комнате. Дамы из высшего общества, жены богачей, прислуга наперебой добиваются, чтобы я стал их убийцей.

Посетитель. Нет, это какой-то сон.

Автор. Так проснитесь же наконец! В то, что писатель работает над языком и формой, верят только критики. Настоящая литература не занимается литературой, она должна удовлетворять вкусы публики. Она жаждет не новых форм, не языковых экспериментов, и меньше всего признания. Она жаждет жизни, обходящейся без надежд, потому что надежды больше нет. Она жаждет жизни, полной ярких ощущений, напряженности, приключений, которую в наш машинный век может дать только искусство. Литература стала лекарством, эрзацем жизни, уже невозможной. К сожалению, чтобы добыть это лекарство, писатели должны вести жизнь, которую они описывают и которая им со временем, особенно в известном возрасте, чертовски надоедает. Можете мне поверить!

В дверях появляется вторая молодая дама.

Вторая молодая дама. Максимилиан Фридрих!

Автор. Вон!

Вторая молодая дама исчезает.

Это американская кинозвезда. Когда я был молодым человеком, я упорно работал над стилем. Редакторы маленьких газет хлопали меня по плечу, и больше ни одна собака мною не интересовалась. И заслуженно. Я бросил писать и отправился в Персию на разведку нефти. Но и здесь мне не повезло. Мне не оставалось ничего другого, как описывать свою жизнь. Я думал — меня арестуют. Первый, кто меня поздравил и предложил значительную сумму, был шведский атташе. Любовные приключения с его женой были моим первым мировым успехом. Ну выпейте же виски, раз вы его так обожаете. (*Наливает.*)

Посетитель. Спасибо... Я... Я не знаю... Спасибо...

Автор. Как только я понял, чего от меня хотят, я стал удовлетворять спрос. Я описывал только свою собственную жизнь, бросил работать над стилем и стал писать как Бог на душу положит. И представьте, у меня вдруг оказался свой стиль! Я стал знаменит. Слава обязывала меня вести все более и более зверскую жизнь, потому что читатели хотели видеть меня во все более отвратительных ситуациях. Они хотели вместе со мной пережить все, что запретно. Так я стал многократным убийцей. И что бы потом ни случалось, все приносило мне успех. Мои книги конфисковывались. Ватикан их внес в список запрещенных книг. Тиражи возрастали. И вот являетесь вы со своим смехотворным разоблачением, что мои романы — сущая правда. Вам не удастся убедить ни один суд мира, потому что мир меня хочет видеть таким, какой я есть. Вас объявят сумасшедшим, как объявили сумасшедшими тех, кто уже пробовал меня разоблачать. Думаете, вы первый? Жаждущие мести матери, жены, мужья, сыновья — все уже не раз бросались к адвокатам. Но едва только они пытались начать процесс, как прокуроры, министры, даже главы государств выступали на мою защиту во имя искусства. Каждый, кто привлекал меня к суду, становился посмешищем. Вы идиот, Фюрхтеготт Гофер. Вы преступнейшим образом растранжирили свои сбережения. Не ждите, что я их вам возмещу. Ждите от меня совсем другого. Зовите на помощь!

Посетитель (*со страхом*). На помощь?

Автор. Мне нужен новый сюжет.

Посетитель. Новый сюжет?

Автор. Новый сюжет — это вы!

Посетитель. Что вы хотите этим сказать?

Автор. Сейчас самое время засесть за работу.

Посетитель (*в ужасе*). Почему вы вдруг вытащили револьвер?

Автор. Все еще не понимаете?

Посетитель. Я ухожу, ухожу.

Автор. Я вытащил револьвер не для того, чтобы вы ушли, а для того, чтобы вы умерли.

Посетитель. Клянусь всем святым, что я немедленно покину Изельхеебад и вернусь в Эннетвиль.

Автор. Вы подарили мне сюжет радиопьесы, и вы должны умереть. Я пишу только то, что со мной случается,

ибо у меня нет никакого воображения. Я могу писать только о том, что пережил сам. С моей помощью вы войдете в мировую литературу, Фюрхтеготт Гофер. Миллионы людей вас увидят таким, каким вы сейчас стоите передо мной, трясясь от страха, с выпученными глазами и перекошенным ртом, повергнутый в пропасть отчаяния. Какая перепуганная бухгалтерская рожа, вы чувствуете, как правда сдирает с вас кожу.

Пауза.

Посетитель. На помощь!

Пауза.

Автор. Ну? Кто-нибудь прибежал? Еще надеетесь? Пришли к вам на помощь кинозвезда, английский полковник, архиепископ черновицкий?

Посетитель. Вы... вы сатана.

Автор. Я писатель, и мне нужны деньги. Радиопьеса, которую я напишу о вашем убийстве, обойдет все радиостанции. Я должен вас убить. Из чисто финансовых побуждений. Вы думаете, это доставит мне удовольствие? Один Бог знает, что мне в тысячу раз было бы приятнее распить с вами бутылочку вина и потом сыграть партию в кегли, чем провести ночь за описанием вашего убийства.

Посетитель. Помилуйте, уважаемый маэстро...

Автор. Корбес.

Посетитель. Уважаемый господин Корбес, помилуйте, умоляю вас!

Автор. Кто занимается литературой, тот не знает сострадания.

Посетитель (*бросается на балкон*). На помощь!

Автор (*звучным голосом*). Вы — двадцать третий.

Посетитель. Двадцать вто...

Шум. Продолжительный истошный крик: «На помощь!»

Пауза.

Автор. Бездарность!

Секретарь. Господин Корбес, ради Бога, что случилось?

Автор. Мой гость бросился вниз с балкона. Его вдруг обуял панический страх. Понятия не имею отчего. А вот уже идет директор гостиницы.

Директор гостиницы. Уважаемый господин Корбес! Я в отчаянии. Вы подверглись нападению какого-то типа. Он разбился и лежит в кустах роз. Нашему швейцару он уже давно казался сумасшедшим. Слава Богу, хоть своим падением он никому не причинил вреда.

Автор. Пожалуйста, примите меры, чтобы меня никто не беспокоил.

Директор гостиницы (*уходя*). Само собой разумеется, уважаемый господин Корбес, само собой разумеется.

Автор. За работу, Себастьян! Только сперва я закурю сигару.

Секретарь. Огня?

Автор. Зажгите эту бумажку и дайте мне прикурить.

Секретарь. Что это за имена?

Автор. Не знаю, какие-то имена. Давайте ее сюда. Ну, все в порядке. Спасибо. Нам надо торопиться. Завтра же упакуйте чемоданы. Изелькеебад сделал свое дело, мы едем на Майорку.

Секретарь. На Майорку?

Автор. Поживем на Средиземном море, это только полезно. Вы готовы?

Секретарь. Готов, господин Корбес.

Автор. Сначала стаканчик виски.

Секретарь. Пожалуйста.

Автор. Диктую: «Дамы и господа! Для начала считаю своим долгом описать вам место действия этой несколько необычной, но, клянусь, правдивой истории. Хотя рассказывать правдивые истории не совсем безопасно: может подвернуться кто-нибудь из полиции или даже сам прокурор, пускай и не при исполнении служебных обязанностей. Однако в какой-то мере я могу позволить себе откровенность, так как убежден, что они не сочтут мою правдивую историю достоверной. По крайней мере официально. Но, положа руку на сердце, и прокурор и полицейский, конечно, знают, что я рассказываю только правдивые истории. Итак, прошу внимания. Представьте себе салон в номере шикарной гостиницы. .»

Двойник

Doppelgänder

Голоса

Режиссер
Писатель
Мужчина (Педро)
Двойник (Диего)
Женщина (Инес)
Женский голос

Режиссер. Вы обещали мне рассказать историю, господин сочинитель радиопьес. Я прошу вас об этом. В моем распоряжении много голосов, и голосов превосходных, уверяю вас.

Писатель. Я обещал вам рассказать историю, господин постановщик радиопьес. Это история мрачная и странная, она камнем лежит у меня на сердце, но должен признаться, что я знаю о ней совсем немного — только сюжет. Но вы не волнуйтесь: в нужный момент появится и действие.

Режиссер. Стоп. Я обязан предложить слушателям пьесу складную и ладную, сумбур в действии нам ни к чему. Не забывайте об этом.

Писатель. Постараюсь, если удастся.

Режиссер. Я вас очень прошу.

Писатель. Представим себе мужчину.

Режиссер. Как его зовут?

Писатель. Мы с ним незнакомы, и мне все равно, как его зовут.

Режиссер. Его профессия и социальное положение?

Писатель. Не имеет значения.

Режиссер. Гм. Могу ли я по крайней мере узнать, в какой стране он живет?

Писатель. Тоже не имеет значения.

Режиссер. Но должен же он где-нибудь жить.

Писатель. Ну хорошо. Представим себе холмистую местность, сливающуюся на горизонте с унылыми горами, затерявшийся среди гор и туманных озер большой город, за ним — необозримую равнину, покрытую еловыми лесами, и все вокруг залито светом молодой луны, выглянувшей сквозь мчащиеся по небу облака.

Режиссер. Прямо как во сне.

Писатель. Прямо как во сне. Потом представим себе комнату, в которой спит этот человек.

Режиссер. Нет ничего проще.

Писатель. Для меня важны три вещи: окутавший спящего мрак ночи, одиночество его души и пучина сна, в которую он провалился.

Режиссер. Вы замолчали.

Писатель. Мне трудно рассказывать эту историю. Боюсь, меня не поймут, а мне очень нужно, чтобы меня поняли.

Режиссер. Я спрошу, если чего-нибудь не пойму.

Писатель. Спрашивайте, этим вы мне только поможете.

Режиссер. Не беспокойтесь.

Писатель. У кровати этого человека, спиной к тусклому свету лампы, темной тенью сидит его двойник и разглядывает спящего.

Режиссер. Его двойник?

Писатель. Кажется, этот сюжет вам не по нутру?

Режиссер. Сюжет забавный, но мне он не нравится — его часто использовали в дешевых поделках о привидениях.

Писатель. Я буду очень расстроен, если мою историю воспримут таким образом. К этому сюжету надо относиться с благоговением.

Режиссер. Это и есть исходная точка действия?

Писатель. Вы не согласны?

Режиссер. Я просто высказал свои сомнения. Прошу вас, продолжайте.

Писатель. Мне нужен спокойный мужской голос, в котором бы чувствовался затаенный страх.

Режиссер. Нет ничего проще.

Писатель. У двойника голос более низкий, решительный и громкий.

Режиссер. Как прикажете.

Писатель. Разбуженный шумом, мужчина просыпается и смотрит на двойника, не узнавая его. Он лежит неподвижно, парализованный первым приступом страха и с трудом обретая дар речи. Но потом говорит спокойно и четко.

Мужчина. Кто вы?

Двойник. Вам лучше не спрашивать.

Мужчина. Что вам нужно от меня среди ночи?

Двойник. Сейчас поймете.

Мужчина. Вы вор?

Двойник. Нет.

Мужчина. Зачем вы здесь?

Двойник. Чтобы сказать вам, что вы приговорены к смерти.

Мужчина. Вы являетесь ко мне среди ночи, сидите у моей постели. Я вас не знаю, а вы утверждаете, что я приговорен к смерти.

Двойник. Так оно и есть.

Мужчина. Кто приговорил меня к смерти?

Двойник. Суд мне неизвестен.

Мужчина. За что же?

Двойник. Убит человек.

Режиссер. Я вынужден заявить протест.

Писатель. Ваше право.

Режиссер. Я обязан предложить своим слушателям историю правдоподобную. Если кого-то приговаривают к смерти, значит, есть суд, который выносит приговор.

Писатель. Мне бы не хотелось втягивать в игру суд.

Режиссер. Сударь, вы посягаете на законы драматургии.

Писатель. А вы что предлагаете?

Режиссер. Что за вопрос! Какой-нибудь высший суд.

Писатель. Ладно. Пусть будет высший суд.

Режиссер. Начнем сначала.

Мужчина. Кто вы?

Двойник. Вам лучше не спрашивать.

Мужчина. Что вам нужно от меня среди ночи?

Двойник. Сейчас поймете.

Мужчина. Вы вор?

Двойник. Нет.

Мужчина. Зачем вы здесь?

Двойник. Чтобы сказать вам, что вы приговорены к смерти.

Мужчина. Вы являетесь ко мне среди ночи, сидите у моей постели. Я вас не знаю, а вы утверждаете, что я приговорен к смерти.

Двойник. Так оно и есть.

Мужчина. Кто приговорил меня к смерти?

Двойник. Высший суд.

Мужчина. За что же?

Двойник. Убит человек.

Мужчина. Какое мне до этого дело. Я не убивал.

Двойник. Убил я.

Мужчина. Вы убийца.

Двойник. Я убийца.

Мужчина. Значит, и умереть должны вы.

Двойник. Высший суд возложил мою вину на вас. Вы должны умереть вместо меня.

Мужчина. Это ошибка!

Двойник. Высший суд не ошибается.

Мужчина. Я не виновен.

Двойник. Вы так говорите, потому что еще не видели моего лица. Лампа стоит у меня за спиной. Сейчас я возьму ее и поставлю вот сюда, на стол. Теперь свет падает прямо на мое лицо.

Мужчина. О Господи!

Двойник. Вам нечего бояться.

Мужчина. Это же я сам. Мое лицо, мое тело.

Двойник. Я ваш двойник.

Мужчина. У меня точно такие же глаза, я точно так же двигаю губами и провожу рукой по лбу.

Двойник. У вас дрожит голос.

Мужчина. Уберите свет, уберите немедленно. Иначе я возненавижу себя в вас.

Двойник. Вы так сильно себя презираете?

Мужчина. Уберите свет.

Двойник. Пожалуйста.

Мужчина. Как вы меня отыскали?

Двойник. Меня послал высший суд.

Мужчина. Высший суд. Все время высший суд!

Двойник. Он послал меня, чтобы я выдал вас тем, кто приведет приговор в исполнение.

Мужчина. Я не виновен!

Двойник. Все мы заслуживаем смертной казни.

Мужчина. Я не убивал.

Двойник. Убил я.

Мужчина (*в отчаянии*). Какое мне до этого дело! С какой стати я должен отвечать за ваше преступление?

Двойник (*безжалостно*). Окажись вы на моем месте, вы поступили бы точно так же. Моя вина — это ваша вина. У нас одинаковые лица, одинаковые тела, одинаковые души, и суть наша тоже одинакова.

Режиссер. Вы позволите мне прервать ход действия?

Писатель. Вы делаете это очень некстати. Мне будет трудно продолжать.

Режиссер. Двойник действует от имени высшего суда?

Писатель. Возможно.

Режиссер. Он без конца твердит об этом.

Писатель. В конце концов, это ведь вы подсказали мне эту идею.

Режиссер. Надо выяснить, существует ли этот суд на самом деле или же его выдумал двойник.

Писатель. Меня это не интересует.

Режиссер. Вы уклоняетесь от ответа.

Писатель. Могу только сказать, что он на самом деле существует в нашей истории.

Режиссер. Мне надо знать точнее.

Писатель. А вы педант.

Режиссер. Я не педант, я режиссер.

Писатель. Ну, Бог с вами. Представим себе маленький замок в стиле рококо, украшенные лепниной стены и потолки, зал заседаний, в котором стоит довольно аляповатая статуя богини правосудия; замок наполовину скрыт высокими деревьями парка — кедрами, акациями, елями; в дни заседаний под деревьями стоят черные лимузины судей. Откуда-то долетает стук дятла, по вечерам кукует кукушка, сквозь заросли пробиваются солнечные лучи, сверкает серебро фонтана.

Режиссер. Прямо как во сне.

Писатель. Вот именно: как во сне.

Режиссер. И этот высший орган приговорил нашего героя к смерти?

Писатель. Выходит, да.

Режиссер. Только потому, что все люди заслуживают смертной казни?

Писатель. Так он утверждает.

Режиссер. Но ведь эти слова нельзя понимать буквально.

Писатель. Высший суд понимает их буквально.

Режиссер. Как вы собираетесь продолжить действие?

Писатель. Должен признаться, я имею о нем только самое общее представление. Мне кажется, в дом ворвутся люди и от имени высшего суда арестуют мужчину.

Режиссер. А двойник?

Писатель. Двойник исчез. Ворвавшиеся отводят мужчину в тюрьму. Он уверяет их, что ни в чем не виноват, но они лишь пожимают плечами. Он протестует, но его не слушают.

Режиссер. Пусть наймет адвоката.

Писатель. Адвокаты отказываются его защищать, так как преступление не вызывает сомнения и приговор вынесен. Нельзя же принимать всерьез утверждения, что убийство совершил двойник.

Режиссер. Значит, о существовании двойника знают только мужчина и высший суд?

Писатель. Только они, и никто больше.

Режиссер. Он может апеллировать к высшему суду.

Писатель. Высший суд не рассматривает апелляций.

Режиссер. Вы внушаете мне странное мнение об этом учреждении.

Писатель. Я ничего не могу изменить.

Режиссер. При столь возмутительном состоянии правосудия в этой стране мужчина и дальше будет клясться в своей невиновности.

Писатель. Он кричит не переставая в темноту своей тюремной камеры, что он не виновен.

Мужчина. Я ни в чем не виноват — это все, что я могу сказать. Я знаю, мне никто не верит, уши моих судей глухи, как эти стены. Но я не виноват. Я человек, как и каждый из вас. Я встаю по утрам и целый день занимаюсь то тем, то этим, зарабатываю, чтобы есть, и ем, чтобы зарабатывать. А когда выпадают мгновения радости, я радуюсь им.

Прошу вас, не спрашивайте, почему я здесь, в этих голых каменных стенах, — я и сам не знаю. Могу только повторить, что я ни в чем не виноват и что я не убивал. Как я мог убить, разве могли совершить убийство эти руки, привыкшие к ежедневному труду ради пропитания? Я знаю, каждый, кто слушает меня, может подумать, что я обманщик, трус или несчастный безумец. Я не виноват. Я буду снова и снова выкрикивать эти слова в темноту ночи: я не виноват! Эти слова придают мне силы, они помогают мне защитить себя перед Богом и судьями: я не виноват!

Режиссер. Он прав. Все видят, что он прав.

Писатель. Наступает последняя ночь перед казнью. Он лежит на нарах, повернувшись лицом к двери. Дверь открывается. В проеме, постепенно материализуясь из мрака, возникает двойник.

Мужчина. Опять вы пришли ко мне?

Двойник. Я снова у вас.

Мужчина. Что еще надо вам от меня, осужденного на смерть?

Писатель. Оба говорят слишком патетически. Слишком прочувствованно.

Режиссер. Слишком патетически? Слишком прочувствованно?

Писатель. Им надо говорить спокойнее, яснее. Речь идет о деле, а не о чувствах.

Режиссер. Как вам будет угодно. Пожалуйста. Они будут говорить так, будто речь идет о какой-нибудь банковской операции.

Мужчина. Опять вы пришли ко мне?

Двойник. Я снова у вас.

Мужчина. Что еще надо вам от меня, осужденного на смерть?

Двойник. Я пришел, чтобы услышать от вас признание своей вины.

Мужчина. Я должен умереть. Я не могу защитить себя. Но, и умирая, я буду кричать: я не виноват!

Двойник. Значит, вы настаиваете на своей невиновности?

Мужчина. Я не убивал.

Двойник снимает с него кандалы.

Вы снимаете с меня кандалы?

Двойник. Поднимайтесь!

Мужчина. Куда вы меня ведете?

Двойник. Пусть вас это не волнует.

Мужчина. Кто вам позволил снять с меня оковы?

Двойник. Я действую от имени высшего суда. Идемте со мной. Мы уже миновали длинный коридор и спускаемся по лестнице.

Шаги.

Мужчина. Мы спускаемся по лестнице, и никто нас не останавливает, не видно ни одного надзирателя. Что нужно от меня высшему суду?

Двойник. Раз вы отрицаете свою вину, высший суд передал вас мне.

Шаги.

Мужчина. Мы миновали двор, огромные ворота тюрьмы открываются сами собой.

Шаги.

Двойник. Мы выходим на пустынные улицы и площади. Еще этой ночью вы поймете, что заслуживаете смертной казни.

Шаги.

Мужчина. Каким образом я это сделаю?

Шаги.

Двойник. Вы убьете человека.

Шаги.

Мужчина. Я не убийца.

Шаги.

Двойник. Откуда вы знаете, что скрывается внутри вас? Ни один человек не знает себя. Вы будете действовать по собственной воле и станете убийцей.

Шаги.

Мужчина. Кого же я убью?

Шаги.

Двойник. Зачем вам это знать?

Шаги.

Мужчина. Я хочу знать.

Шаги.

Двойник. Вы убьете меня.

Шаги.

Мужчина. Я никогда не убью человека. Клянусь этой ночью и этим небом: я никогда не убью человека!

Шаги.

Двойник. О чем вы подумали, когда я вошел в вашу камеру?

Шаги.

Мужчина. Как вы догадались?

Шаги.

Двойник. Я знаю ваши мысли.

Шаги.

Режиссер. Шаги, одни только шаги. Рассказывайте дальше.

Писатель. Мужчина следует за своим двойником, который ведет его по пустынным улицам большого города, по безлюдным паркам, а потом по кварталам, в которых мужчина никогда не бывал и о которых никогда не слыхал. Старинные дома с необычными фронтонами, острые зубцы, выделяющиеся на фоне неба, стрельчатые готические своды, покрытые странными росписями фасады. На улицах пусто и тихо, слышен только звук шагов мужчины и двойника. Дома старые, ветхие, мужчина замечает приметы давно прошедших времен. Окна зияют

пустотой или занавешены шкурами. Но дом, куда они входят, не имеет выходящих на улицу окон, хотя обветшавший, лишенный каких бы то ни было украшений фасад этого дома огромной серой массой нависает над мостовой. Его прорезает одна-единственная дверь, низкая и широкая; она напоминает ярмо, так как порог находится ниже уровня улицы.

Режиссер. Прямо как во сне.

Слышно, как открывается дверь.

Двойник. Осторожнее, не упадите.

Мужчина. Где мы?

Двойник. В самом сердце города. Сейчас я закрою дверь.

Мужчина. Стало темно.

Двойник. Зал освещен. Еще немного — и мы увидим свет.

Мужчина. Это ваш дом?

Двойник. Мой. Пожалуйте в большой зал.

Мужчина. Массивный деревянный стол с гладкой столешницей, на стенах потемневшие от времени картины.

Двойник. Не так уж часто жертвы приглашают к себе своих убийц. Я рад вас видеть в моем доме.

Мужчина. Я в вашей власти.

Двойник. Прошу вас, взгляните на лестницу, ведущую наверх.

Мужчина. Лестница ведет на галерею, которая теряется в темноте.

Двойник. Там вас ждут.

Мужчина. Я вижу женщину, медленно выходящую из темноты.

Двойник. Она остановилась на верхней ступеньке лестницы и смотрит на вас.

Мужчина. Она смотрит мне прямо в глаза.

Двойник. Разве она не прекрасна?

Мужчина. Она прекрасна.

Двойник. Вам когда-нибудь доводилось видеть женщину красивее?

Мужчина. Никогда в жизни.

Двойник. Она вам кивает.

Мужчина. Что ей от меня нужно?

Двойник. Не спрашивайте. Поднимайтесь наверх, к ней. Я останусь здесь, положу руки на стол и буду ждать. Идите же к ней.

Женский голос. Кто вы?

Писатель. Извините, но я вынужден прервать свой рассказ.

Режиссер. Почему именно сейчас?

Писатель. Голос женщины я представлял себе иным.

Режиссер. Это лучший из моих голосов, сударь.

Писатель. Голос чересчур робкий, девический. А в нем должны звучать принуждение и крайняя степень отчаяния.

Режиссер. Я предоставлю вам такой голос.

Писатель. Благодарю вас.

Другой женский голос. Кто вы?

Мужчина. Я человек, как и многие другие, ни больше ни меньше. Я ничуть не хуже и не лучше остальных людей, но на меня свалилось большое несчастье: я должен искупить чужую вину, должен заплатить жизнью за преступление, которого не совершал.

Женщина. Я женщина, каких много на этой земле и под этим небом. Я красива, и, когда я иду по улице, мужчины оглядываются на меня, а на площадях дети тянут ко мне свои ручонки. Я любила, но любовь убила меня, а человек, которого я любила, поломал мою жизнь. Я не знаю, куда иду, не знаю, ради кого живу. Мои руки пусты, а глаза слепы. В моем поцелуе кроется соблазн, в моих словах заключено проклятие, а в делах — осуждение.

Мужчина. Что вам от меня надо?

Женщина. Я подам вам руку и поведу за собой.

Несколько шагов.

Мужчина. Где мы?

Женщина. В моей комнате. Я зажгу свечу, и вы увидите мое лицо, а я — ваше.

Мужчина. Я вижу ваше лицо, ваши волосы в свете свечи, вашу шею и ваше длинное платье, широкими складками ниспадающее до самого пола.

Женщина. Почему вы опускаете глаза, когда я смотрю на вас?

Мужчина. Я прошу вас сказать, что я должен сделать.

Женщина. А вы разве не знаете?

Мужчина. Нет.

Женщина. Подойдите ко мне. Как можно ближе. Поцелуйте меня.

Мужчина. Ну вот, поцеловал.

Женщина. Теперь вы знаете, чего я от вас хочу.

Мужчина. Вы его жена?

Женщина. Я его жена.

Мужчина. Он убил из любви к вам?

Женщина. Я вынудила его сделать это.

Мужчина. А теперь вы требуете, чтобы я убил его.

Женщина. Требую.

Мужчина. Я не убийца.

Женщина. Вы меня поцеловали.

Мужчина. Почему он должен умереть?

Женщина. Он любит только себя самого.

Мужчина. Вы сказали, что вынудили его совершить убийство?

Женщина. Вынудила, потому что он любит только себя самого.

Мужчина. Вы любите его?

Женщина. Я люблю его.

Мужчина. Почему же вы требуете от меня, чтобы я его убил?

Женщина. Откуда мне знать? Разве я знаю, почему мы с вами целовались и почему я вам все это говорю? Нет, не знаю. Я не знаю, зачем я живу на свете, почему горит эта свеча, освещая ваше лицо. Я знаю только, что он должен умереть и что убьете его вы.

Мужчина. Что я должен делать?

Женщина. Вы спускаетесь к нему.

Мужчина. Я спускаюсь к нему.

Женщина. Садитесь с ним рядом, кладете руки на стол и заводите с ним разговор.

Мужчина. Я это сделаю.

Женщина. Затем вниз спущусь я и принесу то, что он потребует. Два стакана, вино в кувшине и хлеб на тарелке.

Мужчина. Вино и хлеб.

Женщина. В одном из стаканов будет яд, едва заметный порошок на самом донышке.

Мужчина. Я буду ждать вас.

Режиссер. Сейчас он спустится вниз, к своему двойнику.

Писатель. Он спустится к тому, кто сидит за деревянным столом в большом зале, увешанном потемневшими от времени картинами.

Режиссер. Должен признаться, меня удивляет ваша манера рассказывать истории.

Писатель. Я не поэт.

Режиссер. Я не судья в вопросах искусства. Но вы, на мой взгляд, слишком бесцеремонно обращаетесь со своими персонажами. Они возникают из ничего, вдруг предстают перед нами, мы слышим их голоса, как бы доносящиеся из пустоты. Мы не знаем ни имен действующих лиц, ни того, как они живут. Их судьбы набросаны как бы пунктиром и как следует не разработаны

Писатель. Вам хочется побольше узнать о моих персонажах?

Режиссер. Человеку свойственно любопытство. Об этом не следует забывать.

Писатель. Поверьте, мне совсем не трудно наделить действующие лица именами и подробнее рассказать об их жизни. Но я считаю, что это повредит общему замыслу.

Режиссер. В чем заключается ваш замысел?

Писатель. Рассказать притчу.

Режиссер. Притчу о человеке, с которым обошлись не по справедливости.

Писатель. Теперь вы понимаете, почему в притче не важно то, что чрезвычайно важно в других жанрах. Каждый из нас может оказаться в роли человека, встретившегося со своим двойником.

Режиссер. Согласен. Но от имен никогда не следует отказываться.

Писатель. Вы не против, если мы назовем мужчину Мейером?

Режиссер. Для радиопьесы не годится.

Писатель. Педро?

Режиссер. Уже лучше. Напоминает о дальних странах.

Писатель. Тогда двойника назовем Диего?

Режиссер. Согласен.

Писатель. А женщина пусть будет Инес.

Режиссер. Продолжим нашу историю.

Диего. Я видел, как вы спускались по лестнице, Педро. Я смотрел в вашу сторону. Я видел ваше лицо и руки, которыми вы опирались о поручни.

Педро. Я устал.

Диего. Садитесь.

Педро. Благодарю вас, Диего.

Диего. Ну и что?

Педро. Я говорил с Инес.

Диего. Она требует, чтобы вы меня убили?

Педро. Да.

Диего. Тогда вам придется сделать то, что она требует.

Педро. Я не вижу иного выхода.

Диего. Иного выхода просто нет.

Педро. Я слышу шаги на лестнице.

Диего. Вы слышите шаги и знаете, что они означают. Выпьете со мной?

Педро. Выпью.

Диего. Ты знаешь моего гостя. Ты подала ему знак рукой, и он поднялся к тебе.

Инес. Я стояла на верхней ступеньке лестницы и подала ему знак рукой. Он поднялся ко мне, и мы прошли в мою комнату.

Диего. Он мне сказал, чего ты от него требуешь.

Инес. Твоей смерти.

Диего. Моей смерти.

Инес. Ты для того и пригласил его к себе, чтобы я потребовала от него твоей смерти.

Диего. Вот именно.

Инес. Ты все рассчитал, и рассчитал точно.

Диего. Я никогда не ошибаюсь.

Инес. Теперь ты должен умереть.

Диего. Само собой.

Инес. Ты лишил меня даже права на месть. Теперь все в твоих руках: твоя вина и твоя смерть, твое преступление и твое наказание. Вино и хлеб — это все, что я могу тебе еще предложить.

Диего. Наливайте, сударь, наливайте. Вы мой палач. Именно вам надлежит подать мне стакан, из которого я выпью.

Инес (*повелительно*). Наливайте. Подайте ему стакан, из которого он выпьет.

Раздается выстрел.

Режиссер. Прогремел выстрел!

Писатель. Кажется, вы встревожены.

Режиссер. Откуда взялся выстрел?

Писатель. Пока Инес говорила, у Педро в руках оказался револьвер.

Режиссер. Револьвер?

Писатель. Он увидел его в полуоткрытом ящике стола.

Режиссер. Он выстрелил в Диего?

Писатель. Он выстрелил в Инес.

Режиссер. В женщину?

Писатель. Он медленно поднял револьвер, и когда раздался выстрел...

Снова гремит выстрел.

Инес упала на руки Диего.

Диего (*безжалостно*). Она мертва.

Режиссер. Ничего не понимаю. С какой стати Педро убивает женщину? Из нашей истории следует, что он должен убить двойника.

Писатель. Он убил женщину. Двойник и Педро берут мертвую женщину на руки, несут через весь зал и кладут на скамейку в нише. В нише темно, и Педро не может разглядеть, что изображено на картине, висящей над скамейкой. Оба стоят над убитой и смотрят на нее, на ее застывшее тело, на белое лицо и белые руки. В дальнем окне начинает сереть раннее утро.

Педро. Я убил.

Диего. Вы убили, потому что не хотели убивать. Вы стали убийцей, потому что боялись стать им.

Педро. Вы тоже ошиблись в расчетах.

Диего. Я никогда не ошибаюсь.

Педро. Что вы хотите этим сказать?

Диего. Вы поступили так, как мне хотелось, ваше преступление замыслил я. Женщина должна была уме-

реть, ибо в ней причина преступления, совершенного мной.

Педро. Я, значит, был только орудием?

Диего. Топором, с помощью которого я совершил казнь.

Педро. Вы перехитрили меня.

Диего. Можете уйти. Вы мне больше не нужны.

Педро. Вы дьявол.

Диего. Нет. Но я знаю людей.

Молчание.

Педро. Я могу идти?

Диего. Пожалуйста.

Педро. Куда?

Диего. Куда хотите.

Педро. Меня арестует высший суд?

Диего. В конце концов, вы ведь убили человека.

Молчание.

Педро. Давайте выпьем это вино, и я уйду.

Диего (*изображая недоверие*). Вы хотите выпить?

Педро. За окном над городом встает утро, сударь. Давайте выпьем за это.

Режиссер. А дальше?

Писатель. Человек, которого мы назвали Педро, стоит перед своим двойником Диего, снова усевшимся за стол. Он смотрит на него. Потом тоже садится за стол, на котором стоят два стакана и кувшин с вином, уверенной рукой берет кувшин и наполняет стаканы.

Режиссер. И они пьют?

Писатель. Пьют оба. Диего смотрит на Педро, долго, неподвижным, угрожающим взглядом, глаза похожи на две ледышки, смотрит до тех пор, пока стакан не вывалывается из его руки и не разбивается вдребезги.

Слышен звон разбитого стакана.

Он наклоняется над стаканом и падает головой на неподвижные руки. Педро вскочил со своего места. Свечи догорели, белые стены потускнели, на столе и на полу темнеют лужицы пролитого вина. Двойник, тяжело дыша, поднимает голову и откидывается на спинку кресла. Вы-

ражение его лица не меняется, глаза похожи на две ледышки. Педро обеими руками подхватывает умирающего и что-то кричит ему в ухо. Зал заливает мерцающее молочно-белое утро, оно несет с собой нарастающую угрозу.

Педро. Скажите мне правду.

Диего (*медленно выговаривая слова*). Наступило утро, не так ли?

Педро. Вы слышите меня?

Диего. Умирать легко... Я слышу ваш вопрос, правда, голос доносится издалека.

Педро. Вы знали, что я убью вас?

Диего. Я же сказал вам об этом.

Педро. А раз знали, тогда зачем освободили меня из тюрьмы?

Диего. Знать правду не всегда на пользу делу.

Педро. Я хочу знать правду.

Диего. Этой ночью я пришел к вам в камеру, чтобы умереть за вас. Но вы не взяли на себя мою вину.

Педро (*тихо*). Я не взял на себя вашу вину.

Диего. Сделай вы это прошедшей ночью, и вас бы освободили.

Педро. Освободили?

Диего. Именем высшего суда. Я бы охотно умер за вас.

Педро. Так решил высший суд?

Диего. На все его воля.

Педро. Вы говорите правду?

Диего. Вы этого хотели.

Педро. Теперь я убийца.

Диего. Вы убили Инес и меня. Я выпил вино, которое вы мне предложили.

Педро. Что вы за человек?

Диего. Такой же, как вы. Ни хуже ни лучше.

Режиссер. Он умирает?

Писатель. Он умирает.

Режиссер. Два убийства в течение десяти минут. Как в кино. Вы делаете успехи.

Писатель. А вам хотелось бы чего-то серьезного, основательного.

Режиссер. И Педро проснется.

Писатель (*удивленно*). Что вы хотите этим сказать?

Режиссер. Что это был только сон.

Писатель (*растерянно*). Как — сон?

Режиссер. Душевная неприкаянность, пучина сна, в которую он погрузился, холмистая местность, сливающаяся где-то там с унылыми горами и туманными озерами, — так, кажется, вы изволили выразиться, — затерявшийся в этой местности большой город, старинные дома, необычные фронтоны, выделяющиеся на фоне ночного неба, и все залито светом молодой луны — сплошь атрибуты ночи, когда просыпаешься от кошмарного сна. Вы же сами говорили: как во сне, все как во сне.

Писатель. Как во сне, разумеется, — так казалось мужчине, однако навеки затихшая, бледная женщина все еще лежит в нише под потемневшей от времени картиной, а двойник все еще сидит, тяжело осев, в кресле у деревянного стола, хотя все вокруг давно залито потоками безжалостного света.

Режиссер (*удивленно*). Что вы хотите этим сказать?

Писатель. В это ясное, серебристое утро мужчина добровольно предстал перед высшим судом. Он признал, что заслуживает смертной казни.

Режиссер (*растерянно*). Так это был не сон?

Писатель. Ни о каком сне и речи быть не может.

Режиссер. Я протестую. Пусть утро заливает город ярким, серебристым светом. Могу поклясться, что скоро у вас откуда ни возьмись появится и солнце. Дешевого трюка с туманом и светом недостаточно, чтобы спасти финал, который вы приготовили для своей истории.

Писатель. А вас устроило бы, если бы мужчина проснулся и все оказалось только сном?

Режиссер. По крайней мере это был бы выход из положения. Во сне все возможно, даже несправедливость. Во сне допустимы любые ужасы. Но если вы переведете свою историю из плоскости сна в плоскость действительности, она не вызовет у нас ничего, кроме раздражения.

Писатель. Это мой принцип: рассказывать только такие истории, которые вызывают раздражение.

Режиссер. Тогда вы своего добились. С мужчиной, названным нами Диего, обошлись несправедливо.

Писатель. Вы хотите сказать — Педро.

Режиссер. Мне безразлично, как его зовут.

Писатель. Я всегда так считал.

Режиссер. Дело не в именах, а в том, как себя ведут персонажи. Я готов согласиться, что мужчина стал убийцей и что он заслуживает смертной казни. Но давайте рассмотрим побудительные мотивы, подтолкнувшие его к убийству, и тогда мы поймем, что убийцей стал ни в чем не повинный человек. Он совершил преступление, потому что не взял на себя вину за проступок, совершенный другим. От него требовали того, чего нельзя требовать от человека. Его теперешняя вина не оправдывает ранее допущенную по отношению к нему несправедливость. Я хочу с ним поговорить. Он со мной согласится.

Писатель. Хотите с ним поговорить?

Режиссер. Разве я не режиссер?

Писатель. Ваша правда. Вы режиссер.

Режиссер. Скажите, где я могу поговорить с этим человеком?

Писатель. Когда двойник скончался, мужчина встал и повернулся к двери, которая оказалась незапертой. Он вышел из дома и торопливо зашагал по улицам города.

Мужчина. Я убил! Слышите, люди, — я убил! Я торопливо шагаю по улицам и площадям, залитым утренним светом. Я виновен, я заслуживаю смертной казни, ибо я лишил жизни мужчину и женщину. Я убил, я обречен кричать без конца: я убил!

Писатель. Он бежит по улицам, широко раскрыв глаза и простирая руки к небу.

Режиссер. Я подожду его на перекрестке.

Писатель. Он вынырнет перед вами из пелены света и тумана, и вы увидите его лицо.

Торопливые шаги. Они приближаются.

Режиссер. Подождите! Прошу вас, подождите!

Мужчина. Кто меня зовет?

Режиссер. Ваш друг.

Мужчина. Что вам от меня нужно?

Режиссер. Я должен с вами поговорить.

Мужчина. Я убил.

Режиссер. Не уходите от меня.

Мужчина. Мне больше нечего вам сказать.

Режиссер. Я ждал вас на этом углу, чтобы сказать, что я с вами. Я буду защищать вас до конца.

Мужчина. Я не нуждаюсь в защите.

Режиссер. Беда ваша велика, и высший суд в этой стране, судя по всему, всесилен. Но мы многого добьемся, ибо вы не виновны.

Мужчина. Я убил.

Режиссер. Вас сбили с толку. Обрушившееся на вас несчастье помутило ваш разум. Успокойтесь и поймите: вы не виновны. Мы, правда, не отрицаем, что доля вины лежит и на вас. Но надо учесть и привлечение вас к суду, и вынесенный вам несправедливый приговор. Вы же знаете: именно этот приговор толкнул вас на преступление.

Мужчина. Я отдаю себя в руки высшего суда.

Режиссер. Высший суд несправедлив. Он заранее вынес вам приговор.

Мужчина. Теперь я вижу, что он был прав.

Режиссер. Ни один человек не может быть приговорен к смертной казни за проступок, который он не совершал.

Мужчина. Я не убивал, но был убийцей, я не совершал преступления, но заслуживал смертной казни.

Режиссер. Это несправедливо. Рассуждая по-человечески, это несправедливо.

Мужчина. Я больше не хочу рассуждать по-человечески.

Режиссер. То, что потребовали от вас этой ночью в тюрьме, нельзя требовать ни от кого.

Мужчина. Разве от меня требовалось нечто большее, чем вера?

Режиссер (*удивленно*). Вера?

Мужчина. Вера в справедливость высшего суда.

Режиссер. Если вы считаете, что высший суд прав, вам незачем бороться.

Мужчина. Я отказался от борьбы.

Режиссер. Но именно сейчас вам как раз и нужно продолжать борьбу!

Мужчина. Наступило утро, сударь.

Режиссер (*неуверенно*). Да, да. Наступило утро.

Мужчина. Посланец высшего суда ждет меня в конце этой улицы.

Режиссер. Жалкий полицейский.

Мужчина. Он отведет меня к судьям.

Режиссер. Вы собираетесь отдать себя в руки высшего суда?

Мужчина. Отдаться в руки суда — что может быть прекраснее? Лишь тот, кто осознал свою неправоту, обретает право на справедливость, и лишь тот, кто подчиняется высшему суду, обретает блаженство.

Режиссер. Вы не виновны! Вы же знаете, что вы не виновны!

Звук торопливо удаляющихся шагов.

Писатель. Ну и как?

Режиссер. Он ушел.

Писатель. Вас это удивляет?

Режиссер. Позор. Парень капитулирует. Он полагает, что высший суд — праведный суд.

Писатель. А вы как полагаете?

Режиссер. Я не знаю ничего ужаснее этого суда.

Писатель. Это потому, что вы не верите в его справедливость.

Режиссер. А вы верите?

Писатель. Я писатель. Мое дело рассказывать истории.

Режиссер. Этой историей вы хотели убедить меня в справедливости высшего суда.

Писатель. Это вы ввели в действие высший суд. Я тут ни при чем.

Режиссер. Тем лучше. По крайней мере у нас есть нечто, куда мы можем направлять наши обвинения, вместо того чтобы стоять перед лицом какого-нибудь туманного бога или еще чего-нибудь такого, что вы, писатели, имеете обыкновение выдавать за последний шанс. Последняя инстанция налицо — дворец в стиле рококо, расположенный, помнится, посреди огромного парка, в котором стучат дятлы, а по вечерам кукует кукушка. Прошу вас, отведите меня туда.

Писатель (*растерянно*). Вы хотите...

Режиссер. Я имею обыкновение ловить писателей на слове.

Писатель. Не смею вам мешать.

Режиссер. Мы уже в парке?

Писатель. В парке. Слышите, стучит дятел.

Раздается стук дятла.

А вот и кукушка.

Голос кукушки.

Странно: в это время дня. Все погружено в полумрак. Кедры, акации, ели, между ними черные автомобили судей. Солнце едва пробивается сквозь густые ветви, поблескивают серебристые струи фонтана. А вот и замок в стиле рококо, обветшалый, осевший, с фасадом, украшенным аляповатыми фигурами ангелочков, богов и нимф.

Режиссер. В этот маленький замок только что вошли мужчина и жалкий, хромой полицейский.

Писатель. Высокая, вся в ржавчине дверь парадного подъезда осталась открытой.

Режиссер. Войдем вслед за ними.

Писатель. Каменная лестница, истертая ногами бесчисленных преступников, стены с поблекшими, вычурными фресками, пустые коридоры, в которых нелепо звучат наши шаги. А вот и зал судебных заседаний с аляповатой статуей богини правосудия.

Режиссер. Пусто. Вокруг ни души. Не видно ни судей, ни обвиняемых, только окна с запыленными стеклами время от времени стучат под порывами ветра.

Писатель. Ищи не ищи, но в этих коридорах и залах с гипсовыми фигурками, выцветшими обоями и прогнившими полами не найдешь ни души.

Режиссер (*в ярости*). И этим я должен удовлетвориться?

Писатель. Нам не остается ничего другого.

Комментарии

В четвертый том вошли драматические произведения Ф. Дюрренматта, созданные в первый период творчества (1941—1955), а также открывающая второй период (1955—1966) трагическая комедия «Визит старой дамы».

Ромул Великий

«Ромул Великий» — первая комедия Дюрренматта, но не первый опыт в драматическом жанре. Ей предшествовали драмы «В Писании сказано» (1946) и «Слепой» (1947), действие которых происходило в Германии XVI века, терзаемой религиозными войнами; это, по замыслу автора, должно было побудить зрителей задуматься над причинами и последствиями войн, в том числе и только что закончившейся Второй мировой. Премьера первой пьесы прошла в апреле 1947 г. в цюрихском Шаушпильхаусе и завершилась скандалом, едва не вызвав потасовку между сторонниками Дюрренматта и его противниками, возмущенными слишком вольным обращением автора с историческими фактами; вторая, поставленная в январе 1948 г. в базельском Штадттеатре, и вовсе оставила зрителей равнодушными. Провал «Слепого» вынудил Дюрренматта, попавшего в трудное финансовое положение (он с семьей переехал из Базеля в деревню, к родственникам), попробовать себя в жанре комедии. Так возник «Ромул Великий» — «исторически недостоверная комедия в четырех актах» (1948). В ней драматург снова обращается к истории, ко времени распада Римской империи, но сознательно — это подчеркнуто в подзаголовке — пренебрегает исторической достоверностью. В изобилии вводя в состав действующих лиц имена реально живших людей, он не заботится не только об исторической правде, но даже о правдоподобии. Перед ним стоит иная задача — показать тщетность усилий человека изменить ход

истории. Это осознает последний римский император Ромул — и способствует приближению краха своего царства, вызывая непонимание и возмущение окружающих.

Ромул — фигура подчеркнуто пародийная, фарсовая, как и его «величие». В отличие от дюрренматтовского Ромула Великого, двадцать лет разводившего в императорском дворце кур и безропотно ожидавшего окончательного падения своего государства под напором варваров, исторический Ромул Августул (что значит «Август маленький», «Августик») правил Римом всего один год (475—476) и был в семнадцатилетнем возрасте смещен предводителем варваров Одоакром, получив высокую пожизненную ренту и виллу в Кампанье.

Премьера «Ромула Великого» состоялась в апреле 1949 г. в базельском Штадттеатре. Постановку осуществил режиссер Эрнст Гинсберг, в заглавной роли выступил Курт Хорвиц.

В 1956 г. Дюрренматт создает второй вариант комедии (поставлен в том же году на сцене цюрихского Шаушпильхауса). В дальнейшем он по своему обыкновению продолжал работу над комедией, внося изменения в текст (варианты 1961 и 1980 гг.).

Эта пьеса в разных вариантах обошла подмостки многих театров Европы и принесла Дюрренматту известность, хотя критика отнеслась к ней довольно сдержанно, упрекая автора в нагромождении анахронизмов и склонности к балаганному шутовству. Защищаясь от нападок, Дюрренматт подчеркивал в книжном издании пьесы, что он стремился вывести на сцену живых людей, а не марионеток: «Актер должен обнаружить в каждом из моих персонажей человечность, иначе ему не сыграть свою роль. Это касается всех моих пьес». В 1975 г. он жаловался, что критики не принимают всерьез проблем, которые он затрагивает в своих произведениях, потому что это крайне неудобные, тревожащие совесть проблемы.

10 *Мартовские Иды* — 15 марта по древнеримскому календарю день убийства Юлия Цезаря.

11 *Август* — имеется в виду римский император Август Октавиан (63 до н.э. — 14 н.э.), внучатый племянник Юлия Цезаря. Он сосредоточил в своих руках огромную власть и укрепил Римскую империю, но именно это, по Дюрренматту, не должно нравиться пассивному Ромулу, который дает его имя плохой несушке.

Тиберий (42 до н.э. — 37 н.э.) — пасынок Августа, римский император из рода Юлиев-Клавдиев, правление которого отмечено усилением империи; по этой причине не нравится Ромулу.

Домициан (51—96) — римский император из рода Флавиев, питавший слабость к бюрократическому аппарату и ущемлявший права сената.

Марк Аврелий (121—180) — римский император из рода Антониев, представитель позднего стоицизма, автор философского сочинения «Наедине с собой». Именно в этом качестве он по душе Дюрренматту и его герою.

Одоакр (ок. 431—493) — германский полководец на римской службе. В 476 г. низложил малолетнего Ромула Августула и захватил власть в Италии.

12 *Каракалла* (186—217) — римский император (с 212 г.), отличавшийся жестокостью; убит заговорщиками.

Филипп Араб (?—249) — римский император с 244 г.; пришел к власти, убив императора Гордиана III.

18 *Зенон Исаврийский* — один из многочисленных анахронизмов в пьесе; представители Исаврийской династии правили в Византии с 717 по 802 г., и Ромул не мог о них знать.

46 *Катулл Гай Валерий* (ок. 87 — ок. 54 до н.э.) — римский поэт, мастер любовной лирики. Дюрренматт наделяет своего персонажа собственными политическими и литературными симпатиями и пристрастиями.

67 *Теодорих* (ок. 454—526) — король остготов с 493 г. Именно в этом году он убил Одоакра и подчинил себе Италию. Племянником Одоакра не был. В германском героическом эпосе фигурирует под именем Дитриха Бернского. Примечательно, что в одной из постановок (Росток, режиссер Ганс-Ансельм Пертен) древние германцы были одеты в мундиры гитлеровской армии.

73 *Тео Линген* (наст. имя и фамилия Теодор Шмиц, 1903—1978) — немецко-австрийский актер-комик.

Брак господина Миссисипи

Замысел комедии возник в 1949 г., тогда же Дюрренматт показал первые два акта своему старшему коллеге Максу Фришу. В целом Фриш одобрил концепцию пьесы, но высказался неодобрительно по поводу чрезмерной «заостренности» проблематики. Швейцарские театры единодушно отвергли закон-

ченную в 1950 г. комедию. Один из ближайших друзей Дюрренматта, актер и режиссер Эрнст Гинсберг, был настолько возмущен идейной направленностью пьесы, что пригрозил разрывом отношений. Премьера состоялась только в марте 1952 г. в мюнхенском театре «Каммершпиле» (режиссер Ганс Швайкарт, в роли Анастасии — Мария Никлиш). Постановка имела громкий успех и ознаменовала собой прорыв Дюрренматта на подмостки западногерманских театров. Критики сравнивали швейцарского драматурга с Аристофаном, Свифтом и Нестроем. Однако звучали и критические голоса. «Разве это пьеса? Разве это театр? — писал Готфрид Бенн по поводу постановки «Миссисипи» в берлинском «Шлоспарктеатре». — А может, это и есть театр будущего — вся эта беспорядочная смесь, все это нагромождение приемов кино, радиопьесы, кукольных представлений, сжатия времени, возвращений к прошлому и забеганий в будущее, прямых обращений к публике, автохарактеристик персонажей в воображаемом пространстве, воскресение из мертвых и продолжение дискуссий?»

Персонажи трагикомедии ведут спор на очень важную тему: можно ли спасти мир с помощью религии или идеологии? Можно ли установить на земле божественную справедливость, опираясь на законы ветхозаветного Моисея, или человеческую, земную справедливость с помощью революций? Оказывается, нет. Персонажи, представляющие оба варианта спасения, гибнут. В живых остается только современный Дон Кихот, граф Юбелоэ, ищущий спасения в самоотверженной любви к ближнему.

В 1960 г. на основе пьесы Дюрренматт написал сценарий одноименного кинофильма (снят цюрихской студией «Презенсфильм», режиссер Курт Гофман). В финале киноварианта в живых остается не только Юбелоэ, но и Анастасия: она выходит замуж за ловкого и практичного премьер-министра, бывшего министра юстиции, умело использовавшего для своего возвышения взрывоопасную ситуацию в стране. Миссисипи остается в сумасшедшем доме.

В заметках к книжному изданию комедии Дюрренматт называл себя «сочиняющим комедии протестантом» и предостерегал от сочувственного отношения к своим гибнущим персонажам, которых он, в отличие от трагиков, «убивал без сострадания. Он не сидел, обливаясь слезами, за столом и не рыдал: ах, Анастасия мертва. Он убивал ее с язвительной насмешкой. Он не лишен остроумия, но в его пьесе мало приятного. Правду он говорит, «гримасничая...»

88 *Вайслинген* — персонаж драмы Й.-В. Гёте «Гёц фон Берлихинген с железной рукой» (1773), антагонист смелого и деятельного рыцаря Гёца, неуверенный в своих силах, вечно во всем сомневающийся придворный; был отравлен.

Ангел приходит в Вавилон

Сюжет о строительстве и разрушении Вавилонской башни, то есть о бренности честолюбивых замыслов и ничтожестве человеческого «величия», давно привлекал Дюрренматта. Еще в 1948 г. он задумал комедию на эту тему, но не смог довести работу до конца и написанное первое действие сжег. Комедия «Ангел приходит в Вавилон» была закончена в 1953 г. и в этом же году впервые поставлена мюнхенским театром «Каммершпиле» (режиссер Ганс Швайкарт, художник Каспар Неэр, в роли Акки выступил Эрих Понто, в роли Навуходоносора — Петер Люр). Мотив возведения башни в ней не разрабатывается. Дюрренматт рассматривал эту комедию как первую часть трилогии, которая так и не была написана.

В 1954 г. пьеса вышла отдельным изданием. Вторая редакция пьесы была создана в 1957 г. и поставлена в цюрихском Шаушпильхаусе. В 1980 г. Дюрренматт еще раз переработал пьесу. В настоящем издании она печатается в этом, последнем, варианте.

Как и все «исторические» комедии Дюрренматта, «Ангел приходит в Вавилон» пестрит анахронизмами, несообразностями, нарочитыми параллелями с современностью (высотные дома и прямые проспекты Вавилона, консервные банки, валяющиеся перед дворцом Навуходоносора, и т.д.). Все это вкупе с многочисленными условностями призвано оттенить центральную мысль драматурга: извечное несоответствие между политикой официальных властей, как бы они ни назывались, и реальным ходом истории. Царственному желанию усовершенствовать, исправить этот мир (что на деле всякий раз оборачивается войнами, кровопролитием и обнищанием народа) противопоставляются непритязательная жизнь в единстве с природой, стоицизм и внутренняя свобода.

«Ангел приходит в Вавилон» — самая поэтичная, пронизанная внутренним лиризмом пьеса Дюрренматта. Постановщики же, включая Швайкарта, подчеркивали в ней сатирические моменты и видели в Дюрренматте последователя Ведекинда и Штернгейма. «Исправить недоразумение было уже нельзя, — писал позже драматург в своих автобиографических заметках. — Наибольшего

воздействия я ожидал от третьего действия. Оно провалилось, а вместе с ним и пьеса. Публика приняла пьесу холодно — худшее, что могло случиться, но еще хуже было то, что я утратил способность наивного восприятия театра, утратил, вероятно, навсегда». Неуспех вверг Дюрренматта в состояние «спасительного кризиса», он поклялся никогда больше не писать для сцены, но тут же, работая над эссе «Проблемы театра», принялся заново осмысливать закономерности и новые возможности театрального искусства.

152 *Навуходоносор* — царь Вавилонии с 605 по 562 г. до н.э., силой оружия расширявший пределы своего царства. При нем сооружены Вавилонская башня и знаменитые висячие сады, считавшиеся одним из семи чудес света.

153 *Нимрод* — древний властитель, по преданию, основатель городов Вавилон и Ниневия. Вынуждая одного быть подставкой для ног другого, Дюрренматт подчеркивает относительность и преходящесть земной славы.

175 *Гильгамеш* — полулегендарный правитель г. Урука в Шумере (28 в. до н.э.), герой шумерского и аккадского эпосов, впоследствии обожествленный. Несмотря на исполинскую силу и многочисленные подвиги, Гильгамешу так и не удалось достичь бессмертия. Дюрренматт не случайно упоминает об этом герое: его судьба подчеркивает мысль драматурга о тщете человеческих усилий добиться вечного величия, стать бессмертным.

193 *Аккад и Киш* — древние месопотамские города, процветавшие задолго до правления Навуходоносора; еще один пример анахронизма в пьесах Дюрренматта.

Визит старой дамы

Трагическая комедия «Визит старой дамы» открывает второй период творчества Дюрренматта, отмеченный выдающимися творческими достижениями. Этот небывалый взлет во многом был подготовлен критическим осмыслением прежних неудач в теоретическом эссе «Проблемы театра». В нем Дюрренматт пришел к выводу, что наиболее подходящей драматической формой для выражения конфликтов современности является трагикомедия. Он подчеркивал, что гротескные преувеличения, комические ситуации, балаганные шутки, неожиданные парадоксы и

прочие приемы, свойственные трагикомедии, служат осознанию не только истинной природы мира и человека, но и обнажают механизм несправедливого общественного устройства. «Гротеск — одна из великих возможностей быть точным. Нельзя отрицать, что гротескное искусство отражает жестокость объективной действительности, но оно — искусство не нигилистов, а скорее моралистов, оно не любуется распадом, а сыплет соль на раны. Оно неудобно, но необходимо...»

Новый взгляд на природу и сущность сценического искусства нашел воплощение в трагикомедии «Визит старой дамы» — несомненно, лучшей пьесе швейцарского драматурга. Сказался и первый опыт режиссерской работы: в 1954 г. Дюрренматт поставил в городском театре Берна своего «Миссисипи».

В основу пьесы был положен сюжетный ход, уже использованный в повести «Лунное затмение», над которой в то время работал, но так и не довел до завершения Дюрренматт. Там в швейцарскую деревушку возвращается спустя почти полвека ее уроженец, канадский мультимиллионер, чтобы отомстить одному из земляков за то, что тот когда-то увел у него любимую девушку. Подкупленная богачом деревня, переживающая не лучшие времена, втихомолку расправляется с намеченной жертвой. В пьесе «блудный сын» захудалой швейцарской деревушки превращается в «блудную дочь» такого же захудалого европейского городка, но механизм мести за некогда поруганную любовь остается прежним — подкуп и убийство. Каким бы выразительным ни был в пьесе образ Клары Цаханассьян, но она не главное действующее лицо, а всего лишь катализатор конфликта между общиной и личностью, между жадными до материальных благ гюлленцами и согрешившим в молодости Иллом.

Пьеса написана в 1955 г., премьера состоялась в цюрихском Шаушпильхаусе в январе 1956 г. (режиссер Оскар Вельтерлин, художник Тео Отто, композитор Рольф Лангнезе, в роли Клары Цаханассьян — Тереза Гизе, в роли Илла — Густав Кнут). Затем последовали постановки в других театральных столицах Европы и Америки. Успех «трагической комедии» избавил, наконец, Дюрренматта от материальных затруднений. На него посыпались премии, медали, почести, почетные звания. Событием стала постановка пьесы Питером Бруком в нью-йоркском театре «Лант-Фонтанн» (художник Тео Отто, в роли Цаханассьян — Линн Фонтанн, в роли Илла — Альфред Лант).

В Советском Союзе пьеса была впервые поставлена в 1962 г. режиссером З. Бритаевой в Северо-Осетинском драматичес-

ком театре. Значительным явлением театральной жизни стала постановка этой пьесы Московским драматическим театром в 1966 г. (режиссер А. Гончаров, художники Е. Коваленко и В. Кривошеина, в роли Клары — Л. Сухаревская, в роли Илла — Б. Тенин).

В 1964 г. трагикомедия была экранизирована киностудией «XX век Фокс» (режиссер Бернгард Викки, в главных ролях Ингрид Бергман и Энтони Куин).

На русском языке пьеса была впервые опубликована журналом «Иностранная литература» (1958, № 3) в переводе Вл. Саппака и З. Борисовой.

Литературные и театральные критики высоко оценили мастерство швейцарского драматурга, сумевшего удачно соединить в одной пьесе три сюжетные линии — любовную (Клара все еще не может забыть свою первую любовь), криминалистическую (лжесвидетельство и подкуп судьи) и социально-критическую. Естественно, в советских откликах на пьесу выделялся именно этот последний мотив, одобренный осуждением «буржуазного» стяжательства, хотя сам Дюрренматт в «Примечаниях автора» настоятельно призывал не изображать гюлленцев злодеями: «Они такие же люди, как мы все». В наиболее глубоких толкованиях отмечалось, что «драматург пытается понять самую способность людей принимать преступление за норму, раскрыть социальную психологию, объясняющую инертность или прямое содействие злу. Дюрренматт заставил «удивиться» тому, какими «естественными» мотивами может иногда руководствоваться убийца, какой «естественной» может выглядеть демагогия, на какие превращения способно сознание человека. Однако вслед за удивлением читатель пьесы должен совершить и следующий шаг. Парабола Дюрренматта... доказывает еще и гибельность для людей их эгоистически равнодушного отношения к справедливости. Ведь в один прекрасный день, говорит учитель в пьесе, в город может явиться еще какая-нибудь «старая дама» и тогда наверняка расплачиваться придется уже не только Иллу...» (Н.С. Павлова. Фридрих Дюрренматт. М., 1967, с. 40).

242 *Клото* — в греческой мифологии одна из трех парок, прядущих нити жизни.

243 *Лаида* — гетера, имя которой часто упоминается в анекдотах и эпиграмах. Родом из Коринфа, она жила во время Пелопоннесской войны и была красивейшей из своих современниц, но отличалась корыстолюбием и разборчивостью. Среди ее почитателей были философы Диоген и Аристипп.

259 *Гангхофер Людвиг* (1855—1920) — немецкий писатель, автор мелодраматических повестей из жизни альпийских горцев.

267 *Онасис Аристотель* (1906—1975) — греческий магнат.

291 *Штифтер Адальберт* (1805—1868) — австрийский писатель; скорее всего, имеются в виду пейзажные зарисовки в романе «Бабье лето» (1857).

310 *Нестрой Иоганн Непомук* (1801—1862) — австрийский актер и комедиограф, один из предшественников Дюрренматта в жанре комедии.

Уайлдер Торнтон (1897—1975) — американский прозаик и драматург, автор философско-аллегорических пьес и бытовых комедий.

Ночной разговор с палачом

Этой радиопьесой (написана и поставлена в 1952 г., опубликована с подзаголовком «В назидание современникам» в 1957 г.) открывается в данном томе ряд произведений Дюрренматта, написанных в радиофоническом жанре. Все радиопьесы Дюрренматта написаны с 1946 по 1956 год, позже драматург к радиоискусству больше не обращался, предпочитая работу для сцены и со сценой — в роли режиссера. Сразу после войны, когда телевидение в Европе только зарождалось, а книги были многим не по карману, радиодраматургия в странах немецкого языка переживала пору небывалого подъема. Радиостанции охотно «озвучивали» художественные произведения, привлекали к сотрудничеству известных режиссеров и писателей, заказывали им радиопьесы и платили такие гонорары, которые не шли ни в какое сравнение с вознаграждением за публикацию книг. Радиопьесы помогли Дюрренматту в нелегкое для него время удержаться на плаву, выжить. Тем не менее он питал к этому жанру неподдельный интерес и занимался им со страстью, пытаясь раскрыть заложенные в нем изобразительные возможности.

К тому времени, когда Дюрренматт взялся за писание радиопьес, уже шел ожесточенный спор между сторонниками так называемой акустической радиопьесы, отдававшей предпочтение шумовым, техническим эффектам, и радиопьесы поэтической, в которой делалась ставка на создание «внутренней сцены», на «диалог с невидимым собеседником». Дюрренматт не примкнул ни к одному из направлений, а стал искать собственные

пути в развитии радиодрамы. Не заинтересовали его и общие правила радиоискусства, выработанные к тому времени и сводившиеся к ряду «заповедей», имевших целью не усложнять жизнь слушателя, лишенного подпорок видеоряда. Так, было принято пользоваться как можно более простым языком, избегать длиннот и сложных предложений, ограничивать протяженность каждой сцены тремя минутами, а если сцена почему-либо затягивалась, то рекомендовалось вводить в нее дополнительные стимуляторы внимания, для перехода от одной сцены к другой применялись «звуковые кулисы» и т.п.

Дюрренматт руководствуется не «заповедями», а художественной целесообразностью. В «Ночном разговоре с палачом» диалог между ни в чем не повинным человеком, осужденным некой анонимной властью на позорную смерть, и палачом, призванным привести приговор в исполнение, представляет собой одну-единственную сцену, которая длится, нарушая все каноны жанра, значительно дольше установленного времени. Кроме того, в ней много философских отступлений, отнюдь не простых для восприятия. Любителем порассуждать на абстрактные темы оказывается не только осужденный на смерть писатель, но и палач. А философствующий палач, «презренный человек» — это уже из разряда дюрренматтовских парадоксов, разрушающих стратегию «чистого слова». «Чистого слова нет ни в театре, ни на радио, ни на телевидении, ибо в драме нельзя абстрагироваться от человека, — писал Дюрренматт. — Везде в центре человек, человек говорящий, которого заставляют говорить с помощью игры. Если в кино и на телевидении смотрят в замочную скважину, а в театре — в подобие райка, то в радиопьесе прислушиваются к тому, что говорят за закрытой дверью без замочной скважины. Что тут лучше, а что хуже — вопрос второстепенный. Это спор о методах, в котором все правы. В радиопьесе мир сужается до уровня слушания, в этом сила и слабость жанра. Преимущество театра — и, конечно, по сравнению с радиопьесой, кино- или телефильма — в том, что в них язык выступает не средством, а высшим достижением. В театре мера драматизации материала значительно выше, чем в радиопьесе. В радиопьесе весь мир сжимается до звукового, в кино — до зрительного образа. В обоих случаях достигается высокая степень интимной доверительности.

Мера камерности, интимной доверительности «Ночного разговора» оказалась такова, что радиопьеса сначала была поставлена на сцене мюнхенского Камерного театра («Каммершпиле»), и только потом передана по Баварскому радио.

Процесс из-за тени осла

Доверительная интимность, однако, не всегда устраивала Дюрренматта. Он пытался ее преодолеть, подняться к широким обобщениям — социальным и философским. С этой целью он и в радиопьесах использовал приемы, уже испробованные им в театральной драматургии, — гротеск, шарж, парадокс, пародию, буффонаду. А нередко — как средство остранения — и заимствования из других источников. Радиопьеса «Процесс из-за тени осла» (написана и поставлена в 1951 г., опубликована в 1956 г.) имеет подзаголовок «По Виланду, но не очень». Действительно, ее сюжет взят из четвертой части сатирического романа «Абдериты» (1774), принадлежащего перу немецкого писателя XVIII столетия Кристофа Мартина Виланда.

Абдера в Греции считалась таким же городом дураков, как и Шильда в Германии. Виланд, прикрываясь декорациями античной Греции, высмеивал современное ему немецкое мещанство. Дюрренматт, следуя образцу, высмеивает Швейцарию, но идет дальше — в сатирическом свете выставляет весь мир середины XX века, помешанный на религиозный распрях, идеологическом противостоянии и классовой борьбе. Он использует лишь один эпизод романа, рассказывающий, как из-за пустяка, из-за тени осла, поссорились зубной врач Струтион и погонщик ослов Антракс и что из этого вышло. Дюрренматт сохраняет канву виландовского сюжета, но до такой степени насыщает действие комическими ситуациями, нарочитыми анахронизмами и прозрачными намеками на современность, что порой достигает свифтовской силы в осмеянии мира, зациклившегося на конфликте, который сам по себе не стоит выеденного яйца. Живописуя непримиримую вражду между партией осла и партией тени, Дюрренматт метит не только в религиозные распри католиков и протестантов, что узнается по некоторым характерным деталям, но и в «холодную войну», толкавшую мир к тотальному уничтожению. Когда массовая демагогия затмевает разум, воинственная риторика вытесняет нормальный человеческий язык, а верность принципам и идеалам подминает под себя все остальное, тогда обязательно находится выгодное дело для торговцев оружием, поджигателей и убийц вроде не знающего угрызений совести капитала Тифида, во все горло распевающего лихую песенку на слова Бертольта Брехта.

У Виланда в финале гибнет только осел, для остальных участников драмы все заканчивается благополучно; у Дюррен-

матта летит в тартарары вся Абдера, олицетворяющая неразумность современного мира.

334 *Пелопоннесская война* (431—404 до н.э.) — крупнейшая в истории Древней Греции война между Афинами и Спартой, закончившаяся поражением Афин.

339 *Алкивиад* (ок. 450—404 до н.э.) — афинский стратег в период Пелопоннесской войны.

349 *Этна и Стромболи* — действующие вулканы на территории Италии. Здесь: ругательство.

Экспедиция «Вега»

Радиопьеса написана и поставлена в 1954 г., опубликована в 1958 г. Это саркастическая антиутопия, бичующая милитаризм и предостерегающая от опустошительных последствий военно-идеологической конфронтации.

381 *Элиот Томас Стернз* (1888—1965) — англо-американский поэт и литературный критик. В основе многих его произведений — идея предопределенности судьбы и подчинения индивидуального начала безликой «высшей воле». Упоминание имени поэта в ироническом контексте не только говорит об отношении Дюрренматта к Элиоту, но и характеризует руководителя космической экспедиции на Венеру Горация Вуда. Вуд — пример ложного трагизма, лишенный нравственного стержня карьерист, сентиментальными излияниями прикрывающий внутреннюю пустоту.

Страницкий и Национальный герой

Радиопьеса написана и поставлена в 1952 г., опубликована в 1953 г.

Жанр радиопьесы предполагает наличие роли «эпического рассказчика», который уведомляет слушателей о смене времени и места действия, дает краткие характеристики персонажам, проводит параллели с современностью, произносит вслух ремарки, помогает незаметному переходу повествования в звуковое изображение. В одном случае эту функцию берет на себя режиссер, в другом действующие лица представляются сами («Процесс из-за тени осла»), но чаще всего слушателей держит в курсе дела специально вводимый в действие комментатор. В «Страницком»

в роли такого координатора действия выступает диктор. Он, правда, не знает многих деталей дела и вечно путает фамилию главного героя (один раз даже со Станиславским), но общую канву происходящего воссоздает верно. Это говорит о том, что у Дюрренматта не было устоявшихся, раз и навсегда найденных радиофонических приемов, он всякий раз исходил из конкретного материала, искал художественное решение заново и всегда находил неожиданный и верный драматургический ход.

412 *Гейбл Кларк* (1901—1961) — американский киноактер, тип привлекательного сорвиголовы (фильмы «Это случилось ночью», 1934, «Унесенные ветром», 1939 и др.).

Вечер поздней осенью

Радиопьеса написана и поставлена в 1956 г., опубликована в 1957 г. Отмечена Премией Италии (Prix d'Italia, 1958).

Эта радиопьеса производит на читателя (и слушателя) довольно необычное впечатление: его симпатия в смертельном конфликте между писателем Корбесом и детективом-любителем Гофером почему-то на стороне похваляющегося своими жуткими преступлениями нобелевского лауреата, а не на стороне вымогателя и крохобора Гофера, экс-бухгалтера с говорящим именем Фюрхтеготт, что значит «богобоязненный». Происходит так, вероятно, потому, что перед нами пародия, сатирическая имитация, гротескное трагикомическое действо, целиком построенное на приеме шаржирования. Дюрренматт пародирует все подряд: детективные романы с непременным убийством и обязательными разоблачениями, исповедальную литературу, опирающуюся на «достоверность» личных переживаний, так называемую биографическую критику, усердно отыскивающую в каждом произведении скрытые следы жизни его создателя. Не щадит он и самого себя — в образе Корбеса немало автобиографических примет, как истинных, так и мнимых, приписываемых критикой скандальному автору.

445 *Хичкок Альфред* (1899—1980) — англо-американский кинорежиссер, автор фильмов ужасов.

Двойник

По времени написания (1946) — это первая радиопьеса Дюрренматта. Она была отвергнута на радио Берна и только пятнад-

цать лет спустя поставлена радиовещанием Северной Германии. Впервые опубликована в 1960 г. Таким образом, она была последней в ряду радиопьес Дюрренматта, с которой познакомился читатель и слушатель.

В «Двойнике» явственно слышны отзвуки увлечения студента Дюрренматта философией Платона и Кьёркегора, а также творчеством Кафки. Но главное в ней — это все же попытка осмысления парадоксов протестантизма, мимо которых не мог пройти пасторский сын Дюрренматт. Бунтовать против засилья религии он, к великому неудовольствию родителей, начал еще в детстве. С годами неприязнь усиливалась. В «Двойнике» Дюрренматт в иносказательной форме полемизирует с центральными идеями протестантизма — о первородном грехе, о высшей справедливости, о предопределении. А заодно и с «заповедями» радиопьесы: режиссер требует от писателя логически ясной «ладной и складной» истории, тот вроде бы идет на уступки, но подсовывает историю в высшей степени запутанную и парадоксальную, с финалом, заставляющим усомниться в существовании «высшего суда» вне самого человека.

В. Седельник

Содержание

*Ромул Великий. *Перевод Н. Карп*.. 5

Брак господина Миссисипи. *Перевод В. Седельника* . . . 75

Ангел приходит в Вавилон. *Перевод В. Седельника* . . . 147

*Визит старой дамы. *Перевод Н. Оттен и Б. Черной*. . . 225

Ночной разговор с палачом. *Перевод В. Седельника* . . 313

*Процесс из-за тени осла. *Перевод Н. Надеждиной*. . . . 329

Экспедиция «Вега». *Перевод В. Седельника*. 369

*Страницкий и Национальный герой.
Перевод Н. Павловой 403

*Вечер поздней осенью. *Перевод М. Кораллова*. 435

Двойник. *Перевод В. Седельника* 457

В. Седельник. Комментарии 481

Дюрренматт Фр.

Д97 Собрание сочинений. В 5 т. Т. 4.: Пьесы и радиопьесы: Пер. с нем. /Сост. Е. А. Кацева; Коммент. В. Д. Седельника; Художники М. Е. Квитка, О. Л. Квитка. — Харьков: Фолио; Москва: АО «Изд. группа "Прогресс"», 1998. — 496 с. — (Вершины).

ISBN 966-03-0107-3 (т. 4).
ISBN 5-01-004569-9 (т. 4).

В четвертый том собрания сочинений вошли драматические произведения Ф. Дюрренматта «Ромул Великий», «Брак господина Миссисипи», «Ангел приходит в Вавилон», «Визит старой дамы», «Ночной разговор с палачом», «Процесс из-за тени осла», «Экспедиция "Вега"», «Страницкий и Национальный герой», «Вечер поздней осенью», «Двойник».

Д $\frac{4703010100—027}{98}$ Без объявл. ББК 84.4Ш

Литературно-художественное издание

ДЮРРЕНМАТТ Фридрих

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

В пяти томах

Том 4

ПЬЕСЫ И РАДИОПЬЕСЫ

Ответственный за выпуск *Р. Е. Панченко*
Художественный редактор *Б. Ф. Бублик*
Технические редакторы *А. М. Витенберг, Л. Т. Ена*
Корректоры *Г. А. Пришвина, Л. А. Иванова*

Подписано в печать 14.02.98.
Формат 84x108 1/32. Бумага офсетная.
Гарнитура Литературная. Печать высокая с ФПФ.
Усл. печ. л. 26,04. Усл. кр.-отт. 26,46. Уч.-изд. л. 28,4.
Тираж 10 000 экз. Заказ № 8-48.

«Фолио»,
310002, Харьков, ул. Артема, 8

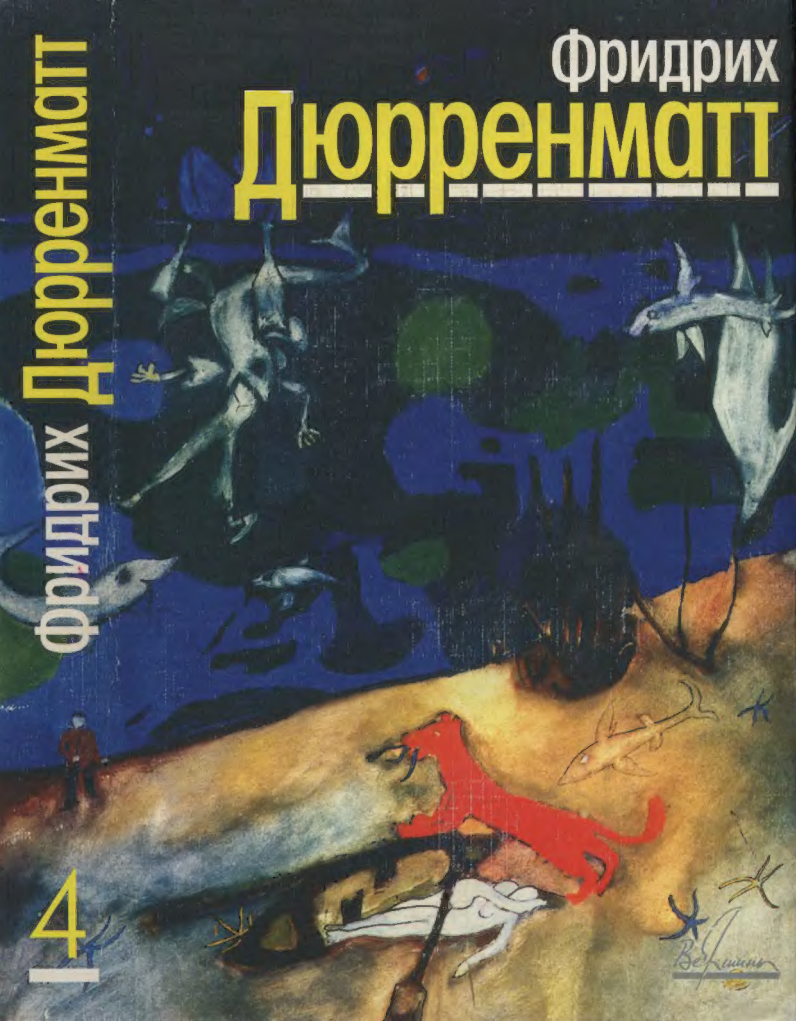
АО Издательская группа «Прогресс»,
119847, Москва, Зубовский бульвар, 17

Отпечатано с готовых позитивов
на книжной фабрике им. М. В. Фрунзе,
310057, Харьков, ул. Донец-Захаржевского, 6/8

DIE GLAESE
RNEN

Фридрих Дюрренматт

Фридрих Дюрренматт



4